След в Истории

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ

SHOUT
SHARE
IT

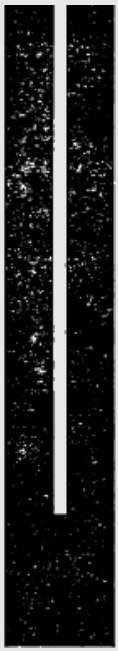
Annotation

Перед Вами первый в послесоветское время опыт воссоздания портрета Леонида Ильича Брежнева посредством мемуаристики. Жанр этой книги определить трудно. В ней предпринята попытка, во-первых, собрать воедино исходный материал: воспоминания, размышления, свидетельства, суждения о Брежневе активных участников политических событий 50-80-х годов, входивших в ближнее и дальнее его окружение; во-вторых, подать этот материал так, чтобы сам читатель без помощи современных комментаторов-интерпретаторов от истории мог нарисовать свой собственный портрет Л. И. Брежнева — человека, политика, исторического деятеля.

- Леонид БРЕЖНЕВ
  - Слово от составителя
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Указатель источников
  - Основные даты
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  -

Леонид БРЕЖНЕВ

в воспоминаниях, размышлениях, суждениях



Вожди глазами современников

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ

в воспоминаниях, размышлениях, суждениях

Ростов-на-Дону
«Феникс»
1998

Слово от составителя

Уважаемый читатель!

В Ваших руках книга для тех, кто может, хочет и умеет думать.

Прошлое всегда было предметом спекуляций для политиков, историков, писателей. Все они и во все времена (в большей или меньшей степени) в своих речах, трудах, монографиях, романах грешат исторической неправдой. Политики передергивают, историки подтасовывают, писатели подправляют факты прошлых дней, нанизывая их на штыки сегодняшних идей.

К правде истории ведут несколько дорог, одна из них — изучение и анализ свидетельств, доставшихся нам от непосредственных участников и очевидцев исторических событий, разбросанных в обширной мемуарной литературе.

Мемуары — это мостик из прошлого в настоящее. Они позволяют человеку думающему окунуться в события прошлого, найти тайные и скрытые пружины этих событий, наконец, самостоятельно постичь, понять и оценить ту или иную историческую личность.

Перед Вами первый в послесоветское время опыт воссоздания портрета Леонида Ильича Брежнева посредством мемуаристики. Жанр этой книги определить трудно. В ней предпринята попытка, во-первых, собрать воедино исходный материал: воспоминания, размышления, свидетельства, суждения о Брежневе к активных участников политических событий 50-80-х годов, входивших в ближнее и дальнее его окружение; во-вторых, подать этот материал так, чтобы сам читатель без помощи современных комментаторов-интерпретаторов от истории мог нарисовать свой собственный портрет Л. И. Брежнева — человека, политика, исторического деятеля.

Надеюсь, что книга будет полезна всем тем, кто с уважением относится к истории и при ее изучении опирается на факт, а не на сплетню и вымысел.

В заключение несколько слов, которые помогут пользоваться книгой. В ссылке после имени автора в квадратных скобках дана цифра, соответствующая порядковому номеру названия публикации в указателе источников.

В. Шелудько

Глава 1

БРЕЖНЕВ О БРЕЖНЕВЕ

Истоки. Карьера. Работа

Что можно еще сказать о своем происхождении? Родословных рабочие семьи, как известно, не вели. Знаю, что отец, Илья Яковлевич Брежнев, поступил на завод в 1900 году. Он пришел сюда из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда. Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятий «беречь», «оберегать», что вполне согласуется с крестьянским бережным отношением к земле-кормилице.

Между прочим, впоследствии жил с нами в одной квартире дядя Аркадий, по фамилии Брежнев, но отцу он братом не приходился, а был земляком. Приехал, как все, на заработки, отец пустил его к себе, он вышел в металлурги и уже после этого, женившись на младшей сестре моей матери, стал нам родней, а мне дядей. По-видимому, как это повелось в русских селениях, однофамильцев в нашей деревне было немало.

Таким образом, по национальности я русский, по происхождению — коренной пролетарий, потомственный металлург. Вот и все, что известно о моей родословной…

Отец был помощником вальцовщика, а сварщиком на нагревательных печах стоял старый рабочий Денис Мазалов. Я его хорошо помню: кряжистый, немногословный, настоящий русский мастеровой. Родом он был из Енакиева, работал прежде в Никополе, на наш завод перебрался уже с большой семьей, и обед ему часто приносила взрослая дочь Наталия. Вот здесь-то, у нагревательных печей, у стана «280», молодые люди и познакомились. Отцу было тогда двадцать восемь лет, матери — двадцать.

Л. Брежнев, с. 6.

* * *

Отец был человек сдержанный, строгий, нас он не баловал, но, сколько я помню, и не наказывал никогда. По-видимому, в

том не было нужды: росли мы в духе уважения к родителям. Ростом отец был высок, худощав и, как большинство прокатчиков, физически очень силен. Черты лица имел тонкие, у него были хорошие, внимательные глаза. Он всегда следил за собой, дома был чисто выбрит, подтянут, любил аккуратность во всем. И эти его привычки, видимо, передались и нам. Ему в высшей степени было свойственно чувство собственного достоинства, он не лукавил, был прямодушен, тверд, и его уважали товарищи. Видеть это нам, его детям, было приятно.

— Если уж ты обещал, то держи слово, — говорил мне отец. — Сомневаешься — говори правду, боишься — не делай, а сделал — не трусь. Если уверен в правоте — стой на своем до конца…

После революции, когда завод перешел на восьмичасовой рабочий день и надо было укомплектовать третью смену, отца назначили фабрикатором. Долгие годы он проработал вальцовщиком, считался мастером своего дела, однако новые обязанности требовали не только опыта, но и солидных знаний. Фабрикатор дает заявки в мартеновский цех, определяет, из каких болванок можно получить заказанные профили, какие выбрать марки стали, как вести термическую обработку, чтобы уменьшить потери тепла, и т. д. По существу, тут требовался уже инженерный расчет, а отец дошел до всего многолетней практикой и природным умом…

Отец вышел в ударники, стал в 30-е годы стахановцем, был окружен уважением, детей поставил на ноги, мы все уже работали, помогали семье, тут бы ему только и пожить. Но он вдруг заболел и умер, когда ему не исполнилось шестидесяти лет.

Л. Брежнев, с. 13–14.

* * *

Мать моя, Наталья Денисовна, намного пережила отца. И если от него я воспринял, как говорили у нас, упорство, терпение, привычку, взявшись за дело, непременно доводить его до конца, то от нее мне достались в наследство общительность, интерес к людям, умение встречать трудности улыбкой, шуткой. Всю жизнь она работала, растила нас, кормила, обстирывала, выхаживала в дни болезней, и, помня об этом, я навсегда привык уважать тяжелый, невидимый, конца не знающий и благородный женский, материнский труд…

Я уже работал в Москве, а мать все никак не соглашалась переехать ко мне, жила в том же доме на улице Пелина, все в той же тесной квартирке — с сестрой и ее мужем, дельным

инженером, выросшим до начальника цеха на нашем заводе. Позже я узнал — не от родных, они мне об этом не писали — такую историю. Местные власти сочли неудобным, что мать секретаря ЦК КПСС живет в такой квартире, и предложили более просторную, более светлую, со всеми удобствами. К тому времени, надо заметить, в Днепродзержинске широко развернулось жилищное строительство. Однако мать, как ни я уговаривали ее, отказалась от переезда, продолжала жить в прежнем доме. Ходила в магазин с кошелкой, сердилась, если пытались уступить ей очередь, вела по-прежнему все домашнее хозяйство, очень любила угостить людей. До сих пор вспоминаю я ее домашней выделки лапшу: никогда такой вкусной не ел. А вечерами в своей старушечьей кофте, в темном платочке она выходила на улицу, садилась на скамейке у ворот и все говорила о чем-то с соседками.

Находились, как водится, люди, которые знакомство с матерью Брежнева хотели использовать в своих целях, совали ей для передачи «по инстанциям» всякого рода жалобы и заявления. И, должен сказать, я поражался ее уму и такту, высочайшей скромности, с какой держалась она. Мне опять-таки ни разу мать ничего не говорила, а узнавал я стороной, от других. Она считала, что не вправе вмешиваться в мои дела. Знала, как я уважаю ее и люблю, но если помогу кому-то по ее просьбе, скажем, с жильем, то это ведь за счет других, кто не догадался или не смог обратиться к ней. А те, может быть, больше нуждаются в поддержке. Так примерно думала мать, а говорила просто:

— Вот мои две руки. — И поднимала жилистые, изработавшиеся, старые руки. — Чем могу, я всем тебе помогу. Но сыну показывать, я не могу. Так что извини, если можешь.

В 1966 году мать переехала ко мне в Москву. Она дождалась правнуков, жила спокойно, в ладу со своей совестью, была окружена любовью всех, кто ее знал, гордилась доверием, которое народ и партия оказали ее первенцу, и для меня великим счастьем было после всех трудов сидеть рядом с мамой, слушать ее родной голос, смотреть в ее добрые, лучистые глаза.

Я еще не сказал: не только отец мой знал грамоту, но и мать умела писать и любила читать, что в пору ее молодости в рабочей слободке было редкостью. Лишь повзрослев, я понял, чего стоила родителям их решимость дать нам, детям, настоящее образование. А они хотели этого и добились: девяти лет от роду я был принят в приготовительный класс Каменкой мужской классической гимназии. Вспоминаю, мать все не верила, что приняли, да и вся улица удивлялась.

Л. Брежнев, с. 15–77.

* * *

Для нас был устроен особый конкурс, брали самых способных, примерно одного из пятнадцати, и всего-то сыновей рабочих приняли в тот год семерых… Нас именовали «казенными стипендиатами». Это не значит, что мы получали стипендию, а значит лишь то, что при условии отличных успехов нас освобождали от платы за обучение. Плата же была непомерно велика — 64 рубля золотом. Столько не зарабатывал даже самый квалифицированный рабочий, и, конечно, отец таких денег при всем желании платить бы не мог.

Учился я, как, впрочем, и все мои друзья, хорошо. Во-первых, нравилось узнавать новое, во-вторых, отец строго следил за моими занятиями, а в-третьих, учиться плохо было попросту невозможно — для нас это было бы равносильно исключению из гимназии.

Л. Брежнев, с. 17.

* * *

В 1923 году я поступил в Курский землеустроительный техникум. Сдавал конкурсные экзамены и прошел неплохо — дали мне повышенную государственную стипендию. Техникум был старинный, с хорошей учебной базой, давними прогрессивными традициями. (В нем, между прочим, учился и В. Д. Бонч-Бруевич.) За четырехлетний период обучения мы получали основательные знания по математике, физике, химии. На институтском уровне изучались специальные предметы — геодезия, общая геология, почвоведение, география, сельскохозяйственная статистика.

Л. Брежнев, с. 23.

* * *

В 1927 году я окончил учебу, стал землеустроителем и приступил к работе — в одном из уездов Курской области. Следующий полевой сезон провел в Белоруссии, под Оршей, потом получил новое назначение и выехал — уже не один, с женой — на Урал, вначале в Михайловский, а затем в Бисертский

район. С моей будущей женой мы познакомились на одном из комсомольских вечеров. Она выросла в такой же рабочей семье, как и моя, приехала в Курск из Белгорода тоже учиться. С той поры Виктория Петровна всегда была для меня и остается не только женой и матерью моих детей, но и настоящим дорогим и отзывчивым другом.

Л. Брежнев, с. 25–26.

* * *

Я своих сил не жалел и как доверие людей принял избрание меня депутатом Бисертского районного Совета депутатов трудящихся. Вслед за этим был назначен заведовать райземотделом, потом меня выбрали заместителем председателя райисполкома. А в начале 1931 года последовало новое назначение в Свердловск — заместителем начальника Уральского окружного земельного управления. Мы с женой перебрались в Свердловск, но через некоторое время я решил вернуться на родной завод — работать слесарем и учиться одновременно в институте.

Л. Брежнев, с. 28.

* * *

В 1931 году на родном заводе меня приняли в партию. Как сейчас помню, это было 24 октября… В институте тоже кипела интересная жизнь. К знаниям мы все тогда тянулись с жадностью. Я же вдобавок был избран груп-парторгом факультета, затем председателем профкома и, наконец, секретарем парткома всего института. Это было большое доверие товарищей. Конечно, доверие радовало, да и по натуре я был из тех, кто любит находиться среди людей, полностью отдавать себя делу…

Очень ответственной я посчитал предложенную мне в 1933 году работу: будучи студентом третьего курса, я был назначен руководителем рабфака, а затем и директором Днепродзержинского металлургического техникума… Приведу еще один документ — выписку из протокола заседания Государственной квалификационной комиссии от 28 января 1935 года:

«Слушали: защиту дипломного проекта студента V курса теплосилового отделения Брежнева Л. И. на тему «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода

имени Ф. Э. Дзержинского». Оценка работы кафедрой: теоретическая часть — отлично, проект — отлично.

Вдумчивый подход к решению задач газоочистки и расчеты в записке говорят о прекрасной инженерной подготовке автора проекта.

На все вопросы тов. Брежнев дал исчерпывающие ответы.

Постановили: дипломная работа выполнена отлично. Присвоить тов. Брежневу Л. И. звание инженера-теплосиловика».

Л. Брежнев, с. 29–31.

* * *

Вскоре после возвращения из армии меня избрали заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Председателем был тогда Афанасий Ильич Трофимов, старый член партии, моряк-балтиец, участник Октябрьской революции, рабочий нашей Дзержинки. Образование он имел небольшое, очень обрадовался моей инженерной подготовке и сразу предложил ведать в исполкоме вопросами строительства и городского хозяйства…

В Наркомтяжпроме мне удалось получить ассигнования, и мы проложили трамвайную линию от Баглея до площади Ленина — настоящее торжество было, когда красные вагоны побежали через весь город. Помню, как возвели (за шестьдесят два дня) красивое здание, в котором и сегодня помещается Дворец пионеров… В городском Совете Днепродзержинска я был более года, потом меня выдвинули на партийную работу. Вначале заведовал отделом, а в феврале 1939 года был избран секретарем по пропаганде Днепропетровского областного комитета КП(б)У.

Л. Брежнев, с. 35–36.

* * *

В 1940 году Днепропетровский обком получил ответственное задание ЦК ВКП(б) — перевести часть предприятий области на выпуск военной техники. Из Москвы пришла шифровка, предлагавшая нам учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. Заседание бюро проводил Задионченко. Он сказал, что учитывая особую важность этой работы и значение, которое ей придает Политбюро Центрального Комитета, надо на этот пост выдвинуть не только технически подготовленного, знающего металлургию специалиста, но и

дельного организатора, умеющего работать с людьми. Вот так примерно он говорил и предложил мою кандидатуру. Проголосовали единогласно.

Л. Брежнев, с. 38–39.

* * *

Выходных мы не знали, в семье я бывал урывками, помню, что и в ночь на 22 июня 1941 года допоздна засиделся в обкоме, а потом еще выехал на военный аэродром, который мы строили под Днепропетровском. Этот стратегически важный объект был на контроле в ЦК, работы шли днем и ночью, только под утро я смог вернуться со строительной площадки.

Подъехав к дому, увидел, что у подъезда стоит машина К. С. Грушевого, который замещал в то время первого секретаря обкома. Я сразу понял: что-то случилось. Горел свет в его окнах, и это было дико в свете занимавшейся зари. Он выглянул, сделал мне знак подняться, и я, еще идя по лестнице, почувствовал что-то неладное и все-таки вздрогнул, услышав: «Война!» Вот в эту минуту, как коммунист, я твердо и бесповоротно решил, где мне надлежит быть. Обратился в ЦК с просьбой направить меня на фронт — и в тот же день моя просьба была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта…

С 18-й армией связана моя фронтовая жизнь, и она навсегда сделалась для меня родной. В рядах 18-й я сражался в горах Кавказа в момент, когда там решались судьбы Родины, воевал на полях Украины, одолевал карпатские хребты, участвовал в освобождении Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии. С этой армией был и на Малой земле, роль которой в освобождении Новороссийска и всего Таманского полуострова значительна…

Л. Брежнев, с. 46–47.

* * *

Очень ценились на Малой земле находчивость, выдумка, остроумие. И людей, способных на это, было немало. Помню, как один расторопный парень, посланный по каким-то делам в Геленджик, обнаружил в горах бродячую бездомную корову. И решил доставить ее на Малую землю. Пригнал корову на пристань и просит командира бота принять ее на борт. Все вокруг смеются, но идею поддерживают: раненым будет молоко. Так невредимой и доставили. Поместили в надежное укрытие, молоко

сдавали в госпиталь, находящийся в подвале бывшего винного совхоза.

Дело, однако, не в молоке. Корова приносила большую радость людям, особенно пришедшим на войну из села. После каждого артобстрела или бомбежки бойцы прибегали узнать, цела ли буренка, не поранена ли, ласково поглаживали корову. Не просто объяснить все это, но появление сугубо мирного существа в обстановке огромного напряжения помогало людям поддерживать душевное равновесие. Напоминало: все радости к человеку вернутся, жизнь продолжается, надо только суметь отстоять эту жизнь.

Л. Брежнев, с. 55–56.

* * *

За войну я не раз видел врага так близко, но этот й ночной бой особенно врезался в память. При свете й ракет гитлеровцы, прячась в складках местности, й бросками перебегали от одного бугорка к другому. Они все ближе и ближе подходили к нам, я сдерживал их главным образом наш пулемет. При новом броске он снова забил и вдруг умолк. Теперь стреляла только редкая цепь бойцов. Немцы уже не ложились — подбадривая себя криками и беспрерывным огнем, они в рост бежали к траншее. А наш пулемет молчал. Какой-то солдат оттаскивал в сторону убитого пулеметчика. Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету.

Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить! Кажется, я не слышал грохот боя, не слышал шума команд, раздававшихся рядом. Заметил лишь в какой-то момент, что падают и те враги, в которых я не целился: это вели огонь подоспевшие нам на выручку бойцы. Помню, моей руки коснулась рука одного из них:

— Уступите место пулеметчику, товарищ полковник.

Я оглянулся: траншея вся была полна солдатами. Они занимали позиции — привычно, споро, деловито. И такими родными показались мне незнакомые эти люди, такими близкими!

Л. Брежнев, с. 79–80.

* * *

Не забыть мне и великий акт торжества — парад на Красной площади в честь победы. С радостью и гордостью я прочитал приказ о том, что комиссаром сводного полка 4-го Украинского фронта назначается начальник политуправления фронта генерал Брежнев. Как дорогую реликвию храню и по сей день саблю, с которой шел на параде вместе с командованием во главе нашего сводного полка.

Л. Брежнев, с. 85.

* * *

Шло жаркое лето 1946 года. В тот год партия направила меня в Запорожье. Мне поначалу было поручено ознакомиться со всеми делами области, обратив особое внимание на строительство и сельское хозяйство. ЦК партии выдал мне соответствующий мандат, и я, не теряя времени выехал в область…

На XI пленуме Запорожского областного комитета КП(б)У, в котором я после предварительного ознакомления со стройками принимал участие… по рекомендации Центрального Комитета ВКП(б) меня избрали первым секретарем Запорожского обкома партии. Это было 30 августа 1946 года.

Л. Брежнев, с. 86, 88.

* * *

Во время сева, помню, возвращался из Бердянска… заехал в Пологовский район. Беседуя с секретарем райкома Шерстюком, спросил, как идет сев, что с техникой, а он, смотрю, как-то мнется.

— Ты что, Александр Саввич? Говори прямо, что у тебя?

— У меня порядок… Вы радио слышали утром?

— Нет, а что?

— В «Правде», понимаете, в передовой разделали нас. За низкий темп восстановления «Запорожстали». Формулировки очень резкие.

Помолчали.

— Так… — говорю. — Значит, будет звонить Сталин. Надо ехать.

Ночью мне действительно позвонил И. В. Сталин, и разговор был серьезный. То, чего мы успели добиться, что еще недавно считалось успехом, обернулось вдруг едва ли не поражением. Изменились обстоятельства — не у нас в области, а в стране и в

мире. Сроки ввода всего комплекса, который должен был производить стальной лист, нам перенесли на ближайшую осень, темпы строительства предписали форсировать. Я уже говорил, что это связано было с «холодной войной».

Л. Брежнев, с. 105.

* * *

Всего год и три месяца пришлось мне поработать в Запорожье, но в Днепропетровск я перешел уже с определенным опытом… Мой жизненный опыт пригодился и здесь, в Днепропетровске. Помню первое знакомство с директорами крупнейших заводов. Шла уборочная, я спросил у Ф. Е. Ганзина, заведующего сельскохозяйственным отделом обкома: как у нас с транспортом? Ответ был тот, какого я ожидал: плохо. А городские машины? Он ответил, что разнарядка заводам — сколько какому отправить грузовиков — дана, но директора тянут, обманывают, а если и дают, то самые худшие.

В этом деле была порочная система: сверху — цифры, взятые с потолка, снизу — увертки людей, которым тоже надо выполнять свой заводской план. При этом и требующие, и отвечающие отлично знали, что если записано, к примеру, сорок машин, то ждут не более двадцати, — это повторялось ежегодно. Я сел за телефон и попросил соединить меня с директором Никопольского трубного завода Н. А. Тихоновым. Поздоровался, представился, потом сказал:

— Обязательно, Николай Александрович, приеду к вам, попозже. А сейчас, пожалуйста, помогите — созрел отличный хлеб. Знаю, что вы хороший директор, знаю, что у вас хороший завод. Если сможете помочь уборке, будем очень благодарны. Только, прошу, лучших шоферов, исправные машины.

— Пятнадцать смогу выделить, — сказал он, подумав…

Примерно так же поговорил с другими директорами.

Назначенного по разверстке числа грузовиков они на уборку не послали, но получили мы действительно хорошие машины и чуть ли не вдвое больше, чем в прежние годы. И этого можно было добиться всего лишь спокойным человеческим разговором..

Л. Брежнев, с. 122–123.

* * *

В Днепропетровске я застал очередной этап восстановления:

заводы уже начали давать продукцию. И хотя многие их цехи еще были разбиты, хотя многие шахты еще были затоплены, промышленность вставала на ноги. Теперь следовало подтянуть жилищное строительство, культуру, быт…

Сложность ситуации заключалась в том, что у местных Советов денег было еще мало, основные средства находились в руках заводских директоров, а они строить города отказывались. В Днепропетровске, по существу, не было центра, проспект Карла Маркса еще лежал в руинах, а на окраинах строились примитивные рабочие поселки. Даже своего рода теорию придумали, что начальники цехов — доменного, сталеплавильного, прокатного — обязаны жить при заводе. Тогда ведь ни телефона еще не было, ни трамваев, ни машин, в лучшем случае — бедарка с лошадью. (Помню, один из руководителей на вопрос, почему опоздал на планерку, ответил басом: «Машины у меня нет, а кобылу поставил на профилактику».)

Необходимо было заставить заводы строить не дешевые времянки, а благоустроенные дома, не на заставах, а в центре. Дружески беседуя с директорами, я доказывал: их ведомственная строительная политика дает лишь иллюзию экономии средств, рано или поздно она обернется убытком…

В конце мая 1948 года я объехал в очередной раз всю область… многое увидел и, укрепившись в своих замыслах, собрал директоров крупных заводов и прямо сказал, что кустарщину обком больше терпеть не будет, город должен быть городом — пришло для этого время…

— У меня предложение, — сказал я в конце. — Давайте все вместе посмотрим хорошо организованное скоростное строительство. Решим, что можно перенять. Ехать далеко не придется. Согласны?

— Согласны, — отвечают.

— Что ж, не будем откладывать. Сбор завтра у здания обкома в семь ноль-ноль.

И вот в семь утра мы двинулись цугом на нескольких машинах — директора, руководители Строительных трестов, работники горкома и горисполкома… Так мы ехали часа два, потом поднялись на взгорок, и внизу открылась панорама Днепрогэса. За ней в котловане лежал большой белый город. Как раз выглянуло солнце, заиграло в окнах, дома казались высокими, светлыми… Теплое чувство охватило меня: ехал в Запорожье как представитель соседней области, но в то же время был тут своим человеком.

Не зря говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мои экскурсанты увидели асфальтобетон, о котором я

не раз им говорил. Заинтересовались кабель-кранами, которые уже использовали запорожцы. С особым вниманием смотрели, как укладывался «методом прокалывания» водопровод… На обратном пути выяснилось, что двое директоров уже приглядели подходящие многоэтажные дома и даже договорились о повторном использовании проектов. А через полгода выросли на главном проспекте эти красивые дома, дав толчок застройке центра. Начало было положено!

Л. Брежнев, с. 126–128.

* * *

Значительной полосой в моей жизни предстает начало 50-х годов, когда мне довелось работать в Советской Молдавии. Пришлось опять оставить налаженное дело и ехать в иной край, где очень многое предстояло начинать заново… Хорошо помню жаркую весну, когда, собравшись по-военному быстро, выехал, можно сказать, на первую рекогносцировку в Молдавию. Этому предшествовал разговор в ЦК ВКП(б), и меня предупредили, что положение в этой молодой советской республике непростое. Два года подряд этот край сжигала засуха, и, хотя, как водится, помощь уже направили из других районов страны, республике предстояло решать сложные задачи… Обо всем этом и шел запомнившийся мне разговор в ЦК ВКП(б): Центральный Комитет, было сказано мне, считает, что сейчас в молдавской партийной организации необходим человек, который был бы в состоянии по-новому взглянуть на сложившуюся там трудную обстановку.

Л. Брежнев, с. 142.

* * *

По сей день молдавские товарищи вспоминают, что кукуруза была одним из моих «коньков». Кое-кто тогда даже посмеивался: вот, мол, первый секретарь в багажнике автомобиля возит по районам кукурузосажалку собственной конструкции. И я действительно одно время возил с собой это нехитрое приспособление. Только не «собственной», конечно, конструкции — тут я должен авторское право передать другому лицу.

А дело так обстояло. В то время никаких механизмов для этих целей, тем более заводского производства, еще не было, во всяком случае в республике. Такая техника стала изготовляться в централизованном порядке гораздо позже. А тогда надо было

искать подручные средства. И вот однажды в Сорокском районе одна старая крестьянка, прослышав о наших заботах, подарила мне эту кукурузосажалку. «Возьмите, — говорит, — когда я выходила замуж, отец мне ее в приданое подарил, может, и теперь еще сгодится…»

Я немедленно опробовал, проверил в деле это умное крестьянское приспособление в одном из хозяйств и дал указание изготовить опытные образцы. А пока там поворачивались с чертежами и инструкциями, пропагандировал сам остроумную самоделку, облегчавшую труд кукурузоводов. Слух о ней прошел уже по районам — товарищи с мест требовали «техническую документацию», чтобы изготовить кукурузосажалки у себя. Вот тогда я и продемонстрировал подарок старой крестьянки участникам очередного совещания в нашем ЦК. После этого и пошла кукурузосажалка по районам. И что вы думаете: она помогла нам уже весной 1951 года не только успешно справиться с севом, но и получить заметную прибавку урожая.

Л. Брежнев, с. 161–162.

* * *

Расскажу для примера, как мы с Кириллом Ивановичем Цурканом, тогдашним министром пищевой промышленности, спасали урожай винограда. В тот год виноград уродился на славу. Приходит ко мне Цуркан:

— Что делать, Леонид Ильич? Аврал! Тары, наличных емкостей по всей Молдавии вдвое меньше, чем нужно под такой урожай, — сусло некуда сливать.

По правде говоря, ночь не спал, все прикидывал, что предпринять. Не нашли другого выхода, как отправить нашего министра в Москву — просить цистерны. Штук двести нам тогда выделили. Но их еще надо было привезти, а время не ждет. Прошел день или два, и снова звонит мне беспокойный Цуркан:

— Леонид Ильич, есть одна шалая идея: что, если старую водонапорную башню в городе приспособить?

Что вы думаете, разыскали ключи, полезли по шаткой винтовой лестнице на самый верх. Да, тут много бы можно залить. Но, увы, все проржавело, пришлось отказаться от идеи. Как же все-таки быть? Я попросил Цуркана собрать специалистов, стариков, опытных виноделов. Пусть они поделятся опытом, все обмозгуют, изыщут местные возможности… Виноделов мы тогда в Кишиневе собрали, тоже не обошлось без споров, но в конце концов комиссия предложила такой план действий. В засушливых

районах Молдавии крестьяне имеют во дворе цементированный колодец для сбора дождевой воды. Подумали: если эти колодцы нужным образом обработать — сгодятся. На будущее надо, конечно, закладывать большие новые емкости, а пока и эти могут выручить. Уполномоченные нашего пищепрома тотчас разъехались по районам — искать колодцы, заключать с колхозниками договоры на хранение государственного виноматериала. На учет взята была, что называется, каждая емкость, и ценный продукт удалось полностью разместить и сохранить.

Л. Брежнев, с. 165–166.

* * *

Мне пришлось работать там (Молдавия) не очень долго. Осенью 1952 года состоялся XIX съезд партии, и вместе с делегацией Компартии Молдавии поехал в Москву. Съезд избрал меня членом ЦК Коммунистической партии Советского Союза и секретарем ЦК.

Л. Брежнев, с. 175.

* * *

Целина прочно вошла в мою жизнь. А началось все в морозный московский день 1954 года, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые, и новостью было то, что массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная — этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П. К. Пономаренко.

Суть в том, услышал я, что дела в республике идут неважно. Тамошнее руководство работает по старинке, новые задачи ему, как видно, не по плечу. В связи с подъемом целины нужен иной уровень понимания всего, что нам предстоит в этих обширных степях совершить.

Главное, что нам поручалось, — обеспечить подъем целины. Дело, я знал, предстоит чрезвычайно трудное. И прежде всего надо найти правильное решение организации выполнения столь важной задачи. Речь шла не только о подъеме зернового хозяйства одной республики, а о кардинальном решении

зерновой проблемы в масштабах всего Советского Союза.

Уже осенью на целине надо было взять хлеб! Непременно нынешней осенью!

Итак, жизнь моя опять, который уж раз, круто повернулась. 30 января 1954 года состоялось заседание я Президиума ЦК, обсудившее положение в Казахстане и задачи, связанные с подъемом целины. Через я пару дней я вылетел в Алма-Ату.

Л. Брежнев, с. 77.

* * *

В Алма-Ате мне довелось быть впервые. Но я с каким-то очень теплым чувством осматривал город. Он давно уже был для меня близким… Мне, как многим фронтовикам, не сразу удалось найти адрес, по которому были эвакуированы в тыл мои близкие. Восемь долгих, тревожных месяцев прошло до той поры, когда меня нашло на фронте первое письмо от жены с обратным адресом: Алма-Ата, улица Карла Маркса, дом 95. Из этого письма я узнал фамилию людей, приютивших мою семью, — Байбусыновы Турсун Тарабаевич и его жена Рукья Яруловна. Нашел их домишко, похожий на тысячи других в тогдашней почти сплошь одноэтажной Алма-Ате. Жена писала во время войны, что летом дом утопал в зелени деревьев, а под окошком тихо журчал арык. Но теперь стоял февраль, арык был пуст, а голые, мокрые от наступившей оттепели деревья роняли с ветвей капли влаги. Почему-то сразу остро, почти зримо вспомнились многие дни войны. Зайти? Надо же сказать спасибо доброй казахской семье, поклониться стенам, в которых вместо четырех человек дружно прожили в те трудные годы семеро. Но я решил подождать жену и, если удастся, зайти сюда вместе.

Пошел дальше по улицам, зная, что это лучший способ составить первое впечатление о городе, где предстоит жить и работать. Заглянул на базар, который многое может сказать опытному взгляду. Это ведь своего рода барометр хозяйственной жизни любой местности, зеркало обычаев, традиций ее населения. Алма-атинский базар, шумный, многолюдный, пестрый, дал мне немало поучительных сведений. Весь колоритный облик города пришелся по душе.

Как-то так вышло, что жить в нем пришлось по разным адресам. Вначале поселили за городом, в доме отдыха, километрах в пяти от знаменитого ныне катка Медео (тогда его не было). Место исключительной красоты. Сады, дорожки, чистый воздух, говорливая речка, бегущая с гор… Когда в Алма-Ату

перебралась моя семья, поселились мы в деревянном домике крестьянского типа все там же, в Малом ущелье. Дом теперь снесен. Затем переехали в центр, на улицу Джамбула, в экспериментальное здание из песчаных плит. Видимо, не очень они были прочны — здание не сохранилось. Нет и домика, приютившего мою семью в годы войны, — на том месте бьют сегодня веселые струи большого фонтана. И только один дом, на углу улиц Фурманова и Курмангазы, уцелел и поныне. Но в нем пришлось жить лишь последние месяцы работы в Алма-Ате.

Л. Брежнев, с. 178–179.

* * *

В начале февраля 1954 года, едва осмотревшись на новом месте, я должен был присутствовать на пленуме ЦК Компартии Казахстана. Должен сказать, о делах в республике многие ораторы говорили на нем самокритично и резко. Мы с П. К. Пономаренко внимательно слушали, сами не выступали. Когда подошел момент выборов, представитель ЦК КПСС сообщил участникам пленума, что Президиум ЦК рекомендует первым секретарем избрать Пономаренко, а вторым — Брежнева.

Л. Брежнев, с. 180.

* * *

Обычно в воспоминаниях пишут, как директора совхозов вместе с главными специалистами ехали в степь, имея в кармане только приказ о своем назначении, номер счета в банке да печать. Приезжали, забивали в землю колышек с названием совхоза и начинали действовать… Верно, так оно и было. Но многие мои старые знакомые, отдавая дань романтике, забывают одну существенную деталь: колышек они забивали не где попало, а в строго обозначенном месте. И кроме приказа да печати в кармане, директора совхозов имели еще и портфели, а в них — карты земельных угодий и землеустройства новых хозяйств. Романтики на целине, как и трудностей, было хоть отбавляй. Однако нельзя представлять дело облегченно: приехали, мол, разбрелись по степи и давай всюду пахать, благо земли вокруг много.

Л. Брежнев, с. 185.

* * *

В самом деле, вспомним обстановку начала 50-х годов. Положение с хлебом вызывало в те годы серьезную тревогу. Средняя урожайность зерновых в стране не превышала 9 центнеров с гектара. В 1953 году было заготовлено немногим больше 31 миллиона тонн зерна, а израсходовано свыше 32 миллионов. Нам пришлось тогда частично использовать государственные резервы.

Для того, чтобы выйти из этого положения, нужны были кардинальные, решительные и, что особенно важно, срочные меры. В тех условиях партия, не снижая внимания к повышению урожайности в старых районах земледелия, выдвинула на первый план задачу значительного и быстрого расширения посевных площадей. А оно было возможно только за счет восточных целинных земель.

Хочу особенно подчеркнуть: расширение посевов носило не только количественный, но и качественный характер. Стране не только нужен был хлеб, она испытывала острейшую нехватку ценнейшей продовольственной культуры — пшеницы. И дать ее могла только целина, где можно выращивать высшего качества пшеницы твердых и сильных сортов. В случае успеха зерновой баланс страны мог быть изменен коренным образом, я бы сказал, революционно.

Сегодня, с большой временной дистанции, при очевидности результатов, все кажется бесспорным, можно даже и удивляться: как это у целины могли быть противники? А они были. Впрочем, противниками как таковыми — яростными, не желавшими даже слышать о целине, — можно назвать лишь участников сложившейся вскоре антипартийной группы.

Л. Брежнев, с. 203.

* * *

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года утвердил обширную программу, которая была призвана ликвидировать недостатки в руководстве сельским хозяйством. Казалось бы, сама логика, трудное положение со средствами, материально-техническими и людскими ресурсами в стране заставляли все силы бросить в традиционные земледельческие районы, чтобы там получить соответствующую отдачу.

Но в том-то и дело, что разработанная партией программа хоть и рассчитана была на подъем всех отраслей сельского хозяйства, но не обеспечивала, да и не могла обеспечить немедленного успеха. Особенно это касалось главной задачи —

производства зерна. Рост отдачи в полеводстве, растениеводство — процесс, как правило, длительный. Вот почему, даже идя на риск, необходимо было ради выигрыша времени часть ресурсов и средств смело двинуть на целину, сулившую за один сезон дать солидную прибавку в крайне напряженный зерновой баланс страны. Первые 13 миллионов гектаров целины, намеченные к освоению в 1954 году, в случае успеха уже осенью того же года могли добавить в наши закрома 800–900 миллионов пудов товарного зерна. И партия пошла на это.

Л. Брежнев, с. 204–205.

* * *

Все силы уходили в первую весну на то, чтобы раскрутить, пустить в действие огромную машину, и некогда было остановиться, отдохнуть.

А потом пришел долгожданный и все-таки неожиданный, большой хлеб целины.

Никогда не забуду первой целинной осени 1954 года. В одном из совхозов Рузаевского района Кокчетавской области при встрече мне поднесли сноп целинной пшеницы «акмолинка». Невозможно передать чувств, которые я испытывал, держа в руках этот сноп. Многое вспомнилось в ту минуту — первые планы и замыслы, бессонные ночи, споры, эшелоны с людьми, тракторные поезда по вьюжному бездорожью, первые костры в степи и первые борозды. И вот она перед глазами, сбывшаяся мечта — степь от края до края желтела пшеницей.

Л. Брежнев, с. 217.

* * *

Буквально все надо было возводить на голом месте. А из чего? Будь лес кругом, вопрос бы не возникал. Правда, на целину поступали сборные дома и стройматериалы, но их не хватало. Замыслы наши опережали возможности, и, конечно же, следовало максимально использовать местные ресурсы. Между тем далеко не все проявляли расторопность и сметку.

Приезжаешь, бывало, в райцентр, спрашиваешь: как идет строительство? Отвечают: плохо. Почему? Нет кирпича. Идем, однако, с секретарем райкома по улице и видим массивные здания с датами на фронтонах — 1904, 1912 год… А заводов кирпичных в этой местности, мне точно известно, не было и нет.

— Кто строил эти здания?

— Земство.

— Откуда же брали кирпич?

— А вон там, в степной балке, сделали напольную печь и выжигали. Из него и эта школа построена…

— Значит, земство могло все организовать, а вы, райком и райисполком, не можете? Какие же мы, с позволения сказать, руководители? Глины кругом полно, делайте напольные печи, а кое-где и заводики стройте, они вам на сто лет вперед пригодятся.

— Ну, завод — это слишком, нам не по силам…

Разозлишься: до чего же доводит людей пассивность!

Л. Брежнев, с. 227.

* * *

Еще в Молдавии понял: если живешь в республике, то надо знать обычаи и традиции народа, его историю, художественное творчество. Сразу по приезде в Алма-Ату обложился книгами, часто встречался с казахскими литераторами и художниками, бывал в театрах. По давней склонности к поэзии много читал стихов казахских поэтов, особенно Абая, который привлек меня лиризмом, народной мудростью, глубиной постижения жизни…

Л. Брежнев, с. 229.

* * *

1955 год называли «годом отчаяния» на целине. Но я бы не прибегал к столь крайней оценке, хотя было очень тяжело. За все лето, начиная с мая, на землю не упало ни капли дождя. Не дождались мы и обычных, идущих как по расписанию июньских дождей. Надо было готовиться к худшему…

Мы знали, конечно, что жара и сушь в этом краю никому не в диковинку. Но не знали еще зловещей неумолимости степного календаря, который раз в десять лет преподносит особенно жестокие, губительные засухи. Мы предвидели — еще до начала наступления, — что борьба со стихией здесь неизбежна. Когда делались экономические расчеты по освоению целины, ученые считали: если даже на каждое пятилетие падет по два сильно засушливых года, то в среднем мы все равно будем брать в степи 500 миллионов пудов хлеба в год. Расчеты не вызывали сомнений. Мы знали, на что шли, но одно дело — знать, а другое

— видеть, как на твоих глазах гибнет драгоценный, таким трудом доставшийся урожай…

В Японии, как рассказывает во «Фрегате «Паллада» И. А. Гончаров, губернаторы когда-то головой отвечали за все происходившее на их землях — за тайфуны, ливни, землетрясения. Нашим головам вроде бы ничто не грозило, но после неудачно сложившегося 1955 года на душе оставалось ощущение тяжелой вины за то, в чем не был виноват. Не забыл я этого чувства…

Л. Брежнев, с. 231–234.

* * *

Еще в первый год видел новоселов, которые в одной руке несли чемодан, а в другой — корзинку со щенком или кошкой. В совхоз «Ярославский» приехал из Запорожья парень с петухом в клетке. «Для степи, — сказал мне, — лучший будильник!» Шутил, конечно, но на голой земле петух всех радовал. Приручали ребята даже сурков, степных птиц.

Можно было счесть это проявлением человеческих слабостей. Но жизнь научила меня понимать их, относиться к ним с уважением. Сам в детстве любил наблюдать, как парит над крышами голубиная стая.

Л. Брежнев, с. 236.

* * *

По дороге толпа затащила меня в столовую. Сели беседовать.

— Сколько в вашем подсобном хозяйстве коров?

— Полсотни.

— Значит, должно быть молоко.

— Какое там! Они за шестьдесят верст отсюда. На отгоне пасутся.

К этому времени нашли директора, Коваленко. Прибежал и с ходу начал жаловаться:

— Прямо беда, Леонид Ильич! Не могу уговорить женщин идти в доярки, никто не хочет коров доить.

— И они у вас на отгоне недоеные?

— Выходит, так.

— И вас не волнует, что дети без молока, что коровы попортятся?

— Как не волнует? Боюсь. Даже под суд готов. Но что-нибудь

зроблю… Уже письмо на Украину послал, зову девчат, чтобы выручили.

С ним все было ясно, и я повернулся к женщинам:

— Почему не хотите помочь? Видите ведь, какое положение.

— А детей куда? — затараторили они. — Мы тут все семейные, с детьми.

— Хорошо, а если коров пока по вашим домам поставить, будете за ними ухаживать, доить?

— А как же! И подоим, и в степь выгоним. У нас и мужья могут доить.

— Что же вы, товарищ Коваленко, в тюрьму приготовились, а до простого дела не могли додуматься? Раздайте коров рабочим совхоза, они их и подоят, и детей накормят. Потом и доярки найдутся.

— Не догадался. Зроблю…

Л. Брежнев, с. 239.

* * *

Ездить приходилось много — иногда на поезде, чаще на самолете, а иногда в одной командировке чередовать и то и другое. Такое сочетание сберегало немало времени, которого всегда было в обрез. Когда делались длительные остановки на узловых станциях или в областных центрах, вагон служил и гостиницей. В эти пункты заранее посылался самолет, и за день можно было облетать на нем несколько районов или совхозов.

Самолет «АН-2» изготовили в Киеве по специальному заказу. На борту имелась мощная рация, в салоне стояло шесть кресел. Экипаж возил еще с собой раскладушку, которая всегда стояла в хвосте. В остальном это был все тот же знакомый всем работяга «Антон». Для наших передвижений он был незаменим. Летчики выбирали место для посадки с воздуха и могли приземлиться в степи где угодно — у любой борозды, трактора, полевого стана…

Мне нравился экипаж самолета — командир Николай Моисеев, второй пилот Мубин Абишев и бортмеханик Александр Кругликов. В каких только переплетах не побывала их маленькая машина — «комарик», как они ее называли. В степи, где бывает всего полсотни безветренных дней в году, небольшой самолет почти всегда неистово болтало. Да и на земле ему покоя не было: не раз, чтобы ветер не перевернул, не изломал наш «АН-2», подгоняли груженые самосвалы и привязывали к ним самолет. Летать приходилось круглый год, часто не считаясь с погодой, порой нарушая инструкции. Садились после захода солнца и даже

ночью, что на в «АН-2» категорически было запрещено. Но дела не в согласовывались с инструкцией. Вечные мои спутники были, я убедился, отличными мастерами в своего дела…

Только раз я видел их крайне озабоченными, даже испуганными. Случилось это, если не ошибаюсь, в совхозе имени Таманской дивизии. Мы прилетели в дальнюю бригаду. Был май, уже вовсю зеленели травы. Погода стояла ясная, внизу стелилась ровная, как стол, степь. Площадку в такой степи выбрать нетрудно. Сели, как мне показалось, спокойно. Однако едва заглох мотор, первый пилот, обычно выходивший из машины после меня, буквально кинулся к выходу:

— Извините…

Я вышел следом и увидел, как он торопливо шел по следу колес самолета, оставленному в траве, и что-то разыскивал. Наконец остановился, замахал руками, закричал, подзывая трактористов, работавших поблизости. Собралась толпа, я тоже подошел, и Моисеев, бледный и гневный, сказал:

— Смотрите!

В траве в полуметре от следа левого колеса лежала вверх зубьями борона. С воздуха он никак не мог ее заметить и увидел лишь в самый момент приземления. Дело могло обернуться печально. Я едва удержал летчиков, которые готовы были кинуться на бригадира и трактористов…

Случались дни, когда часами приходилось кружить над степью. Как-то командир экипажа сказал мне:

— Думаю, можно зачислять вас в пилоты. Налетали сто часов.

— А норма у летчиков?

— Сто двадцать.

— Ну, в пилоты мне еще рановато.

— Это как считать. Мы ж ненормально летаем.

— Как ненормально?

— Рабочая высота у нас какая? Сто метров. А сколько на бреющем ходим, чтобы выбрать площадку? Нет, в таких полетах полагалось бы час за два считать…

Когда я уезжал из Казахстана, командир корабля, прощаясь, сообщил мне, что за два года полетов со мной он совершил 480 посадок в степи в самых разных местах.

Л. Брежнев, с. 241–243.

* * *

Дела наши снова широко развернулись, был все время в пути,

спал урывками, обедал где придется. И однажды в Целинограде почувствовал себя плохо. Очнулся на носилках. До этого меня один раз уже доставляли с сердечным приступом из Семипалатинска в Алма-Ату. Пришлось отлеживаться дома, отбиваясь от врачей, которые норовили упечь меня в больницу. Отшучивался: мол, к вам только попади — залечите. А главное времени не было болеть.

Л. Брежнев, с. 244.

* * *

В 1956 году пробил звездный час целины. Урожай в казахстанских степях был выращен богатейший, и вместо обещанных 600 миллионов республика сдала государству миллиард пудов зерна. И я был по-настоящему счастлив, когда в том году Казахстану вручили первый орден Ленина за первый миллиард, создавший прочный авторитет целине, который потом не смогли уже поколебать ни удары стихии, ни волевые решения, усугублявшие действие этих ударов.

К сожалению, мне не удалось увидеть самому тот богатырский урожай, в который было вложено столько сил. На XX съезде я вновь был избран секретарем ЦК КПСС. Вечером в гостиницу «Москва», где остановился тогда, зашли поздравить меня Кунаев, Сатпаев, Журин, Макарин и другие казахстанские товарищи. Расставание вышло суматошное, доброе и какое-то печальное. Они уже торопились домой, я думал о новой работе.

Л. Брежнев, с. 251.

* * *

Космические дела вошли в мою жизнь задолго до того дня, когда все узнали о них. Дело в том, что Центральный Комитет поручил мне, как секретарю ЦК КПСС, координацию всех работ по развитию ракетно-космической техники. Пришлось вплотную заниматься конкретными вопросами, связанными с осуществлением нашей космической программы…

Едва приняв космическо-ракетные дела под свой контроль, я должен был выступить арбитром в острой дискуссии… В начале 50-х годов было немало споров, где разместить космодром — в казахстанском Приаралье или на Черных землях Северного Кавказа? У каждого варианта были, как говорится, свои «за» и «против».

Специалисты хорошо понимали: быстрее, проще, дешевле было бы обосноваться на Черных землях. Здесь и железная дорога, и шоссе, и вода, и электроэнергия, весь район обжитой, да и климат не такой суровый, как в Казахстане. Так что у «кавказского» варианта было немало сторонников.

Много пришлось мне в то время изучать документов, проектов, справок, обсудить все это с учеными, хозяйственниками, инженерами, специалистами, которым в будущем предстояло запускать ракетную технику в космос. Постепенно обоснованное решение складывалось и у меня самого.

Центральный Комитет партии выступил за первый вариант — «казахстанский». Мы исходили из того, что на Северном Кавказе прекрасные пахотные земли, отличные пастбища. И лучше пойти на дополнительные затраты, но использовать практически мертвые земли в Приаралье. Создавая одно, надо было заботиться, чтобы оно не приносило ущерб другому.

Л. Брежнев, с. 257.

* * *

Будучи Председателем Президиума Верховного Совета СССР, я вручал Юрию Алексеевичу Гагарину орден Ленина и Золотую Звезду Героя. Это были волнующие, незабываемые минуты. Радовался вдвойне: ведь и я многие годы жизни отдал большому и трудному делу, которым теперь гордился весь советский народ.

Родина высоко оценила подвиг героя-космонавта Гагарина. За успехи в развитии нашей ракетной техники, советской космонавтики были, кроме того, награждены второй золотой медалью «Серп и Молот» семь видных ученых и конструкторов, было присвоено звание Героя Социалистического Труда многим ведущим конструкторам, руководящим работникам, ученым и рабочим. Высокой награды Родины — звания Героя Социалистического Труда — был удостоен и я за мой скромный вклад в общее дело.

Л. Брежнев, с. 272–273.

* * *

Если бы спросили, чего я не терплю, чего не любил и не люблю больше всего, ответил бы: одиночества.

Л. Брежнев, с. 295.

Глава 2

БРЕЖНЕВ О СОВРЕМЕННИКАХ

Коллега. Друзья. Ученые

Почти четверть века продолжается моя дружба с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Тогда он был президентом Академии наук Казахской ССР, и, естественно, нам пришлось познакомиться в первые же дни моего пребывания в Алма-Ате. По образованию горный инженер, специалист по цветным металлам, он не был человеком узкой сферы, мыслил по-государственному, широко, смело, высказывал оригинальные и глубокие суждения об огромных ресурсах и перспективах развития Казахстана. Этот спокойный, душевный, обаятельный человек обладал к тому же твердой волей, партийной принципиальностью. Вскоре он стал Председателем Совета Министров республики, а ныне возглавляет партийную организацию Казахстана, является членом Политбюро ЦК КПСС.

Димаш Ахмедович (так по-дружески к нему все обращаются, в обиходе никто не употребляет его полного имени — Динмухамед) …

Л. Брежнев, с. 187.

* * *

Особо признателен Дмитрию Федоровичу Устинову, который помог освоиться со многими специфическими вопросами этих новейших отраслей. Д. Ф. Устинов еще в годы войны был наркомом и успешно занимался оснащением нашей армии военной техникой. Сразу после Победы он принял самое активное и непосредственное участие в создании ракет. Дмитрий Федорович — хороший инженер, практик, с глубокими знаниями, большими организаторскими способностями. В те годы о выходных днях, как и все мы, он понятия не имел. Воскресенье заставало его обычно в самолете: он летел на испытательный полигон или на строительство ракетного комплекса, чтобы нс только самому убедиться, как обстоят дела, но и выяснить, чем надо помогать в первую очередь. Работать с Дмитрием

Федоровичем всегда было приятно и интересно.

Л. Брежнев, с. 262.

* * *

Идеологическая работа партийной организации республики имела огромное значение для становления новой Молдавии. Здесь надо было проявить умение убеждать людей, находить правильные организационные формы, а главное, самому быть убежденным борцом, чутким к товарищам и требовательным к себе работником. В этой связи мне хотелось бы отметить, что всеми этими партийными качествами обладал заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Молдавии Константин Устинович Черненко. Молодой, энергичный коммунист, еще до работы в республике приобретший большой партийный опыт, он все силы отдавал порученному делу.

Впоследствии К. У. Черненко занимал ряд крупных партийных и советских постов, и всюду проявлялся этот его талант и опыт. Сегодня К. У. Черненко — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

Л. Брежнев, с. 169.

* * *

Мне рассказали в те дни один эпизод, связанный с К. Е. Ворошиловым. Он вернулся из очередной поездки по сельским районам. Вернулся озабоченный, почти удрученный. Узнав, что обсуждается вопрос о подъеме целинных земель, и понимая, что это потребует огромного количества средств, сил и техники, он грустно заметил:

— А в смоленских деревнях еще кое-где люди на себе землю пашут…

Кстати говоря, Климент Ефремович Ворошилов принадлежал к числу тех деятелей, которые умели обстоятельно разбираться в необходимости или преждевременности тех или иных крупных государственных мероприятий. Он выступил за целину, а потом приезжая в Казахстан и видя бескрайние пшеничные нивы, с радостью говорил мне:

— Как хорошо, что мы пошли сюда! На этих просторах вызревает помощь и белорусскому, и смоленскому, и вологодскому мужику. Притом действительно скорая помощь. Ей-ей, хоть рисуй на машинах с целинным зерном желтый крест —

под цвет этой пшеницы… Крепко она нас выручит, крепко!

Л. Брежнев, с. 204–205.

* * *

Чаще других приезжали министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР П. А. Юдин и министр черной металлургии СССР И. Ф. Тевосян. С Иваном Федоровичем мы познакомились на фронте, в дни освобождения промышленных центров Юга. Он тогда еще говорил о возрождении домен, мартенов, прокатных цехов. Теперь, приезжая к нам, Иван Федорович неизменно участвовал в утренних обходах и решал на месте возникающие проблемы. Это был крупный руководитель, авторитетный, знающий дело…

О быте рабочих он (Н. А. Тихонов. — Сост.) заботился, пожалуй, лучше других, и на заводе у него дела шли неплохо… Поддерживая линию, взятую обкомом партии, Тихонов открыл стационар для заболевших рабочих, организовал хорошую орсовскую столовую, начал восстанавливать разбитую фашистами дорогу, клуб завода отремонтировал одним из первых в области. Но на ремонт ему выделили, помнится, семьсот тысяч рублей, а израсходовать пришлось чуть ли не втрое больше. Тут прибыл к нам Тевосян, мы ехали втроем, и Иван Федорович отчитывал директора:

— Ты кто, Рокфеллер? Для этого тебе деньги дали?

Между тем машина остановилась, мы вышли — перед нами было просторное, чистое, красивое здание клуба.

— Да-а, — сказал я как бы в поддержку министра. — Такую «дачку» построил лично для себя!

Тевосян хмыкнул, мы поехали дальше, свернули на новую дорогу, и тут он снова возмутился.

— Что с тобой делать? — повернулся к директору. — Мне уже из Минфина звонили, знают об этой дороге.

— И обком знает, — сказал я. — Без нее не было бы ночной смены. Он ведь не для себя, Иван Федорович, не в свой личный карман. Хотите, мы эту дорогу закончим как народную стройку?

Так потом и сделали, а грозу от хорошего директора отвели.

Л. Брежнев, с. 116–129.

* * *

В 1961 году в газетах наряду со словами «Главный

конструктор» часто упоминался и «Теоретик космонавтики». Им был действительно теоретик космонавтики, крупнейший наш ученый, трижды Герой Социалистического Труда, академик Мстислав Всеволодович Келдыш… «Для Келдыша не существует в математике проблем, которые он не мог бы решить», — так о нем говорили ученые. Дарование Келдыша особенно ярко проявилось в пору становления ракетной и космической техники.

Его огромный талант математика оказал неоценимые услуги в расчетах, без которых немыслим я любой космический старт. Его труд сделал возможным точное выведение наших ракет на орбиты. Под руководством Мстислава Всеволодовича рассчитаны дальние дороги спутников и автоматических межпланетных станций, решены сложнейшие проблемы аэродинамики полетов, конструкции кораблей и ракет. Вклад его в космическую теорию и практику нельзя переоценить. Он чрезвычайно велик, и имя академика Келдыша заслуженно стоит рядом с именем академика Королева.

Жизнь этого замечательного человека, потомственного русского интеллигента, с ранних лет была отдана науке. А уже в 1961 году М. В. Келдыш возглавил Академию наук СССР, и отечественная наука сделала при нем огромный шаг в своем развитии, утвердила свой высокий авторитет в мировой науке. Я знал Мстислава Всеволодовича очень хорошо. Много раз и подолгу беседовал с ним. Большое впечатление производила обширность его познаний, точность аргументации, мудрость советов, которые он всегда высказывал с исключительным тактом и благожелательностью.

Л. Брежнев, с. 280.

* * *

Помню, в 1956 году я приехал в конструкторское бюро Сергея Павловича Королева. Хотел поближе познакомиться с конструкцией машин, которые должны были вскоре явиться на свет. Пока же будущая легендарная «Семерка» (ракетоноситель С. П. Королева) существовала лишь в проектах. В так называемом «голубом зале» на стенах были развешаны схемы, плакаты. Сергей Павлович подробно рассказал о ходе работ над носителем и тяжелым спутником, о сложностях, которые предстоит преодолеть, — речь шла о двигателях, и о системе управления, и обо всем стартовом комплексе…

Характерная черта этого человека: он никогда не сглаживал острых углов, не таил трудностей. Но его целеустремленность,

воля, убежденность не могли не восхищать. Среди специалистов тогда высказывались опасения, что «Семерка» может и не взлететь, очень уж непривычны были и сама конструкция, и весь стартовый комплекс. Сергей Павлович подтвердил, что некоторые технические проблемы, «загвоздочки», как он любил говорить, решены еще не до конца.

— Но ими занимаются очень светлые головы, — неожиданно улыбнулся Королев и назвал имена многих своих соратников, которых позже и мне довелось узнать. — Я уверен, что они найдут верные решения.

Разговор у нас вышел откровенный, прямой. Сергей Павлович не скрыл, что нередко еще приходится ему преодолевать скептицизм некоторых ученых, выражающих сомнение в правильности избранного им, Королевым, пути. «Однако споры бывают полезны», — возразил я. «Да, — кивнул он, — когда споры деловые». Человек был очень непростой… Сергей Павлович Королев отличался твердым характером, бывал, когда нужно, требовательным, даже жестким, был порою упрям, но одновременно и достаточно гибок. Он умел не только убеждать в своей правоте, но и внимательно прислушиваться к оппонентам…

Это был очень жизнелюбивый человек, с большим чувством юмора. Случалось иногда так: зайдя по делу, он вдруг откладывал в сторону бумаги и рассказывал какой-нибудь случай, происшедший в конструкторском бюро или на космодроме. Рассказывал увлеченно, с юмором. Иногда пересказывал шутливую историю, выдуманную его сотрудниками о нем самом. Королев был строг, требователен и к себе, и к своим товарищам, но держался всегда просто. Это очень помогало в работе. Бывает ведь и по-другому. Зайдет человек, чувствуешь: скован, немедля со всем соглашается. Королев же в любой обстановке умел отстоять свою точку зрения. Мог, однако, и мягко отшутиться, проявить находчивость в разговоре.

Вспоминаю один проведенный с ним предновогодний вечер. Мы засиделись допоздна — надо было обсудить немало сложных вопросов. Уже прощаясь, Сергей Павлович рассказал мне о сотне бутылок французского шампанского, которые неожиданно получило их конструкторское бюро. Оказалось, какой-то винодел в Париже поспорил со своими приятелями, что люди никогда не смогут увидеть «затылок» Луны. Прошло всего несколько месяцев, и наша станция успешно завершила облет Луны, сфотографировала этот самый «затылок». Вскоре вышел и первый «Атлас обратной стороны Луны». Француз сдержал свое слово и прислал в адрес Академии наук СССР сто бутылок шампанского.

Л. Брежнев, с. 262–263, 269.

* * *

Не могу не вспомнить еще об одном выдающемся ученом и конструкторе, которому принадлежит огромная роль в развитии ракетно-космической техники и в обеспечении надежной обороноспособности нашей страны. Речь идет об академике Михаиле Кузьмиче Янгеле… Более десяти лет, в том числе и суровые годы войны, он трудился на различных авиационных предприятиях, а когда начала рождаться ракетная техника, пришел работать к Сергею Павловичу Королеву. В 1954 году, учитывая его изрядный опыт и огромный талант, М. К. Янгелю было поручено возглавить одно из конструкторских бюро нашей страны. И всего за пять лет под его руководством было создано новое направление в ракетостроении…

Янгеля называли чаще всего не по имени-отчеству, а Кузьмичом. И эта деталь говорит о многом: он был прост и доступен каждому человеку. Был для рабочих и Главным конструктором, и товарищем по труду.

Л. Брежнев, с. 281.

Глава 3

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Внешность. Характер. Интеллект

Когда мы познакомились, Леониду Ильичу было лет 56. Среднего роста, спортивного сложения брюнет с запоминающимися густыми черными бровями, он сразу же производил на собеседника хорошее впечатление своей доброжелательностью. Импонировала его сравнительная скромность и то, что он занял сначала один пост — руководителя партии, оставив должности Председателя Президиума Верховного Совета и Предсовмина за другими лидерами… О Брежневе как государственном деятеле в начале его пути многие были весьма высокого мнения.

Б. Петровский, с. 405 [51].

* * *

С Леонидом Ильичом Брежневым я в первый раз встретился на итальянской выставке в Москве, где давал ему разъяснения. Леонид Ильич произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Был он большой, ладный, с интересом осматривал итальянские экспонаты. Я уточнял и дополнял разъяснения стендистов. Хотелось с ним поговорить, но не тут-то было, как только сопровождавшие его лица решили, что осмотр следует прекратить, я немедленно был отстранен охраной.

В. Сушков, с. 122.

* * *

Наконец около 10 утра нас (меня, Б. В. Петровского и С. П. Трапезникова) пригласили в кабинет Л. И. Брежнева. Здороваясь с ним, я не предполагал, что на 15 лет свяжу свою жизнь с этим человеком. В тот момент мне Брежнев понравился — статный, подтянутый мужчина с военной выправкой, приятная улыбка, располагающая к откровенности манера вести беседу,

юмор, плавная речь (он тогда еще не шепелявил). Когда Брежнев хотел, он мог расположить к себе любого собеседника. Говорил он с достоинством, доброжелательством, знанием дела.

Е. Чазов, с. 11.

* * *

Он был в молодости очень хорош собой. Яркий, широкий, подвижный. Любил поэзию. Знал наизусть Есенина, Мережковского. Мог девушкам головы морочить…

Л. Брежнева, с. 472 [14].

* * *

Было очевидно, что Брежнев старался следить за своей внешностью. Его фигура не соответствовала тем представлениям, которые могли возникнуть по его официальным фотографиям. Это не была ни в коей мере внушительная личность и, несмотря на грузность своего тела, он производил впечатление изящного, живого, энергичного в движениях, жизнерадостного человека. Его мимика и жесты выдавали южанина, в особенности, если он чувствовал себя раскованным во время беседы.

В. Брандт, с. 335.

* * *

Брежнев, обладавший физическим магнетизмом, залавливал собеседника. Его настроение быстро менялось, и он не скрывал своих эмоций… Его руки были постоянно в движении, он крутил часы, сбивал пепел с вечно дымящейся сигареты, бряцал своим портсигаром по пепельнице. Он не мог держаться спокойно. Пока его замечания переводились, он неустанно вставал из своего кресла, ходил по комнате, громко объяснялся с коллегами и даже без объяснений покидал комнату, а потом возвращался. Поэтому при переговорах с Брежневым присутствовало ощущение эксцентричности.

Г. Киссинджер, с. 1148.

* * *

Я не мог удержаться от соблазна мысленно сравнивать Брежнева и Хрущева. Они оба были похожи в том смысле, что это были жесткие, упрямые, реалистические лидеры. Оба перемежали свои рассуждения анекдотами. Хрущев был часто совершенно вульгарен и достаточно простоват. Там, где Хрущев был невежествен и хвастлив, Брежнев был экспансивен, но более вежлив. У обоих было развито чувство юмора, но Хрущев, казалось, гораздо чаще пользовался им за счет окружающих. Хрущев, кажется, был более быстрым в своих умственных реакциях. Брежнев мог быть резким, но всегда очень преднамеренным в своих действиях там, где Хрущев был более взрывным и более импульсивным. У обоих был темперамент, оба были эмоциональны.

Р. Никсон, с. 434.

* * *

Его поведение и юмор были почти озорными на встречах с общественностью. Насколько это было возможно, я выступал в таких ситуациях как его партнер, но иногда мне было трудно удерживать равновесие между вежливостью и достоинством.

Р. Никсон, с. 432.

* * *

…Коротко о личных чертах Брежнева. Начал бы я тоже с положительного, тем более что посторонним он умел показывать себя именно с этой стороны. В принципе (до болезни) Брежнев был не лишен привлекательности, даже обаяния. Он не был жесток и мстителен (хотя, по-моему, достаточно злопамятен). В обхождении умел (и, видимо, любил) выказывать внимание к окружающим. Во многом, особенно связанном с войной и военными воспоминаниями, был даже сентиментален. Друзей своих старых помнил и, как правило, не оставлял без поддержки (которая, правда, нередко опять же перерастала в протекционизм, покровительство бездарным и не всегда честным приятелям). Не любил объясняться с людьми в случае конфликтов, вообще старался избегать неприятных разговоров; поэтому те, кого очернили, оклеветали, не имели возможности не только объясняться, но даже узнать, за что вышли из доверия и попали в опалу.

Мог и удивить. Так, когда бывал в настроении, особенно во

время застолья (от рюмки, пока был здоров, не отказывался, хотя меру, насколько я могу судить, знал, во всяком случае на склоне лет), вдруг начинал декламировать стихи. Знал наизусть длинную поэму «Сакья Муни» Мережковского, немало стихотворений Есенина. Оказалось, что в молодости Брежнев (об этом он как-то при мне сказал сам) участвовал в самодеятельной «Синей блузе», мечтал стать актером. Известная способность к игре, к актерству (боюсь назвать это артистичностью) в нем была. Я иногда замечал, как он «играл» (надо сказать, неплохо) во время встреч с иностранцами.

Г. Арбатов, с. 88 [13].

* * *

…Брежнев поначалу произвел на нас хорошее впечатление. Простой, демократичный. Его общительность и видимая доступность создавали иллюзию этакого добряка, простого парня. Но, конечно, был он гораздо глубже и сложней, целей своих добивался настойчиво и уверенно, используя в том числе и аппарат Президиума. Особенно импонировала окружающим его устойчивость в симпатиях, в привязанностях (но уж не дай Бог не понравиться, не угодить).

Ю. Королев, с. 96.

* * *

В первые годы моей работы в управлении общительный, жизнерадостный, активный Леонид Ильич любил собирать у себя в доме компании друзей и близких ему лиц. Помню свое удивление, когда через год моей работы на посту начальника 4-го управления, в один из декабрьских вечеров, раздался звонок правительственной связи. Говорил Брежнев: «Ты что завтра вечером делаешь? Я хотел бы тебя пригласить на дачу. Соберутся друзья, отметим мое рождение». В первый момент, я даже растерялся. Генеральный секретарь ЦК КПСС и вот, так запросто, приглашает к себе домой, да еще на семейный праздник, малоизвестного молодого профессора. Невдомек мне было тогда, что приглашал Брежнев не неизвестного профессора, а начальника 4-го управления.

В назначенное время я был на скромной старой деревянной даче Генерального секретаря в Заречье, на окраине Москвы, где в небольшой гостиной и столовой было шумно и весело. Не могу

вспомнить всех, кого встретил в этом доме. Отчетливо помню Андропова, Устинова, Цинева, помощника Брежнева — Г. Э. Цуканова, начальника 9-го управления КГБ С. Н. Антонова, министра гражданской авиации Б. П. Бугаева. Царила непринужденная обстановка. Брежнев любил юмор, да и сам мог быть интересным рассказчиком.

Е. Чазов, с. 84.

* * *

Мои личные наблюдения подтверждают, что Леонид Ильич был человеком добрым, общительным, он никогда и никому не сказал грубого слова, ни с кем не обошелся бестактно.

М. Докучаев, с. 180.

* * *

Все, кто знал его лично, помнили как доброго человека, хорошего парня. Он был до нежности чуток со своими охранниками и прислугой, до слез умилялся, слушая детские песни, в молодости слыл жуиром и бонвианом. Беда была в том, что он, как никто другой из руководителей СССР, стал игрушкой в руках партийной верхушки, их марионеткой.

Н. Леонов, с. 259.

* * *

Брежнев в ту пору располагал к себе: встречал каждого с улыбкой, готов был рассказать забавный, нередко и весьма неприличный (только для мужчин) анекдот. А вот заниматься «умственными» делами, напряженной работой он не очень любил. Говорят, весьма увлекался он такой «сложной» игрой, как домино, хотя ничего плохого в этом, конечно, нет.

Ю. Королев, с. 113.

* * *

В отличие от Сталина или Хрущева Брежнев не обладал яркими личностными характеристиками. Его трудно назвать крупным политическим деятелем. Он был человеком аппарата и,

по существу, слугой аппарата.

Если же иметь в виду человеческие качества, то, по моим наблюдениям, Брежнев был в общем-то неплохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, радушным, хлебосольным хозяином. Любил охоту, домино, кино «про зверушек». Радовался доступным ему радостям жизни. Так было примерно до первой половины 70-х годов.

В житейском плане он был добрый человек, по-моему. В политическом — вряд ли… Ему не хватало образования, культуры, интеллигентности в общем. В тургеневские времена он был бы хорошим помещиком с большим хлебосольным домом.

А. Бовин, с. 93 [13] .

* * *

Одно из этих достоинств видели в том, что он не злой, не жестокий человек. И если сравнивать со Сталиным, а в некоторых ситуациях и с Хрущевым — так оно и было.

«Ссылка» в послы или выход на пенсию (персональную) — это не тюрьма, не пытки, не расстрел и даже не исключение из партии и жестокая публичная проработка, которой подвергались противники Хрущева. Правда и то, что это был человек, в общем, простой, даже демократичный. Во всяком случае в первые годы, когда он еще не разучился выслушивать других, говорить спасибо за помощь, даже вслух признавать, что многих вещей не знает. Он обладал к тому же здравым смыслом, не был склонен к крайностям, скороспелым решениям, хотя потом это хорошее качество обратилось в противоположную крайность — нерешительность и бездеятельность.

Вполне очевидными были с самого начала и многие недостатки Брежнева. Он имел заслуженную репутацию человека малообразованного, весьма ограниченного, не обладающего собственным представлением о многих сферах жизни общества и политических проблемах (хотя в этом отношении был, пожалуй, не хуже, а может, несколько лучше других наших тогдашних руководителей — таких, как Кириленко, Подгорный, Полянский). О культурном уровне и потребностях этого человека даже трудно говорить. Если он что-то читал, то иллюстрированные журналы; предпочтение отдавал фильмам о природе и животных, любил «Альманах кинопутешествий»; серьезные же редко мог досмотреть до конца — одно из исключений, пожалуй, «Белорусский вокзал», который его глубоко тронул.

Но и все это не только не мешало, но помогало

головокружительной политической карьере Брежнева. Ибо не меньший, чем некоторые достоинства, «секрет» его силы и политического успеха был в его заурядности, в том, что человек этот был типичен для тогдашней политической элиты. Только такой мог выжить и преуспеть.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 203.

* * *

Я встретился с Брежневым, тогда он был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он произвел на меня впечатление человека обходительного, мягкого, приятного и доброжелательного. После краткой беседы он протянул мне три русских шоколадных конфеты: «Съешьте одну за свою страну, другую — за себя и третью — за Ваших детей». Позже я узнал, что это было его первым ходом в разговоре с большинством иностранных представителей.

Т. Кауль, с. 74.

* * *

Характеру Леонида Ильича, склонностям его натуры больше подходила представительская должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Здесь ему нравилось все: приемы президентов, королей и послов, почетные караулы, завтраки, обеды, ужины, посещение театров. Приятно было вручать ордена, награды. Вокруг улыбающиеся лица, рукопожатия, поцелуи. Речи награжденных полны искренней благодарности и любви. Государственные визиты — снова почетные караулы, приемы, пресса, улыбки, рукопожатия, тосты. Ему нравилось быть на виду, в центре события, видеть свое лицо в газетах, журналах, кинохронике.

С. Хрущев, с. 30 [53].

* * *

Отношения со сторонниками и приверженцами у него были фамильярными, доходившими до панибратства. Это нравилось «брежневцам», и они угодливо улыбались ему, поглядывая в рот. Занимая высокое положение в партии и государстве, они всячески превозносили «дорогого Леонида Ильича», пели дифирамбы

семидесятилетнему Генеральному секретарю, льстя, говорили, что его возраст — возраст расцвета политиков… Чувство внутренней неуверенности он гасил доброжелательностью, говорил просто и душевно о делах не столь докучливых, какими являются экономические проблемы.

Н. Байбаков, с. 249 [13].

* * *

Юрий Владимирович (Андропов. — Сост.) в общении со своими ближайшими сотрудниками был чужд всякой фамильярности (в отличие от Л. И. Брежнева) и всегда держался в строго корректных деловых рамках.

Кстати, в отношении самого себя Брежнев никакой фамильярности, панибратства «снизу» абсолютно не терпел. Всегда была черта, переступить которую было небезопасно. В этом убедился, например, А. Е. Бовин, которого Брежнев ценил как работника, но однажды именно на этой «этической» почве довольно надолго отстранил от сотрудничества.

А. Александров-Агентов, с. 277.

* * *

Доводилось мне встречаться с Л. И. Брежневым и в иной обстановке, когда он посещал Грузию. Был он общителен, контактен, любил шутку, острое, меткое словцо, да и сам умел пошутить, особенно во время застолий. Мог вдруг разоткровенничаться. Насчет того, например, как тяжело ему носить «шапку Мономаха», что в голове под этой шапкой и ночью прокручивается все, над чем приходиться думать днем. А думать приходится ой как много и о многом! Если отбросить позерство Брежнева, то на многих людей, которые с ним общались, он производил очень хорошее впечатление.

П. Родионов. Знамя. № 8. 1989. С. 184.

* * *

Рассказывают о таком факте. Еще в его бытность я секретарем обкома партии к нему пришли согласовывать вопрос о аресте какого-то человека за распространение антисоветских анекдотов. Брежнев потребовал выяснить, что это были за анекдоты и каким

образом «антисоветчик» распространял их. Оказалось, один анекдот он рассказал в очереди за молоком, а второй во время скандала в булочной, где продавали несвежий хлеб.

— Арестовывать его не за что, — объявил Брежнев, — бороться надо не с теми, кто рассказывает анекдоты, а с теми, кто поставляет несвежий хлеб и создает очереди за молоком…

Когда Брежнев возглавлял политотдел армии, он однажды сказал сотрудникам аппарата:

— Конечно, мы — политработники, и наше основное оружие — слово. Но сейчас идет война и каждый обязан хорошо владеть оружием. Даю вам месяц на подготовку, и учтите: переэкзаменовок не будет.

Ровно через месяц Брежнев устроил проверку, и первым проходил ее начальник политотдела, то есть Брежнев. Он все пять зарядов всадил в десятку и девятку, а потом еще поразил цель из противотанкового ружья. Тем самым доказал каждому работнику своего политотдела, что имеет не только административное, но и моральное право строго спрашивать с подчиненных.

Ф. Бобков, с. 164–165.

* * *

Образование у обоих (Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. — Сеет») было типичным для эпохи ускоренного формирования нового, послереволюционного слоя хозяйственных и политических руководителей различных уровней. В одном случае — рабфак и Промакадемия (очень примитивная, конечно, «академия»), в другом — мелиоративный техникум и вечернее отделение металлургического института. Вся «теоретическая» подготовка ограничивалась изучением и сдачей экзаменов по обязательным курсам марксистско-ленинских азов политэкономии, диамата, истмата. И, конечно, истории партии. Большого пристрастия к чтению литературы как политической, так и художественной не было, по-моему, ни у того, ни у другого. Во всяком случае у Брежнева точно: читал для удовольствия, по внутренней потребности он крайне редко и мало, ограничиваясь газетами и «популярными» журналами типа «Огонька», «Крокодила», «Знание — сила». Уговорить Леонида Ильича прочитать какую-нибудь интересную, актуальную книгу, что-либо из художественной литературы было делом почти невозможным. И за 21 год совместной работы с ним мне не приходилось видеть ни разу, чтобы он по собственной инициативе взял том сочинений Ленина, не говоря уже о Марксе или Энгельсе, и прочитал какую-

либо из их работ…

В общем-то, это объяснимо: так сложилась жизнь многих пришедших «с низов» руководящих работников партийного, советского и хозяйственного аппарата той эпохи. Потребности практической жизни, напряженная и ответственная работа захлестнули их с ранних лет — и тут уж было не до теории.

А. Александров-Агентов, с. 115–116.

* * *

Пожалуй, нелишне высказать свое мнение об уровне общей подготовки Брежнева. Я бы сказал так. В общепринятом смысле слова он был человеком образованным. Однако его знания не отличались глубиной. Не случайно он не любил разговоров на теоретические темы, относящиеся к идеологии и политике. Последние годы жизни он почти ничего не читал. Иногда и по своей инициативе рекомендовал ему прочесть те или иные книги, хотя бы в короткие часы отдыха.

Помню, однажды, находясь на отдыхе в санатории под Москвой, я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав: «Книгу я не прочел. Да и вообще — отвык читать».

А. Громыко, кн. 2, с. 524–525.

* * *

Это были отнюдь не творческие дискуссии (речь идет о встречах Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией. — Сост.), а бесконечные, чаще всего разгромные, грубые монологи, к тому же ярко демонстрировавшие низкий уровень культуры самого их автора.

Брежнев, даже если присутствовал на такого рода «представлениях», никогда в них не вмешивался как в силу природного такта (и, конечно, нежелания «перебегать дорогу» шефу), так и потому, что не считал себя знатоком культуры и искусства (и не был им ни в какой степени).

А. Александров-Агентов, с. 125.

* * *

— Интересно, а какое впечатление осталось у вас от этого

человека?

— Лично мое мнение. Необразованный, незнающий. Ленящийся читать даже то, что ему давали. Он не хотел глубоко вникать ни в один вопрос и при этом отделывался фразами типа «тут надо посоветоваться, тут надо подумать».

В. Суходрев, с. 316 [13].

* * *

Брежнев не отличался особым трудолюбием. Я не раз в этом убеждался, и особенно в период работы с ним по подготовке Отчетного доклада ЦК КПСС XXIII съезду партии. Вот каким был тогда режим его рабочего дня: подъем в 10 часов утра, завтрак в 11 часов, затем с 12 до 14 часов ему читали вслух подготовленные материалы. При этом он обычно не высказывал никаких идей и предложений. Затем с 14 до 15 часов обед; до 17 часов он спал, после этого выпивал стакан чаю и уезжал на охоту, с которой возвращался в 21–22 часа, ужинал и до часу, а иногда и до двух ночи смотрел кинофильм.

А. Шелепин, с. 238–239 [13].

* * *

Брежнев не обладал творческим складом ума. Хотя у него имелись незаурядные способности в организаторском плане. Все это было широко известно. Эти способности и его умение ориентироваться в кадровых вопросах оттеняли его сильную сторону. На такие темы он мог вести многочасовые беседы.

А. Громыко, кн. 2, с. 529.

* * *

Что касается отсутствия «ярко выраженного честолюбия» и «властолюбия», то многочисленные факты опровергают такой вывод. Относительно же «пустого резинового сосуда» тоже, требуется кое-что прояснить. Если иметь в виду интеллект, эрудицию, остроту ума, то да, подобный образ, пожалуй, удачен. Брежнев в этом смысле был действительно посредственностью. И отнюдь не случайно он окружал себя, как правило, людьми серыми, чтобы выделяться на этом фоне. Он убирал тех, кто поумнее, поспособнее, проявляя при этом необычайную

изворотливость, недюжинную хитрость, ловкость. Умело используя явную слабость демократических традиций в партии и обществе в целом, он шаг за шагом укреплял свое положение в верхнем эшелоне власти.

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 184.

* * *

У Брежнева не было полета мысли и воображения, без чего трудно творить большие государственные дела. Для Генсека, на мой взгляд, безусловно, требуются и ум, и широкое образование, и воспитание, и сильная воля, и характер, и благородство чувств и помыслов. Брежнев же, как выяснилось (к сожалению, позже), не обладал этими и другими качествами. Он по натуре был трусливым человеком. Даже тяжело заболев, не нашел в себе мужества уйти в отставку.

А. Шелепин, с. 244 [13].

* * *

У Брежнева была хорошая память, и он любил рассказывать, подчас довольно остроумно, точно схватывая детали, разные забавные истории. Вспоминал молодость, фронтовые годы, секретарство в Запорожье, работу в Казахстане и Молдавии и т. д. При этом часто повторялся, но никто не подавал виду, что это уже известно, — смеялись, выражали одобрение.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 207.

* * *

В 1970 году Жореса Медведева — видного биохимика, активно занимавшегося политикой, — поместили в сумасшедший дом. Так тогда поступали с диссидентами. Начался шум. Научная общественность поднялась на его защиту. В те дни я делал для Брежнева какую-то бумагу. И когда докладывал ее, заметил, зря все это с Медведевым, себе же хуже делаем…

У Брежнева была такая привычка: ты ему что-то толкуешь, а он сидит с невозмутимым лицом и никак не реагирует на сказанное. Долго «переваривал». А тут, уже не знаю почему, он сразу при мне позвонил по селектору Андропову. И спросил его:

— Это ты дал команду по Медведеву?

Ответ звучал примерно так:

— Нет, это управление перестаралось. Мне уже звонили из Академии наук. Я разберусь.

Мне Брежнев так ничего и не сказал, но дал возможность убедиться, что он «вник».

А. Бовин, с. 94 [13] .

* * *

На встрече Нала Бахадура Шастри с Брежневым в мае 1965 года присутствовали Громыко и я. Брежнев к тому времени уже любил прихвастнуть и рассказал, как он в 15 лет убежал из дома в Индию, но отец вернул его домой, чтобы определить в дипломатическую школу и сделать из него дипломата. Сам же он решил стать инженером. Потом он обернулся к Громыко: «Как ты думаешь, достиг бы я того же, что сейчас, став дипломатом?» Скромный Громыко промолчал.

Т. Кауль, с. 79.

* * *

В народе ходило много слухов и пересудов о том, что Брежнев был склонен к употреблению спиртного. Все это не соответствует действительности. Автору хорошо известно, что у Брежнева была старинная граненная рюмка, емкостью 75 граммов, которая являлась нормой употребления водки и коньяка. Он выпивал одну рюмку и на этом ставил точку. На официальных торжествах, приемах ему всегда ставили бутылку из-под коньяка, в которую наливали густо заваренный чай. К таким способам приема спиртного прибегали почти все советские руководители, и делать это их заставляли возраст и большие нагрузки в работе.

Леонид Ильич запрещал употреблять спиртное и своему окружению, особенно перед выездами на охоту, при подготовке к большим мероприятиям. Он не выносил застолий в республиках и шумных встреч, скрепя сердце, терпел, когда ему устраивали такие приемы, как, например, в Баку. Алиев тогда вывел на улицы полтора миллиона человек и явно переборщил с азербайджанским гостеприимством.

М. Докучаев, с. 176.

* * *

Еще в те годы (конец 50-х. — Сост.) многие политики и хозяйственники, встречавшиеся с Брежневым, удивлялись: как человек столь посредственных способностей, ограниченного кругозора поднялся так высоко? Действительно, статный, красивый, радушный и благожелательный Брежнев был малообразованным человеком. В своих рабочих записях, резолюциях, пометах он делал множество ошибок (обескуражить, Бон (вместо Бонн), хоккей, Ново Сибирск, Венгрия, Дюсендорф, Чаушестку, Шерванадзе, Киссинджер и т. д. и т. п.). Мне несколько раз приходилось присутствовать при выступлениях Брежнева. В начале 70-х годов он выступал в большом зале Главпура перед военачальниками. Как только отрывался от текста, мы слышали речь малограмотного человека, но довольно живую и житейскую.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 25.

* * *

Среди «семи портретов» советских вождей силуэт Брежнева выделяется своей однозначностью. Это сугубо одномерный человек с психологией партийного бюрократа средней руки, тщеславен, осторожен, консервативен. Он боится крутых поворотов, страшится реформ, но способен неизменно гнуть «генеральную линию» партии туда, куда требует высшая партверхушка…

Профиль Брежнева весьма рельефен и потому, что он, наверное, как никто другой (за исключением Ленина), оставил множество рабочих, личных записей. Эти заметки, короткие записи Брежнев начал вести с 1944 года. Блокноты, общие тетради, записные книжки, настольные календари, просто отдельные листы бумаги испещрены полуграмотными фразами, отдельными малопонятными выражениями и просто словесными знаками. Последние полтора десятка лет эти рабочие записи носят уже более систематический характер, но содержание их также в основном малозначительно: величина собственного веса, сколько времени плавал в бассейне, кому звонил, что подавали на обед, какую награду или титул получил, медицинские процедуры, какими оказались трофеи на охоте…

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 11.

* * *

На следующий день я был в кабинете Брежнева в назначенное время (без каких-либо ожиданий в приемной). Хозяин поднялся из-за письменного стола, прошел навстречу половину длиннейшего кабинета и усадил меня рядом с собой посередине перпендикулярного стола для совещаний. Молодой еще (ему не было и 55 лет), статный человек с живыми, внимательными глазами и приветливой манерой разговора. Сразу перешел к делу (обращаясь, как почти все начальники того времени, происходившие не из интеллигентских семей, на «ты»): «Понимаешь, какое дело: жизнь моя сложилась так, что с малых лет работал в деревне, с юношеских лет — на заводе, а потом — партийные комитеты и на всю войну — армия. Никогда я с этой чертовой внешней политикой дела не имел и совсем в ней не разбираюсь. А теперь вот выбрали президентом, и приходится заграничными делами заниматься. Мне нужен человек, который помог бы войти в курс дела, сориентироваться в наиболее важных вопросах. Кое-кто порекомендовал обратиться к вам («вы» и «ты» постоянно перемешивались). Как бы вы посмотрели на то, чтобы перейти работать ко мне?» И тут Брежнев опять повел себя непривычным для меня, мидовского чиновника, образом: начал расспрашивать, сколько я получаю, как жилищные дела и т. д. Высказал сожаление, что не может предложить более высокую ставку, чем я получаю в МИДе, но тут же добавил: «Но зато, имей в виду, у нас в Верховном Совете, очень хороший дачный поселок, да и кремлевская столовая тоже…» О внешней политике как таковой, о моих познаниях в ней или взглядах речи вообще не было. Зато Леонид Ильич довольно подробно и образно рассказывал о своей жизни. А в конце произнес фразу, которая мне надолго запомнилась: «Ты не смотри, Андрей, что я такой мягкий. Если надо, я так дам, что не знаю, как тот, кому я дал, а сам я после этого три дня больной». Даже при некоторой доле рисовки это все же была довольно меткая автохарактеристика.

А. Александров-Агентов, с. 112–113.

* * *

Воспоминания очевидцев того времени (конец 40-х годов) позволяют сделать вывод: Брежнев, что встречалось тогда не часто, «брал» не жестокостью, бесцеремонным администрированием и угрозами, а доброжелательностью и терпимостью. Сам первый секретарь не особенно вмешивался в дела своих подчиненных, больше полагаясь на выработанную у аппарата привычку к исполнительности. При всем том, что мы

знаем и говорим о «позднем» Брежневе — ленивом, тщеславном, недалеком вельможе, — «ранний» Леонид я Ильич по крайней мере выделялся среди других я искренней доброжелательностью к людям.

Д. Волкогонов. кн. 2, с. 20.

* * *

Помню, как однажды он позвонил и попросил проводить его к брату, который находился на лечении в больнице в Кунцево. Я вышел на улицу и стал ждать его и эскорт сопровождающих машин. Каково было мое удивление, когда ко мне как-то незаметно подъехал «ЗИЛ», в котором находился Брежнев и только один сопровождающий. Брежнев, открыв дверь, пригласил меня в машину. Но еще больше меня удивило, что машину обгонял другой транспорт, а на повороте на Рублевское шоссе в нас чуть не врезалась какая-то частная машина. С годами изменился не только Брежнев, но и весь стиль его жизни, поведения и даже облик.

Е. Чазов, с. 85.

* * *

Разбирался ли Леонид Ильич в людях? Могу ответить утвердительно: да. Как посмотрит на тебя из-под густых бровей, так ему многое становится ясно, и какие-то вопросы отпадали сами собой.

Ю. Чурбанов, с. 370 [34].

* * *

Брежнев умел использовать людей, «как книги». Очень контактный по своей натуре, он и на высших постах очень много общался с людьми — и с коллегами по руководству, и с работниками промышленности, сельского хозяйства, и с представителями мира науки и, в какой-то мере, искусства и литературы. И в этом общении всегда был очень внимателен и как бы впитывал то, что слышал, фиксировал своей прекрасной памятью, чтобы затем, когда надо, «вынуть с полки» ту или иную услышанную и понравившуюся идею, мысль, даже фразу и пустить в практический оборот.

А. Александров-Агентов, с. 116.

* * *

Он мог ругаться не только с нижестоящими по отношению к нему, но и даже с самим «первым», если чувствовал поддержку большинства членов Президиума, например в вопросе о судьбе крымских татар и поволжских немцев. Однажды, в году, наверное, в 1963-м, перед заседанием Президиума в «предбаннике» Хрущев сказал: «Воронов предлагает создать Немецкий национальный округ из четырех районов Саратовской области и Татарский национальный округ из нескольких районов в Крыму». Сам он был вроде бы не против, говоря: «Сталин не только их, но и украинцев всех бы переселил, если б нашлось место, ибо и на Украине предателей хватало… А что, в России разве меньше было? А вы все твердите, что среди немцев и крымских татар было много предателей».

Тут Брежнев начал на него орать. Его поддержал Суслов и другие.

Что, дело до крика доходило?

Не то слово «крик». Ругань матерная висела в воздухе.

Г. Воронов, с. 183–184 [13] .

* * *

Вспоминая стиль жизни и поведения Брежнева на протяжении последних 15 лет, я убеждался, как сильны человеческие слабости и как они начинают проявляться, когда нет сдерживающих начал, когда появляется власть и возможности безраздельно ею пользоваться. Испытание «властью», к сожалению, выдерживают немногие. По крайней мере в нашей стране. Если бы в конце 60-х годов мне сказали, что Брежнев будет упиваться славой и вешать на грудь одну за другой медали «Героя» и другие знаки отличия, что у него появится дух стяжательства, слабость к подаркам и особенно к красивым ювелирным изделиям, я бы ни за что не поверил. В то время это был скромный, общительный, простой в жизни и обращении человек, прекрасный собеседник, В лишенный комплекса «величия власти»…

Как ни странно, но я ощутил эти изменения, казалось бы, с мелочи. Однажды, когда внешне все как будто бы оставалось по-старому, у него на руке появилось массивное золотое кольцо с печаткой. Любуясь им, он сказал: «Правда, красивое кольцо и мне

идет?» Я удивился — Брежнев и любовь к золотым кольцам! Это что-то новое. Возможно, вследствие моего воспитания я не воспринимал мужчин, носящих ювелирные изделия вроде колец. Что-то в этом духе я высказал Брежневу, сопроводив мои сомнения высказыванием о том, как воспримут окружающие эту новинку во внешнем облике Генерального секретаря ЦК КПСС. Посмотрев на меня почти с сожалением, что я такой недалекий, он ответил, что ничего я не понимаю и все его товарищи, все окружающие сказали, что кольцо очень здорово смотрится и что надо его носить. Пусть это будет его талисманом.

Е. Чазов, с. 84–85.

* * *

Сейчас все накинулись на Алиева за то, что он в Азербайджане преподнес Леониду Ильичу очень красивый и дорогой перстень… Сам Алиев в интервью говорит, что никакого перстня он Леониду Ильичу не дарил. Но Алиеву никто не верит. Я же свидетельствую, что он говорит правду: этот перстень в день 70-летия Леониду Ильичу подарил его сын Юрий. И этот перстень быстро стал любимой игрушкой — ведь сын подарил! — уже немолодого Генсека.

Ю. Чурбанов, с. 364 [13] .

* * *

Май 91-го года. Съемки в Кремле американского фильма «Монстр». Встретил Георгия Коваленко, который при знакомстве всегда произносил неизменную фразу: «Я всех членов Политбюро видел в гробу». Георгий Никитович уже 33-й год работает могильщиком, и ни одни сколько-нибудь ответственные похороны не обходятся без него. «Самое трудное, — говорит он, — закрыть могилу. Ведь сыпать землю нужно ровно 4 минуты 30 секунд, именно столько звучит Гимн Советского Союза. Когда умер Брежнев, я страшно огорчился. Он был очень добрым человеком, всех жалел. Помню, хоронили Суслова. Пельше даже подошел к оркестру и попросил играть не так траурно, а то Леонид Ильич расплакался. Когда Леонид Ильич маму свою хоронил, то плакал все время, таблетки глотал. Я тогда подошел и обнял его. Он тепло так сказал: «Спасибо, Георгий!», а сам: «Мама, мамочка…» И плачет. А уж когда в машину садился, то не забыл сказать управделами, чтобы нас не обидели. Тут нам сразу по конверту

сунули, а в каждом было по тридцать сторублевок. Такую большую премию мы даже за членов Политбюро не получали.

В. Дружбинский, с. 185.

* * *

Были у Брежнева и очень неприглядные черты. Многое шло от того, что сам он, его семья, его среда очень в большой мере воплощали, олицетворяли в себе мещанство, мещанский склад мысли, психологию и, что существенно, «нутряные инстинкты». То самое мещанство, которое разглядели в выдвигавшихся все более «совслужащих», мелких и средних (но хотевших забраться повыше) руководителях и администраторах и так умно и беспощадно описали М. Зощенко, а затем И. Ильф и Е. Петров.

Но, повторю, пока Брежнев был здоров, негативные качества — и политические, и личные — были не так заметны. Болезнь притушила, а потом свела на нет многие его положительные свойства. Отчасти, возможно, потому, что он утратил контроль над собой, перестал сдерживать воспитанные всем прошлым и пришедшие из окружения подозрительность, любовь к сплетням, стяжательство, не знавшее границ тщеславие, желание покрасоваться и перед людьми, и перед собой. Уровень его нравственной требовательности к себе, как, впрочем, и к окружающим, становился все ниже. Может быть, болезнь ускорила процесс распада личности.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 205.

Глава 4

ПОРТРЕТ В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Быт. Семья. Дети. Женщины

Леонид Ильич и Виктория Петровна, его супруга, имели квартиру на Кутузовском проспекте. Это пять или шесть комнат с обычной планировкой. Шум, гам — за окном обычная московская жизнь. Что и говорить, здесь не было необходимых условий для полноценного отдыха, поэтому свою московскую квартиру Леонид Ильич не любил и бывал здесь крайне редко, всего пять-шесть дней в году… Пройдет время, и в самом конце 70-х годов Леониду Ильичу предложат новую благоустроенную квартиру на улице Щусева. Конечно, тут было лучше, но то ли Леонид Ильич был однолюб, то ли еще что, — он посмотрел новую квартиру и сказал, что она для него чересчур большая. Скорее всего она просто не понравилась ему своей казенностью что ли, я не знаю. А квартира на Кутузовском была скромнее: это обычный московский дом старой застройки, потолки что-то около трех метров, комнаты в среднем 25–30 метров — столовая, небольшой рабочий кабинет, спальня, гостиная… Обслуживающий персонал всего три человека: повар, готовивший пищу под руководством Виктории Петровны (она всегда подсказывала, что Леонид Ильич любит больше всего и как это получше приготовить), официантка и уборщица. Охраны здесь не было, она помещалась внизу, на первом этаже. В подъезде (дом имел один подъезд), кроме семьи Брежневых и Юрия Владимировича Андропова, который жил двумя этажами ниже, были квартиры министров, партийных и советских работников, причем разного ранга, т. е. это не был дом Брежнева, это был обычный дом № 26, расположенный на Кутузовском проспекте. Здесь, в этой квартире, у Леонида Ильича была хорошая библиотека и такая же, если не больше, находилась на его даче.

Ю. Чурбанов, с. 354–355 [13].

* * *

Брежнев получил эту квартиру много лет назад. У него было

множество возможностей сменить ее. На улице Щусева, в самом респектабельном районе Москвы, в конце 70-х годов вырос дом из отличного кирпича. Таких домов все больше и больше появлялось в центре Москвы для все прибывающей партийной элиты. Особенностью этого дома стало одно любопытное обстоятельство, незаметное с первого взгляда: окна четвертого этажа были безусловно больше остальных. И все пространство между третьим этажом и пятым больше, чем между другими этажами.

Четвертый этаж предназначался Леониду Ильичу Брежневу с Викторией Петровной.

Говорили, что он участвовал в обсуждении проекта, давал указания, высказывал пожелания и был первым, вошедшим в только что законченное здание, но селиться отказался.

По рассказам его родственников, ничего он не обсуждал, никаких указаний не давал. Прихлебатели и блюдолизы старались сами, не спрашивая его, а когда предложили переезд, оба старика, Леонид Ильич и Виктория Петровна, не захотели двигаться с насиженного места:

— Нам и тут хорошо. Вообще, надо поскромнее, поскромнее — нам нельзя выпячиваться.

…Прямо передо мной дверь в большую комнату — окнами на шумный Кутузовский проспект. Заглядываю. Два портрета Леонида Ильича кисти художника придворного стиля. Типа Александра Герасимова, но много хуже. Один портрет явно с известной фотографии, другой — более домашний: сидит моложаво-вальяжный Брежнев, наклонившись вперед, в распахнутой рубашке, положив перед собой руки. У одного из окон этой просторной комнаты, явно бывшей столовой, две металлические клетки на тонких высоких ножках. В клетках — волнистые попугайчики. Генсек любил живность.

Л. Васильева, с. 457.

* * *

В Подмосковье, в Одинцовском районе, у него была государственная дача. Он жил на ней круглый год… Это был обычный трехэтажный дом кирпичного исполнения с плоской крышей. Наверху располагалась спальня Леонида Ильича и Виктории Петровны, они все время предпочитали быть вместе, и, когда Леонид Ильич 10 ноября 1982 года принял смерть, Виктория Петровна спала рядом; небольшой холл, где он брился (сам, но чаще приглашая парикмахера). На втором этаже две или три спальни для детей, очень маленькие, кстати говоря, от силы 9

—12 метров, с совмещенным туалетом и ванной. Мы спали на обычных кроватях из дерева. Внизу жилых комнат не было, там находились столовая, рядом кухня и небольшой холл. На третьем этаже Леонид Ильич имел уютный, но совсем крошечный кабинет.

На всю дачу приходился один видеомагнитофон и один телевизор — советского производства, по-моему «Рубин»… На первом этаже был кинозал, в нем стоял бильярд, на котором Брежнев почти не играл, — но это не кинотеатр, именно кинозал, где Леонид Ильич обычно смотрел документальные фильмы. Он их очень любил, особенно фильмы о природе.

На третьем этаже Леонид Ильич имел библиотеку. Обычно он отдыхал здесь после обеда, и никто не имел права ему мешать. Всех посетителей Леонид Ильич принимал в основном на работе. На дачу приезжали только близкие товарищи, это было довольно редко, обычно гости собирались к ужину и разъезжались, как правило, часов в десять — в половине одиннадцатого, но не позже. Леонид Ильич старался жить по строгому распорядку, мы знали этот распорядок, и его никто не нарушал. В одиннадцать он уже спал. Леонид Ильич ложился с таким расчетом, чтобы проснуться не позже девяти.

В доме был бассейн, где-то метров пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше — метров шесть. Утром Леонид Ильич под наблюдением врачей делал здесь гимнастику. Рядом с домом был запущенный теннисный корт, на нем никто не играл, и он быстро пришел в негодность, зарос травой.

Правда, весь дачный участок занимал довольно большую территорию, но не больше, чем у других членов Политбюро: после работы и в выходные дни Леонид Ильич очень любил пройтись по свежему воздуху.

За пользование государственной дачей с него, так же как и со всех, высчитывали деньги, не знаю сколько, но знаю, что он платил, так как Виктория Петровна, распределяя бюджет семьи, иногда «докладывала»: все в порядке, за дачу я заплатила за полгода вперед, на что Леонид Ильич посмеивался: а как же, ведь мы здесь живем, платить-то надо. Разумеется, деньги платились и за квартиру на Кутузовском проспекте.

Ю. Чурбанов, с. 355–356 [13].

* * *

Не в привычках Леонида Ильича было изысканно обставлять квартиры и кабинеты. Нравились ему простота и простор. Только

поэтому он не переехал в специально подготовленную для него бывшим управляющим делами ЦК КПСС Павловым квартиру на улице Щусева. Он приезжал, посмотрел ее и сказал, что в таких хоромах жить не намерен. (Сейчас в ней проживает демократ Р. Хазбулатов.) Семья Брежнева осталась в четырехкомнатной квартире по Кутузовскому проспекту, в которой проживал с 1952 г. В настоящее время в ней проживает со своими близкими его супруга Виктория Петровна.

М. Докучаев, с. 177.

* * *

Брежнев первые годы жил на скромной даче в Заречье. Каково же было мое удивление, когда, приехав к нему после его возвращения из отпуска, я увидел на месте скромного деревянного дома большую мраморную дачу с зимним и летним бассейном, большой столовой, красивым интерьером. Но первое время и в этом дворце Брежнев оставался прежним Брежневым — активным, с чувством юмора, в принципе добрым человеком. Он чутко прислушивался к советам своих товарищей, помощников и консультантов.

Е. Чазов, с. 87.

* * *

Позже я осматривал эту дачу. Внешне она выглядела неказисто: низенькая, в два этажа, с маленькими залами и гостиной. И только пристроенный бассейн и сауна удлинили помещение. Из тех дач, где жили члены Политбюро и руководители правительства СССР, эта была, пожалуй, довольно скромная.

На первом этаже кроме холла была столовая метров 50, крутая лестница на второй этаж. Там несколько спаленок метров по 15–18 с небольшими туалетами и низкими потолками; здесь останавливались дети и внуки, когда им это разрешалось.

Спальня Брежнева была побольше, но ничего похожего на Форос тут не было. Кабинет Леонида Ильича был небольшой — метров 20–25, скромный письменный стол, стеллажи вдоль стен. Небольшой диван. У стола телефонный пульт, по которому он мог связаться по прямой связи с членами Политбюро ЦК, некоторыми другими должностными лицами.

На стеллажах стояли книги главным образом времен

середины 50-х — начала 60-х годов. Много дарственных изданий, альбомы с фотографиями, различные буклеты, брошюры о боевых действиях 18-й армии, Малой земле и многое другое о той жизни, где была настоящая работа и истинные увлечения. В комнатах витал дух неухоженности, казенщины. Все напоминало временность пребывания здесь человека, мимолетность его жизни на земле. Больше всего поразили меня казенная мебель и чужие холодные стены, которые обитатели дома, и это знали все, начиная от Брежнева до его внуков, будут вынуждены рано или поздно покинуть.

В. Болдин, с. 40–41.

* * *

Еще об одной военной тайне заповедных расходов мне хотелось бы поведать. Это о средствах, затрачиваемых на эксплуатацию и содержание двух баз отдыха: «Центральная» и «Южная» (Шалаш), ранее построенных в заповеднике в качестве так называемой «Резиденции» для Л. И. Брежнева. Имеющиеся на «Центральной» базе несколько огромных по площади роскошных особняков, отделанных мрамором, резным деревом, с наличием многочисленных архитектурных и инженерных излишеств, постоянно поддерживаются во всем блеске и великолепии. Там же расположено огромное по размерам (7353 куб. м), на зависть любому воинскому гарнизону, здание холодильника, снабженное импортным оборудованием и другими техническими устройствами. Имеются современный узел правительственной связи, начиненный электронной техникой, прекрасная вертолетная площадка, пруд с форелью и 10 гектаров ухоженных земельных угодий, занятых под парк и розарий. Вместе с «Южной» базой Л. И. Брежнева стоимость указанных выше сооружений, по данным администрации заповедника, составляет свыше 10 миллионов рублей, а ежегодные затраты на их содержание и поддержание в них «постоянной готовности» — свыше 244 тысяч рублей (в ценах 1990 года).

В. Сергеев. Огонек. 1990. № 47. С. 26–27.

* * *

Через Боровицкие ворота подъезжаем ко второму подъезду первого корпуса Кремля.

К десяти часам Брежнев уже в кабинете.

Кроме хорошо известных приемной и кабинета, было еще маленькое уютное помещение, около десяти квадратных метров, где он обедал, здесь же стоял стол с телефонами, за которым он иногда в тишине работал, дальше — такого же размера комната отдыха: тахта, зеркало, раковина для мытья рук и наконец — предбанник с вешалкой и туалетом. Сюда, в предбанник, мы и заходим через отдельный личный вход. Я помогаю Леониду Ильичу снять пальто и через коридор прохожу в приемную, здесь у меня своя отдельная дежурная комнатка (два метра на два) с прямой связью…

Цековские апартаменты на Старой площади были скромнее — основной кабинет плюс комната, в которой стояли тахта и столы, кроме того — полки с книгами и туалет… Брежнев работал больше в Кремле.

В. Медведев, с. 242 [47].

* * *

Любимым местом отдыха для Брежнева всегда оставался Крым — Нижняя Ореанда. Чудесный уголок неподалеку от Ялты. Вокруг — хвойные и лиственные деревья: сосны, кедры, пихты, дубы, платаны, вязы, клены… Двухэтажный особняк довольно скромен… На первом этаже — три комнаты и маленький детский бассейн, на втором — спальня супругов, рабочий кабинет, столовая и гостиная. На север и юг выходили две большие лоджии, на первой хозяева завтракали, на второй — обедали.

Особняк соединялся переходом со служебным домом, там находились комнаты начальника охраны, двух его заместителей, дежурное помещение и кухня, откуда доставлялась на тележке пища в главный дом.

В. Медведев, с. 243–244 [47].

* * *

Я не раз думал, почему именно Брежнев так легко находил общий язык с Тито. Главная причина, видимо, в том, что в основе острого конфликта между Сталиным и Тито и всей последующей вражды между двумя партиями и странами лежали не столько теоретические расхождения, сколько личное соперничество и абсолютная нетерпимость Сталина ко всякому «вольнодумству» среди союзников, к любому игнорированию его, Сталина, опыта и установок в любом вопросе. Хрущев с его амбициозностью и

непредсказуемой импульсивностью тоже не внушал Тито большого доверия. А вот Брежнев с его мягкостью, терпимостью, склонностью к компромиссам был куда более подходящим партнером для улаживания всякого рода расхождений. Да и многое в стиле личной жизни Тито (пристрастие к комфорту и даже роскоши и т. п.), что могло лишь раздражать аскетическую натуру Сталина, скорее импонировало Брежневу. Недаром ведь он-некоторое время даже носил перстень, подаренный ему Тито.

А. Александров-Агентов, с. 160.

* * *

Как таковая семья Брежнева была невелика: Виктория Петровна, Леонид Ильич; двое детей — Галина и Юрий; трое внуков — дочь Галины, Виктория, и сыновья Юрия — Леонид и Андрей; несколько мужей Галины: Евгений Милаев, Игорь Кио, Юрий Чурбанов; у Юрия Брежнева на всю жизнь одна жена — Людмила. Очень приятная женщина. Умная.

Однако и у Леонида Ильича, и у Виктории Петровны много сестер и братьев, а у тех, в свою очередь, жены, мужья, дети, внуки, зятья, невестки. В результате сложился огромный семейный клан, всегда остро нуждающийся в помощи и поддержке. Как все уважающие себя кланы, он разделился изнутри, и отношения внутри клана были сложные. Деление происходило естественное: на родственников Леонида Ильича и родственников Виктории Петровны. Покорная мужу во многих отношениях, супруга крепко держала оборону своего семейного отделения внутри общебрежневского клана, четко следя, чтобы родственники с его стороны не обошли в привилегиях родственников с ее стороны.

Л. Васильева, с. 459.

* * *

Родилась я в Курске, в семье паровозного машиниста. Отец Петр Никанорович Денисов… В семье было пять человек детей, мама не работала. Я окончила школу, пошла учиться в медицинский техникум. Познакомились мы с Леонидом Ильичом на танцах. В Курске.

Он пригласил мою подружку. Отказалась. Он еще раз пригласил. Отказалась. «А ты пойдешь, Витя?» — спросил он. Я пошла. На другой день он опять подружку приглашает, и опять

она не идет танцевать с ним. И опять идет Витя Денисова.

— Почему не пошла подружка?

— Он танцевать не умел. Я его научила. С танцев все и началось. Стал провожать. Я к нему присматривалась. Серьезный. Хорошо учился.

— Красивый был в молодости?

— Не сказать. Прическа у него была на косой пробор. Не шла ему. Я ему потом прическу придумала, он с ней всю жизнь проходил. Познакомились в двадцать пятом году, в двадцать восьмом поженились…

— Вы работали?

— Недолго. Акушеркой. Потом Галя родилась. Юра. Леня детей почти не видел — всегда на работе. И по воскресеньям — сядем все за стол, он очень любил, чтобы вся семья сидела, и только начнем обед — звонок: вызывают. Срочное дело.

— Значит, вы стали домашней хозяйкой?

— Сначала я не умела готовить. Но как-то сразу захотела научиться. И наверное, у меня к этому делу есть способности. Леонид Ильич, дети, да и все, кто бывал у нас, всегда хвалили мои приготовления… Леонид Ильич любил мои борщи. Знаете, украинские борщи есть разных типов: холодный и горячий, постный и на мясном наваре. Котлеты…

— У Леонида Ильича был хороший аппетит?

— Отменный. И всегда хвалил. Ему моя кухня очень подходила. «Лучше Вити никто не готовит».

Меня Викторией назвали потому, что в Курске, где я родилась, было много поляков, они жили по соседству, у них было много девочек Викторий. Ну и я стала Виктория. А сокращенно он звал меня Витя с первого дня знакомства.

Я много с ним ездила. В Индии была. С Джавахарлалом Неру встречалась. На слонах каталась. В митинге участвовала. Огромное поле — масса народа. Выступают Неру и Брежнев.

И во Франции была с Леонидом Ильичом. Там у меня конфуз вышел. Прилетели мы, торжественная встреча, а вдалеке демонстрация стоит с плакатами. И среди плакатов такое содержание: «Виктория Петровна! Вы — еврейка! Помогите своему народу! Пусть евреев отпустят на родную землю».

А мне неудобно. Я не еврейка, хотя говорили, что была очень похожа. И сказать, что не еврейка, неловко, еще подумают, что я от нации своей отказываюсь, как это у нас бывало.

Вообще, я вам скажу, действительно не любила я эти поездки и, если можно не ехать, не ездила. Ничего в них не видишь. Сидишь в машине и слышишь экскурсовода: «Повернитесь направо — Эйфелева башня, налево — собор Парижской

богоматери». А выйти и провести хоть полчаса в соборе — нет времени. Все по верхам. Я так не люблю.

В. Брежнева, с. 468–470 [14].

* * *

Я много о ней думала. Характер добрый, но нелегкий… Он был в молодости очень хорош собой. Яркий, широкий, подвижный. Любил поэзию. Знал наизусть Есенина, Мережковского. Мог девушкам головы морочить. Она рядом с ним была невыигрышна. Виктория Денисова, дочь машиниста паровоза. Стеснительная. Обыкновенная. Я, когда обвыклась в доме, иногда шутила:

— А не догнал ли, Виктория Петровна, Анну Владимировну, вашу маму, какой-нибудь интеллигентный еврей, пока ваш отец Петр Никанорович управлял паровозом?

Она смеялась. Оба они — Леонид Ильич и Виктория Петровна — были люди большой родни. Общность семьи была в их характерах, и может, она так сильно сроднила их. Витя без Лени обеда не начнет, если он обещал приехать на обед. Он без нее ничего в доме не решает. И вообще — все домашние дела держатся на его фразе: «А как Витя? А что Витя скажет? Спросите у Вити, она все знает»…

Он в молодости подавил ее внешностью, компанейскостью, актерством, чтением стихов, умением обаять. Она с самого начала осознала разницу: кто он и кто она. И взяла его тылом — он до какого-то момента был ей признателен за чувство дома, а потом она стала его вторым «я». Во всем, что касается дома. Представьте — большой, длинный, уставленный яствами стол. Во главе стола — Витя, слева от нее — Леня. По ее сторону сидят ее родственники, по его сторону — его родственники. Как по ранжиру.

Утром за завтраком он ест, она сидит рядом. Просто сидит, и ему спокойно. Ему делают укол инсулина — она должна быть тут. Друг без друга не могут. Вечером ждет до глубокой ночи, дремлет…

Она очень блюла место мужа в доме. Летом, на юге, после моря, после обеда хочется спать — нет, сиди за столом, жди, пока Леня приедет. Он приезжает непременно с букетом: «Это тебе, Витя».

«Витя — Леня», «Леня — Витя», — только и слышишь. Голубки…

За столом обычно сидела не только семья, но и доктор, и

медсестра, и горничная. В доме было два повара: Слава и Валера. По двадцать лет у Брежнева работают. Виктория Петровна всегда следит за их работой. И говорит:

— То, что вы на курсах прошли, хорошо, но это — ресторанная еда. А в пищу, чтобы она была отменной, всегда нужно добавлять чуточку души.

У нее, наверное, природный кулинарный талант. С утра до вечера она, как пчелка, крутилась по хозяйству: соленья, варенья, моченья, сушка лечебных трав. Помидоры и огурцы солились бочками. А за столом — пельмени, пироги с вишнями!

Было у Виктории Петровны несколько коронных блюд, а среди них — варенье из крыжовника. Долго она с ним обычно возилась, но получалось у нее сказочно.

Поговорить о еде в семье очень любили. Даже за столом, когда ели. Вспоминали, как родители в печке готовили. Обсуждали борщи, каши.

Она очень заземленная. Ей приходилось переезжать с дачи на дачу, когда он был у власти, и в Днепропетровске, и в Молдавии, и в Москве. Знаете, какой был у нее первый вопрос? А есть ли там погреб? Какой он?

Всегда на кухне: перец с яблоками, перец в масле, домашние колбасы, сальтисоны, кровяная колбаса с гречкой. Вязала и внучке, и дочке Галине.

Внучку, Галину дочку, она воспитала сама, с первых дней. Девочку и назвали Викторией в ее честь. И племянников, и сестер-братьев своих любила. Отдавала им предпочтение перед родней Леонида Ильича.

Она в гости ходить не любила, а он к себе всех всегда звал.

«Андрюша Громыко зовет на обед», — скажет она.

«Хорошо. Но зачем к нему идти? Пусть он к нам на обед идет»…

Она политикой вообще не интересовалась. Вот выбрать хорошую баранину или свиную рульку — это пожалуйста. Пирог с вишнями замесить — пожалуйста. Его маме, Наталье Денисовне, сливки налить и яблочко приготовить — с удовольствием.

Наталья Денисовна (мать Брежнева) была своеобразная женщина. Ей было около девяноста. Я как-то зашла к ней в комнату — темно. «Не зажигай в свет, — говорит, — я на лицо маску из сливок положила, Витя посоветовала».

Наталья Денисовна тоже очень хорошо вязала, она на юге обычно вязала шерстяные тюбетейки от солнца: Лене, детям, охранникам…

Между собой Виктория Петровна с Леонидом Ильичом никогда не ссорились. Если что ей не нравилось, она умолкала и

вся фигура выражала укор. Я никогда не видела ее плачущей. Подруг у нее не было. В доме тем не менее часто бывали жены Мазурова, Кулакова, Громыко, Устинова. Обедали вместе, играли в картишки.

Все было как-то нелогично: с одной стороны, дом — полная чаша, все посвящено плоти, с другой — подчеркнутая, я бы сказала, показная скромность: джинсы внукам нельзя носить, что люди скажут.

Мне хорошо одеться — нельзя, нужно поскромнее, чтобы не было разговоров. Сережки покупаю попроще. Брошку «нацеплять нельзя». Хорошо одеваться — некрасиво. Обнаженная Венера на картинке — это голая женщина, стыд какой. И Тетчер приводится в пример, мол, вот она скромно одета.

На продукты им выделялось четыреста рублей. Виктория Петровна никогда не давала кусочку пропасть. Батарейку не выбросит — а вдруг ее можно еще использовать…

Старшие Брежневы — очень консервативные люди. Большие консерваторы. Виктория Петровна сохраняла старые рубашки Леонида Ильича — они чинились, перешивались. Круглые сутки в доме работали две женщины и сама хозяйка. Не приседая. Когда он умер, она не плакала, а как-то окаменела. На лекарствах. Три дня сидели в Колонном зале.

Она всегда верила врачам и вообще, как цветок: польют — растет. Похвалят — старается.

Л. Брежнева, с. 472–476 [14].

* * *

Нужно сказать, что у нас, особенно среди женщин, любят перемывать кости женам руководителей высокого ранга. Досталось и Виктории Петровне. Утверждалось, что она сильно влияла на Леонида Ильича в государственных и партийных делах. Это также неправда, Виктория Петровна не могла быть таковой в силу своего характера и постоянной болезни. Несколько раз она находилась в критическом состоянии, но выходила из этого положения и пережила мужа. Она часто выезжала на лечение в Карловы Вары. Единственным ее вмешательством в дела супруга было то, что она сделала Леониду Ильичу замечание по поводу награждения его орденом «Победа». Она заявила, что ему не следовало принимать этот орден, ибо он вручается за выдающиеся достижения в военной области. Брежнев тогда ответил, что на этом настояли члены Политбюро, а он не дал должной оценки их действиям.

М. Докучаев, с. 178.

* * *

Добрую память о себе оставила жена Леонида Ильича — Виктория Петровна, всегда державшаяся в тени мужа. Рада Гавриловна (жена В. В. Щербицкого. — Сост.) рассказывала, что была она очень тактичной, мудрой женщиной. Жизнь ее складывалась нелегко, и в семье далеко не все было благополучно. Тем не менее она служила образцом сдержанности, хлебосольства, всегда встречала с улыбкой, доброжелательно. В семье Брежнева чувствовали себя не как в доме большого руководителя, а как в хорошем добром кругу друзей. И поэтому искренне жаль, что так непросто сложилась судьба этого родового гнезда.

В. Врублевский, с. 30.

* * *

У нас сложились хорошие, добрые отношения (с женой Брежнева. — Сост.). Они поддерживались тем, что тяжелобольная Брежнева понимала, что живет только за счет активной помощи врачей. Не хочу уподобиться многочисленным «борзописцам», смакующим несчастье и злой рок в семействе Брежневых. Большинство из этих несчастий выносила на своих плечах Брежнева, которая была опорой семьи. Она никогда не интересовалась политическими и государственными делами и не вмешивалась в них, так же, впрочем, как жена Андропова. Ей хватало забот с детьми. Сам Брежнев старался не вмешиваться в домашние дела. При малейшей возможности он «вырывался» на охоту в Завидово, которое стало его вторым домом. Как правило, он уезжал днем в пятницу и возвращался домой только в воскресенье вечером.

В последние годы жизни Брежнева у меня создалось впечатление, что и домашние рады этим поездкам. Думаю, что охота была для Брежнева лишь причиной, чтобы вырваться из дома. Уверен, что семейные неприятности были одной из причин, способствующих болезни Брежнева. Единственно, кого он искренне любил, это свою внучку Галю. Вообще взаимоотношения в семье были сложные. И не был Чурбанов, как это пытаются представить, ни любимцем Брежнева, ни очень близким ему человеком.

Е. Чазов, с. 118.

* * *

В немалой степени на Брежнева влияла его семья. Конечно, не возразишь, если скажут, что сам он не только терпел, но каким-то образом и поощрял дурные нравы и стиль поведения своих домочадцев, прежде всего детей. Наверное это так. Но я не хочу искать виноватых, а просто констатирую факт: семья, многочисленные родственники, а также близкие к ним люди, тянувшиеся за Брежневым с Украины, из Молдавии, вообще с мест его прежней работы, дурно влияли на него.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 206.

* * *

Крайне редко в поездках, в отличие от Хрущева, его сопровождала жена. Это было связано не только с ее болезнью (она страдала тяжелой формой диабета), но и принципом, который исповедовал Брежнев: жена — это только домашняя хозяйка и мать семейства. Вот почему в Калифорнии, помимо охраны, оказалась лишь небольшая группа — 5–6 человек сопровождающих лиц.

Е. Чазов, с. 110.

* * *

Более того, в конце 70-х годов, когда у Брежнева на фоне уже развившихся изменений центральной нервной системы произошел срыв, связанный с семейным конфликтом у его внучки, никого из близких не оказалось на его стороне. Уверен, что этот срыв усугубил процессы, происходившие и в сосудах мозга, и в центральной нервной системе.

Е. Чазов, с. 119.

* * *

Виктория Петровна мужественно перенесла известие о кончине мужа. Возможно, внутренне она была готова к такому исходу. «Неисповедимы пути Господни», — говорят в России. В

1972 году, когда Брежнев был еще полон сил, активно работал, мы боялись за жизнь его жены, у которой произошло обострение тяжелого диабета и развилась сердечная недостаточность. Давно нет Брежнева, в далекое прошлое уходят годы его руководства страной, а его жена, которую мы чуть было не похоронили в начале 70-х годов, еще жива. (В. П. Брежнева умерла в 1995 г.)

Е. Чазов, с. 169.

* * *

Леонид Ильич всю жизнь много работал и не имел возможности уделять достаточно внимания воспитанию детей. Виктория Петровна была слишком мягкой женщиной и не могла держать их в руках. Условия жизни и возможности их портили. Все это привело к тому, что дочь Галина и сын Юрий стали увлекаться выпивкой. Такое случилось не у одного Леонида Ильича. Сыновья Сталина, Ворошилова, Андропова, Кулакова, внучки маршала Гречко, зять Хрущева и многие родственники других руководителей страдали и страдают до сих пор такими же пороками. Сын Леонида Ильича — Юрий Леонидович Брежнев, бывший заместителем министра внешней торговли, был хроническим алкоголиком и оставался в должности только благодаря отцу…

До прихода в семью Брежневых Ю. М. Чурбанова Галина не была так пристрастна к вину. Он виноват в том, что она стала увлекаться спиртными напитками…

У Леонида Ильича есть внучка и два внука. Внучка Витуся, дочь Галины и циркового артиста Милаева, очень спокойная, в отличие от матери, женщина, имеет дочь. Внуки от сына Юрия — Андрей, умный парень и хороший семьянин, и Леонид, который пошел по стопам отца.

М. Докучаев, с. 177.

* * *

Дело, конечно, значительно усугублялось тем, что в своей семье Леониду Ильичу становилось все труднее. Обстановка дома была действительно сложной. Дети выходили из-под контроля, становясь все более жертвами надвигающегося алкоголизма. Супруга, очевидно, не имела никакого влияния на ход событий. Дело кончилось тем, что Леонид Ильич начал попросту сбегать из дому, запираясь в своем кабинете в Кремле даже в свободные от

работы дни, принимал там в больших количествах успокаивающие и снотворные таблетки и спал по нескольку часов среди бела дня.

Его стремление изолироваться от трудностей и проблем выразилось также в том, что своим рабочим местом он окончательно избрал специально построенный для него на третьем этаже основного здания в Кремле кабинет, который как бы территориально отстранял его от всего аппарата Центрального Комитета, находившегося за целый квартал оттуда, в другом месте, от членов Политбюро и секретарей ЦК, тем более от заведующих отделами Центрального Комитета, словом, ставил его в положение даже чисто физического одиночества. Сквозь стену этой изоляции был способен, как правило, пробиться только Черненко, ну и, может быть, в необходимых случаях такие люди, как Андропов, Устинов и Громыко.

А. Александров-Агентов, с. 272.

* * *

Ко мне в кабинет вошел молодой человек, очень похожий на Леонида Ильича Брежнева. Сходство было поразительным, только посетитель был пониже ростом и с более мелкими чертами лица. Этого человека звали Юрий Леонидович Брежнев. Сын Леонида Брежнева окончил Академию внешней торговли и ходил по объединениям, выбирал себе работу по вкусу. Я рассказал ему, чем мы занимаемся, и постарался отговорить от работы в нашей организации. Его отец в то время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а сынки таких людей обычно капризны, избалованы и небезопасны. Короче говоря, я сделал все возможное, чтобы от него избавиться.

Юрий Леонидович ушел, и я уже забыл об этой встрече. Через две недели он появился снова и сказал, что ему нравится именно мое объединение и он хочет работать у меня. Конечно, я согласился, другого выхода не было. Я назначил его старшим инженером в контору электронного оборудования. Это была рядовая должность. Но, к счастью, мои страхи оказались напрасными. Юра прекрасно трудился, вел себя скромно, сработался с коллективом.

Тяжело бывало только в поездках за границу. Помню, мы прилетели в Лондон. Я как глава делегации вышел первым и был крайне удивлен — нас встречала огромная группа репортеров. Но на меня и других членов делегации они не обратили никакого внимания. Стоило появиться Юре, и все пришло в движение,

толпа бросилась его фотографировать и интервьюировать. Брежнев вел себя героически… он упорно молчал. Это был его первый визит в Англию. Потом так происходило всегда, когда он прилетал в какую-либо страну.

Время шло, и я все больше проникался к Брежневу-младшему доверием. Никакого зазнайства. Он всегда оставался отзывчивым и добрым человеком, чем походил на своего отца…

Однажды по правительственной связи позвонил начальник управления кадров: «Юру надо повысить в должности». Мне это не понравилось. Я сказал, что это преждевременно, повышать рано. Мы так можем испортить хорошего человека. В ответ мне сказали: «Не валяй дурака, Владимир, пойми, что это нужно!» Я упирался. Тогда он мне сказал, что Н. С. Хрущев больше не Первый секретарь ЦК, а новым Первым стал Л. И. Брежнев. Я замолчал. Что это, меня провоцируют? Этого не может быть! «Ну что молчишь? Все равно мы назначим его начальником конторы».

Так и случилось. Уже на следующий день я получил приказ министра. После этого Юра не долго проработал у меня, вскоре его направили в Швецию заместителем торгового представителя.

В. Сушков, с. 120–122.

* * *

Людмила Владимировна, сноха Брежневых, моложава и приветлива. Ее тоже обходили стороной прилипчивые слухи, наверно потому, что нечего сказать об умной, уравновешенной женщине, которая в силу обстоятельств понимает больше, чем нужно, и может сделать меньше, чем возможно. Вообще снохи — особая тема: Галина Сергеевна, сноха Каменева, Надежда Ивановна, сноха Ворошилова, Людмила Владимировна, сноха Брежнева. Они, разумеется, разные, но у всех троих есть одна черта: я бы назвала ее сосредоточенной наблюдательностью.

Л. Васильева, с. 471.

* * *

Как-то я был в Швеции в командировке. Юра пригласил меня к себе домой, был очень гостеприимен, мы долго беседовали и расстались лишь в 3 часа ночи. Потом мы долго не виделись. Юра был назначен торгпредом в Швецию, в министерство уже вернулся председателем объединения, а вскоре стал первым заместителем министра внешней торговли, моим начальником.

К тому времени Юрий Леонидович сильно изменился. Почему? Что произошло? Он был отзывчивым, и этим многие пользовались. Его все приглашали в гости, все были «друзьями». Всегда старались, чтобы он побольше выпил. Юра после выпивки обычно становился совсем добрым, и тогда возникали просьбы. Я считаю, что именно эти «друзья» способствовали тому, что Юра стал много выпивать. Он взял помощником красивую женщину, ездил вместе с ней за границу. Стал посещать ночные заведения, часто бывал пьян. Мы как-то встретились в торгпредстве в Токио. Уже днем Юра был навеселе. Я искренне жалел, что обстоятельства портили хорошего, честного, доброго человека.

К сожалению, кончилось это плохо. Его досрочно отправили на пенсию по болезни. Я должен сказать, что за весь период своей работы в министерстве Юра только помогал людям, никому не причинил зла, хотя власть его была велика. Мало кто отваживался отклонить его предложение или какую-нибудь просьбу.

В. Сушков, с. 122.

* * *

Когда мы с Юрием Леонидовичем поженились, и стала я жить в семье Брежневых, они меня сразу радушно приняли. Леониду Ильичу с его широким характером я пришлась по душе. Требовал, чтобы я называла их обоих «мама» и «папа». А я сначала не могла — свои родители живы. Леонид Ильич однажды при мне говорит Виктории Петровне: «Витя, а Витя, а ведь наша сноха нас не уважает». — «Почему?» — «Не хочет «мамой» и «папой» называть». Стала называть.

Л. Брежнева, с. 472 [14].

* * *

О Галине одно время по Москве ходило много слухов: что она была связана с артистом цыганского театра «Ромэн», которого называли «князь Бриллиантовый»; что у нее был роман с ним, что она занималась скупкой бриллиантов. Однако, по категоричному заявлению А. Я. Рябенко, все это не соответствует действительности. Сейчас Галина Леонидовна проживает в скромной двухкомнатной квартире и, по слухам, продолжает выпивать.

М. Докучаев, с. 178.

* * *

Вспоминаю встречу с пресловутой Галиной, дочерью Леонида Ильича Брежнева. Уже тогда, сравнительно молодая, любила она погулять и собирала всегда свою компанию из таких же выпивох. Был приглашен и я — отказаться было трудно, но в то же время было интересно посмотреть, что представляет из себя дочь Брежнева и ее компания. Посидев немного, поглядев на публику — все какие-то «приблатненные», как сейчас говорят, удивленный я ушел домой. А «там у Галины всю ночь — музыка, песни, ругань».

Знал Президент обо всем этом? Конечно, знал. «Девятка» докладывала. Он же хоть и ругался (для нас секрета не было) с ней, но ничего поделать не мог. Последнее время она стала пить еще больше. А чем все это кончилось, известно. Ее лечили.

Ю. Королев, с. 181.

* * *

Галя — женщина неглупая и незлая, но искалеченная кремлевским бытом и всем, что с ним связано. Этот быт убивает все, особенно опасен он для детей. Он делает их сиротами. Не важно, живы родители или нет. Они духовные сироты. Публичность отчуждает детей от родителей, ставит перед ними проблему выбора…

С дураками ей никогда не было интересно, даже в постели. А насчет бриллиантов Галины Брежневой… Вы знаете, она могла себе это позволить, и любая женщина это поймет. Но когда говорят про ее маниакальность в этом отношении, это просто смешно.

М. Балаган, О. Трифонова, с. 60.

* * *

По складу характера она (Г. Л. Брежнева. — Сост.) — очень мягкий, очень добрый человек; вот эту мягкость, доброту, уважительное отношение к людям Галина Леонидовна взяла от Леонида Ильича. Она не была обладателем каких-то сверхтуалетов. Причем так: если дочь, приезжая к отцу и матери на дачу, была вычурно одета, она получала от них нагоняй и в следующий раз одевалась так, чтобы не дразнить родителей. Очень контактная по складу характера, она быстро отзывалась на

человеческие просьбы. Вот это, видимо, ее плохая черта, потому что она не всегда замечала, что за обычной, казалось бы, просьбой кроется какое-то гнильцо. В общем, почти каждый человек пытался нажиться на этих просьбах, кого что интересовало — продвижение по службе или что-то еще, а Галина Леонидовна не обладала гибкой ориентировкой и всегда старалась помочь. До ноября 82-го у нас было много друзей, и каждому было что-то нужно. А когда Леонид Ильич скончался, то друзья враз и отвернулись.

Ю. Чурбанов, с. 371 [34].

* * *

Никогда не покрывал Л. И. Брежнев грехов своей дочери и моей тетки, Галины Леонидовны. Она рано вырвалась из-под его отеческого контроля, никогда с ним не считалась, доставляла ему боль. Наблюдая ее на протяжении многих лет, могу сказать, что это неуправляемый человек. Законов ни для нее, ни для ее мужа, Ю. М. Чурбанова, не существовало. Чурбанов был человек недалекий и, видимо, находился под ее влиянием. Он прекрасно понимал, что именно благодаря ей он получил генеральские погоны, всеобщее уважение и материальный достаток.

У Галины Леонидовны есть дочь Виктория, моя двоюродная сестра и очень близкий друг.

Еще в школе она разошлась с матерью, не принимая ее образа жизни, ушла от нее, отказалась встречаться, жила у бабушки, которая, собственно, ее и воспитала. Возможно, именно «слава» Галины Леонидовны сыграла существенную роль в формировании общественного мнения обо всей нашей семье.

А. Брежнев. Московские новости. № 38. 1988 г.

* * *

В Галке был шарм, и, хотя она жутко растолстела от пьянства, была все еще красива. Знаменитые брежневские черные, густые брови и чудные глаза. Ноги стройные, красивые и огромная грудь. Галя была совсем незаурядной личностью…

У Гали, когда она хорошо поддавала, были две любимые истории. Первая — как отец в Америке, будучи гостем президента Никсона, пришел среди ночи с бутылкой коньяка в спальню американского президента и всю ночь уламывал его покончить с позорной войной во Вьетнаме. Никсон будто бы внял и покончил.

Вторая история связана с жизнью Брежневых в Кишиневе. Брежнев тогда был первым в Молдавии, а Галка училась в университете на литфаке. По ее словам, скучища там была страшная. Приблизиться к ней никто не решался, все вокруг как замороженные, боятся лишнее слово сказать. Вот и решила она действовать методом шоковой терапии. Собрала компанию. Пили, гуляли. Куда их только не заносило. Однажды в какую-то секретную военную часть въехали на такси. Дежурный по КПП ее узнал, машину пропустил, да еще и честь отдал. А когда они сообразили, что заехали не туда, — со смехом назад. Военные в это время все телефоны в ЦК Молдавии оборвали. Спрашивали, что делать.

Брежнев потом смеялся и говорил: «Я Гальку специально в рейд пустил, проверить, в каком состоянии вооруженные силы гарнизона. Оказалось — в хреновом! Перед первой юбкой все ворота распахивают».

М. Балаган, О. Трифонова, с. 58.

* * *

Ее первый муж, Женя Милаев, знаменитый был циркач. Он поразил ее воображение еще и тем, что даже внешне выгодно отличался от сморчков, которые тогда ее окружали. Женя был хорошим мужиком, царствие ему небесное, вечный покой, но чересчур правильный. Наверное, все свои порывы воплощал в акробатические трюки, а надо бы в жизнь. Женя тоже считал, что Галка должна вести себя прилично. Но не тут-то было!

Галку к циркачам тянуло. Думаю, потому, что они, пожалуй, были подлинными среди фальши, которая ее окружала целую жизнь. Под куполом, без лонжи храбрым не прикинешься. Ведь так? Но одновременно она любила фокусы и чудеса. Ведь карьера ее отца тоже была фокусом и чудом…

От иллюзиониста Игоря Кио она просто сходила с ума. Даже в постели просила его показать всякие цирковые иллюзии, так сказать. И вообще, вся жизнь ее оказалась плохо исполненным цирковым номером… Существует легенда, будто Леонид Ильич, узнав, что они расписались, повелел брак расторгнуть и выдать незадачливым «молодоженам» новые, чистые паспорта. А на самом деле Галка передумала выходить замуж за Игоря. Причиной этому решению стал совершенно нелепый инцидент опять же в ресторане Дома литераторов. Это было еще при жизни Леонида Ильича. Галка рассказывала, что они с Игорем сидели как-то на веранде ЦДЛ. За столик подсел молодой поэт с

девушкой. А Галку Игорь уже раздражал своей правильностью. Она к нему придиралась по каждому пустяку. Этот поэт начал читать стихи. Девица его млеет. Галка тоже от умиления слезу пустила, так ей Русь стало жалко, гибнущую под пятой, между прочим ее отца. А Игорь — человек ироничный, что-то сострил. Поэт набычился. Ему не понравилось, что Игорь его перебивает.

Размахнулся и врезал Игорю. Игорь рухнул со стула. Поэта с его ссыкухой немедленно изъяли, а Галка жутко развеселилась. У нее была эта подлая черта — радоваться унижению человека. Ну это в крови у всех тех, кто среди холуев вырос.

М. Галаган, О. Трифонова, с. 59–60.

* * *

В один из январских вечеров 1972 года я с товарищем приехал поужинать в Дом архитектора по улице Щусева. Пришли в ресторан, сели за столик, заказали, как помню холодный ростбиф, салаты и бутылку вина… Я заметил, что в глубине зала за двумя столиками, сдвинутыми вместе, сидит знакомая компания. Разумеется, мы с товарищем тут же подошли, поздоровались, присели, и нас познакомили с теми, кого мы не знали, и в том числе — с молодой, внешне интересной женщиной, которая представилась скромно и просто: Галина. Я и понятия не имел, что это Галина Брежнева.

Так состоялось знакомство… Мы о чем-то поговорили, но не очень долго, вечер близился к концу, пришла пора расставаться, и все разъехались по своим домам. Не помню, просил ли я Галину Леонидовну оставить свой телефон, как это обычно бывает между людьми, установившими добрые отношения, — кажется, нет…

Прошло какое-то время, и получилось так, что Галина Леонидовна сама позвонила мне на работу. В удобной и оригинальной шутливой форме спросила, куда же я исчез, почему не звоню. Не скрою, я обрадовался такому звонку. Мы тут же решили встретиться. После работы Галина Леонидовна заехала за мной, и мы провели вместе целый вечер. Мне было очень интересно. Эта женщина нравилась мне все больше и больше. Потом я уехал в отпуск, отдыхал в Подмосковье, Галина Леонидовна несколько раз приезжала ко мне, и я тоже ездил в Москву. Наши отношения стали сердечными. И только тут она призналась, чья она дочь.

Ю. Чурбанов, с. 353 [13].

* * *

Галя сразу познакомила меня с Викторией Петровной, и я увидел очень простую, удивительно обаятельную женщину. Сели за стол, и она как-то так повернула разговор, что моя скованность быстро прошла. И если посмотреть со стороны, за столом сидели два хорошо знакомых человека и мирно беседовали на самые разные житейские темы.

Ю. Чурбанов, с. 356 [13].

* * *

Мы расписались в загсе Гагаринского района. Леонид Ильич категорически запретил нам обращаться во дворцы бракосочетания; он хотел, чтобы все прошло как можно скромнее. Мы специально выбрали день, когда загс был выходной, приехали, пышное получилось торжество при пустом-то зале. Свадебный ужин проходил на даче и длился часа три… Гостями с моей стороны были брат, сестра, несколько товарищей по работе в политотделе мест заключения Министерства внутренних дел, Галя тоже пригласила двух-трех подруг, — в общем, очень узкий круг. Было весело и непринужденно. Леонид Ильич сам встречал гостей, выходил, здоровался. Представляю себе состояние того человека, кого он как хозяин выходил встречать, но потом выпили по рюмке, и скованность ушла. Вот не помню, были ли танцы, кажется, нет, кто-то смотрел в кинозале фильмы, кто-то просто прогуливался по территории. За столом царила приятная и добрая обстановка, Леонид Ильич сам назначил себя тамадой, очень много шутил, рассказывал какие-то веселые истории и был с гостями до конца, пока все не разъехались. Вот так мы с Галиной Леонидовной Брежневой стали мужем и женой.

Ю. Чурбанов, с. 357–358 [13].

* * *

В «застойные» времена судьбу Мазурова окончательно решило, как он сам недавно поведал, его столкновение с Генсеком по довольно деликатному вопросу, и вопрос этот касался недостойного поведения дочери Брежнева — Галины Леонидовны, которой сходили с рук все ее «художества». Более того, замечу попутно, что тогдашние члены Политбюро и Секретариата ЦК КПСС сочли даже возможным наградить сие чудо… орденом Трудового Красного Знамени в связи с ее пятидесятилетием, которое отмечалось очень пышно…

П. Родионов. Знамя. 1989. N9 8. С. 195.

* * *

Теперь немного о другой стороне личности Президента, хорошо заметной только вблизи. Дело прошлое, но, видно, Леонид Ильич в молодости был человеком без нравственных предрассудков, и его отношения с прекрасным полом тоже, как говорится, не вмещались в границы строгой морали. В аппарате по разным причинам и под разным предлогом появлялись симпатичные молодые женщины, которых быстро устраивали на неплохие должности. Это оставляло определенный осадок у всех видевших и понимающих ситуацию. Такой способ расстановки кадров, безусловно, был очень гуманным, но далеко не государственным.

Еще одно совсем личное наблюдение. Я длительное время жил на Кутузовском проспекте и не раз при моих вечерних прогулках встречал знакомую фигуру, идущую с поднятым воротником. Леонид Ильич, будучи, конечно, моложе, как можно было понять, уходил от своей охраны и сопровождающих лиц с целью, о которой нетрудно было догадаться.

Ю. Королев, с. 196.

* * *

— Кто, с кем, когда? — это интересовало всех.

Видели зачастивших к руководству стенографисток — и сразу выводы. Видели сменявшихся буфетчиц, одна симпатичнее другой, — и опять все ясно. Или во всяком случае, подозрительно.

Молодой Брежнев с его широким взглядом и кажущейся любвеобильностью славу имел в аппарате самую громкую. Как поездка — так новые женские лица: стюардессы, обслуга и еще неизвестно кто…

Не могу назвать даже сегодня имена двух-трех привязанностей наших лидеров, но знаком я с ними был. «Девочки» не прочь были похвастаться за столом в хорошей компании доверенным лицам.

В «Айвазовском» на берегу моря — дом отдыха ВС — отмечали день рождения В. Она подвыпила и называла шефа просто по имени:

— Леня ко мне очень хорошо относится, никуда от себя не

отпускает, а мне уже надоело. Вот с вами, ребята, лучше. И веселей, и свободнее…

Ю. Королев, с. 114.

* * *

Вспоминаю, как я сидела в гостях в большой компании новоявленных москвичей, бывших жителей города Днепропетровска. Пышная, громкоговорливая блондинка щедро раскрыла громадный узел своих знаний, пониманий и выводов:

— Ой, ой, ой, спросите нас! Мы знаем о Брежневых такое, чего они сами о себе не знают!

Виктория? Про нее особенно нечего сказать, она сидела тихо, хотя все ему с самого начала преподнесла на блюдечке. Он ведь был деревенский, а она — из интеллигентной еврейской семьи, дочь преподавателя экономического института. По отцу она Ольшевская. Они взяли его в семью, образовали, обтесали, устроили на учебу, все ему сделали, чтобы он продвигался. Он и пошел, пошел, как на дрожжах. Красивый был. Высокий, стройный, веселый. Бабы падали. Он изменял ей с первого дня женитьбы. Она, конечно, все знала-понимала, но выбрала самую правильную позицию: не мешать. Рожала ему детей, потихоньку привязывала к себе, как козла длинной веревкой — побегает, побегает, а домой вернется.

— У него был и серьезный роман. С Т. Р. Помнишь? — добавляет ее муж, долгие годы бывший ответственным работником в Днепропетровске. — Ох и хороша была Т. Р.!

— Да, все вы на нее облизывались, — усмехается его жена. — Правда красавица. Весь город знал про их отношения. Ну и любил же ее Леонид Ильич! Осыпал дарами. В конце сороковых они вместе ездили в Германию и навезли оттуда хрусталя — видимо-невидимо. Потом, когда он уехал в Молдавию работать, она вышла замуж за его друга Н. Говорили, что Леонид Ильич сильно переживал.

— А Виктория Петровна? — возвращаю я говорливую собеседницу к нужному мне персонажу. — Она как?

— Что как? Никак, сидела и ждала, пока отгуляет. У нее, наверно, было воловье терпенье. У евреек — мой муж еврей, я в их семье долго жила, знаю, — много терпения и хитрости, чтобы держать мужа. Поэтому еврейские семьи такие крепкие…

Не одна у Брежнева Т. Р. была. Потом, в Молдавии, он быстро с другой утешился, а в Москве актрису завел. Из Художественного театра. Помимо этого были у него пролетные девочки. Знаете,

ездили обкомовские начальники в баньку, с выпивкой и закуской, на всю ночь — тут без девочек не обходилось…

Л. Васильева, с. 460–461.

* * *

Начиная с весны 1973 года у него изредка, видимо, в связи с переутомлением, начали появляться периоды слабости функций центральной нервной системы, сопровождавшиеся бессонницей. Он пытался избавиться от нее приемом успокаивающих и снотворных средств. Когда это регулировалось нами, удавалось быстро восстановить и его активность, и его работоспособность. Он не скрывал своего состояния от близкого окружения, и они (некоторые — из искреннего желания помочь, другие из подхалимства) наперебой предлагали ему различные препараты, в том числе и сильнодействующие, вызывавшие у него депрессию и вялость.

Вот с такими ситуациями мне пришлось столкнуться во время визита Брежнева в США. Но так как его организм был еще достаточно крепок, нам удавалось очень быстро выводить его из таких состояний, и никто из сопровождавших лиц, из американцев, встречавшихся с ним, не знал и не догадывался о возникавших сложностях. Мне казалось, что, вернувшись домой, отдохнув и придя в себя, Брежнев вновь обретет привычную активность и работоспособность, забудет о том, что происходило с ним в США. Однако, этого не произошло.

Помогли «сердобольные» друзья, каждый из которых предлагал свой рецепт лечения. И роковая для Брежнева встреча с медсестрой Н. Я не называю ее фамилию только по одной причине — она жива, у нее дочь, и, главное, ее судьба сложилась непросто. Ее близость к Брежневу принесла ей немало льгот — трехкомнатную квартиру в одном из домов ЦК КПСС, определенное независимое положение, материальное благополучие, быстрый взлет от капитана до генерала ее недалекого во всех отношениях мужа. К сожалению, я слишком поздно, да и, откровенно говоря, случайно, узнал всю пагубность ее влияния на Брежнева.

Однажды раздался звонок Андропова. Смущенно, как это было с ним всегда, когда он передавал просьбы или распоряжения Брежнева, которые противоречили его принципам и с которыми он внутренне не соглашался, он предложил в 24 часа перевести старшую сестру отделения, где работала Н., на другую работу. Когда я поинтересовался причинами и заметил с определенной

долей иронии, что вряд ли председатель КГБ должен заниматься такими мелкими вопросами, как организация работы медсестер, он сердито ответил, что просьба исходит не от него и для меня лучше ее выполнить. Мне искренне жалко было старшую медсестру, прошедшую фронт, пользовавшуюся в коллективе авторитетом, и, чтобы выяснить все подробности и попытаться исправить положение, я встретился с лечащим врачом Брежнева Н. Родиоковым.

Оказалось, что именно он, который должен был строго следить за режимом и регулироватьлекарственную терапию, передоверил все это сестре, которую привлек к наблюдению за Брежневым. Мягкий, несколько беспечный, интеллигентный человек, он и не заметил, как ловкая медицинская сестра, используя слабость Брежнева, особенно периоды апатии и бессонницы, когда он нуждался в лекарственных средствах, фактически отстранила врача от наблюдения за ним. Мой визит к Брежневу не дал никаких результатов — он наотрез, с повелительными нотками в голосе, отказался разговаривать и о режиме, и о необходимости регулирования лекарственных средств, и о характере наблюдений медсестры.

Е. Чазов, с. 115–116.

* * *

Реально оценивая складывающуюся ситуацию, я стал искать союзников в борьбе за здоровье Брежнева, сохранение его работоспособности, активности и мышления государственного деятеля. Прежде всего я решил обратиться к семье, а конкретнее — к жене Брежнева, Виктории Петровне.

К моему удивлению, меня ждало полное разочарование в возможности привлечь жену Брежнева в союзники. Она совершенно спокойно отреагировала и на мое предупреждение о начавшихся изменениях в функции центральной нервной системы, которые могут постепенно привести к определенной деградации личности. В двух словах ответ можно сформулировать так: «Вы — врачи, вот вы и занимайтесь возникающими проблемами, а я портить отношения с мужем не хочу»…

Не получив поддержки в семье Брежнева, я обратился к единственному человеку в руководстве страны, с которым у меня сложились доверительные отношения, — к Андропову… Коротко суть поставленных вопросов сводилась к следующему: каким образом воздействовать на Брежнева, чтобы он вернулся к

прежнему режиму и принимал успокаивающие средства только под контролем врачей? Как удалить Н. из его окружения и исключить пагубное влияние некоторых его друзей? И самое главное — в какой степени и надо ли вообще информировать Политбюро или отдельных его членов о возникающей ситуации?

Андропов довольно долго молчал после того, как я закончил перечислять свои вопросы, а потом, как будто бы разговаривая сам с собой, начал скрупулезно анализировать положение, в котором мы оказались. «Прежде всего, — сказал он, — никто, кроме вас, не поставит перед Брежневым вопроса о режиме или средствах, которые он использует. Если я заведу об этом разговор, он сразу спросит: «А откуда ты знаешь?» Надо ссылаться на вас, а это его насторожит: почему мы с вами обсуждаем вопросы его здоровья и будущего. Может появиться барьер между мной и Брежневым. Исчезнет возможность влиять на него. Многие, например Щелоков, обрадуются. Точно так же не могу я вам ничем помочь и с удалением Н. из его окружения. Я как будто бы между прочим рассказал Брежневу о Н., и даже не о ней, а о ее муже, который работает в нашей системе и довольно много распространяется на тему об их взаимоотношениях. И знаете, что он мне на это ответил? «Знаешь, Юрий, это моя проблема, и прошу больше ее никогда не затрагивать». Так что, как видите, — продолжал Андропов, — мои возможности помочь вам крайне ограничены, их почти нет».

Е. Чазов., с. 118–119, 121.

* * *

Приглашая, например, в Завидово своих, как ему казалось, друзей — охотников Н. Подгорного и Д. Полянского, он не только усаживал за стол медсестру Н., но и обсуждал в ее присутствии государственные проблемы.

Мне позвонил возмущенный Д. Полянский и заявил, что это безобразие, что медицинская сестра нашего учреждения садится за стол вместе с членами Политбюро, которые обсуждают важные государственные проблемы. Что это не только неэтично, но и бестактно. Согласившись с ним, я поинтересовался, а сказал ли он то же самое хозяину дома? Несколько замявшийся Полянский ответил, что прежде всего я обязан удалить Н. из Завидова и предупредить ее о необходимости строго соблюдать профессиональную этику. Не знаю, что на самом деле сказал Полянский Брежневу, но в их отношениях появился холодок, который в конце концов привел к разрыву.

Е. Чазов, с. 130.

* * *

Первое условие, которое я поставил, — удалить из окружения Н., уехать на время подготовки к съезду (XXV съезд КПСС. — Сост.) в Завидово, ограничив круг лиц, которые там будут находиться и, конечно, самое главное — соблюдать режим и предписания врачей…

Сейчас я с улыбкой вспоминаю те напряженные два месяца, которые потребовались для того, чтобы вывести Брежнева из тяжелого состояния. С улыбкой, потому что некоторые ситуации, как например, удаление из Завидова медицинской сестры Н., носили трагикомический характер. Конечно, это сегодняшнее мое ощущение, но в то время мне было не до улыбок. Чтобы оторвать Н. от Брежнева, был разработан специальный график работы медицинского персонала. Н. заявила, что не уедет, без того чтобы не проститься с Брежневым. Узнав об этом, расстроенный начальник охраны А. Рябенко сказал мне: «Евгений Иванович, ничего из этой затеи не выйдет. Не устоит Леонид Ильич, несмотря на все наши уговоры, и все останется по-прежнему». Доведенный до отчаяния сложившейся обстановкой, я ответил: «Александр Яковлевич, прощание организуем на улице, в нашем присутствии. Ни на минуту ни вы, ни охрана не должны отходить от Брежнева. А остальное я беру на себя».

Кавалькада, вышедшая из дома навстречу с Н., выглядела, по крайней мере, странно. Генерального секретаря я держал под руку, а вокруг, тесно прижавшись, шла охрана, как будто мы не в изолированном от мира Завидове, а в городе, полном террористов. Почувствовав, как замешкался Брежнев, когда Н. начала с ним прощаться, не дав ей договорить, мы пожелали ей хорошего отдыха. Кто-то из охраны сказал, что машина уже идет. Окинув всех нас, стоящих стеной вокруг Брежнева, соответствующим взглядом, Н. уехала. Это было первым успехом.

Е. Чазов, с. 139.

* * *

В своей книге «Здоровье и власть» Е. Чазов слишком много внимания уделяет медсестре Н., которая якобы вошла в доверие к Леониду Ильичу и лечила его своими методами, что ему пришлось принимать меры, чтобы отвести Н. от Брежнева… Дело

в том, что Леонид Ильич с возрастом начал страдать бессонницей. По словам А. Я. Рябенко, Брежнев попросил у сестры снотворного и та, чтобы угодить ему, стала пичкать его таблетками. По утрам Брежнев еле вставал, чувствовал себя разбитым и был не в состоянии нормально работать. Это было замечено не только близкими людьми, но и коллегами по Политбюро. Тогда-то начальником охраны и был поставлен вопрос о компетентности Н., в медицинском обслуживании Брежнева и отстранении ее от своих обязанностей. Чазов выступил против и защищал Н., чем она не замедлила воспользоваться в своих личных целях. Охрану в то время поддержал врач Леонида Ильича Косарев.

Дело зашло так далеко, что Н. стала вести себя вызывающе даже по отношению к супруге Брежнева Виктории Петровне. По этому поводу у нее был серьезный разговор с Рябенко, который, в свою очередь, не замедлил обратиться к Леониду Ильичу и высказать отрицательное мнение о Н. Вот тогда только все понял и стал принимать со своей стороны меры Е. И. Чазов. Когда же дело дошло до Ю. В. Андропова, то было принято твердое решение об отстранении Н. от исполнения своих обязанностей.

М. Докучаев, с. 174.

* * *

Я любил деда, мои детство и юность прошли в тесном общении с ним. Выходные дни мы, внуки, проводили на его даче, каждое лето вместе отдыхали в Крыму. Я запомнил его веселым, отзывчивым, добрым человеком. В последние годы он, правда, сдал, тяжело болел, переживал, что его дети отбились от рук, позорили его имя. Ограничил контакты с внешним миром, на даче большую часть времени проводил наверху в кабинете или в беседке, подолгу разговаривал с начальником личной охраны А. Я. Рябенко, своим однополчанином, одним из немногих людей, которому доверял безгранично. Он медленно угасал, и нам было жалко его.

А. Брежнев. Московские новости. 1988. № 38.

* * *

Однажды в моем кабинете раздается звонок телефона правительственной связи (ВЧ). Абонент представляется: «С вами говорит Яков Ильич Брежнев». И тут же стал просить за

арестованного махровейшего жулика. Я ему ответил: «Извините, но я не имею никакого права вмешиваться и давить на следственные органы». А в ответ слышу: «Вы все можете, в ваших руках большая власть». В самой категорической форме я заявил звонившему, что никаких шагов на сей счет предпринимать не стану. Содержание нашей беседы передал первому секретарю ЦК Грузии В. П. Мжаванадзе, который лишь сказал: «Это меня не удивляет. В другой раз адресуй его ко мне».

И до этого звонка доходили до меня слухи, что некоторые грузинские комбинаторы нашли дорожку к Я. И. Брежневу, однако не придавал значения этим разговорам. Слышал, что он большой поклонник Бахуса. Впрочем, я и сам, встречаясь с ним на различных приемах в Москве, видел, что он слишком активно прикладывается к рюмке. Это уже потом, после Грузии, узнал я, что был он запойным пьяницей, что на своей работе в Минчермете лишь числился, отсутствуя иногда по две-три недели, и что на вопрос Л. И. Брежнева: «Где Яков?» — руководители министерства часто ничего не могли ответить.

П. Родионов. Знамя. № 8. 1989. С. 182.

* * *

Коренные днепродзержинцы хорошо знали и до сих пор помнят его родных, скромный домик, в котором они жили. В. В. Щербицкий вспоминает, что Леонид Ильич очень заботливо, нежно относился к матери. В родном городе долго жили его брат и сестра. Мало похожий на него, маленького роста, рыжеватый, брат Яков работал на металлургическом заводе начальником прокатного цеха. Специалист был хороший, порядочный человек. Правда, был за ним грех. Пользовался успехом у женщин. Говорят, это у них родовое, наследственное. К тому же, как все металлурги, мог изрядно выпить. Вот и забрал его позже Леонид Ильич к себе, поближе, под надзор.

Сестра Вера Ильинична была иного склада. Настоящая красавица с нежным, тонким лицом. Многие годы, уже когда Леонид Ильич занимал высшие посты, работала лаборантом на кафедре химии в местном институте. Все, особенно студенты, вспоминают ее теплым словом за доброту, скромность, готовность помочь. Ее искренне уважали.

В. Врублевский, с. 29–30.

* * *

Еще одно распространенное заблуждение, которое мне хочется опровергнуть: будто Леонид Ильич находился в плену прихотей своих домашних, безропотно выполнял их просьбы и капризы и они с его помощью «обделывали свои дела». Должен сказать, что дед очень не любил, когда к нему с просьбами обращались через членов его семьи (исключение составляла разве что Виктория Петровна), всем предлагал обратиться официально, прийти на прием. Зная это, мы не обременяли его просьбами.

А. Брежнев. Московские новости. 1988. № 38.

* * *

Брежнев в этот период (конец 70-х) уже не мог реально оценивать ни обстановку, ни свои действия. Только этим можно объяснить продвижение, с подачи подхалимов и некоторых членов семьи, своих близких родственников и их друзей на руководящие должности. Не было бы ничего плохого, если бы они выдвигались по своим заслугам, таланту или организаторским способностям. Однако уровень общего развития и знаний у большинства из них был таков, что их продвижение по служебной лестнице вызывало у большинства недоумение, улыбку и скептицизм. Все это рикошетом ударяло по престижу Брежнева. Было, например, образовано надуманное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства, которое возглавил свояк Брежнева — К. Н. Беляк. А разве соответствовал по своим знаниям и способностям должности первого заместителя министра внешней торговли сын Брежнева? О зяте — Чурбанове — написано столько, что нет необходимости еще раз говорить об этой одиозной фигуре.

Е. Чазов, с. 156.

Глава 5

МАЛЕНЬКИЕ И БОЛЬШИЕ СЛАБОСТИ

Увлечения. Пристрастия. Вкусы. Привычки

Леониду Ильичу помогала в работе и преодолении старости физическая и нравственная закалка, привычки, которые сопровождали его всю жизнь. Он был большой любитель охоты, хорошо стрелял, почти каждую неделю выезжал в Завидово (Козлово) Тверской (ранее Калининской) области. Он бывал на охоте в Залесье под Киевом, в Астрахани, в Переславле-Залесском, в Беловежской пуще и других местах. Охотился на кабанов, лосей, других зверей, но больше любил охоту на дичь. На охоте он загорался, становился веселым, бодрым, восстанавливал быстро активную работоспособность.

М. Докучаев, с. 175.

* * *

Никто не подсчитывал, сколько за свою активную часть жизни убил лосей, кабанов, оленей Леонид Ильич. По моим сведениям, почерпнутым из заслуживающего доверия источника, число «жертв» перевалило за сотню. Охотился он чаще всего в веселой компании (начинал еще с Хрущевым), а заканчивал с Гришиным, Гречко, Устиновым. Партнеры менялись, но этот вид спорта оставался самым любимым. Не знаю, все ли его сподвижники увлекались им, однако от высокого приглашения никто не отказывался. Одним словом, «королевское» занятие нашло широкое распространение среди новой советской знати.

Ю. Королев, с. 115.

* * *

Возвращаясь с охоты в хорошем расположении духа, Леонид Ильич всегда говорил начальнику охраны: этот кусочек

кабанятины отправь Косте — Черненко, вот этот — Юрию Владимировичу (Андропову), этот — Устинову и т. д. Потом, когда фельдсвязь уже должна была бы до них донестись, брал трубку и звонил: «Ну как, ты получил?» — «Получил». Тут Леонид Ильич с гордостью рассказывает, как он этого кабана выслеживал, как убивал, какой был кабан и сколько он весил. Настроение поднималось еще больше; те в свою очередь благодарили его за внимание, а Леонид Ильич в ответ рекомендовал приготовить кабана так, как это всегда делает Виктория Петровна.

Ю. Чурбанов, с. 366 [13].

* * *

В конце февраля 1965 года Брежнев и Подгорный решили нанести визит в Будапешт и обстоятельно побеседовать с Кадаром… После завершения официальной части Кадар пригласил советских гостей поехать на охоту в одно хозяйство на юге страны, под городом Печем. Приглашение было с готовностью принято — Брежнев и Подгорный были заядлыми охотниками.

В путь отправились специальным поездом. В вагон-салоне Кадар старался разговорить гостей, подбрасывал то одну, то другую тему, предлагал в менее официальной обстановке обсудить ряд конкретных проблем, но беседа как-то не клеилась. Всем показалось, что Брежнев, не имея под рукой заранее заготовленных материалов (а существом дела он не владел), просто растерялся. В конце концов, по-моему, понял это и сам Кадар.

Перешли на охотничьи темы, и тут уж беседа пошла вовсю. Особенно был активен Подгорный. У него наготове была масса охотничьих историй, приключившихся будто бы лично с ним. Успел он, правда, рассказать не больше двух-трех, так как краткостью явно не отличался…

Вскоре прибыли на место. Наблюдал я охоту впервые, и она мне запомнилась на всю жизнь.

Охотники заняли места и изготовились к стрельбе. Я стрелять отказался, сославшись на то, что не охотник.

Егеря тем временем начали выгонять фазанов, которые буквально сотнями стали вылетать из зарослей, многие из них тут же падали камнем, сраженные меткими выстрелами. Кадар и его товарищи стреляли редко, больше просто наблюдали, обмениваясь между собой впечатлениями. Брежнев же палил вовсю! С ним рядом находился порученец для того, чтобы

перезаряжать ему ружья.

Леонид Ильич, отстрелявшись в очередной раз, не глядя протягивал пустое, еще дымящееся ружье порученцу и принимал от него новое, уже заряженное. А бедные фазаны, которых до этого прикармливали несколько дней, все продолжали волнами лететь в сторону охотников.

Эта бойня, которая и по сей день стоит у меня перед глазами, прекратилась лишь с наступлением темноты.

У охотничьего домика разложили трофеи, к фазанам добавили еще нескольких зайцев, двух кабанов. Кадар и его товарищи взяли по одной птице — таков порядок, за следующий трофей надо уже платить коммерческую цену. На гостей, разумеется, эти порядки не распространялись.

Вечером состоялся дружеский ужин. Первым охотником был признан Брежнев, вторым — Подгорный. Как и в поезде, начался обмен впечатлениями, опять пошли бесчисленные охотничьи байки. Впрочем, Кадар все-таки ухитрился затеять серьезный разговор, причем весьма полезный. Речь пошла о реформах…

Брежнев не спорил, хотя конкретных ответов не давал, отделываясь обещаниями вернуться к этим вопросам в будущем. Мысли его, по-моему, все еще вертелись, вокруг недавней охоты, приятные впечатления от которой он не хотел портить никакими серьезными разговорами.

В. Крючков, с. 77–79.

* * *

Дело было в подмосковном местечке Завидове, где проходили переговоры между Брежневым и Киссинджером. Шла интенсивная беседа, как вдруг Брежнев сказал: «Генри, давай поохотимся». Киссинджер в своих воспоминаниях об этом пишет очень подробно, потому что именно там, на охоте, состоялась очень важная беседа, которую я потом письменно воспроизводил по памяти. После того как Брежнев подстрелил очередного кабана, вернее, ранил, неизвестно откуда выбежали егеря и помчались отлавливать раненое животное. Мы же остались на пятиметровой вышке, расположившись за столом, и начали вынимать из охотничьей сумки хлеб, колбасу и, как написал Киссинджер, «откуда-то появились бутылки с пивом». Я же могу вам сказать, что, кроме пива, там было еще кое-что.

В. Суходрев, с. 315.

* * *

Если Хрущев мог, когда хотел, навязать свою волю Громыко (как и другим своим коллегам), то Брежнев этого не делал, считая, что его министр лучше него разбирается в международных делах.

Помимо прочего, Брежнева связывали с Громыко и установившиеся узы личной дружбы на почве почти еженедельных охотничьих вылазок в Завидово. Некоторые злые языки утверждали даже, что Громыко, не проявлявший прежде большой любви к охоте, специально стал «заядлым охотником», чтобы быть поближе к «уху Брежнева».

А. Добрынин, с. 122.

* * *

Достойна упоминания охота в подмосковном Завидове, куда, в знак особого расположения, Леонид Ильич приглашал с собой лишь людей очень близких… Каждый понимал — приглашение на охоту как знак особого доверия. Болея, дряхлея, люди не могли отказаться от благорасположения генерального, а открыть свое недомогание не хотели.

В квартире Черненко раздавался телефонный звонок. К телефону подходила жена. Звонили от Брежнева, кажется, кто-то из охраны, передавали приглашение на охоту.

— Вы знаете, — отвечала Анна Дмитриевна, — Константин Установил плохо себя чувствует. Вы как-то скажите Леониду Ильичу…

Но, услышав, с кем говорит супруга, трубку брал сам Черненко и вмешивался:

— Да, чувствую себя неважно. Но вы про это не говорите Леониду Ильичу. Скажите, что допоздна работал, очень устал…

Просьбу передавали в точности — в этом не приходилось сомневаться. Но Брежневу нужен был Черненко. Нужен даже для совместного отдыха. Без него было скучно…

Следующий звонок от самого Брежнева — минуя помощников — раздавался не прямо с утра, а чуть позже, похоже, с телефонного аппарата в несущейся в Завидово машине:

— Костя, бросай работу. Тебе надо отдохнуть. Приезжай, жду!

«Косте» ничего не оставалось делать, как вставать и ехать.

Частенько он возвращался с этих охот простуженный и с температурой. Но отказываться от подобных предложений было не в его правилах.

Я, конечно, на эти охоты не ездил, нечего на них

помощникам делать. Там для охраны работы вдоволь, но трофеев вкушать удавалось не раз…

Сегодня многие журналисты вдоволь поиздевались над этими охотами — мол, вот до чего дошли в подхалимстве, больной, с температурой, а с начальством едет, отказать не может… Думаю, что в этом современные «судьи» ошибаются. Черненко тоже любил побродить по лесу с ружьишком в руках. Почему с Брежневым, а не с кем-нибудь другим? Ну, извините, товарищей не выбирают…

В. Прибытков, с. 60–62.

* * *

Несколько опасных инцидентов произошло с Л. Брежневым и на охоте. Так, однажды он «завалил» с вышки огромного кабана. После этого спустился вниз и направился к убитому зверю. Когда же до него оставалось всего несколько шагов, зверь внезапно ожил и бросился на Брежнева. Все произошло так внезапно, что Генсек опешил и, если бы не егерь, который вовремя сориентировался и дважды выстрелил в кабана, беды мог и не избежать. Кабан испугался выстрелов и, изменив направление, ушел в сторону. Однако там напоролся на нож «прикрепленного» Г. Федорова, согнул этот нож и все же убежал в лес.

Ф. Раззаков, с. 241.

* * *

Следили мы и за охотничьим арсеналом Генсека: содержали в боевой готовности абсолютно все стволы, мало ли — он мог выбрать любое ружье. Несколько раз в году мы их все чистили, протирали насухо, заново смазывали. Возни было очень много: для четверых членов охраны работы каждый раз на полнедели…

В. Медведев, с. 247 [47].

* * *

В записях «хрущевского периода» преобладают военно-промышленные темы: беседы с конструкторами, заслушивание отчетов об испытаниях военной техники, звонки директорам оборонных заводов. Брежнев, будучи фаворитом Хрущева, тогда очень много работал. Правда, в это же время множество

«охотничьих» записей типа:

— Говорил с Н. С. о охоте.

— Уехал в 4 часа на охоту с Юрой.

— Убил трех кабанов в Завидово.

— Завидово — лось…

При всей занятости Брежнев очень часто отдавался охотничьей страсти, хотя никогда не был аристократом. Странное увлечение… Уничтожение живых существ как способ морального удовлетворения каких-то нездоровых инстинктов далекой старины…

Со временем охота для Брежнева превратилась в самое главное духовное отдохновение. За два-три года до кончины его слабевшие руки уже плохо держали оружие (в коллекции генсека было около ста великолепных, дорогих ружей). Несколько раз, стреляя по животным в Завидове, он разбивал себе брови, переносицу, нос; руки были не в состоянии удержать «отдачу». Об этой части жизни Брежнева весьма интересно написал бывший начальник его охраны генерал Владимир Тимофеевич Медведев. Теперь «охота» под занавес жизни была другой: он руководил, командовал, а стреляли по оленям и кабанам его охранники. Последний раз он «охотился», пишет Медведев, «за сутки до смерти». Брежнев так любил охоту, что главному егерю в Завидове присвоил генерала и за короткий срок наградил его вновь учрежденным орденом «За службу Родине» всех трех степеней! Первого в Вооруженных Силах: не подводника, ракетчика или летчика, а профессионального охотника… Правда, в Главном управлении кадров Министерства обороны, понимая такую нелепицу, оформили документы генералу-егерю за номером десять. Перепали награды и помощникам егеря…

Д. Волкогонов, с. 81–82.

* * *

В 1929 году для Наркомата обороны СССР, как своеобразный боевой трофей в битвах за светлое будущее, под охотничье хозяйство отдаются заповедные глухие и дикие места в районе деревни Завидово. Невиданные звери, вплоть до бурых медведей, бродят по тропам. Сказочная растительность устилает леса и поля.

За счет средств, ассигнованных на оборону молодого Советского государства, в хозяйстве проводится огромная работа по обогащению и без того богатого животного мира. С 1931 года в Завидове выпущена партия косуль, в 1933 году — пятнистых

оленей, в 1937-м из горнотаежных местностей Сибири завозится марал. В 1934 году создаются фазанья, чуть позже — утиная фермы. К 1937 году территория хозяйства значительно расширяется.

При таких масштабах воспроизводства зверя промазать практически было невозможно. Зверь сам просился на мушку.

В 1960–1980 годах жители деревень, прилегающих к безукоризненно отшлифованной автомобильной магистрали, ведущей из Москвы в Ленинград, имели счастье лицезреть, как по пятницам, в первую половину дня, на огромной скорости в сторону Завидова проносилась стая личных черных лимузинов с голубыми мигалками, распугивая своим ревом не только собак, но и весь движущийся во встречном или попутном направлении транспорт. В одной из таких машин всегда находился лидер правящей партии легендарный маршал Л. И. Брежнев, избравший этот заповедный уголок в качестве места для своих утех и удалого разгулья.

Задолго до выезда в хозяйство его встречали «главный егерь» генерал-лейтенант И. Колодяжный и его заместитель генерал-майор В. Щербаков. Они считались тогда лучшими знатоками заповедного дела в стране и за годы работы в Завидове семь раз награждались государственными орденами, чего ни один директор или начальник никакого другого заповедника не мог себе представить даже во сне…

Как уже было сказано выше, и начальник заповедника, и его зам генерал В. Щербаков неоднократно награждались орденами СССР, оба они полные кавалеры ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах» всех трех степеней. Не так давно генерал-лейтенант И. Колодяжный умер.

В. П. Щербаков прошел ступени от старшего егеря до начальника снабжения и заместителя начальника заповедника. В 1971 году в немолодом уже возрасте ему присваивается первичное офицерское звание — «лейтенант административной службы». В этом же году за большой вклад он награждается боевым орденом Красной Звезды. В 1972 году ему досрочно присваивается звание «старший лейтенант», а через несколько месяцев — «капитан». В следующем, 1973 году — снова досрочное звание «майор». В 1975 году — орден «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени. В 1976 году — «подполковник», в 1978 — второй орден «За Службу Родине» II степени и еще одна радость — звание «генерал-майор». В 1982 году — третий орден «За службу Родине» I степени. Теперь т. В. Щербаков приравнен по льготам и привилегиям к Герою Советского Союза.

В. Сергеев. Огонек. 1990. № 47. С. 26–27.

* * *

Его страстью была любовь к автомобилям. Он прекрасно водил их, и его любимым автомобилем был подаренный ему американский «форд». Нередко он садился за руль автомашины и вел ее от Завидова до Москвы. Любил очень быструю езду и, как правило, гнал машину со скоростью 160–180 км/час. Принимая во внимание состояние наших дорог, можно представить, что это была за езда. В таких случаях сидевший рядом с ним начальник охраны деликатно предупреждал его о недозволенной скорости, на что получал вразумительные ответы.

После смерти Брежнева осталось десять личных автомашин, подаренных ему различными иностранными фирмами и государственными деятелями. Четыре из них остались у родственников, в основном у внуков, три сдали в ЦК КПСС и три — в КГБ. Сдано было также большое количество охотничьего оружия, которое позднее продали музеям и частным лицам.

М. Докучаев, с. 175.

* * *

Когда мы прилетали в Крым, он всегда сам садился за руль, но не своего большого «ЗИЛа», конечно, а «иномарки», специально туда доставленной. И рядом с ним был не начальник охраны, как полагалось по инструкции, рядом с ним садилась Виктория Петровна, постоянно говорившая своему супругу только одно: не надо ездить быстро. К ее советам и просьбам Леонид Ильич обычно прислушивался. Вот так мы и шли по трассе: впереди машина ГАИ, потом охрана, затем «иномарка» с Леонидом Ильичом и Викторией Петровной, а за ними — мы с Галей. Что и говорить, любил Леонид Ильич садиться за руль, очень любил! Случалось, что на охоте он сам ездил и на «газике», и на «уазе».

Ю. Чурбанов, с. 360 [13].

* * *

Самым страшным для всех нас, особенно для охраны, были моменты, когда, отправляясь в Завидово, он сам садился за руль автомашины. С военных лет Брежнев неплохо водил машину и любил быструю езду. Однако болезнь, мышечная слабость, астения привели к тому, что он уже не мог справляться с

автомобилем так, как это было раньше, что было причиной нескольких автомобильных инцидентов. Особенно опасны были такие вояжи в Крыму по горным дорогам. Однажды машина, которую он вел, чуть не свалилась с обрыва. Возвращаясь с таких поездок, А. Рябенко мне часто говорил, что только волей случая можно объяснить, что они живы.

Е. Чазов, с. 128.

* * *

Любовь Брежнева к автомашинам и быстрой езде часто пугала западных деятелей, встречавших его в своих столицах. Так, во время поездки в ФРГ и встречи с В. Брандтом Брежнев получил в подарок двухместный спортивный «мерседес» последней модели. Он сел в кабину, чтобы посмотреть на ее оборудование, но неожиданно захлопнул дверь и, оставив в растерянности своих телохранителей и агентов немецкой спецслужбы, помчался на предельной скорости по шоссе по направлению к Рейну. Лишь в 150 километрах от Бонна он остановил машину, так как произошла небольшая поломка. Подоспели машины сопровождения. Брежнев похвалил «мерседес», но сказал, что ему подошла бы машина другого цвета. Конечно, он получил другую машину и пополнил ею свою коллекцию.

Р. Медведев, с. 306.

* * *

Впрочем, Леонид Ильич причинил-таки головную боль своим боннским хозяевам и охране Петерсберга (речь идет о визите Л. И. Брежнева в ФРГ 18–22 мая 1973 г. — Сост.). Перед зданием отеля ему был передан подарок Брандта — небольшой западногерманский автомобиль, не помню какой марки. Внимательно осмотрев машину, Брежнев сел на место водителя, включил зажигание и неожиданно для всех, в том числе и своих собственных офицеров охраны, нажал на газ и, рванув с места, проехал в хорошем темпе пару километров по аллее, ведущей с холма вниз. Поднялась легкая паника, но Леонид Ильич быстро возвратился и, улыбаясь, похвалил автомобиль.

А. Александров-Агентов, с. 192.

* * *

Где-то в середине семидесятых, субботним вечером, в начале лета ехали мы с мужем на машине по Ленинградскому проспекту: от Химок к центру. Неподалеку от метро «Сокол» он говорит мне:

— Какой-то чудак на иномарке хочет обойти меня не по правилам.

— Странная машина. Без номера, — сказал муж, дав наконец «иностранцу» возможность нарушить правила движения. Мы оба впились взглядами в пролетающий мимо нас «мерседес».

За рулем, вцепившись в него и напряженно глядя перед собой на пустое шоссе, сидел наш дорогой Леонид Ильич Брежнев. Рядом с ним никого не было, но сзади, всем корпусом наклонясь в сторону Леонида Ильича и грозя нам кулаком сидел человек, чье лицо за долгие годы примелькалось по телевизору: Владимир Медведев — личный адъютант Брежнева, а потом и Горбачева…

— Ну, дорогой, — сказала я, слегка тревожась, — жди, завтра получишь наказание.

Мой хладнокровный на вид муж пожал плечами.

Тогда я радовалась, что никаких последствий это приключение не получило, а теперь жалею — были бы детали для этого повествования. Если бы нас обоих тогда не раздавила машина управления государством за вредительское поведение на шоссе. Хотя — не те уже были времена…

Л. Васильева, с. 461–462.

* * *

В какую бы страну Брежнев ни отправлялся с государственным визитом, в каждой он ожидал получить в подарок очередной автомобиль новейшей марки. Почти всегда его надежды сбывались, и у него постепенно составился личный автопарк из подаренных ему иностранных лимузинов, включая «роллс-ройс»…

В коллекции Брежнева иностранных автомобилей было достаточно для всех членов Политбюро, так что не было необходимости манипулировать с одним и тем же заезженным «роллс-ройсом». В 1972 году Никсон привез ему в Москву черный «кадиллак-седан». Именно на эту марку указал советский посол в США Анатолий Добрынин Киссинджеру в качестве желательного для Брежнева подарка. На следующий год, во время ответного визита в Америку, Брежнев получил темно-синий «линкольн-континенталь» с роскошной черной велюровой обивкой. От западногерманского канцлера Вилли Брандта, опять же по предварительному «застенчивому» намеку советского посла,

Брежнев получил обошедшийся боннскому правительству в 12 тысяч долларов «Мерседес-450», который он тут же на месте и опробовал. Вскочил в машину и, игнорируя немецкие знаки, помчался на бешеной скорости к Рейну, подскочил на выбоине и покалечил машину. После этого он объявил, что ему не по вкусу серебристо-серый цвет автомобиля, который сразу же был заменен на новый, цвета голубой стали.

Для уже впавшего в детство Брежнева было горчайшим разочарованием, когда на закате его жизни новый западногерманский канцлер Гельмут Шмидт то ли из свойственной ему прижимистости (в правительстве Бранта он был министром финансов), а скорее под давлением изменившейся к холодной войне международной ситуации, вместо страстно ожидаемой и официально заказанной новейшей модели западногерманского автомобиля преподнес советскому генсеку старинное охотничье ружье.

В. Краскова, с. 438–439.

* * *

Сразу после прибытия в аэропорт моих коллег и меня повезли из «Внуково-2» не в массивный дом для гостей на Ленинских горках, а в Завидово, охотничий заповедник Политбюро, приблизительно в 90 милях от Москвы. Мы двигались в автомобильной колонне, мчавшейся со скоростью около 100 миль в час, причем автомобили шли в хвост друг другу, а машины службы безопасности въезжали и выезжали из строя колонны. Это отражало или преднамеренную психологическую войну, или же склонность к самоубийству, описывающуюся в русских романах XIX века. У американских гостей и их советских сопровождающих не было никаких шансов спастись, если бы передний автомобиль внезапно остановился.

Г. Киссинджер, с. 228.

* * *

Я сделал ему официальный подарок на память о его визите в Америку: темно-голубой «линкольн-континенталь» индивидуальной сборки. В нем была черная велюровая обивка. На приборной доске была выгравирована надпись:

«На добрую память. Самые лучшие пожелания». Брежнев — коллекционер роскошных автомобилей — не пытался скрыть

своего восхищения. Он настаивал на том, чтобы немедленно опробовать подарок. Он сел за руль и с энтузиазмом подтолкнул меня на пассажирское сиденье. Глава моей личной охраны побледнел, когда увидел, что я сажусь в машину, и мы помчались по одной из узких дорог, идущих по периметру вокруг Кэмп-Дэвида. Брежнев привык беспрепятственно продвигаться по центральной полосе в Москве, и я мог только воображать, что случится, если джип секретной службы или морских пехотинцев внезапно появится из-за угла на этой дороге с односторонним движением. В одном месте был очень крутой спуск с ярким знаком и надписью: «Медленно, опасный поворот». Даже когда я ехал здесь на спортивном автомобиле, я нажимал на тормоза, для того чтобы не съехать с дороги в низ. Брежнев ехал со скоростью более 50 миль в час, когда мы приблизились к спуску. Я подался вперед и сказал: «Медленный спуск, медленный спуск», но он не обратил на это внимания. Мы достигли низины, пронзительно завизжали покрышки, когда он резко нажал на тормоза и повернул. После нашей поездки Брежнев сказал мне: «Это очень хороший автомобиль. Он хорошо идет по дороге». «Вы великолепный водитель, — ответил я. — Я никогда не смог бы повернуть здесь на такой скорости, с которой вы ехали». Дипломатия не всегда легкое искусство.

Р. Никсон, с. 424.

* * *

— Я бы не хотел Никсона ни в чем уличать, но, вероятно, он забыл, что на заднем сиденье был я. К тому же Брежнев прекрасно водил машину. Я очень хорошо помню, как выкатили автомобиль и Никсон вручил Брежневу ключи. Едва освоившись с приборами и рычагами, Леонид Ильич завел автомобиль. Крутой вираж действительно был, но я уже сказал, что Брежнев отлично водил, и мы успешно миновали этот поворот. Так что ничего драматического в том эпизоде я что-то не припомню. Вот, кстати, и иллюстрация к достоверности мемуаров.

С этой машиной, правда, был другой случай, который как нельзя лучше характеризует Брежнева и нашу экономическую систему. Однажды я получил приказ срочно прибыть в Кремль к Леониду Ильичу. Честно говоря, я был удивлен, потому что точно знал, что на это время не предполагалось ни одной зарубежной делегации. Оказалось, меня вызвали для того, чтобы посмотреть каталог к автомобилю и выписать запасные части. «А вдруг что-нибудь сломается», — сказал Брежнев, хотя доподлинно было

известно — «олдмобиль» не потребовал бы ремонта еще много лет. Так я и сидел в его кабинете, листая документацию и выясняя, что нужно заказать в США.

В. Суходрев, с. 314–315 [13] .

* * *

Однажды подвел он меня к черному «кадилаку», который Никсон подарил ему год назад по совету Добрынина. Брежнев сел за руль, и мы помчались на большой скорости по узким извилистым сельским дорогам, так что можно было только молиться, чтобы на ближайшем перекрестке появился какой-нибудь полицейский и положил конец этой рискованной игре. Но это было слишком невероятно, ибо, если здесь, за городом, и имелся какой-либо дорожный полицейский, он вряд ли осмелился остановить машину Генерального секретаря партии. Быстрая езда окончилась у причала. Брежнев поместил меня на катере с подводными крыльями, который, к счастью, он вел не самолично. Но у меня было впечатление, что этот катер должен побить тот рекорд скорости, который установил генсек во время нашей поездки на автомобиле».

Г. Киссинджер, с. 231–232.

* * *

В целом, надо сказать, что Никсону в Москве был оказан весьма радушный прием, превосходящий все обычные нормы советского государственного протокола. Состоялся «обмен подарками»: Брежнев подарил Никсону катер на подводных крыльях, а Никсон — автомобиль последнего выпуска (Брежнев сам заранее об этом намекнул).

А. Добрынин, с. 240.

* * *

После смерти Брежнева, находившиеся в его гараже около 30 автомашин иностранных марок были переданы в собственность государства. Только одна из машин Брежнева, его любимый «роллс-ройс» — «Серебряная тень» — попала в Рижский автомузей. Как мне рассказывали, летом 1980 года Брежнев на большой скорости врезался в самосвал, неожиданно оказавшийся

у него на пути. Он был за рулем как раз этого «роллс-ройса». Сам Леонид Ильич не пострадал, а автомобиль, вернее, его передняя часть, был поврежден изрядно. После смерти Брежнева латышский клуб любителей антикварных автомобилей купил «Серебряную тень» за 3200 рублей и передал ее в автомузей. И сегодня посетители музея имеют возможность увидеть эту машину, кстати, специально не отреставрированную.

Р. Медведев, с. 309.

* * *

Он был ярым автолюбителем и если садился за руль сам (а это он делал до конца 70-х), то развивал на автомобиле просто бешеную скорость. Несколько раз он чуть было не разбился насмерть.

Однажды, когда он лихо гнал автомобиль, у него на ходу лопнуло правое колесо. Машину сразу стало заносить. Брежнев, хоть и был уже в возрасте, буквально всем телом налег на руль и сумел удержать машину от аварии.

В другой раз, в Крыму, он с утра влез в машину, а на заднее сиденье посадил двух женщин-врачей. Желая блеснуть перед дамами своей лихостью, он развил такую скорость на горном серпантине, что в конце концов не справился с управлением и проскочил один из поворотов. В самый последний момент он все-таки успел нажать на тормоз, и машина буквально повисла над обрывом.

На основании описанных случаев можно сделать вывод о фантастической везучести и удачливости Брежнева. По словам все того же В. Медведева, с Генсеком не случилось ни одного автомобильного ЧП, которое нанесло бы ему хоть одну травму. Единственная авария, которая произошла в середине 70-х, случилась в отсутствие Л. Брежнева, но во время нее погиб тридцатилетний охранник Генсека Владимир Егоров.

Ф. Раззаков, с. 240–241.

* * *

Леонид Ильич, как известно, отдавал предпочтение ЦСКА. И частенько приглашал Константина Устиновича (Черненко) в Лужники на хоккей. Если матч проходил между этими командами (ЦСКА и «Спартаком») и выигрыш доставался ЦСКА, Черненко замыкался в себе и мрачнел. Брежнев, наоборот, радостно

подначивал приятеля.

В. Прибытков, с. 130.

* * *

Как правило, в пятницу, во второй половине дня, он уезжал на охоту в Завидово. Он не пропускал футбольные и хоккейные матчи, особенно с участием команды ЦСКА. Постоянным его спутником в этих мероприятиях был К. У. Черненко, которого он прочил в наследники. Иногда к ним присоединялся Д. Ф. Устинов. Мне часто приходилось бывать на этих матчах и обеспечивать безопасность Брежнева и его ближайших коллег, и у меня сложилось впечатление, что на них он отвлекался и отдыхал.

М. Докучаев, с. 181.

* * *

Вопрос спортивному комментатору Николаю Озерову:

— Любовь к спорту прежних руководителей страны как-то сказывалась на вашей работе?

— Конечно, однажды (я вел репортаж о матче с участием сборной СССР) позвонил председатель Госкомспорта СССР: «Товарищ Озеров, умерьте свои эмоции. Леонид Ильич и так сильно переживает — уже второй тайм корвалол пьет».

В. Дружбинский, с. 183.

* * *

Леонид Ильич был отличным пловцом. В московских условиях он ежедневно плавал в небольшом бассейне на даче. Во время летнего отпуска в Крыму он уплывал, как правило, в море на 2–3 часа и возвращался с купания только к обеду. В таких заплывах с ним рядом постоянно находились два сотрудника охраны, недалеко шла шлюпка с охраной и катер с аквалангистами. Такие меры принимались не случайно, ибо возраст был не тот, чтобы оставлять его одного, да и однажды был случай, когда у него случилось головокружение и он стал тонуть. Вообще же он держался на воде очень легко и подолгу.

М. Докучаев, с. 176.

* * *

Генсек плавать любил и порой не вылезал из воды по два с половиной часа. Рядом с ним всегда находился В. Медведев и еще один телохранитель, а чуть поодаль плыла лодка, в которой сидели еще двое. Но и этого было мало: за лодкой следовал катер с аквалангистами и доктором-реаниматором.

Однажды Л. Брежнев попал в сильное течение, но от помощи охраны отказался и боролся с течением сам. В результате его и охранников отнесло далеко за зону, аж в район профсоюзного санатория. А оттуда им всем затем пришлось несколько километров шагать пешком обратно.

Ф. Раззаков, с. 240.

* * *

Леонид Ильич любил заплывать далеко в море. Виктория Петровна всегда говорила: «Ну, дед опять в Турцию поплыл».

Л. Брежнева, с. 475 [14].

* * *

Отец ушел. На палубе остались Брежнев, Подгорный, Кириленко, Гречко, Устинов, министры, адмиралы, конструкторы. У Леонида Ильича спало напряженно-внимательное выражение. Глаза его повеселели.

— Что ж, Коля, — обратился он к Подгорному, — забьем «козла»?

Принесли домино. Брежнев, Подгорный, Кириленко и Гречко отдались любимому занятию. К возвращению отца стол очистили.

С. Хрущев, с. 56.

* * *

Субботними вечерами, в основном на отдыхе, он очень любил играть в домино с охраной. Вот эти игры просто сводили с ума Викторию Петровну, так как они обычно заканчивались около трех часов ночи, и она, бедная, не спала, сидела рядом с Леонидом Ильичом и клевала носом. Начальник охраны вел запись этих партий. Они садились за стол где-то после программы «Время» — и пошло! Игра шла «на интерес». Веселое

настроение, шутки-прибаутки, но проигрывать Леонид Ильич не любил, и когда «карта» к нему не шла, то охрана, если говорить честно, старалась подыграть, а Леонид Ильич делал вид, что не замечает.

Ю. Чурбанов, с. 369 [13].

* * *

Он был в то время в Пицунде. Я прилетел туда. Он как раз купался. Я искупался с ним. Потом сели играть в домино, я со своим помощником, он — со своим. Несколько раз оставили Брежнева «козлом».

Выпили рюмку коньяку, потом вторую. Пил он здорово.

Г. Воронов, с. 185 [13].

* * *

Провожал нас Брежнев. В предотъездной суете мне бросилась в глаза непонятная перемена в поведении Леонида Ильича. Его всегда отличала широкая располагающая улыбка, готовая сорваться с языка шутка. На сей раз он был мрачен, даже отцу отвечал односложно, почти грубо. Остальных же просто не замечал. А ведь еще несколько недель назад при встрече он расцветал, широко раскрывал объятия, за чем неизменно следовали пахнущие дорогим коньяком и одеколоном поцелуи.

С. Хрущев, с. 55.

* * *

Слабостью Леонида Ильича были шахматы. Он играл хорошо и азартно. Играл до тех пор, пока не выигрывал. Обычно играли на отдыхе, начинали с 22.00 вечера и кончали далеко за полночь, а то и к утру.

М. Докучаев, с. 176.

* * *

Очень он любил возиться с голубями. На даче у Леонида Ильича была своя голубятня. Голубь — это такая птица, которая прежде всего ценится за красивый полет. Из числа охраны на даче

был прапорщик-любитель, следивший за голубями, — но Леонид Ильич сам очень любил наблюдать голубей, их полет, кормил своих «любимчиков», знал их летные качества. Он был опытным голубятником. Эта страсть осталась в нем еще от жизни в Днепродзержинске; он как-то рассказывал мне, что его отец тоже был голубятником… да чуть ли и не дед гонял голубей. Весь этот металлургический поселок держал высоколетных «сизарей». Часто Леонид Ильич сам проверял, все ли в порядке в голубятне, подобран ли корм, не мерзнут ли — если это зима — птицы. Побыв немного с голубями, Леонид Ильич обычно заходил в вольер, где жили собаки. Это была еще одна его страсть. Собак он тоже любил, особенно немецких овчарок, относился к ним с неизменной симпатией и некоторых знал, как говорится, «в лицо», по кличкам.

Ю. Чурбанов, с. 368 [13].

* * *

Большой любитель природы и животных, Брежнев во время этого своего (единственного продолжительного) визита в Индию (декабрь 1961 г. — Сост.) все время рвался соприкоснуться как-то с экзотической природой страны, требовал, чтобы его свозили в джунгли. Пойти ему в этом навстречу хозяева, конечно, не решились. Пришлось ограничиться посещением интереснейшего Делийского зоопарка, где затем Неру подарил ему маленького слоненка, которого кормили из бутылочки молоком. Кажется, он был передан Леонидом Ильичом в Московский зоопарк.

А. Александров-Агентов, с. 241.

* * *

Брежнев терял способность к самокритике, что было одним из ранних проявлений его болезни, связанной с активным развитием атеросклероза сосудов мозга. Она проявлялась в нарастающей сентиментальности, вполне объяснимой у человека, прошедшего войну и перенесшего контузию. Особенно остро он переживал воспоминания о военных и первых послевоенных годах. Находясь в санаториях «Барвиха», он попросил, чтобы каждый день ему показывали фильмы с участием известной австрийской киноактрисы Марики Рокх. Фильмы с ее участием были первыми цветными музыкальными фильмами, которые шли в нашей стране в тяжелые послевоенные годы. Я сам помню эти удивительные

для нас ощущения. Вокруг была разруха, голод, смерть близких, а с экрана пела, танцевала очаровательная Марика Рокх, и этот мир казался нам далекой несбыточной сказкой. Брежнев посмотрел 10 или 12 фильмов с ее участием, каждый раз вновь переживая послевоенные годы.

Е. Чазов, с. 129.

* * *

Ему нравились песни Пахмутовой и Добронравова, он с удовольствием слушал Кобзона, в какой-то мере — Лещенко, особенно его «День Победы». Леониду Ильичу вообще очень нравились песни военно-патриотической тематики. С большой симпатией он всегда говорил о Зыкиной, особенно о ее лирическом репертуаре. Ему было очень приятно, когда на одном из правительственных концертов, транслировавшемся по Центральному телевидению, Людмила Георгиевна исполнила — конечно, прежде всего для него — «Малую землю». Ему нравилась София Ротару — и исполнением и своей внешностью; Леонид Ильич был уже не молод, но и здесь он, как и все мужчины, наверно, ценил женскую красоту. В основном он слушал песни по телевидению и радио, я что-то не припоминаю, чтобы он особенно увлекался грампластинками.

… Из молодых «звезд» эстрады Леонид Ильич выделял Пугачеву, а вот когда внуки «крутили» кассеты с песнями Высоцкого и голос гремел по всей даче, Леонид Ильич морщился, хотя его записи на даче были в большом количестве, они лежали даже в спальне.

Ю. Чурбанов, с. 369 [13].

* * *

Рабочий день Леонида Ильича обычно заканчивался в половине девятого, может быть, чуть раньше. От Кремля до дачи было 25 минут езды, он приезжал к программе «Время», которую обязательно смотрел, потом читал газеты, если не успевал проглядеть их утром, ужинал и шел отдыхать. По утрам за завтраком он читал «Правду», «Московскую правду», листал «Комсомолку», реже — «Советскую Россию». По вечерам читал «За рубежом», «Крокодил» — какие-то публикации в «Крокодиле» весело комментировались и обсуждались.

Ю. Чурбанов, с. 367 [13].

* * *

Продолжу описание распорядка дня Брежнева, тем более что ужином он не кончался, да и ужин, напомню, шел под программу «Время». Напоминаю потому, что руководил тогда Гостелерадио СССР опытный царедворец С. Г. Лапин, который конечно же знал, что Брежнев эту программу смотрит всегда.

Но то ли Брежнев в январе 1981 года был чересчур молчалив, то ли программа совсем уж была скучновата, но активной реакции Генсека она не вызывала. Лишь однажды — не помню уж по какому случаю — он громко проворчал, откликаясь на популярный политический «речитатив», связанный с его фамилией: «Опять все… Брежнев, Брежнев и Брежнев… Неужели не надоело…» Пустяк, вроде, но любопытный, не правда ли?

В. Печенев, с. 65–66.

* * *

Вспоминаю 1974 год, когда отмечалось всей страной двадцатилетие начала освоения целинных и залежных земель в стране. В Алма-Ату съехались руководители всех республик, секретари обкомов и крайкомов. Готовилось грандиозное шоу. Вечером, накануне торжественного заседания ждали прилета Брежнева. Люди в аэропорту собрались часа за два до прилета. Ко времени посадки «ИЛ-62» одетые по-весеннему партийные, советские, хозяйственные чиновники замерзли, потирали уши — март в Алма-Ате был с морозцем. Выстроенные огромным каре начальники терпеливо ждали прилета. Было уже темно, когда самолет приземлился и подрулил к встречавшим. Подали трап. Брежнев вышел под аплодисменты и гул приветствий. Он медленно спустился по трапу, поддерживаемый адъютантом, и попал в объятия Д. А. Кунаева, горячо расцеловавшись со своим старым и верным другом. И поток теплых объятий и поцелуев, мощный, как сель на Медео, не минул многих.

Эта маленькая и, полагаю, невинная склонность наших вождей к целованию стала достопримечательностью эпохи Брежнева и была заразительной, как гонконгский грипп. Целоваться стали все — секретари ЦК и крайкомов, обкомов и райкомов партии, руководители колхозов и совхозов, заводов и строек, советские и хозяйственные работники, военные и педагоги, пенсионеры и молодежь. Даже старые друзья, которые раньше ограничивались пожатием руки, теперь приникали к губам товарищей и наслаждались радостью общения. Это было

какое-то поветрие и, пожалуй, одна из запоминающихся акций среди славных дел эпохи Л. И. Брежнева.

В. Болдин, с. 38.

* * *

При Брежневе награждения начали сопровождаться объятиями и поцелуями. Трудно понять и объяснить его личное пристрастие к «сочным» мужским поцелуям при каждой встрече в верхах.

Ю. Королев, с. 104.

* * *

Брежнев демонстрировал типично русское сочетание высокой дисциплинированности в одних случаях с ее полным отсутствием в других. Забавным символом такой несовместимости был его новый смешной портсигар с вделанным в него счетчиком, который автоматически выдавал одну сигарету в час. Это был способ, которым он боролся с курением. В начале каждого часа он церемонно вытаскивал выделенную сигарету и закрывал портсигар. Потом, спустя несколько минут, он лез в карман пиджака и доставал другую сигарету из нормальной пачки, которую тоже носил с собой. Таким образом он мог продолжать свое привычное непрерывное курение до тех пор, пока не срабатывал счетчик и он мог достать заслуженную сигарету из портсигара.

Р. Никсон, с. 432.

* * *

После ужина здесь же, как правило, «крутили кино». Завидовский киносеанс обязательно начинался «Альманахом кинопутешествий», который очень любил Брежнев (за всю свою жизнь я не смотрел столько альманахов!). После этого демонстрировался художественный фильм (и только советский!). На фильмах, которые ему «переводила» все та же работящая и всегда уравновешенно-благожелательная Галина Анатольевна, рядом с ним (с другой стороны) располагался Коля Шишлин. «Николай! — громко звал его Брежнев, усаживаясь в кресле. — Садись тут, рядом, кури!» Бывший заядлый курильщик Брежнев,

которому и это, естественно, было уже давно категорически запрещено, таким образом удовлетворял свои старые, но не забытые пристрастия. Так что Шишлин вызывал у него позитивные эмоции, и потому мы использовали его в сложных случаях для «дипломатических переговоров» с хозяином дачи.

В. Печенев, с. 66.

* * *

В 1975 году врачи запретили Брежневу курить. Однако нам, охране, в связи с этим добавилось заботы. Мы начали обкуривать Генерального со страшной силой. Едем в машине — Рябенко и я еще с кем-нибудь из охраны — и курим по очереди без передышки. Пытался и сам он иногда закурить, но мы отговаривали: «Лучше мы все еще по разу курнем». И он соглашался. Зато когда подъезжаем, нас кто-то встречает, распахиваем дверцы машины, и оттуда клубы дыма, как при пожаре.

В. Медведев, с. 247–248. [47].

* * *

Пристрастием Брежнева и его семьи были подарки, которые плыли тогда в руки генсека бессчетно. Эта традиция вручать сувениры пришла на нашу грешную землю из международной практики и нашла здесь такие благодатные условия, что расцвела махровым цветом. Благо привычки щедринских и гоголевских чиновников не исчезли. Как и поцелуями, сувенирами стали обмениваться все.

Л. И. Брежнев и его команда, собираясь в командировку, запасались многочисленными дарами от часов до золотых и серебряных наборов, портсигаров и сервизов. Управляющий делами ЦК Н. Е. Кручина показывал мне ведомости, в которых перечислялись подарки для местных руководителей и зарубежных деятелей. Стоимость их была внушительна. Для последней поездки Брежнева в Узбекистан были выписаны подарки на всех руководителей республики, их замов, замов замов, стенографисток, машинисток и даже водителей машин, на которых ездили эти стенографистки. На это направлялись десятки, сотни тысяч партийных рублей…

Особая волна вручения подарков пришлась на семидесятилетие Брежнева, в конце 1976 года. Иностранные

представительства считали своим долгом, зная нравы генсека, преподнести ему что-то нетленное. Не отставали и местные руководители. Не стану называть весь перечень картин, часов, кубков, дорогой видеотехники и прочих и прочих даров. Да всего я и не знаю. Но о судьбе одного подарка должен сказать. Речь идет о драгоценном чороне — якутском национальном сосуде для кумыса. Якуты решили преподнести Брежневу такой подарок, какой не мог сделать никто. Одновременно он должен был показать возможности Якутии, щедрость этого народа. Чорон изготовил народный художник РСФСР Т. Амосов. Работа над ним кипела не один месяц. Он выточил из редкого по величине бивня мамонта кубок, подготовил места, где должны быть вставлены бриллианты и другие драгоценные камни с серебряными оправами. Пять кристаллов природных алмазов редчайшей чистоты общим весом почти 12 каратов отправили на ювелирный завод для гранения и изготовили оправы. Работу эту вели московские гранильщики, и из пяти камней сделали шесть бриллиантов. Кроме того, из обрезков камней были выточены бриллианты для 12 роз. На московской ювелирной фабрике изготовили три ножки для кубка и пластинчатый обруч. Отлили из серебра шесть фигурных оправ, в которые было вставлено по бриллианту. В трех верхних оправах между бриллиантом и розами вставили по два альмандина — красных драгоценных камня. Чорон вручал Брежневу Г. Чиряев — первый секретарь Якутского обкома КПСС. На выставке подарков, как мне говорили, чорона не было. Брежнев отвез его домой.

Видимо, этот драгоценный дар и сейчас бы хранился в семье Брежнева, если бы им после его смерти не заинтересовался ЦК партии и секретари ЦК не поручили разыскать подарок. Он был возвращен государству и, надо надеяться, хранится в надежном месте.

В. И. Болдин, с. 38–40.

* * *

Однажды Леонид Ильич принимал американскую фирму, был остроумен, оживлен, беседа удалась. Уходя, американцы оставили ему подарки. Он осмотрел их и, когда они ушли, сказал Патоличеву: «Николай, вот американцы люди богатые, а дарят всегда говно!» Рассмеялся, вызвал своего помощника, и распорядился передать подарки дочери и сыну.

В. Сушков, с. 123.

* * *

Брежнев любил делать подарки (за государственный счет), любил и сам получать. За рубежом ему дарили шикарные машины, в стране — роскошные ружья, сабли, вазы, отделанные бриллиантами, золотые часы с дорогими камнями и т. д. Когда к семидесятилетию из Якутии привезли в Москву великолепную вазу из кости с серебром, отделанную бриллиантами, многочисленными красными розами из дорогих металлов и редких камней, Брежнев несколько раз обошел вокруг замечательного произведения искусства, всячески выражая свое искреннее восхищение творением рук человеческих… Даже бюст самого Брежнева, отлитый из чистого золота, преподнесли генсеку в одной из республик к его 70-летию…

Но эти же люди, осыпавшие полувыжившего, полураспавшегося Брежнева изысканными ценностями, сами отобрали у его семьи в 1988–1989 годах дареное. Его жена Виктория Петровна совсем не протестовала и молча вернула многочисленные знаки холуйского внимания к «вождю».

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 74.

* * *

Хватать «звезды» в окружении Л. Брежнева стало делом престижным. За что, например, Д. Кунаев был награжден тремя звездами Героя Социалистического Труда? Не за то ли, что снабжал Л. Брежнева целыми вагонами подарков? Я открыто говорю об этом, ибо не один раз видел, как все это делалось. Кому я только не высказывал свое возмущение, но всегда мне, грубо говоря, затыкали рот, советовали не совать нос, куда не следует.

Н. Лященко. Строительная газета. 23 июня 1988 г.

* * *

С легкой руки Брежнева страну захлестнула волна наград. Награждались республики, города и области, заводы и колхозы, каналы и дороги. Стала набирать силу процедура так называемого вручения. Именно на этой процедуре можно было показать народу руководителя в торжественном парадном облачении. Вручение велено было освещать в прессе, на телевидении и радио. Торжественный акт откладывался нередко

на несколько месяцев, пока не освободится соответствующий (по рангу) руководитель. Так начиналось с верху, и так же повторялось на все более низких уровнях.

В ЦК решалось, кому произвести вручение награды — главе партии, государства, правительства, секретарям обкомов или министрам. На этой процедуре, имевшей уже широкое общественное звучание, можно было поздравить кого надо, похвалить, высказать свое мнение и уже как минимум произнести речь.

Видимо, не случайно партийные секретари и президенты охотно брались вручать награды, причем непременно публично. Обязательно митинг, телевидение, кинохроника, пресса: и покрасоваться, и политические заявления походя сделать.

Ю. Королев, с. 103.

* * *

Был Брежнев трусливым, мнительным и недалеким человеком. Любил власть и почести. Знаете, как он получил вторую Звезду Героя? К своему 60-летию он был уже Героем Социалистического Труда, получил за ракетные дела. Решили дать к юбилею вторую Звезду. Я был тогда в Киеве. Присылают из Москвы представление. Смотрю: подписали уже почти все члены Политбюро. Ну и я подписался. Через два-три дня звонит мне Подгорный: «Петро, ты знаешь, что Леня настаивает на том, чтобы ему дали Звезду Героя Советского Союза?» Я говорю: «С какой стати?» В ответ: «Что ты спрашиваешь! Он уже всех уговорил, остался ты один».

Н. Шелест, с. 307 [1].

* * *

Брежнев закончил войну генерал-майором, не снискав слишком много наград за свою весьма обычную деятельность на фронте. Но, став генсеком, он по существовавшему тогда неписаному положению превратился сразу и в Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами. И уже где-то в 1975 году, как мне рассказывал А. А. Епишев, неоднократно в разговорах с военными стал проводить мысль:

— Люди мне пишут, настаивают: раз я являюсь Верховным Главнокомандующим, то должно быть приведено в соответствие с этой должностью и мое звание… Не может же генерал-лейтенант

(это звание было присвоено ему после войны) быть Верховным… Не знаю, что и делать… Напор общественного мнения, особенно со стороны военных, очень силен…

И уже в мае 1976 года Министерство обороны организует представление в ЦК КПСС о присвоении Генеральному секретарю ЦК КПСС, Верховному Главнокомандующему звания Маршала Советского Союза. Естественно, Брежнев тут же им становится… Но маршальский мундир «требует» орденов. И они посыпались как из сказочной корзины. Брежнев не чувствовал и не понимал всей комичности своего положения.

К маршальскому мундиру одна за другой прикреплялись Звезды Героя Советского Союза — высшей награды страны. В 1966, 1976, 1978, 1981 годах он был «удостоен» звания Героя Советского Союза и еще раньше, при Хрущеве, стал Героем Социалистического Труда. Звездопад орденов на старческую грудь больного генсека продолжался до последних дней жизни.

А делалось это так. Вот, к примеру, в начале декабря 1966 года Суслов, беседуя с Подгорным у себя в кабинете, говорит:

— Через неделю шестидесятилетие Леонида Ильича. Я предлагаю ему присвоить звание Героя Советского Союза. Генсеку будет приятно…

— Не возражаю. Надо обзвонить членов ПБ.

Тут же диктуется постановление ЦК КПСС: «В связи с исполняющимся 19 декабря с. г. 60-летием со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И.:

1. Присвоить тов. Брежневу Л. И. звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»…»

Партия сама (!) награждает высшей государственной наградой человека, даже не спрашивая орган, который по Конституции имеет право это делать… Президиуму Верховного Совета СССР остается лишь «оформить» решение, принятое на Старой площади.

Были предложения учредить «наивысшее звание» Героя коммунистического труда и первым его присвоить, как писал в Москву киевлянин Давидюк С. М., Леониду Ильичу Брежневу… Но у членов политбюро хватило на этот раз благоразумия не доложить «народное предложение» генсеку. Если бы сообщили, быть бы у нас и «Героям коммунистического труда» во главе с четвертым «вождем».

Лидеры социалистических стран соревновались, награждая высшими орденами Брежнева, который после инсульта 1976 года заметно утратил и без того весьма скромные умственные способности. Думаю, что все первые советские руководители от

Ленина до Горбачева имели меньше государственных наград, чем один Леонид Ильич…

Самое интересное заключается в том, что Брежнев искренне верил, что все бесчисленные награды, которыми он фактически награждал сам себя, заслужены им честно и справедливо. Со временем генсек сам глубоко, искренне поверил в свою особую историческую роль на войне, свое «маршальство», кавалерство ордена Победы.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 68–70.

* * *

Прошло всего два месяца (после Хельсинкского совещания), и Л. И. Брежневу было присвоено звание Маршала Советского Союза. Со всех точек зрения это выглядело нелепо и неумно. Кто первый предложил дать руководителю партии высшее воинское звание в период активной борьбы за разрядку, за упрочение мира, за претворение в жизнь решений Хельсинкского совещания, не знаю. Вспомнился только услышанный однажды в коридорах дома на Старой площади рассказ о том, как Н. В. Подгорный, бывший Председатель Президиума ВС СССР, узнав о предстоящем снятии его с этого поста и отправке на пенсию на очередном заседании политбюро, не стал пассивно дожидаться решения своей участи. Как только заседание было открыто, он попросил первым слово и внес предложение… о присвоении Л. И. Брежневу звания Героя Советского Союза в знак выдающихся… и пр. Удар пришелся в солнечное сплетение. И вопросы, подлежащие обсуждению, были изменены на ходу. Подгорный на несколько месяцев сохранил свое кресло. Наверное, и предложение о маршальском звании внес какой-нибудь очередной Подгорный.

Н. Леонов, с. 166.

* * *

Понимая, что ему необходимо укрепить свой авторитет не только внутри страны, но и за рубежом, он начал активно и весьма успешно заниматься внешней политикой. Он очень гордился заключением Московского договора, положившего начало новым взаимоотношениям в Европе. Чувствовалось, что он переживает, что не получил Нобелевской премии мира вместе с В. Брандтом. Не знаю правда ли то, что он сам отказался от премии, или нет, но это звучало в его разговорах с нами.

Как-то мы вместе с ним и его лечащим врачом Родионовым сидели на даче за чаем. Зашел разговор о ситуации, которая возникла вокруг В. Брандта. С воспоминаний о ФРГ Брежнев вдруг перешел на тему о Нобелевской премии: «Как мог я ее принять, когда всему народу мы заявили, что во главе комитета находятся ярые антисоветчики, преследующие свои цели по подрыву социалистического лагеря. Вспомните, что писалось и говорилось о Пастернаке. Он отказался от премии, не поехал на ее вручение. Как бы я выглядел в глазах народа, если бы такую премию принял?»

Е. Чазов, с. 87.

* * *

Руководители правящих партий соцстран прекрасно изучили слабости советского лидера, его болезненную склонность к наградам, своеобразную орденоманию. Они научились «бандитски злоупотреблять плаксивой добротой» Леонида Ильича. В конце 1976 года, когда приближалось его 70-летие, отмечавшееся 19 декабря, по инициативе Густава Гусака началось массовое награждение Брежнева высшими орденами социалистических стран, присвоение ему званий национальных героев и пр. В Москву якобы на Рождество съехались все первые лица из социалистических стран, произносили слащавые, неискренние речи. День за днем телевидение передавало эти стандартные сцены, которые вызывали зевоту и досаду…

Но все рекорды побил Бабрак Кармаль, который обратился к советскому руководству за разрешением наградить Брежнева новым, специально для этой даты учрежденным орденом «Солнце Свободы», а в случае согласия на это изготовить в Москве на Монетном дворе сам орден из золота, бриллиантов и пр., а также соответствующие коробочки, папки и пр. для вручения «отцу родному». Из моих записей следует, что план был принят и изготовление ордена началось, однако дальнейшей судьбы этой затеи я не знаю.

Н. Леонов, с. 200–255.

* * *

Не могу не сказать коротко и о принявшем чудовищные размеры тщеславии Брежнева. Меня поражало, как этот человек, отлично знающий всю наградную «кухню», сам награждавший

множество людей, мог придавать орденам и медалям такое большое значение. Это стало почти что помешательством — он забылся, перестал понимать, что награждает себя сам, а подхалимы только подсказывают ему новые поводы, делая на этом карьеру. Притом он не только любил получать награды, но и носил их. Здесь, по-моему, проявлялись наряду с тщеславием патология, болезнь, распад личности, который становился все более очевидным в конце 70-х — начале 80-х годов.

К этому же разряду относится и вся история с писательскими «подвигами» Брежнева. Не знаю точно, кто был инициатором затеи, но большую роль сыграли и немало на этом для себя выгадали Черненко, ряд других.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 206–207.

* * *

Страсть к наградам, всякого рода побрякушкам стала носить просто болезненный, параноидальный характер. Брежнев радовался, как ребенок, когда ему вручали статуэтку «Золотого Меркурия», Ленинскую премию мира, «Золотую медаль мира» имени В Ф. Жолио-Кюри, афганский орден «Солнце Свободы», высшую награду в области общественных наук — Золотую медаль имени Карла Маркса, Ленинскую премию в области литературы, новый партийный билет № 00000002 (первый, конечно, предназначался мысленно покойному Ленину), комсомольский билет № 1 или просто первый значок «50 лет пребывания в КПСС».

Тщеславие обрело гротескные формы. Вся страна, едва пряча саркастическую усмешку, почти открыто потешалась над своим незадачливым руководителем. Соратники генсека (не все, правда) при бесчисленных награждениях изображали вежливые улыбки и отводили в сторону от объективов телекамер свои взгляды.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 71.

* * *

Я вспоминаю две фотографии. Первая — во время Парада Победы на Красной площади, здесь генерал-майор Брежнев вместе с командующим во главе сводной колонны своего фронта. На груди молодого политработника гораздо меньше наград, чем у других генералов: два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого и две медали. Уж не в этом

ли кроется загадка синдрома орденомании позднего Брежнева? И вторая — дряхлая фигура Брежнева в маршальском парадном мундире, увешанном, точно иконостас, многими десятками орденов и медалей. Всего их насчитывалось около 200.

В. Врублевский, с. 41–42.

* * *

Ему дали два ордена Октябрьской революции, в то время как в статуте ордена написано, что им дважды не награждают. Ему специально изготовили орден Победы, которым награждались только командующие фронтами и более высокие командиры в годы Великой Отечественной войны.

Н. Леонов, с. 259.

Глава 6

ЕСЛИ МАСКУ ПРИПОДНЯТЬ

Политика. Сталь. Методы. Уловки

Брежнев — тоже честолюбивый деятель (сравнение с Н. С. Хрущевым. — Сост.), но гораздо более осторожный, менее самоуверенный и амбициозный, более склонный прислушиваться к мнениям других. Не стеснялся спрашивать совета и прилюдно. Бывало даже так: идут переговоры с иностранной делегацией, причем в ее составе есть люди, понимающие по-русски, а Брежнев, высказав какое-либо соображение, поворачивается ко мне, сидящему рядом, и громко спрашивает: «Я правильно сказал?» Впрочем, может быть, это был и своего рода театральный жест, рассчитанный на «умиление» собеседников… Подобно Хрущеву, он тоже был хитрым, но, пожалуй, более последовательным в своих замыслах, неторопливым, гораздо более сдержанным и менее склонным выдавать всем «на-гора» свои настроения и намерения. И, конечно, это был человек куда более терпеливый и терпимый, даже доброжелательный к людям (до определенных пределов). Но и эта веселая доброжелательность была не без расчета. Мне хорошо запомнилось, как однажды, расслабившись в вагоне во время одной из командировок, Леонид Ильич бросил такую фразу: «Знаешь, Андрей, обаяние — это очень важный фактор в политике».

А. Александров-Агентов, с. 118.

* * *

После заседания Политбюро, на котором его избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, он ехал в машине вместе с А. Н. Косыгиным, и прикрепленный А. Я. Рябенко слышал их разговор. Леонид Ильич тогда говорил Косыгину, что главная задача на данном этапе деятельности ЦК партии и советского правительства — обеспечить спокойную жизнь для советских людей. Он сказал, что «при Сталине люди боялись репрессий, при Хрущеве — реорганизаций и перестановок. Народ не был уверен в

завтрашнем дне, поэтому, — заключил Леонид Ильич, — советский народ должен получить в дальнейшем спокойную жизнь для плодотворной работы».

М. Докучаев, с. 172.

* * *

И тогда, и, естественно, потом я не раз задавал себе вопрос: а что думал сам Брежнев, каковы были его убеждения? Не мог же он сохранить свои представления в виде tabula rasa — нетронутого листа, на котором другие могли писать что им заблагорассудится. Ведь ему было уже под шестьдесят и он прошел, притом на весьма ответственных постах, почти через все главные политические события своего времени.

Вот здесь-то и заключен один из (используем известное американское выражение) «грязных маленьких секретов» — один из феноменов нашего (а точнее, того) времени. Это сформировавшийся при Сталине, затем формировавшийся примерно так же при Хрущеве, а затем при Брежневе тип руководителя, который политическим деятелем вовсе не являлся. Командно-административной системе политические деятели, исключая верховного вождя, не нужны, наоборот, они ей противопоказаны.

Типичным руководителем становится функционер, чиновник, в совершенстве овладевший правилами аппаратной игры. Он не очень образован, подчас, несмотря на диплом о высшем образовании, почти безграмотен, с марксизмом знаком в объеме «Краткого курса» и сталинской политграмоты, нетерпим к инакомыслию, к новым идеям. Твердых идеологических и политических принципов у деятелей этого типа чаще всего нет — иначе в пору бесконечных ломок и перемен они бы просто не уцелели. Все это, разумеется, не исключает у них большего или меньшего здравого смысла, большей или меньшей жизненной мудрости, личной доброжелательности к людям (если, конечно же, это не соперники), большей или меньшей любознательности.

Вот к такому типу руководителей принадлежал и Брежнев. Притом — рискую здесь вступить в спор со многими — был отнюдь не худшим из них, во всяком случае, в первые годы своего руководства партией и страной. Думаю, когда мы воссоздаем, восстанавливаем историческую правду, не надо утверждать в истории ни карикатурного Сталина, ни карикатурного Хрущева, ни карикатурного Брежнева. Иначе мы сделаем карикатурными также большую полосу своей истории, свою партию, свой народ.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 211.

* * *

Ему принадлежало последнее слово в присуждении Ленинских и Государственных премий. Брежнев вообще предпочитал заниматься не столько производством, сколько распределением, раздачами. Эту работу он хорошо понимал, не ленился позвонить человеку, которого награждали орденом, а тем более званием Герой Социалистического Труда, поздравить, показать тем самым, что решение исходило лично от него…

Если говорить о брежневском стиле, то, пожалуй, он состоит именно в этом. Люди такого стиля не очень компетентны при решении содержательных вопросов экономики, культуры или политики. Но зато они прекрасно знают, кого и куда назначить, кого, чем и когда вознаградить. Леонид Ильич хорошо поработал, чтобы посадить на руководящие посты — в парторганизациях, в экономике, науке, культуре — проводников такого стиля, «маленьких брежневых», неторопливых, нерезких, невыдающихся, не особенно озабоченных делом, но умело распоряжающихся ценностями.

Ф. Бурлагский, с. 149.

* * *

Было бы неверно представлять себе его глупцом, примитивным функционером. Это был по-своему очень неглупый человек. И я имею в виду не только хитрость, аппаратную ловкость, без которых он бы просто пропал, не выжил в тогдашней системе политических координат. Нет, Брежнев мог проявлять политическую сообразительность, ум и-даже политическую умелость. Например, сразу после октябрьского Пленума ЦК избрал, как мне кажется, очень правильную, выгодную, выигрышную линию поведения.

Начать с того, что он, так сказать, «работал» на контрасте с Хрущевым. Того в последние годы на все лады превозносили. Брежнева поначалу — нет. Тот был очень «видим», все время мелькал — в печати, в кино, на телеэкране. Этот (опять же поначалу) — нет. Не строил из себя «великого человека». Тем, кому доводилось работать над его речами, не раз говорил: «Пишите проще, не делайте из меня теоретика, ведь все равно никто не поверит, что это мое, будут смеяться». И сложные,

затейливые места вычеркивал (случалось, даже просил вычеркнуть цитаты из классиков: «Ну кто поверит, что Брежнев читал Маркса?»).

В отличие от Хрущева он вовсе не спешил высказывать по каждому поводу свое мнение — первые годы выжидал, прислушивался и присматривался, словом, вел себя осмотрительно, даже с известной скромностью (во все это трудно поверить, помня «позднего» Брежнева, но поначалу дело обстояло именно так). А уж если с чем-то выступал, то по-возможности наверняка.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 203.

* * *

При том, что Леонид Ильич действительно ни в коей мере не обладал качествами выдающегося деятеля, он был хорошим учеником той самой системы, о которой мы говорили. И, пользуясь ее методами, сумел перевести Политбюро во второй эшелон, лишить его права решающего голоса. Вроде бы безобидно — не надо членам Политбюро и секретарям выступать на пленумах и съездах, потому что у нас общая линия. А по сути мы оказались безголосыми… Брежнев опирался на Секретариат, а не на Политбюро. Традиционно Секретариат занимался организацией и проверкой выполнения решений, расстановкой руководящих кадров. А теперь все предрешалось группой секретарей. Там были Суслов, Кириленко, Кулаков, Устинов… и другие. Секретариат рассматривал проблемы до Политбюро. И нередко было так: приходим на заседание, а Брежнев говорит: «Мы здесь уже посоветовались и думаем, что надо так-то и так-то». И тут же голоса секретарей: «Да, именно так, Леонид Ильич». Членам Политбюро оставалось лишь соглашаться…

Следующий этап — была ограничена возможность передвижений. Случилось это так. Первое время мы ездили по стране, например, я с 1965 по 1970 год посетил 29 областей Российской Федерации, где до того не был. Тем более, что я в исполнительном органе, заместитель Председателя Совмина. И вот, как-то поехал в Свердловск, потом в Кемеровскую область. А там на меня очень серьезно насели шахтеры. Я неделю у них пробыл, разобрался с делами. Приезжаю, вызывает Леонид Ильич: «Как это ты в Кемерове был и мне ничего не сказал? (Я-то предполагал, что приеду и расскажу, какое там положение). Знаешь, так нельзя, надо все-таки спрашивать, когда ты уезжаешь». И когда собралось Политбюро, предложил:

«Товарищи, нам надо порядок навести. Надо, чтобы Бюро знало кто куда едет. Чтоб было решение Бюро. И предупреждать, что он там будет делать». Стали было возражать: «Зачем так регламентировать? Ведь мы члены руководства страны и партии». Но уже не в первый раз прошло его предложение, хотя некоторые члены Политбюро и возражали.

К. Мазуров, с. 206–207 [13].

* * *

Выросший в недрах партийного аппарата, Брежнев хорошо понимал его значение и силу как носителя реальной власти в стране сверху донизу. Поэтому своей самой надежной опорой он считал секретарей обкомов партии, старался поддерживать с ними неизменно хорошие отношения. Я не знаю случая, когда бы он (будучи здоровым) отказывал кому-либо при их приезде в Москву в приеме и продолжительной, внимательной беседе. И сам, находясь в отпуске в Крыму, ежедневно проводил два-три часа за столом у аппарата ВЧ, расспрашивая секретарей обкомов в разных концах страны об их делах, нуждах, настроениях. Все это, конечно, укрепляло авторитет Брежнева в кадрах партии и тем самым его позиции в руководстве страны.

А. Александров-Агентов, с. 250.

* * *

Свой рабочий день в первый период после прихода к власти Брежнев начинал необычно — минимум два часа посвящал телефонным звонкам другим членам высшего руководства, многим авторитетным секретарям ЦК союзных республик и обкомов. Говорил он обычно в одной и той же манере — вот, мол Иван Иванович, вопрос мы тут готовим. Хотел посоветоваться, узнать твое мнение… Можно представить, каким чувством гордости наполнялось в этот момент сердце Ивана Ивановича. Так укреплялся авторитет Брежнева. Складывалось впечатление о нем как о ровном, спокойном, деликатном руководителе, который шагу не ступит, не посоветовавшись с другими товарищами и не получив полного одобрения коллег…

При обсуждении вопросов на заседаниях Секретариата ЦК или Президиума он почти никогда не выступал первым. Давал высказаться всем желающим, внимательно прислушивался и, если не было единого мнения, предпочитал отложить вопрос,

подработать, согласовать его со всеми и внести на новое рассмотрение. Как раз при нем расцвели пышным цветом практика многоступенчатых согласований, требовавшая десятков подписей на документах, что стопорило или искажало в итоге весь смысл принимаемых решений…

Прямо противоположно Брежнев поступал при решении кадровых вопросов. Когда он был заинтересован в каком-то человеке, то ставил подпись первым и добивался своего. Он хорошо усвоил сталинскую формулу: кадры решают все. Постепенно, тихо и почти незаметно ему удалось сменить больше половины секретарей обкомов, значительную часть министров, многих руководителей центральных научных учреждений.

Ф. Бурлацкий, с. 149.

* * *

И в личных беседах, и при коллективном обсуждении каких-либо проблем Леонид Ильич внимательно и терпеливо выслушивал различные мнения, не перебивая говоривших, и, как правило, старался вывести дело на «консенсус».

А. Александров-Агентов, с. 249.

* * *

Сразу же после прихода Брежнева в Кремль начала создаваться совершенно иная атмосфера в работе как самого Президиума, так и аппарата. Все ярче стали проявляться черты характера Президента, которым он не изменил до конца своих дней: хозяйский подход, старые связи, желание пригреть, приблизить к себе родственников, друзей, приспешников. Через некоторое время в государственном механизме появилась, а затем, по мере движения к вершинам власти, стала набирать небывалую силу определенная группа людей. Все они, как правило, были связаны с Президентом работой в Днепропетровске, Молдавии, Казахстане.

Ю. Королев, с. 96.

* * *

Никто из современных публицистов и политологов всерьез не задаются вопросом, почему партия выбрала в 1964 году Брежнева

и подтвердила свой выбор на XXIII съезде в 1966 году, избрав его Генеральным секретарем?

Чем подкупил он в своей борьбе за власть? Да тем, что как знаток политической борьбы он был выше всех. Он был достойным учеником своего учителя Н. С. Хрущева. Он прекрасно знал человеческую натуру и человеческие слабости. Что значило для секретаря обкома или секретаря крупного горкома, которые в то время определяли жизнь партии на местах, когда первый секретарь ЦК КПСС звонит, иногда поздно вечером, иногда во время своего отпуска, и интересуется делами партийной организации, спрашивает: как виды на урожай, что с промышленностью, что нового в области, ну и, конечно, как ты себя чувствуешь и чем тебе, дорогой, помочь? Этим ли путем или просто постепенной, незаметной на первый взгляд заменой старых секретарей на более молодых и лояльных, но он обеспечил себе к XXIII съезду партии поддержку подавляющего большинства партийной элиты.

Он прекрасно понимал, что этого недостаточно, необходимо завоевать популярность в народе. И надо сказать, что он это делал не популистскими лозунгами, которыми пестрит наше время, а конкретными решениями, понятными и осязаемыми простыми людьми. Несомненно, что все это обсуждалось и предлагалось на Политбюро, в правительстве теми же А. Н. Косыгиным, К. Т. Мазуровым, А. Н. Шелепиным и другими. Но ведь выступал перед народом Л. И. Брежнев.

Многие сегодня забыли, а в тот период на простых советских людей произвело большое впечатление решение о пятидневной рабочей неделе. А возьмите другие решения — установление пенсионного возраста для женщин с 55, а для мужчин с 60 лет, оплата труда и пенсии колхозникам, повышение заработной платы и снижение цен на ткани, детские изделия, часы, велосипеды, фотоаппараты и т. д. Разве это не прибавляло авторитета руководству, и в первую очередь Брежневу?

Е. Чазов, с. 14–15.

* * *

Обладал ли он положительными качествами, существенными для общества? По моему убеждению, обладал. Во всяком случае, пока он не заболел, эти качества были очевидны. Для него вовсе не были характерны экстремистские, авантюрные устремления. В своей внешнеполитической деятельности он довольно быстро стал сторонником политики смягчения международной

напряженности, улучшения отношений с другими странами, ограничения вооружений.

Политическая умеренность, отсутствие стремления к ужесточению политики, нелюбовь к «острым» политическим блюдам проявлялись и в его подходе к внутренним делам. Притом в условиях, когда многих в руководстве тянуло к такому ужесточению. Он, конечно же, нередко уступал окружению, тем более что в основном разделял образ мыслей своих коллег, и все же во многих случаях амортизировал натиск и удары любителей острых блюд.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 204–205.

* * *

«Руководителю нужен авторитет, помогайте», — говорил он в узком кругу. Но под помощью подразумевалось нечто особенное. Например, Подгорный рассказывал мне, что Леонид Ильич просил его, чтобы тот в нужных местах речи Генсека на собраниях общественности столицы вставал и поднимал таким образом зал, чтобы аплодировал в нужных местах. И добавлял: «Может, это и нехорошо, но это нужно, приходится это делать». Вероятно, из тех же побуждений, нежелания делить с кем-то авторитет он на заседании Президиума ЦК перед XXIII съездом партии предложил: «Я выступаю с докладом, вы все его читали, это наш общий отчет перед партией. Поэтому не надо вам выступать. Вот товарищ Косыгин может выступить о пятилетке, остальным не надо».

Мы нехотя согласились. А когда подошел XXIV съезд, эта «просьба» уже действовала как закон.

К. Мазуров., с. 205 [13].

* * *

Брежнев добился такого порядка, чтобы на пленумах и прениях члены Политбюро и секретари ЦК КПСС (кроме товарищей, работающих на местах) не выступали, поскольку их общее мнение якобы изложено в докладе Политбюро.

А. Шелепин, с. 236 [13].

* * *

Что же касается содержания своих публичных выступлений, то Брежнев, придя к власти, ввел строгий порядок, которого придерживался до конца жизни: все заранее подготовленные тексты своих докладов и речей он предварительно рассылал членам Политбюро и секретарям ЦК и очень внимательно рассматривал (хотя и далеко не всегда учитывал) все поступавшие замечания. Того же он требовал и от своих коллег по руководству и очень сердился, если кто-либо этого не делал.

А. Александров-Агентов, с. 249.

* * *

Став Первым секретарем ЦК КПСС, Брежнев с немалым трудом привыкал к своей новой ответственности, проникался пониманием того, какое огромное бремя легло на его плечи. И хотя столь высокое положение ему, несомненно, очень нравилось, поначалу были и робость, и осторожность, и боязнь ошибиться. Его, конечно, очень серьезно обременял старый, скудный интеллектуальный багаж, провинциальные взгляды на многое, узкий, даже мещанский, обывательский кругозор (потом все это сыграло очень дурную роль). Самонадеянность появилась позже, и не без помощи подхалимов, ставших со сталинских времен, пожалуй, самой большой угрозой для политического руководства страны, собственно, для руководства на любом уровне. А о поразивших его еще позже болезни, старости, даже маразме разговор особый.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 212.

* * *

В первые два-три года после октябрьского Пленума Брежнев, хотя еще и верил своим прежним советникам, начал понимать, что не может полагаться лишь на них, что он должен радикально расширить круг получаемой информации, знакомиться с мнениями (притом различными мнениями) большего количества самых разных людей. В то время Брежнев действительно многим интересовался и охотно слушал то, что ему говорили (читать он не любил, письменный текст воспринимал хуже устного, потому и направляемые ему записки чаще всего просил читать вслух). И — из песни слова не выкинешь — кое-что воспринимал. Здесь, правда, существовала любопытная закономерность: воспринимал то, что относилось к сферам, в которых он считал себя

несведущим, — внешней политике, в какой-то мере в вопросах культуры, даже в идеологии и марксистско-ленинской теории. Зато был убежден, что прекрасно знает сельское хозяйство, да и вообще практическую экономику, а также военные вопросы. И очень хорошо разбирается в людях, в кадрах, знаток партийной работы. На все эти темы, как я заметил, говорить с ним, пытаться его в переубедить было почти бессмысленно.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 212.

* * *

Вскоре после того Пленума (октябрьского 1964 года) состоялся мой первый и в сущности единственный разговор с Брежневым. В феврале 1965 года на группу консультантов из нашего и других отделов возложили подготовку доклада Первого секретаря ЦК к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мне поручили руководить группой, и именно поэтому помощник Брежнева передал мне просьбу проанализировать и оценить параллельный текст, присланный ему Шелепиным. Позже Брежнев вышел сам, поздоровался со всеми за руку и обратился ко мне с вопросом: «Ну что там за диссертацию он прислал?» А «диссертация», надо сказать, была серьезная — не более и не менее как заявка на полный пересмотр всей партийной политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма. Мы насчитали семнадцать пунктов крутого поворота политического руля к прежним временам…

Я начал излагать наши соображения пункт за пунктом Брежневу. И чем больше объяснял, тем больше менялось его лицо. Оно становилось напряженным, постепенно вытягивалось, и тут мы, к ужасу своему почувствовали, что Леонид Ильич не воспринимает почти ни одного слова. Я остановил фонтан красноречия, он же с подкупающей искренностью сказал: «Мне трудно все это уловить. В общем-то, говоря откровенно, я не по этой части. Моя сильная сторона — это организация и психология», и он рукой с растопыренными пальцами сделал некое неопределенное движение.

Ф. Бурлацкий, с. 143–144.

* * *

Работать с Брежневым мне было и легко, и приятно. К мнению собеседника он относился с уважением: никогда априори

не отвергал чужую точку зрения, позволял с собой спорить — иногда даже настойчиво и энергично. Как-то я не удержался и показал Леониду Ильичу цитату из журнала, которая мне очень понравилась: «Нервный человек не тот, кто кричит на подчиненного, — это просто хам. Нервный человек тот, кто кричит на своего начальника». Брежнев расхохотался и сказал: «Теперь я понял, почему ты на меня кричишь».

А. Александров-Агентов, с. 31 [19]

* * *

В первые годы пребывания Брежнева на посту Первого секретаря, а затем Генерального секретаря ЦК партии он старался в какой-то мере охватывать главные вопросы положения в стране и выказывать самостоятельность суждений. Но глубоко проблем, стоящих перед партией и народом, он не знал. Обычно полагался на суждения Совета Министров, отдельных членов Политбюро и других товарищей. А выводы делал по подсказке экспертов и помощников, готовивших заранее предложения по рассматриваемым вопросам. В конце дискуссии он зачитывал то, что было подготовлено. Страшно не любил, если кто-то вносил предложение, отличное от того, которое им было зачитано. Обычно все при этом чувствовали неловкость.

А. Громыко, кн. 2, с. 528.

* * *

Все участники пленума (октябрь 1964 г.) вздохнули свободно, когда во главе партии стал Л. И. Брежнев. Приветливость и доброжелательное отношение Леонида Ильича были всем хорошо известны. Красивое, с густыми бровями лицо казалось значительным и спокойным. За столом президиума оно выражало какую-то важную думу и обещало всем участникам пленума спокойную и обеспеченную жизнь.

Н. Байбаков, с. 247 [13] .

* * *

Я уже говорил, что по отношению к семье это был очень добрый и мягкий человек, — так вот, эти качества распространялись и на тех людей, которые окружали Леонида

Ильича. Он никогда не подчеркивал свое служебное превосходство… Не помню, чтобы за какой-то просчет или проступок он мог одним, как говорится, махом лишить «проштрафившегося» человека всего, что тот имел, если, конечно, это были не уголовно наказуемые действия. Вот почему я утверждаю, что главная черта характера Леонида Ильича — доброта и человеческое отношение к людям.

Ю. Чурбанов, с. 370 [13].

* * *

Было бы, однако, большой ошибкой считать, что Леонид Ильич был этаким слабохарактерным добряком-толстовцем. Отнюдь нет. Это был упорный, целеустремленный и хитрый человек, который в своих целях, нередко продиктованных честолюбием, манипулировал людьми, заставлял их делать то, что ему было нужно, и ловко, без излишнего шума и сенсаций умел избавляться от неподходивших ему работников, особенно тех, кого считал потенциальными соперниками. И это при том, что в принципе он был искренним сторонником стабильности кадров, старался сводить перемены к минимуму.

А. Александров-Агентов, с. 252.

* * *

Кстати сказать, умение показаться мягким, воспринимать советы ввело в заблуждение многих искушенных, хитрых и опытных людей Д. С. Полянский говорил мне, что эти качества Брежнева были решающими при определении кандидата на пост Первого секретаря ЦК. После диктатуры Хрущева стремление к так называемому коллективному руководству было очень велико среди равных, и Леонид Ильич, им казалось, как нельзя лучше подходит к этой роли. Но разочарование наступило скоро. Тот же Полянский рассказывал, как однажды в 1969 году, при подготовке к III съезду колхозников, где он, как предполагалось, выступит в качестве первого заместителя Председателя Совмина СССР с докладом, в кабинет зашел Брежнев. Узнав, что доклад уже готов, он попросил его почитать, а вскоре позвонил и сообщил: «Это хороший доклад, Митя. Я с ним и выступлю. А ты подготовь другой». Так и вышло.

А. Гаврилюк, с. 265 [13].

* * *

Брежнев принадлежал к числу людей, о которых в народе метко говорят: «Мягко стелет, да жестко спать». В прессе как-то попалась на глаза фраза о том, что сентиментальность Брежнева соседствовала с беспощадностью, что бархатные перчатки лишь прикрывали стальные кулаки. С этим я полностью согласен: Брежнев без колебаний убирал всех инакомыслящих, подслащивая при этом пилюлю. Не щадил он и тех, кто был близок к нему, но сделал вдруг неосторожный, опрометчивый шаг, вызвавший неудовольствие патрона. Так оказался в опале Ф. Д. Кулаков, тогдашний член Политбюро и секретарь ЦК, ведавший вопросами сельского хозяйства (кстати, именно он покровительствовал Чануквадзе), впал в немилость С. М. Цвигун, который благодаря близости к Брежневу стал первым заместителем Председателя КГБ, членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР и в числе очень немногих людей пользовался его особым доверием. Переменчивость Брежнева настолько потрясла Цвигуна, что он покончил жизнь самоубийством. Патрон же его и «благодетель» даже не поставил под некрологом свою подпись…

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 184.

* * *

Приведенный к власти в 58 лет всемогущим «серым кардиналом» Михаилом Сусловым, он на весь срок остался таким же добряком, связанным к тому же массой обязательств со своими старшими и более хваткими коллегами. Первые провозглашенные им принципы политики внутри страны звучали как «бережное отношение к кадрам» и «создание спокойной обстановки». Под зонтиком этих принципов и расцвели зловещие букеты коррупции, деидеологизации, кумовства, подхалимажа.

Н. Леонов, с. 259.

* * *

О его любви к зарубежным поездкам, к встречам иностранных гостей можно говорить долго. За три года он пятнадцать раз побывал за рубежом, используя все возможные поводы и приглашения. И повсюду — объятия, речи. В каждой из них примерно одно и то же. Пока был молодой, еще ничего не путал,

а дальше — просто анекдот, но об этом погодя. Главное же то, что ни друзья, ни враги не придавали сколько-нибудь серьезного значения его речам и общениям.

Желание выступить, показаться на людях сочеталось в нем с некоторой неуверенностью. Видимо, чувствовал недостаточную компетентность, осторожничал, просил все до последнего слова готовить заранее. И едва ли не первым среди политиков стал читать даже крохотную речь по бумажке.

Тем не менее можно смело сказать, что пребывание в Президиуме явилось важным шагом в его политической карьере. Пост этот весьма соответствовал глубинным чертам брежневского характера: не отвечать, не решать, но зато почаще мелькать на экранах и в печати. Таким образом накапливалась известность, рос авторитет. И это при том, что не было у него ни выдающихся способностей, ни твердого характера, ни большого политического чутья.

Но именно это да еще доброжелательность помогли Брежневу вскоре шагнуть высоко вверх.

Ю. Королев, с. 123.

* * *

В брежневский период у нас никто ничего не обсуждал. Мы только делали вид, что все понимали, а сами плелись в хвосте событий. Это было по сути, единоличное правление. Сам же Брежнев был человек безграмотный. Он, я думаю, не читал ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина.

— Что больше всего не нравилось вам в Брежневе как руководителе партии?

Многое. Но прежде всего неискренность. Говорил одно, а поступал по-другому. На словах поддерживал, на деле саботировал. Так было и с переводом промышленности и строительства на новые методы планирования и руководства. Так было и с организацией звеньев и бригад, работающих по безнарядной системе.

Г. Воронов, с. 184 [13].

* * *

Председатель Брежнев поначалу интересовался всем, сам лично проверял, как работают его люди, как исполняются решения, как идет круговорот входящих и исходящих бумаг. Но

именно в его время бюрократия начала расцветать с новой силой, становилась все пышней и практически перестала поддаваться контролю и надзору. Именно тогда формальный подход к делу стал главным показателем всей чиновничьей машины, и Брежнев стал одним из вдохновителей махрового формализма. Даже если его личные решения по существу не выполнялись. Президента это мало волновало.

Важно, что соблюдена форма.

Ю. Королев, с. 122.

* * *

Брежнев начал свое пребывание на посту первого секретаря партии будучи не очень уверенным в себе и тесно сотрудничая со своими коллегами. Я вспоминаю, что, когда премьер-министр Шастри приехал с визитом в Москву в мае 1965 года, на встрече, в которой участвовали Брежнев, Косыгин, Подгорный, все трое по очереди отвечали на наши предложения, говоря друг за другом «да, да, да». Мне показалось, что этим они пытались создать впечатление, что работают коллективно, в единодушии и сотрудничестве, несмотря на некоторые разногласия, которые проявились позже.

Т. Каулъ, с. 78.

* * *

Брежнев и сам чувствовал неуверенность, подчас растерянность и в пылу горячности неоднократно заявлял: «Я подам заявление об уходе». Некоторые члены Политбюро ему говорили: «Чем ты нас пугаешь? Подавай» — и он остывал.

П. Шелест, с. 227 [13].

* * *

Сильной стороной Брежнева был особый интерес к кадрам. Иногда его беседы с членами ЦК и другими ответственными работниками сводились к теме о том, кто чем занимается, какие у кого с кем отношения, — все это с целью выяснения у собеседников, не строит ли кто-нибудь против него лично каких-либо козней. Члены Политбюро, да и многие члены ЦК знали эту особенность Генерального секретаря и учитывали ее. При этом

имел место, безусловно, и подхалимаж… Видимо, болезненное состояние усугубляло его подозрительность. Даже важные проблемы пропускались через призму личных настроений того или иного работника по отношению к нему как к Генеральному секретарю.

А. Громыко, кн. 2, с. 525.

* * *

В отличие от Хрущева Брежнев не считал себя знатоком сельского хозяйства, впрочем, как и других отраслей, прислушивался к советам, позволял спорить с собой. Хотя вскоре мягко одернул В. В. Мацкевича (министра сельского хозяйства СССР): «Ты, Володя, при людях мне не возражай, я Генеральный секретарь, в этом кабинете Сталин сидел. Зайди позже, когда один буду, и скажи, что считаешь нужным».

А. Гаврилюк, с. 264 [13] .

* * *

Это было летом 1972 года. Страшная засуха поразила многие районы, горели леса, в Москве стоял запах гари. Брежнев пригласил Косыгина и меня к себе на дачу в охотничье хозяйство в Завидово для рассмотрения проекта народнохозяйственного плана на следующий год. Обсуждение этого вопроса заняло у нас два дня с ночевкой на даче. Правда, и в то время у Леонида Ильича не хватало терпения при рассмотрении тех или иных вопросов и поэтому им порой принимались непродуманные решения. Не любил он и слушать, когда в докладе содержалось большое количество цифр. И в этот раз он остановил меня во время моего доклада и сказал:

— Николай, ну тебя к черту. Ты забил нам голову своими цифрами, и я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв и поедем охотиться.

Мы с Брежневым сели в лодку с егерями и поплыли охотиться на уток. Косыгин углубился в лес, сказал, что пойдет на лося, но вернулся ни с чем. Во время обеда рассказывали друг другу о том, сколько каждый из нас подбил уток. Наибольшие трофеи были у Брежнева, как у старого опытного охотника.

После обеда мы продолжили работу над планом и закончили его на следующий день…

Через несколько дней на заседании Политбюро Брежнев

заявил, что «два дня слушал Байбакова, а теперь спать не может», но представленный нами проект народно-хозяйственного плана поддержал.

Н. Байбаков, с. 248.

* * *

Все было у Брежнева: и власть, и слава, и послушное почитание повсюду — в ЦК, в Верховном Совете, на митингах. И все мало. Доходил он до мелочей — очень любил распределять блага своей рукой, лично и непосредственно. Раздавал кофты девицам (с базы Верховного Совета, так называемый «подарочный» фонд для зарубежных гостей), квартиры послушным, старательным подчиненным, звезды, ордена, звания прислужникам, министерские посты взяточникам. Большой был хозяин, щедрый, любил своих, а они под его крылом воровали вдвойне.

Ю. Королев, с. 185.

* * *

Он не был широко эрудированным человеком, но удивительно быстро улавливал значимость той или иной проблемы для государства и для своей популярности. Как человек очень далекий от науки, он очень дорожил мнением ученых.

Е. Чазов, с. 125.

* * *

Он очень умело выдавал за свои идеи, которые вырабатывались и предлагались его окружением. Участвуя почти во всех его поездках за рубеж, я, да и все, кто бывал в этих поездках, видели, как, ведя переговоры, он боялся оторваться от подготовленного материала. Вначале он пытался это скрывать, а в дальнейшем, не стесняясь, просто читал подготовленный текст. При всем при том меня удивляло колоссальное почтение, которое не только высказывали, но и подчеркивали при визитах главы государств. Тот же В. Жискар д'Эстен на первой встрече в декабре 1973 года в Рамбуйе проявил максимум внимания к стареющему советскому лидеру.

Е. Чазов, с. 88.

* * *

Как это ни парадоксально звучит, но Москва «испортила» Брежнева. Он стал постепенно преображаться не только в опытного политика, но и политикана, поднаторевшего в дворцовых интригах. Так сказать, «нормальное» его честолюбие все более перерастало в тщеславие. Он стал «просчитывать» все возможные ходы, ставил перед собой амбициозные цели, к которым стремился любой ценой. В характере Брежнева появились ранее не присущие ему хитрость и даже коварство. При всем этом он сохранял и привычную личину добродушного партийца. На пути к неограниченной власти Леонид Ильич прошел непростую эволюцию.

Ныне проще всего представлять Брежнева этаким рубахой-парнем из заводского поселка. Подобный имидж в свое время талантливо создал артист Алейников. Конечно, Леонид Ильич понимал, что личное обаяние не только располагает к нему людей и помогает жить, делать карьеру. Гораздо позже, как свидетельствует помощник генсека Александров-Агентов, Леонид Ильич пришел к выводу: «Обаяние — это очень важный фактор в политике». И Брежнев его сполна использовал, в том числе в международных делах. Разумеется, речь идет о периоде его жизни до физической деградации.

В. Врублевский, с. 31.

* * *

Политическое мышление Брежнева было схематичным, черно-белым: хорошо-плохо. Об этом например, свидетельствуют его пометы, сделанные на Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий 10–23 ноября 1960 года. Фамилии деятелей зарубежных компартий почти все искажены (Брежнев даже своих соратников, людей, которых хорошо знал, часто именовал неправильно: Шерванадзе вместо Шеварднадзе, Катушов вместо Катушев и др.). Многие он просто слышал впервые:

«Т. Виольди (Аргентина) хвалил Хрущева…

т. Живков (о заслугах Хрущева)…

т. Нури (Ирак) выступление хорошее…

т. Ланоян (Кипр) хорошо…

т. Сауз (Ливан) выст. хорошо…

Бразилия (Прее) ничего, но скучновато…

Гомулка говорил прекрасно более двух часов…

Марокко (разделал китайцев и особенно Ходжу…)»

Реакция, школьные оценки, отношение к выступлениям «братьев по делу» схожи с записями какого-нибудь провинциального коммуниста в годы гражданской войны, попавшего на Конгресс Коминтерна.

Д. Волкогонов, кн. 2. с. 87.

* * *

Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что многих он поддерживал и выдвигал на руководящие посты, не всегда за объективные деловые качества. Но не скупился на доброе слово, часто, как рассказывают, по-человечески интересовался домашними делами подчиненных. И эти знаки внимания ценили. Не случайно за него горой стояло большинство руководителей. Их устраивал его ровный и спокойный подход к делу, постоянная помощь, частые звонки. Люди чувствовали, что их помнят, им доверяют. Когда Медунова как-то довольно серьезно покритиковали на заседании Секретариата ЦК за превышение полномочий и ряд других прегрешений, то Брежнев вскоре позвонил в Краснодар и сказал ему:

— Ты не переживай и не очень обращай внимание на случившееся. Работай спокойно.

Об этом мне рассказывал сам Медунов, когда я был в крае. То, что Медунова наказали и предупредили на заседании Секретариата ЦК, осталось тайной для большинства местных коммунистов, а вот что ему позвонил Брежнев и поддержал — знали практически все. Такой метод Брежнев применял не раз и знал, что руководящие работники будут ему верны. В этом была прочность его позиций, разгадка долголетнего пребывания у власти, любви к нему чиновного люда.

В. Болдин, с. 37.

* * *

Пришедшее после Хрущева новое советское руководство отличалось на первых порах от прежнего главным образом сменой первого лица. На место Хрущева пришел Брежнев.

Брежнев был политическим деятелем, хорошо знавшим «коридоры власти», привыкшим «играть вместе с командой», а не отдельно. Был осторожным, неторопливым, прислушивался к мнению своих коллег, остерегался внезапных поворотов или

резких нововведений, предпочитая предсказуемую стабильность.

В старом Политбюро Брежнев занимался вопросами военной промышленности и производства вооружений. Он не увлекался проблемами идеологии и не питал к ним большого интереса. Но он твердо придерживался догм марксистско-ленинской теории, взяв их раз и навсегда на вооружение без каких-либо сомнений. Тут он был на 100 процентов «правоверным», отдав эту область на откуп Суслову.

Что касается вопросов внешней политики, то он разбирался в них слабовато и на первых порах увлекался в основном внешней, протокольной стороной дела (почетные караулы, помпезные приемы в Кремле иностранных руководителей, приятная реклама в средствах массовой информации и т. п.).

Когда я во время приездов в Москву обычно довольно долго рассказывал ему наедине о событиях в Америке (а он всегда ими интересовался), а затем спрашивал «указаний на будущее», он обычно говорил: «Какие тебе еще указания, ты лучше меня знаешь, как вести дела с американцами. Главное, чтобы был мир».

В сущности же в проведении самой внешней политики он фактически полагался до конца своих дней на Громыко. Последний был для него, пожалуй, как Даллес для Эйзенхауэра, хотя наш министр старался не особенно подчеркивать свою главенствующую роль в этих делах среди своих коллег по Политбюро…

В целом же Громыко оказывал на Брежнева позитивное влияние. Будучи умным человеком, он умело поддерживал у Брежнева стремление к стабильной внешней политике без эмоциональных срывов, присущих Хрущеву.

Л. Добрынин, с. 121–122.

* * *

Когда Д. Ф. Устинова в 1965 году избрали секретарем ЦК КПСС, Л. И. Брежнев неожиданно спустился из своего кабинета двумя этажами ниже и зашел посмотреть, как устроился на новом месте Д. Ф. Устинов. В практике тех лет такого еще не бывало, и все видевшие это были приятно удивлены демократичностью генсека. В то время Л. И. Брежнев, как говорили люди его окружения, вообще держался просто, часто звонил своим соратникам, секретарям ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов. Был он терпим и доброжелателен со своим окружением — помощниками и секретарями. Еще работая в Казахстане, выезжал на природу, приглашая с собой семьи своих помощников

и охранников. Да и позже до болезни был открыт для своих соратников.

В. Болдин, с. 35.

* * *

Брежнев, судя по всему, с самого начала видел в военных очень важную основу своей власти. И уже поэтому старался давать им все, что они просили. Под стать Брежневу вел себя Устинов, при котором военные дела полностью вышли из-под политического контроля. Брежнев ни в чем ему не отказывал, а остальные (в том числе Громыко и, мне кажется, Андропов) опасались, боялись вмешиваться, портить отношения с военными. Немалую роль сыграло и то, что некоторое время Брежнев был секретарем ЦК, отвечающим за оборонную промышленность, и попал под очень сильное влияние руководителей военной индустрии. Были здесь и чисто сентиментальные нюансы, усилившиеся с возрастом и болезнью. Он особо гордился годами, которые провел на военной службе, считал себя чуть ли не профессиональным военным. И придавал огромное значение всевозможной мишуре, питал пристрастие к воинским званиям и орденам, серьезно подорвавшее его репутацию.

Видимо, определенную роль сыграла и болезнь Брежнева. Прежде он в ряде случаев не только возражал военным, но и вступал с ними в конфликт. Так произошло, например, во время принятия решения о договоре ОСВ-1. На Политбюро с возражениями против уже согласованного текста выступил тогдашний министр обороны Гречко, заявив, что как человек, отвечающий за безопасность страны, не может поддержать договор. Брежнев, как председатель Комитета обороны и Главнокомандующий, вполне резонно считал, что за безопасность страны отвечает прежде всего он, и настоял на положительном решении Политбюро, резко выступив против Гречко. Позднее Брежнев рассказывал группе товарищей в моем присутствии, что Гречко приезжал к нему извиняться. Брежнев — так, во всяком случае, он рассказывал — заявил: «Ты обвинил меня в том, что я пренебрегаю интересами безопасности страны, на Политбюро, а извиняешься с глазу на глаз».

Во время визита Форда в конце 1974 года, когда обсуждались общие рамки Договора ОСВ-2, у Брежнева тоже был длинный, очень острый и громкий спор с военным руководством по телесвязи ВЧ. Об этом я знаю как от наших участников, так и от американцев, рассказавших, что в решающий момент обсуждения

советский лидер выставил всех из кабинета и чуть не час говорил по телефону, да так громко и эмоционально, что было слышно даже через стены и закрытые двери.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 220.

* * *

В общении с людьми Леонид Ильич был, как правило, доброжелателен, приветлив, терпим. Должен добавить: таковы были его натура и в то же время стиль, которого он сознательно придерживался в политических целях. И даже в напряженных ситуациях в ответ на откровенно недоброжелательные выпады старался проявлять максимальную сдержанность, не давал себя спровоцировать. Так было, например, на одном из заседаний Совета Обороны (единственном, где мне почему-то удалось присутствовать), когда министр обороны Гречко (его давний знакомый и вышестоящий по армии в годы войны) закатил ему настоящую истерику из-за того, что генсек (и Председатель Совета Обороны) позволил себе без его, Гречко, ведома пригласить одного из видных военных конструкторов и обсуждать с ним оборонные дела. Все присутствовавшие были возмущены поведением министра и ждали взрыва. Но Брежнев смолчал, остался спокоен. Думаю, однако, что с тех пор его отношение к Гречко серьезно изменилось.

А. Александров-Агентов, с. 250.

* * *

Когда Ю. В. Андропов и Р. А. Руденко доложили 26 декабря 1979 года свои предложения в политбюро в отношении академика-мученика Сахарова, Брежнев, еще до обсуждения вопроса на политбюро, выразил с ними согласие. А председатель КГБ и Генеральный прокурор СССР сочинили бумагу, в которой доносили, что Сахаров «в 1972–1979 годах 80 раз посетил капиталистические посольства в Москве», имел более «600 встреч с другими иностранцами», провел «более 150 так называемых пресс-конференций», а по его материалам западные радиостанции подготовили и выпустили в эфир «около 1200 антисоветских передач». Боясь «предания суду» Сахарова из-за «политических издержек», на политбюро 3 января 1980 года решили лишить академика всех высоких званий и в «качестве превентивной меры административно выселить его из Москвы в один из районов

страны, закрытый для посещения иностранцами».

При всей бытовой доброте и сентиментальности Брежнев был идеологически жестким человеком по отношению к инакомыслию, той «швали» (выражение генсека), которая думает не так, как он и его соратники. Время застоя и стагнации было временем особенно распространенной «охоты за ведьмами». И Брежнев, почти профессиональный охотник за дичью, внес свой большой вклад в это далеко не богоугодное дело.

Д. Волкогонов, с. 89.

* * *

Джонсон и Брежнев никогда не встречались. Но в определенном смысле они были похожи друг на друга. Оба были примерно одного возраста, оба выходцы из простых семей, были мастерами внутриполитических игр; оба не знали детально вопросы внешней политики (чем, впрочем, не очень тяготились); оба обожали охоту и быструю езду; не читали книг, но много времени проводили у телевизора; оба были по-своему любителями ковбоев и футбола; были не против «пропустить лишнюю рюмочку»; любили рассказывать анекдоты и «играть» на публику (или на собеседника), чтобы участники беседы оставались довольны друг другом. Оба были вспыльчивы (но не на публике), злопамятны, но в то же время любили демонстрировать свою доброту и хорошее отношение к людям.

И тот, и другой обожали «паблисити» и любили позировать фотокорреспондентам. Джонсон, например, дал специальное указание, чтобы операторы телевидения снимали его с левого, более фотогеничного, с его точки зрения, профиля. Советские фоторепортеры знали, что Брежнев любил, чтобы на снимках были четко видны все его многочисленные ордена и медали…

Оба они любили хорошие отклики в прессе на свои выступления. В этом плане у Брежнева не было проблем дома. Сложнее было с откликами из-за границы. Обычно его помощники подбирали наиболее выгодные статьи и фотографии своего «хозяина». Да и послы посылали, зная слабость Брежнева, соответствующие вырезки из зарубежной прессы, которые он обязательно прочитывал, а потом и цитировал на Политбюро.

Л. Добрынин, с. 122–123.

* * *

Дабы исключить возможный упрек в идеализации Леонида Ильича, сразу же оговорюсь: он менялся, менялась страна, менялись исторические условия. Брежнев 30 —50-х годов совсем не похож на Брежнева 60-х — первой половины 70-х годов, а тем более конца 70-х — начала 80-х. Это были совершенно разные люди, которые действовали по-разному в различных условиях. И понять личность Брежнева можно, разумеется, только в историческом контексте.

Как вспоминал В. В. (Щербицкий. — Сост.) и в другие «днепропетровцы», Брежнев в начале своей карьеры не был столь часто встречающимся в партийной среде карьеристом. Пожалуй, его отличала такая сильная черта, как лояльность к людям, внимание и доброе к ним отношение. Эти качества еще более окрепли на войне, которую Леонид Ильич прошел от звонка до звонка. В этом ему помогала великолепная память на лица и имена. Спустя много лет, приезжая в обком он всех узнавал, со всеми — от уборщицы до секретаря — был внимателен. Этот стиль доброжелательного отношения к людям он исповедовал и в работе. Брежнев не расталкивал локтями других, не предавал друзей, ценил дружбу. И ему платили тем же.

В. Врублевский, с. 29.

* * *

Во времена Хрущева будущий генсек и остальные члены политбюро трудились на Старой площади по 10–12 часов, часто направлялись в командировки, корпели помногу времени на бесчисленных всесоюзных и партийных совещаниях, возглавляли многочисленные комиссии…

Вскоре после прихода к власти, по его (Брежнева) настоянию, политбюро принимает 28 июля 1966 года решение, согласно которому члены высшей партийной коллегии стали иметь по два с половиной месяца отпуска в год. При этом они «начинали работу в 9 часов утра и оканчивали в 17 часов с обязательным перерывом на обед».

Д. Волкогонов, с. 75–76.

* * *

Мы (Е. И. Чазов и Ю. В. Андропов), как правило, встречались по субботам, когда пустели коридоры и кабинеты партийных и государственных учреждений, в основном молчали аппараты

правительственной связи. Брежнев, а с ним и другие руководители, строго выдерживали кодекс о труде в плане использования для отдыха субботы и воскресенья. Лишь два человека — Устинов, в силу стереотипа, сложившегося со сталинских времен, когда он был министром, и Андропов, бежавший из дома в силу сложных семейных обстоятельств, — в эти дни работали.

Е. Чазов, с. 120.

* * *

Брежнев извлек уроки из опыта Хрущева. Он восстановил сельские райкомы и прежнюю роль региональных партийных комитетов. На XXIII съезде возродил и занял пост Генерального секретаря. Главной его опорой опять стали первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК республик. Испытанная сталинская схема. Но если при Сталине она поддерживалась репрессиями, то при Брежневе это был своего рода «общественный договор» между основными носителями власти.

«Договор» этот никто не формулировал, его никогда не записывали и тем более не упоминали. Но он реально существовал. Смысл его состоял в том, что первым секретарям в их регионах давалась почти неограниченная власть, а они, со своей стороны, должны были поддерживать Генерального, славить его как лидера и вождя. В этом была суть «джентльменского» соглашения, и оно тщательно соблюдалось. Характерно, что Леонид Ильич лично держал связь с первыми секретарями даже тогда, когда был тяжело болен и ему трудно было вести разговор…

М. Горбачев, кн. 1, с. 180–181.

* * *

Надо сказать, что последние два-три года до кончины он фактически пребывал в нерабочем состоянии. Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей. Для большинства руководящих работников, особенно в центре, становилось ясным, что силы его на исходе. Не смог он укрепиться в мысли о том, что пора честно сказать о невозможности для него занимать прежнее положение, что ему лучше уйти на отдых. Вполне возможно, что, избрав

именно такой путь, он мог бы еще свою жизнь и продлить.

Состояние его было таким, что даже формальное заседание Политбюро с серьезным рассмотрением поставленных в повестке дня проблем было для него уже затруднительным, а то и вовсе не под силу.

А. Громыко, кн. 2, с. 530.

* * *

Уверовав в свою непогрешимость и незаменимость, окруженный толпой подхалимов, увидев, что дела идут и без его прямого вмешательства, и не встречая не только сопротивления, но и видимости критики, он переложил на плечи своих помощников по Политбюро ведение дел, полностью отмахнулся от наших рекомендаций и стал жить своей странной жизнью. Жизнью, которая складывалась из 10–12 часов сна, редких приемов делегаций, коротких, по 2 часа, заседаний Политбюро один раз в неделю, поездок на любимый хоккей, присутствия на официальных заседаниях. Я не помню, чтобы я застал его за чтением книги или какого-нибудь «толстого» журнала. Из прошлого режима он сохранил лишь привычку по утрам плавать в бассейне да выезжать в Завидово на охоту. Вновь, как и раньше, при малейшем психоэмоциональном напряжении, а иногда и без него, он начинал употреблять успокаивающие средства, которые доставал из разных источников.

Е. Чазов, с. 148.

* * *

Итак, в 1977 году Президентом опять стал теперь уже семидесятилетний, довольно потрепанный жизнью Леонид Ильич Брежнев. Что-то в нем сильно изменилось, видно, не прошли даром годы политических баталий, напряженная работа на посту Генсека, разного рода излишества. Заматерел и обрюзг некогда привлекательный мужчина. Только, пожалуй густые брови остались неизменными, что породило в народе выражение: «Бровеносец в потемках».

Правда, был он еще довольно энергичен. Председатель занялся делами сразу же: как большими государственными, так и партийными — беседы, встречи, совещания.

Ю. Королев, с. 172.

* * *

Он менялся на глазах. Раньше был не только более энергичным, но и более демократичным, не чуждался нормальных человеческих отношений. Поощрял обсуждения, случались даже дискуссии на заседаниях Политбюро и Секретариата. Теперь ситуация изменилась коренным образом. О дискуссиях, уж тем более о какой-либо самокритичности с его стороны не могло быть и речи…

Помню, как на одном из заседаний Политбюро председательствовавший «вырубился», потерял смысловую нить обсуждения. Все сделали вид, что ничего не произошло. Хотя все это оставляло тяжкое впечатление. После заседания я поделился своими переживаниями с Андроповым.

— Знаешь, Михаил, — повторил он почти дословно то, что и раньше мне говорил, — надо делать все, чтобы и в этом положении поддерживать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности…

Удержанию шаткого равновесия должна была, по их мнению, способствовать и тщательно оберегаемая субординация, каждый должен был знать свое место, свой «шесток» и не претендовать на большее. Эта субординация доводилась порой до полного абсурда и предусматривала буквально все, даже рассадку в зале заседаний Политбюро. Я не шучу!

Казалось бы, собираются коллеги, соратники. Чего уж чиниться? Но нет, каждому надлежало занять за столом строго определенное место. Справа от Брежнева садился Суслов, слева — предсовмина Косыгин, а после его ухода — Тихонов. Рядом с Сусловым — Кириленко, затем Пельше, Соломенцев, Пономарев, Демичев. С другой стороны, рядом с Косыгиным, — В Гришин, потом Громыко, Андропов, Устинов, Черненко и, наконец, Горбачев. Стол большой, и когда Леонид Ильич начинал советоваться с одной половиной, скажем с Сусловым, то при его дикции нам, сидевшим в конце стола на другой половине, услышать и понять было просто трудно.

Соседство с Константином Устиновичем так-же создавало определенные неудобства. Он постоянно вскакивал с места, подбегал к Леониду Ильичу и начинал быстро перебирать бумаги:

— Это мы уже решили… Это вам надо зачитать сейчас… А это мы сняли с обсуждения…

В общем, картина тягостная. Делалось все это открыто, без всякого стеснения. Мне было стыдно в такие минуты, и я иногда думал, что и другие переживают аналогичные чувства. Так или не

так, но все сидели, как говорится, не моргнув глазом.

М. Горбачев, кн. 1, с. 182–183.

* * *

После скоропостижной кончины Н. Н. Иноземцева (1982 г. — Ссст.) от сердечного приступа атака на ИМЭ-МО возобновилась. В МГК КПСС возник план распустить партком института и заменить его секретаря, начать новую проработку руководства и коллектива. Этот план был близок к осуществлению.

Мы с Бовиным решили попытаться во время уже намеченной деловой встречи с Л. И. Брежневым, хорошо знавшим Иноземцева, поговорить об этом деле, — если, конечно, состояние Генерального секретаря позволит завести такой разговор. Обстановка сложилась благоприятно. И мы рассказали Брежневу о невзгодах, которые обрушились на Иноземцева и, видимо, ускорили его смерть, и о том, что на послезавтра намечено партийное собрание, где постараются запачкать саму память о нем. Сказали также, что планируется учинить погром в институте.

Брежнев, для которого, судя по его реакции, это было новостью, спросил: «Кому звонить?» Мы, посовещавшись, сказали — лучше всего, наверное, Гришину, который был председателем партийной комиссии, тем более, что и директива о проведении партсобрания исходила из МГК. Сделав знак, чтобы мы молчали, Брежнев нажал соответствующую кнопку. Тут же в аппарате раздался голос Гришина: «Здравствуйте, Леонид Ильич, слушаю вас».

Брежнев сказал, что до него дошло (источник он не назвал), что вокруг ИМЭМО и Иноземцева затеяно какое-то дело, даже создана комиссия по расследованию во главе с ним, Гришиным. А теперь намереваются посмертно прорабатывать Иноземцева, разбираться с партийной организацией и коллективом. «Так в чем там дело?»

Ответ был, должен признаться, такой, какого мы с Бовиным, проигрывая заранее все возможные сценарии разговора, не ожидали. «Я не знаю, о чем вы говорите, Леонид Ильич, — сказал Гришин. — Я впервые вообще слышу о комиссии, которая якобы расследовала что-то в институте Иноземцева. Ничего не знаю и о партсобрании».

Я чуть не взорвался от возмущения, но Брежнев, предупреждающе приложив палец к губам, сказал Гришину: «Ты, Виктор Васильевич, все проверь, если кто-то дал указание

прорабатывать покойного, отмени, и потом мне доложишь». И добавил несколько лестных фраз об Иноземцеве.

Когда он отключил аппарат, я не мог удержаться от комментария: никогда не думал, что члены Политбюро могут так нагло лгать Генеральному секретарю! Брежнев только ухмыльнулся. Возможно, он считал такие ситуации в порядке вещей.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 201–202.

* * *

Входя уже в который раз в приемную и проходя в кабинет, испытывал я невольное чувство неловкости и, главное, потому, что видел праздного Председателя, сидящего за пустым столом или выходящего из комнаты отдыха. Хотелось думать, что пустой стол — это признак высокой организации труда, экономии умственных сил. Но куда там! Это было просто свидетельством никчемности занятий владельца кабинета. И очень трудно было заинтересовать его, оживить.

Только дюжина телефонов и других средств связи придавали комнате деловой вид. Правда, почти по всем аппаратам отвечали помощники, оберегая шефа от излишних разговоров.

Ю. Королев, с. 179.

* * *

В те годы (80-е. — Сост.) он почти не работал, и все реже и реже удавалось не только уговорить его на встречу с тем или иным государственным деятелем или делегацией, но и подготовить к этой встрече.

Е. Чазов, с. 94.

* * *

Поскольку генсек не мог проявлять инициативы, не поощрялась она и у других членов Политбюро, дабы на этом фоне не бросались в глаза его ограниченные возможности. В частности, ему было не под силу совершать, как прежде, поездки по стране. Значит, и остальным, даже если того требовало дело, приходилось тщательно дозировать свои командировки на места…

В этот период то, что считалось мнением или позицией генсека, зачастую уже не являлось его личной точкой зрения, родившейся в результате самостоятельного анализа и сопоставления различных оценок. Это была всего лишь позиция той или иной группировки, которая в данный момент сумела оказать на него решающее влияние.

В последние годы пребывания Брежнева на посту генсека Политбюро пришло в немыслимое состояние. Некоторые заседания, дабы не утруждать Леонида Ильича, вообще продолжались 15–20 минут. То есть больше времени собирались, нежели работали. Черненко заранее договаривался о том, чтобы сразу после постановки того или иного вопроса звучала реплика: «Все ясно!» Приглашенные, едва переступив порог, должны были разворачиваться вспять, а считалось, что вопрос рассматривался на Политбюро.

Если на обсуждение ставилась действительно крупная проблема жизни страны, вся надежда была на ее проработку правительством. И в этом случае крайне редко начинался разговор по существу. Использовалась другая дежурная фраза: «Товарищи работали, предварительный обмен мнениями был, специалистов привлекали, есть ли замечания?» Какие уж тут замечания! Тот, кто решался «вклиниться», задать вопрос, удостаивался косого взгляда Черненко.

Даже когда Брежнев чувствовал себя получше, ему трудно было следить за ходом дискуссии и подводить ее итоги. Поэтому при постановке крупных проблем он обычно брал слово первым и зачитывал подготовленный текст. После этого обсуждать что-либо считалось неприличным, и опять раздавалась реплика: «Согласимся с мнением Леонида Ильича… Надо принимать…» Брежнев сам иной раз добавлял, что в проекте упущены такие-то моменты, надо, мол, усилить тот или иной акцент. Все дружно и радостно соглашались, обсуждение на том заканчивалось.

М. Горбачев, кн. 1, с. 216–217.

* * *

Брежнев до конца своих дней отличался любовью к публичным выступлениям, тем более что борзописцев у него было предостаточно. Это можно было видеть и в начале его карьеры, и в конце. Он с удовольствием выходил на трибуну, как говорится, брал быка за рога, вперял очи в заготовленный текст и читал, читал сначала весьма четко и ясно, а затем с годами, все более невнятно.

Косноязычие, ошибки, нелепые выражения все чаще проскальзывали в его речи. А помощники, не взирая ни на что, оперативно готовили ему одно выступление за другим.

Ю. Королев, с. 195.

* * *

Как раз при жизни Брежнева сложилась традиция ужасающего словоблудия, которое с трудом разместилось в девяти томах «его» собрания сочинений.

Верно, что словечко «проблема» стало излюбленным в первых выступлениях Брежнева. Он говорил о проблемах научно-технической революции, производительности труда, продовольственной проблеме, жилищной и т. д. И все время призывал принимать какие-то решения.

Ф. Бурлацкий, с. 153.

* * *

Что касается уже упоминавшегося пристрастия Леонида Ильича к «красивым» публичным выступлениям, эмоционально воздействующим на аудиторию, то в этом было что-то актерское. (Впрочем, почти все политики, наверное, в какой-то степени актеры.) Иногда приходилось прямо-таки сдерживать его в этом отношении, напоминать о том, что эмоциональная реакция на выступление — это преходящее, сиюминутное, а главное — это точно выраженная политическая суть речи, которая будет иметь долговременное значение.

Кстати, театральная манера публичных выступлений Брежнева (с годами она стала убывать, сглаживаться) и стиль его поведения во время заграничных поездок не очень-то нравились Хрущеву. Сам актер (хотя другого жанра), он, вероятно, воспринимал поведение своего «президента» как намек на конкуренцию, стремление «выдвинуться». И, бывало, бросал иронические реплики на эту тему. Они, конечно, доходили до Брежнева и не просто расстраивали его, но повергали в немалый страх…

Он выступал там (Индия, декабрь 1961 г. — Сост.) с публичными речами практически ежедневно на протяжении своего трехнедельного визита. Всего произнес 21 речь. Часть из них готовилась прямо на борту самолета во время перелета из одного города в другой. Помимо официальных протокольных

речей на обедах и приемах он выступил в парламенте, на площади в Дели перед историческим «Красным фортом», на громадном митинге Общества индийско-советской дружбы в Бомбее, перед коллективами предприятий, строившихся в Индии при участии Советского Союза. Газеты страны в те дни были заполнены выступлениями Брежнева.

А. Александров-Агентов, с. 120, 240.

* * *

Тут я должен защитить Брежнева. Когда возникал вопрос, что предпочтительнее: изложить позицию страны устно, может быть, даже с претензией на оригинальность в формулировках, или зачитать подготовленный текст с точной фиксацией нашей позиции, он не колеблясь избирал второй путь. Он дорожил точностью и, думаю, поступал правильно.

Но этот метод на разного рода внутренних совещаниях, заседаниях, собраниях фактически лишал его возможности вносить свой вклад в обсуждение соответствующего вопроса. Если он не имел подготовленного текста, то иногда просто не принимал участия в обсуждении.

Л. Громыко, кн. 2, с. 529.

* * *

Однажды, когда должно было состояться очередное заседание Американо-советского торгово-экономического совета, я как председатель совета с нашей стороны делал все возможное, чтобы заключительное заседание прошло в Грановитой палате Кремля. Результаты превзошли все ожидания. Леонид Ильич не только согласился участвовать в заседании, но и обратился с приветственным словом к совету. Заседание прошло очень оживленно. Брежнев был в ударе, и его выступление прерывалось аплодисментами американцев. Я сидел как председатель очень близко к Генсеку и слышал все его разговоры с сидящими с ним рядом американцами и нашим министром.

Выступая с приветствием к совету, он выпил стоящий перед ним бокал вина. Еще не кончив говорить, он сделал знак стоящему сзади него помощнику. Тот исчез. Но стоило Леониду Ильичу обернуться, как он появился с новым бокалом. Тень неудовольствия исчезла с лица Генсека, и он залпом его выпил. Через какое-то время это повторилось. После третьего бокала

помощник, замирая от внутреннего напряжения, наклонился к Брежневу и что-то сказал ему. Но Генсек настоял на своем. У него было хорошее настроение, он заметно оживился и свободно разговаривал со всеми, кто подходил к столу президиума.

В. Сугиков, с. 124.

* * *

Стиль речей Брежнева резко отличался от хрущевского. В предварительных диктовках Хрущева была ясно выражена политическая воля и мысль, несмотря на литературный хаос. Он тщательно следил, насколько скрупулезно мы использовали диктовку, дорожил своими выражениями и шуточками, вроде таких: «покажем кузькину мать».

Брежнев никогда не давал диктовок и не формулировал своих мыслей. Максимум, что можно было услышать от него: надо бы потеплее сказать о женщинах, о молодежи, о рабочих и т. д. Он не любил читать свои доклады заранее, а предпочитал их воспринимать на слух. Обычно он собирал всю группу речеписцев, и кто-то один читал, а другие делали замечания, предлагали поправки. Его решения были простыми: он выслушивал терпеливо всех и ориентировался на мнение большинства, а когда кто-либо особенно упорно возражал против какой-либо формулировки, он советовал пойти все же ему навстречу и внести коррективы.

Особую роль в подготовке речей играл первый помощник Брежнева Г. Э. Цуканов…

Бывший директор крупного завода в Днепропетровске, он чем-то приглянулся Брежневу и стал его помощником более чем на четверть века. Человек здравого смысла, но небольшой эрудит, он вскоре попал под влияние речеписцев.

Ф. Бурлацкий, с. 154.

* * *

В ходе бесед с иностранными деятелями временами возникали ситуации, когда требовалась реакция на соответствующее заявление иностранного партнера именно со стороны Брежнева. Такая реакция явно ожидалась, но ее часто не было. А если что-то и было сказано, то неясно. Надо, однако, отметить, что переводчик Виктор Суходрев часто выручал Брежнева, особенно когда беседы проходили один на один.

Л. Громыко, кн. 2, с. 529.

* * *

Брежнев пригласил нас в кабинет, посадил по обе стороны длинного стола представителей разных отделов и попросил зачитать текст вслух.

Тут мы впервые узнали еще одну важную деталь брежневского стиля: он не любил читать и уж совершенно терпеть не мог писать. Всю информацию, а также свои речи и доклады он обычно воспринимал на слух. В отличие от Хрущева, который часто предварительно диктовал какие-то принципиальные соображения перед подготовкой тех или иных выступлений, Брежнев этого не делал никогда.

Ф. Бурлацкий, с. 147.

* * *

Как-то в неофициальной беседе Леонид Ильич сказал мне, задумавшись: «Знаешь, Андрей, все-таки, оценивая пройденный путь, я прихожу к выводу, что самый лучший пост из тех, что мне приходилось занимать, — это пост секретаря обкома партии. И возможность сделать что-то больше, и в то же время можешь сам наглядно видеть и реальную обстановку, и результаты своей работы. Можешь регулярно бывать на заводах, в полях, общаться со многими людьми, чувствовать их настроение. А здесь в Кремле, сидишь и видишь мир сквозь бумаги, которые кладут тебе на стол».

Это, мне думается, было своего рода ключевое высказывание, которое характеризовало Брежнева как человека и работника. Живой, активный (я имею в виду, конечно, время, когда он был здоров), общительный — и в то же время мало приспособленный к государственной деятельности большого масштаба, к обобщениям и тем более теоретическим выводам. Брежнев сам определил свои оптимальные возможности. Это был хороший практический руководитель областного уровня, но для поста руководителя великой державы и великой партии ему многого явно недоставало. И внутренне он (опять-таки когда был здоров) несомненно сознавал это. Отсюда и такие качества, как исключительная осторожность при принятии серьезных решений, неуверенность, постоянная потребность выслушивать советы других и в то же время частые колебания и даже противоречивые

действия, когда эти советы шли в разных направлениях. Это, конечно, не значит, что у Брежнева не было своих взглядов и убеждений, своих концепций во внутренней и внешней политике.

Они были, но по большей части в самом общем виде и в довольно ограниченных пределах: стремление улучшить условия жизни народа, особенно на селе, обеспечить крепкую оборону, закрепить выгодные для СССР итоги второй мировой войны, обеспечить прочный мир.

Но углубленно над стратегией и перспективами развития страны и ее внешней политики Брежнев едва ли задумывался, предпочитая прагматический подход к решению отдельных вопросов по мере их возникновения. Теоретиком ни в коей мере не был и никогда себя им не считал. Даже не любил, когда ему предлагали слишком «теоретизированные» фрагменты в проектах его речей и выступлений: «Кто поверит, что это мои слова? Ведь все же знают, что я не теоретик».

А. Александров-Агентов, с. 248–249.

Глава 7

ЗА КУЛИСАМИ СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Заговор. Интриги. Претенденты. Преемники

Он (Брежнев) получил власть так плавно, как будто кто-то долго загодя примерял шапку Мономаха на разные головы и остановился именно на этой. И пришлась она, эта шапка, ему так впору, что носил он ее восемнадцать лет без всяких страхов, катаклизмов и конфликтов. И непосредственно окружавшие его люди жаждали только одного: чтоб жил этот человек вечно — так хорошо им было. Сам Брежнев во время встречи с однополчанами, гордясь сшитым недавно мундиром маршала, сказал: «Вот… дослужился». Это слово вполне годится и для характеристики процесса его прихода на «должность» руководителя партии и государства…

Впрочем, в одном отношении приход Брежнева к руководству напоминает сталинскую и хрущевскую в модель. Никто не принимал его всерьез как претендента на роль лидера, да и сам он всячески подчеркивал полное отсутствие подобных амбиций. Запомнилось, как во время подготовки его речей (в бытность Председателем Президиума Верховного Совета СССР) по случаю зарубежной поездки их составителям передали главное пожелание заказчика: «Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь…»

Ф. Бурлацкий, с. 140–141.

* * *

Приход Брежнева к власти в октябре 1964 года стал результатом компромисса между группировками, свергнувшими Хрущева. Брежнев казался фигурой не очень значительной, полагали, что им легко можно будет манипулировать. Но расчеты эти не оправдались. С помощью нехитрых приемов политической игры он сумел упрочить свое положение, стать практически недосягаемым.

Пожалуй, главным из этих приемов являлось умение разъединять соперников, подогревать взаимную подозрительность претендентов на власть, оставляя за собой роль главного арбитра и миротворца. Со временем для меня стало очевидным и другое его качество — злопамятность. Нелояльного к себе отношения он не прощал, но при этом обладал способностью дождаться удобного момента для замены неугодного лица. Никогда не прибегал к методам лобовой атаки, вел постепенно шаг за шагом к развязке, вышибанию неугодных из состава руководства.

М. Горбачев, кн. 1, с. 181.

* * *

Боюсь, что Сергей Хрущев искренне заблуждается, когда утверждает, что главной пружиной в заговоре против его отца был Брежнев. Это заблуждение, впрочем, легко понять, так как именно Брежнев должен был вызывать особую ненависть у Хрущева и его семьи после «октябрьского переворота», поскольку ни к кому другому Хрущев так хорошо не относился, как к нему. Кроме того, Сергей, вероятно не может признаться себе самому, в какой степени он и в особенности Аджубей были обмануты Шелепиным и Семичастным — комсомольскими «младотурками», как мы их между собой называли. Те не только сумели вкрасться к ним в доверие, выглядеть самыми надежными, закадычными друзьями-приятелями, прежде всего Аджубея, но и самым ловким образом провели родственников Хрущева в драматический момент октябрьского Пленума.

Нет, свержение Хрущева готовил вначале не Брежнев. Многие полагают, что это сделал Суслов. На самом деле начало заговору положила группа «молодежи» во главе с Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы парализовать охрану Хрущева…

Мне известно об этом, можно сказать, из первых рук. Вскоре после октябрьского Пленума ЦК мы с Е. Кусковым готовили речь для П. Н. Демичева, который был в ту пору секретарем ЦК. И он торжествующе рассказал нам, как Шелепин собирал бывших комсомольцев, в том числе его, и как они разрабатывали план «освобождения» Хрущева. Он ясно давал нам понять, что инициатива исходила не от Брежнева и что тот только на

последнем этапе включился в дело. Я хорошо помню взволнованное замечание Демичева: «Не знали, чем кончится все и не окажемся ли мы завтра неизвестно где». Примерно то же сообщил мне — правда, в скупых словах — и Андропов.

Ф. Бурлацкий, с. 136–137.

* * *

За многие годы Брежнев накопил опыт политического выживания, маневрирования в борьбе за власть, что особенно ярко было проявлено им при соперничестве с Ф. Р. Козловым и Н. В. Подгорным, главными его оппонентами. Многому, очень многому научился он и у Хрущева, который в беседе с французским государственным деятелем Ги Молле назвал Брежнева одним из своих преемников. К тому времени Ф. Р. Козлов уже «сошел с дистанции», и Хрущев подыскивал на его место такого человека, который был бы предан ему лично. Известный западный советолог Поль Мерфи в своей книге «Брежнев — советский политик» не без оснований писал, что вряд ли в партии был человек, преданный Хрущеву больше, чем Брежнев, без чего последний, разумеется, никогда не поднялся бы наверх. Однако своим поведением Брежнев стал неудовлетворять Хрущева, он проявлял определенную независимость в суждениях, а порой даже и в действиях, что, конечно же, понуждало Хрущева искать ему противовес из тогдашних членов Президиума. Прежде всего он обратился к украинским кадрам. Кандидатуру Кириленко исключил с ходу, так как тот был слишком близок к Брежневу, а выбор свой остановил на Подгорном, поскольку в политическом отношении тот был более зависимым и, надо сказать, не в пример Брежневу менее честолюбив. Брежнев воспринял этот шаг Хрущева весьма болезненно, что впоследствии и побудило его бороться за устранение Хрущева. Имея высокие полномочия в Секретариате ЦК, опираясь на свои кадры (в первую очередь днепропетровские и молдавские), которые при недогляде Хрущева он расставил на важнейших участках работы, в том числе в руководстве Вооруженных Сил и КГБ, Брежнев постепенно набирал силу. С определенного момента его поддержали Подгорный и Суслов, и вот эта-то троица и стояла во главе заговора против Хрущева, а не Шелепин, как ошибочно пишут авторы некоторых статей о том, как смещали Хрущева, хотя, конечно, и Шелепин играл существенную роль.

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 185.

* * *

Не знаю, как это происходило в Политбюро и ЦК, но Брежнев в один из сентябрьских дней 1964 года вызвал к себе группу руководящих работников (в том числе и меня) и дал поручение побывать в нескольких республиках и областях. Мы поняли: надо посмотреть, как реагируют на это решение (раздел партийных организаций на промышленные и сельскохозяйственные) руководители и коммунисты на местах. Но дал задание Леонид Ильич в какой-то неясной форме, намеками. Видно, сам боялся провала собственной миссии. Поэтому говорил примерно так:

— Это правильное мероприятие, верное партийное решение, ЦК одобрил его. Вы только посмотрите повнимательнее, как на местах народ реагирует, довольны люди или нет…

Через некоторое время группа докладывала Брежневу итоги своих поездок. Беседа велась очень осторожно, без каких-либо политических оценок и крайних выводов. Леонид Ильич, как мне показалось, был удовлетворен общими результатами. Они, бесспорно, свидетельствовали о неудаче эксперимента и падении авторитета Хрущева в партийных кругах.

Ю. Королев, с. 111–113.

* * *

Мне пришлось близко познакомиться почти со всей группой, сместившей в 1964 году Н. С. Хрущева. Меня удивляло, как могли объединиться в непростой и до определенного момента тайной политической борьбе такие непохожие по своим характерам, взглядам, принципам, да и просто по человеческим качествам, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин, М. А. Суслов и А. Н. Шелепин, К. Т. Мазуров и Д. С. Полянский. Но вскоре я понял: помимо того, что подавляющее большинство из них понимали, что политика, которую начал осуществлять Н. С. Хрущев в последние годы, может привести к непредсказуемым последствиям в жизни страны, у каждого из группы были свои личные причины добиваться его отставки.

Наиболее активными и наиболее известными в тот период в партии, которая практически определяла жизнь страны и общества, были Л. И. Брежнев и А. Н. Шелепин. Оба были из относительно молодого и нового поколения руководителей, если сравнивать их с М. А. Сусловым и А. Н. Косыгиным, оба прошли школу политической борьбы и политических интриг, оба занимали видные посты в партии и оба пользовались

определенной популярностью в народе. В этом отношении Л. И. Брежнев проигрывал А. Н. Шелепину, которого считали более радикальным. Имело значение и то, что многие знали о тесной дружбе Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущева, который всегда поддерживал Брежнева. В свою очередь, Брежнев до поры до времени составлял опору Хрущева, объединял силы в его поддержку, как это было в период разгрома группы Маленкова, Молотова, Кагановича и других в 1957 году.

Е. Чазов, с. 13–14.

* * *

Как мне позже стало известно, готовилось снятие Хрущева давно. Может быть, даже не один год. Во главе сговора стояли Брежнев, Подгорный, Полянский, Андропов, Игнатов и другие.

Перед самым октябрьским Пленумом ЦК КПСС пригласили меня поохотиться в Завидово. Был, кстати, там тогда и Сергей Хрущев, сын Никиты Сергеевича. Наверное, взяли его для отвода глаз… Постреляли. И когда стали собираться домой, Брежнев вдруг предлагает мне сесть в его «Чайку»: «Поговорить надо дорогой…»

Там и договорились. Между прочим, с нами ехал еще один секретарь ЦК КПСС — Ю. В. Андропов. Он то и дело вынимал из папки какие-то бумаги и показывал их Брежневу. Тот их просматривал и возвращал со словами: «Хорошо, теперь он от нас никуда не денется».

У меня сложилось впечатление, что дело шло о каком-то компромате… В руках Брежнева я видел справочник «Состав Центрального Комитета и Центральной Ревизионной Комиссии КПСС», в котором он около каждой фамилии ставил крестики, галочки и какие-то другие значки — очевидно, отмечал, кто уже созрел и с кем еще надо поработать, чтобы привлечь его в антихрущевскую компанию. Такой практики он, между прочим, придерживался при подготовке многих вопросов.

Г. Воронов, с. 181–182 [13].

* * *

Я могу рассказать эпизод, о котором я еще никому не рассказывал и не писал. Брежнев очень нервничал перед октябрьским Пленумом Центрального Комитета партии (1964 г.). Он страшно был перепуган. Шла подготовка, обычная подготовка.

Скажем, я вот с некоторыми членами ЦК беседовал. Уточнялись их позиции.

Но определенная «конспирация» соблюдалась?

Да, конечно, не афишировали. Ведь это было действительно опасно. Потому что, если бы кто-то Хрущеву доложил, то, прямо скажем, он бы расправился жестоко с нами.

Но ведь Хрущев-то ведь знал?

Он косвенным образом узнал об этом через своего сына Сергея, которого кто-то проинформировал якобы из окружения Николая Григорьевича Игнатова.

Когда Хрущеву стало известно, он сказал Микояну: «Ты тут разберись. Я поеду отдыхать, а ты разберись». Брежнев об этом знал. Он мне как-то утром звонит домой по простому телефону: «Ты ко мне можешь зайти до работы?» — «Пожалуйста, часиков в восемь я могу к Вам зайти». Зашел к нему. Он стоял бледный, дрожал, взял меня за руку и увел куда-то в дальнюю комнату. «Коля, Хрущеву все известно. Нас всех расстреляют». Совсем расквасился, знаете, слезы текут… Я говорю: «Вы что? Что мы против партии делаем? Все в пределах устава. Да и времена сейчас другие, не сталинские». — «Ты плохо знаешь Хрущева. Ты плохо его знаешь». Еще что-то говорил. Я его повел к раковине и говорю: «Умывайтесь». Он умылся, немножко успокоился. Вот такой эпизод. Конечно, он меня потом, когда стал Генеральным, держать около себя не мог, имея в виду, что я видел его в таком состоянии…

Семичастный очень хорошо знает, как это все происходило. Когда Брежнев был в ГДР — это уже накануне Пленума, — кончился официальный визит, а он все не возвращается. Не едет и все тут. Отправился на охоту. Семичастному было поручено позвонить туда и сказать: «Если Вы не приедете, то Пленум состоится без Вас. Отсюда делайте вывод». И он срочно тогда прилетел.

Значит, о Пленуме было договорено еще до отъезда Брежнева или когда он был в Берлине?

Конкретная дата Пленума была решена на заседаниях Президиума ЦК. Сейчас очень много пишут, что Суслов играл в подготовке Пленума чуть ли не главную роль. Он не принимал прямого участия в подготовке смещения Хрущева. Ему не доверяли, держали в стороне от подготовки октябрьского Пленума. И ошибается Сергей Хрущев, что звонил в Пицунду Суслов, звонил Брежнев.

Я. Егорычев, с. 198–199 [31].

* * *

Я познакомилась с ним, когда он занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета и приехал с правительственной делегацией в Восточный Берлин на празднование 15-летия ГДР, где я и Слава гастролировали. Мы жили тогда в здании советского посольства по приглашению посла П. А. Абрасимова — Слава с ним был дружен, — и он с особым значением сказал, что хочет познакомить нас с Леонидом Ильичом Брежневым — человеком с большим будущим. Хозяином государства был тогда Хрущев, и имя Брежнева мне ничего не говорило. Вечером 8 или 9 октября 1964 года в посольстве был обед, не в парадной, а в небольшой комнате и для очень узкого круга — кроме Брежнева, Абрасимова, Славы и меня, еще, пожалуй, человек шесть. Весь вечер я сидела рядом с ним, и он, как любезный кавалер, всячески старался развлечь меня, да и вообще был, что называется, в ударе. Хорошо одетый, черноволосый нестарый мужчина — ему тогда было 57 лет, — энергичный и очень общительный, компанейский. Щеголял знанием стихов, особенно Есенина:

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…

Прочитал его за весь вечер несколько раз — должно быть, очень любимое. Пил он не много, рассказывал анекдоты и даже стал петь смешные частушки, прищелкивая пятками, руками изображая балалайку, цокал языком и на вятском наречии пел довольно приятным голосом. И это не были плоские потуги, нет, это было артистично и талантливо. Кто-то из присутствующих провозгласил тост:

— Леонид Ильич, за вас!

— Нет, что там за меня пить, мы выпьем за артистов. Что такое политики, сегодня мы есть, а завтра нас нет. Искусство же — вечно. Выпьем за артистов!

Потом попросил меня спеть что-нибудь, и я спела песню Любаши из «Царской невесты». Я его рассматривала тогда без пристрастия, не предполагая, какой пост он займет в государстве. И мне, и Славе было приятно в тот вечер быть в его обществе. Его пост — Председатель Президиума Верховного Совета СССР — для нас был не таким уж высоким, обычно он подписывает указы да выдает награждения, и мне показалось странным, что все остальные как-то слишком внимательно относились к нему, не решаясь вступить в его тональность беседы, а в основном

подхихикивали да помалкивали. Не помню, кто были эти люди — члены правительственной делегации, но, должно быть, близкие ему, раз оказались с ним на таком интимном обеде. Может быть, не зря они встретились именно здесь, подальше от Москвы, и уже зрел заговор: Абрасимов же сказал нам, что Брежнев — человек с большим будущим.

Через несколько дней в Москве, по-моему, 14 октября утром, зазвонил телефон.

— Галя, здравствуйте! Это Абрасимов.

— Здравствуйте! Вы откуда?

— Ваш новый знакомый занял большой пост.

Г. Вишневская, с. 355–356.

* * *

Как известно, существует немало диаметрально противоположных оценок и домыслов, касающихся истинных причин октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС. Одни называют главным действующим лицом Суслова, другие — Шелепина, третьи — чуть ли не Воронова. Мол фигура Брежнева была временная, компромиссная, всех устраивающая.

Уверен, и вывод мой основывается на репликах В. В. Щербицкого (прямого разговора на эту тему у меня с ним не было), что дело глубже: сама личность и жизненный опыт Брежнева в наибольшей мере соответствовали тому времени. Да и политический ум и, скажем прямо, железную волю и смелость проявил он, чтобы устранить такую фигуру, как Хрущев. Ведь Никита Сергеевич тоже был не простак, прошел еще сталинскую выучку и в свое время не одного конкурента убрал с дороги. Чего стоила такая зловещая фигура, как Берия. Но Брежнев оказался не только умнее, но и хитрее. Он в полной мере понимал, что его поддержит и партия, и народ, которые с нетерпением ждали ухода Хрущева, видели, что он пережил как самого себя, так и свое время.

В. Врублевский, с. 32.

* * *

Заговор с целью свержения Хрущева не был экспромтом, разыгранным в одночасье. Его готовили (вернее, он вызревал) долго и тщательно. Кстати, упоминаемый Роем Медведевым «многолетний партийный лидер» Грузии Мжаванадзе играл в нем

далеко не последнюю роль, обрабатывая членов ЦК КПСС от Закавказья, а затем доставив их на самолете в Москву к «историческому» Пленуму октября 1964 года. Брежнев никогда не забывал этой услуги, оказанной ему Мжаванадзе, и уберег его от многих неприятностей, хотя и не смог оставить на посту первого секретаря ЦК КП Грузии и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Не забыл Брежнев и того, что Насриддинова (в то время Ядгар Насриддинова была Председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана), которой на сей раз изменил политический нюх, тщетно порывалась предупредить Хрущева о надвигавшемся перевороте, безуспешно пробиваясь к фактически изолированному на своей даче в Пицунде Никите Сергеевичу. После «исторического» октябрьского Пленума 1964 года судьба Насриддиновой была решена. Джентльмен Брежнев не пощадил ее, ибо видел в ней не женщину, а политического деятеля, поставившего на другую лошадь. В борьбе за власть, которую он вел, сантиментам места не было.

М. Стуруа, с. 177–178 [13].

* * *

Во весь рост встал вопрос о невозможности дальнейшего пребывания Хрущева на занимаемых постах. Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный беседовали об этом с членами и кандидатами в члены Президиума ЦК, секретарями ЦК КПСС. Встречались и со мной, и я согласился с их доводами. С М. А. Сусловым они говорили в самую последнюю очередь, так как не полностью ему доверяли.

После этих бесед было созвано закрытое заседание Президиума ЦК, на котором присутствовали только члены, кандидаты в члены Президиума ЦК и секретари ЦК. Не было здесь, вопреки бытующим утверждениям, министра обороны СССР Р. Я. Малиновского, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, Председателя КГБ СССР В. Е. Семичастного. Когда все собрались, Брежнев сказал, что обстановку, сложившуюся в Президиуме ЦК и в партии, терпеть дальше нельзя. Все с этим единодушно согласились. Никто не выразил никаких сомнений, повторяю — никто. Было решено вызвать в Москву членов ЦК КПСС. В присутствии собравшихся Брежнев (не Суслов, как некоторые пишут) позвонил на Пицунду, где в это время отдыхали Н С. Хрущев и А. И. Микоян, и сказал, что обстоятельства складываются так, что вам, Никита Сергеевич,

надо срочно приехать в Москву.

Хрущев после некоторых колебаний согласился и вместе с Микояном прибыл в столицу. Прямо с аэродрома они направились в Кремль, и тотчас под председательством Н. С. Хрущева началось заседание Президиума ЦК КПСС.

Краткое вступительное слово сделал Брежнев, а затем выступили все члены, кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС…

Подводя итоги, Брежнев выразил полное согласие со всеми выступавшими. Сказал также, что Хрущев насаждает свой культ личности, все чаще действует через голову ЦК, а то и просто игнорирует его, что его речь на Конституционной комиссии была опубликована без обсуждения ее на Президиуме ЦК. Он говорил также о грубости, которую допускал Хрущев по отношению к некоторым членам Президиума ЦК. <…>

Президиум единогласно принял проект решения пленума. Подгорный внес предложение избрать Первым секретарем ЦК КПСС Брежнева. Это предложение было принято также единогласно. Было поручено председательствовать на пленуме Брежневу, а с докладом выступить Суслову.

После окончания заседания Президиума ЦК состоялся пленум ЦК КПСС. Когда Суслов окончил доклад, председательствующий сообщил, что Н. С. Хрущев заявил на заседании Президиума ЦК, что он на пленуме выступать не будет, и спросил надо ли открывать прения. Из зала хором закричали: «Все ясно! Никаких прений!»… Никто из участников пленума слова не попросил.

После этого был оглашен проект постановления пленума об освобождении Хрущева от занимаемых должностей, которое было принято единогласно…

Когда пленум закончился, в комнате, где обычно собирались члены Президиума ЦК, Хрущев попрощался с каждым за руку. Подойдя ко мне, он произнес: «Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной». Эти его пророческие слова сбылись…

А. Шелепин, с. 230–231 [13].

* * *

Когда Вы узнали, что Президиум ЦК по Хрущеву состоится 12-го? Известна ли была эта дата заранее? Знали ли ее все участники «заговора»?

Я сразу дал согласие. Уже накануне празднования 70-летия Хрущева шли разговоры, что дальше терпеть такое нельзя, то есть это было еще весной 1964 года. И я был в числе первых, с кем

вели разговор. Кстати, когда говорили с Косыгиным, первое, что он спросил: какова позиция КГБ, и тогда дал согласие…

Здесь следует подчеркнуть, что заслуга Хрущева состояла в том, что он создал обстановку, при которой его смещение произошло на Пленуме гласно, без создания обстановки чрезвычайности. Я даже не закрывал Кремль для посетителей, и экскурсанты обычным путем шли на осмотр Кремля…

Брежнев постоянно звонил (вечером 12 октября 1964 года) мне: «Ну как?» Только в полночь мне позвонили, что Хрущев заказал самолет в Адлер. Летел он с сыном, Микояном и своей охраной — взял пять человек, а мог взять и больше в десять раз. Уж 50 человек-то у него были. Дата проведения Пленума не обговаривалась заранее, а сложилась силой обстоятельств. Если бы Хрущев не дал согласия на приезд в тот день, никто бы его силой не притащил, и дата Пленума могла быть иной. Хрущев прилетел (вместе с Микояном) в Москву 13-го в середине дня. Встречали его во «Внуково-2» я и Георгадзе. Обычно встречающих было значительно больше. Но это его не насторожило, он только спросил: «Где остальные?» — «В Кремле». — «Они уже обедали?» — «Нет, кажется, Вас ждут». Поздоровались за руку, обычно. Хрущев был спокоен. Отправились эскортом машин. Я ехал в конце и по дороге остановился на обочине, отстал от них. (Дело в том, что раньше я ездил без охраны, а на эти дни дали мне сопровождающего, поэтому в машине оказался знакомый охране Хрущева человек, и, чтобы не смущать впереди едущих, я отстал.) В Кремле вся охрана была прежняя. Я ее сменил только после начала работы Пленума…

Во время заседания Президиума ЦК, уже к концу первого дня — 13 октября, ко мне начались звонки членов Президиума Верховного Совета СССР, членов ЦК, которых к тому времени уже было много в Москве. Одни возмущались: «Ты что сидишь, Хрущева снимают, а ты бездействуешь!» Другие, наоборот, волновались, что Хрущев останется.

Что было на Президиуме, я не знал — там не был. Я позвонил Брежневу, сказал, что затягивать обсуждение дальше нельзя — могут быть непредсказуемые действия: вокруг много волнений. Ну, они быстро свернули…

А кого из членов Президиума ЦК вы можете назвать главными действующими лицами, организаторами?

Брежнев и Подгорный.

В. Семичастный, с. 195–197 [31].

* * *

Насчет «заговора». Опять-таки надо помнить традиции того времени, в частности, проведения партийных собраний. Как было тогда и у нас? Секретарь «Петр Иванович», готовя собрание, подходил к одному, другому и говорил: «Тебе надо выступить по такому-то вопросу». Что же вы думаете, такой практики не было при подготовке Пленума и о таких событиях не знала армия, КГБ? И этот Пленум готовили, как и все тогда партийные собрания: Брежнев и Подгорный беседовали с каждым членом Президиума ЦК, с каждым секретарем ЦК. Они же вели беседы с секретарями ЦК союзных республик и других крупнейших организаций, вплоть до горкомов. Был разговор с Малиновским, Косыгиным. Говорили и со мной, я дал согласие…

Брежнев проявил трусость — уехал в ГДР. В его отсутствие уже говорили с Семичастным… 10-го состоялась последняя беседа с Малиновским. Тот тоже сразу же дал согласие! И это понятно: Хрущев резко поссорился с военными. И дело не только в сокращении армии на 2,5 миллиона человек, что я считаю сделано было правильно, но он постоянно грубо оскорблял маршалов, не считаясь с их человеческим достоинством. На смещение Хрущева были согласны и кандидаты в члены Президиума ЦК.

Президиум заседал не полных два дня. Говорили об ошибках Хрущева, его грубости. Выступал и я. Разговор шел не о личном, ибо Хрущев меня выдвигал, и личных обид у меня на него не было.

Итак, Брежнев прилетел из ГДР 11-го. Подгорный из Кишинева — утром 12-го… А кого из членов Президиума ЦК вы можете назвать главными действующими лицами, организаторами?

Брежнев и Подгорный. Вот тогда и было решено сразу собраться и немедленно созвать Пленум. 12-го вечером собрались все члены, кандидаты в члены Президиума и секретари ЦК. <…> Долго уговаривали Брежнева позвонить по ВЧ — вызвать Хрущева из отпуска. Брежнев трусил. Боялся. Не брал трубку. Наконец его уговорили, и он, набрав номер, сообщил Хрущеву о готовящемся Пленуме.

Хрущев: «По какому вопросу?»

Брежнев: «По сельскому хозяйству и другим».

Хрущев: «Решайте без меня».

Брежнев: «Без Вас нельзя».

Хрущев: «Я подумаю».

Пленум собрался днем 14 октября… С докладом выступил Суслов. Он выступал долго?

Суслов зачитывал доклад, по-моему, около двух часов, текст

был только у него.

А. Шелепин, с. 195–197 [31].

* * *

Бывший председатель КГБ В. Е. Семичастный рассказывает, что будто бы в суете борьбы за власть Л. И. Брежнев даже выяснял у него возможность чуть ли не физического устранения Первого. Однако Семичастный явно пытается взвалить ответственность за организацию заговора на Брежнева и снять ее с себя, выдвигая против него самые неправдоподобные обвинения.

Но осторожный и трусоватый Брежнев никогда не решился бы на такое предложение — убить Хрущева. Да и нравы к тому времени радикально изменились в сравнении со сталинской эпохой. Никто из членов Президиума ЦК не поддержал бы такой чудовищной акции. Полагаю, что это высказывание Семичастного служит как раз дополнительным доказательством моей версии: заговор исходил от них — от Шелепина, Семичастного и их ближайших приверженцев. Иначе зачем надо было бы сейчас задним числом возводить такую напраслину на Брежнева? В общем-то это довольно обычное дело: когда люди начинают говорить неправду, они не могут остановиться…

Ф. Бурлацкий, с. 138.

* * *

Пока отец находился на полигоне, на квартиру позвонил по «вертушке» Галюков, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова, и сообщил, что его шеф разъезжает по стране, вербует противников отца. Его освобождение от должности — вопрос ближайшего будущего. Галюков намеревался все рассказать отцу, но так как того не оказалось дома, ему пришлось удовлетвориться разговором со мной. Еще неизвестно, попади Галюков на отца, каким оказался бы результат, стал бы он разговаривать с совершенно неизвестным человеком на такую скользкую тему? У меня самого в первый момент возникли серьезные сомнения. Но осторожность взяла верх, я встретился с Галюковым.

За время вечерней прогулки по подмосковному лесу, вдали от посторонних глаз и ушей, он мне рассказал такое, что в моей голове просто мир перевернулся. Брежнев, Подгорный, Полянский, Шелепин, Семичастный уже почти год тайно

подготавливали отстранение отца от власти. В отличие от самонадеянных Маленкова, Молотова и Кагановича, рассчитывавших в 1957 году лишь на поддержку членов Президиума ЦК, на сей раз все обставили обстоятельно. Под тем или иным предлогом переговорили с большинством членов ЦК, добились их согласия. Одни поддержали сразу: перестройки, перестановки им давно надоели. Других понадобилось уговаривать, убеждать, а кое-кого подталкивать ссылками на сложившееся большинство.

По словам Галюкова, акция намечена на октябрь, до открытия очередного пленума ЦК, где отец намеревался в числе других вопросов обсудить наметки к проекту новой конституции. В нее по настоянию отца внесли немало «крамольных» пунктов. К тому же он не скрывал своих намерений на пленуме расширить, омолодить Президиум ЦК. Времени оставалось в обрез. Наступила последняя декада сентября…

Когда я рассказал отцу о полученной от Галюкова разоблачительной информации, он и поверил, и не поверил. Не мне, не Галюкову, а что такое вообще может статься.

— Брежнев, Шелепин, Подгорный — такие разные люди… — Отец на мгновение задумался и закончил: — Невероятно!

Мне самому очень хотелось, чтобы предупреждение оказалось пустышкой. Брежнева я знал 20 лет, с детства, чуть меньше — Подгорного и Шелепина. Теперь былые друзья превращались во врагов…

Отец попросил меня сохранить все в тайне. Предупреждение казалось излишним. Кому я мог рассказать о таком? Но сам он повел себя странно, нелогично и необъяснимо. Как бы стремясь избавиться от наваждения, он на следующий день после нашего разговора поведал обо всем Подгорному и Микояну.

Ладно Микоян, о нем Галюков не упоминал, но Подгорный… Его имя не однажды фигурировало в рассказах о деятельности Игнатова, который советовался с Подгорным, впрямую получал от него указания.

По словам отца, Микоян промолчал, а Подгорный энергично опроверг подозрения, просто высмеял его. Чего добивался отец? Он хотел услышать признание? Иной раз он совершал наивные поступки, но не в такой ситуации…

Видно, отцу очень не хотелось, чтобы информация подтвердилась. Опровержение из уст Подгорного… Он ему, конечно, не поверил, но, с другой стороны, столько лет он тянул его, сначала на Украине, потом в Москву и в Москве. Предательство друзей всегда ошеломляет…

С Галюковым он попросил разобраться Микояна. Анастас

Иванович поговорит с ним и прилетит в Пицунду, там они все обсудят. Сам отец встретиться и выслушать информатора не пожелал.

Вскоре приехал Микоян. Что он рассказал отцу о своей беседе с Галюковым? Ни тот ни другой мне об этом не говорили.

Вместе они встретились с секретарем Краснодарского крайкома Воробьевым, он приехал их проведать и зачем-то привез в подарок отцу индюков. Воробьев фигурировал в рассказе Галюкова как одно из главных действующих лиц.

Возможно, его прислали проверить, чем занимается отец. Никто не знает, что доложил в ЦК Подгорному Воробьев. Он провел с отцом и Микояном целый день, вместе обедали. Переговорили обо всем. Отец подробно интересовался, как идут дела в крае, каковы результаты уборки. Все как обычно. Только в конце встречи отец поинтересовался как бы невзначай, что за разговоры с ним, Воробьевым, вел летом Игнатов. И, не дожидаясь ответа, добавил: «Говорят, снять меня собираетесь». Поведение отца Москве, видимо, представлялось загадочным. Он ничего не предпринимал. На всякий случай оповестили о намечаемых планах Малиновского. Вдруг отец надумает обратиться к нему. Малиновский, выслушав информацию, задал несколько малозначащих вопросов и согласился, что «старику» пора на покой.

В те дни, пока Брежнев находился в Берлине, в ЦК заправлял Подгорный. В кресле Председателя Совета Министров сидел Полянский. Все нити сходились к ним в руки.

Когда я приехал — это произошло, видимо, 11 октября, — то застал идиллическую, безмятежную обстановку.

На мой осторожный вопрос: «Что происходит?» — отец рассказал о своей беседе с Воробьевым. Отметив, что тот «все отрицал», флегматично заметил, что Галю-ков, наверное, ошибся или страдает излишней подозрительностью.

Я спросил, что мне делать с записью беседы Микояна с Галюковым. Мне казалось, что отец должен заинтересоваться, хотя бы прочитать ее. Отнюдь нет, он не выразил ни малейшего желания. Только бросил небрежно: «Отдай вечером Анастасу»…

В тот же вечер (12 октября 1964 года) в Пицунде, едва успели телевизионщики собрать свои кабели — они снимали репортаж об историческом разговоре с космическим кораблем, — как раздался звонок из Москвы. Кто звонил? Сегодня существует два мнения. В моих записях, сделанных вскоре после событий, и в памяти твердо держится — Суслов.

Все остальные свидетели утверждают — Брежнев. Можно предположить, что память очевидцев услужливо произвела

подмену: первенство Брежнева в последующие годы обязывало его в тот день взять трубку. Я бы не сомневался в своей правоте, но меня настораживают слова Семичастного. В интервью, воспроизведенном в фильме «Переворот (Версия)», он утверждает, что Брежнев струсил и его силой волокли к телефону. Такая деталь запоминается, и ее трудно придумать. Так что, возможно, звонил и Брежнев. На самом деле, кто держал трубку в Москве, не имеет ни малейшего значения.

Москва настойчиво просила отца прервать отпуск и прибыть в столицу, возникли неотложные вопросы в области сельского хозяйства. Отец сопротивлялся: откуда такая спешка, можно во всем разобраться и после отпуска, время терпит. Москва упорно настаивала.

Кто-то должен был уступить. Уступил отец, он согласился вылететь на следующее утро. Положив трубку и выйдя в парк, он сказал присутствовавшему при телефонном разговоре Микояну:

— Никаких проблем с сельским хозяйством у них нет. Видимо, Сергей оказался прав в своих предупреждениях.

С. Хрущев, с. 495–502 [54].

* * *

Верно Бурлацкий пишет, что главной фигурой заговора был Шелепин?

Нет. Пишут много разной чепухи. А это все выдумка. Возглавляли Брежнев и Подгорный. У меня был не один разговор с Брежневым, этого никто не знает, я никогда не рассказывал. Борьбу я заметил еще в феврале 64-го. У меня 14 февраля — день рождения. Я в Москве. Вдруг ко мне приезжают Подгорный и Брежнев. Вроде как поздравить. Что-то, думаю, тут не то: чего им меня поздравлять? Ну и начали: «Как ты работаешь, как дела?» (А я уже — первый секретарь ЦК). «Как у тебя взаимоотношения с Хрущевым?» «Да нормальные, — говорю, — поругивает иногда, но ничего». Тогда они начали так: «Да вот, нам с ним трудна, он нас не слушает». Я отвечаю: «Что ж, вы бы собрались, поговорили с ним». (Видно, они боялись напрямую с ним разговор повести.) «А можно, — говорю, — было бы собраться: Никита Сергеевич, вот тут вы не правы, вот тут…» Словом, они приехали меня прощупать. Хотя всего еще не открыли, боялись, но я уже заподозрил что-то. А окончательно понял, что вокруг Никиты Сергеевича сгущаются тучи, летом, когда отдыхал в Крыму. Ко мне вдруг приезжает Брежнев. Он тоже в Крыму отдыхал. У меня дружбы с Брежневым никогда не было. Я его знал мало, и с не

очень хорошей стороны. На 70-летии у Никиты Сергеевича был прием, речи всякие произносили, пили-ели, потом Никита Сергеевич уехал, по-моему, это было в Доме приемов. Брежнев набрался порядочно, влез на перила, а нас человек 25 осталось, и стал речь произносить: вот я, ваш президент, а вы мой народ… и т. д. На меня это тогда произвело неприятное впечатление. И на остальных тоже…

Ну вот, Брежнев приезжает ко мне в Крым. В июле. И прямо говорит: «Петр Ефимович, помоги нам». Я говорю: «В чем?» — «Вот нам невозможно работать с Никитой Сергеевичем, он нас оскорбляет…» Я говорю: «Так вы соберитесь, скажите ему…» — «Нет, ты его не знаешь, он нас всех поразгоняет». Ну что ж, думаю, поразгоняет, так вам и надо. Но у меня тогда уже сложилось мнение, что там, видно, проводится какая-то работа…

А когда вы реально узнали, что среди членов Президиума вопрос о Хрущеве уже практически решен? Только в те два дня, когда заседал Президиум?

На Президиуме, да. А разговор пошел так: надо Никиту Сергеевича вызвать и поставить перед ним вопрос. Это было накануне. До его приезда мы же почти два дня заседали, все обсуждали, как Хрущева вызвать. Вопрос «снимать — не снимать» не стоял. Он возник только на самом Президиуме. Речь шла о том, чтобы пригласить его и поговорить. Вроде Подгорному и надо звонить. Но он накануне разговаривал с Хрущевым. И Подгорный отказывается: «Я не буду звонить, а то вызову сомнения, я с ним недавно разговаривал, ничего не было, а тут вдруг — вызываем». Решили, что позвонит Брежнев. И мы все присутствовали, когда Брежнев разговаривал с Хрущевым. Страшно это было. Брежнев дрожал, заикался, у него посинели губы: «Никита Сергеевич, тут вот мы просим приехать… по вашим вопросам, по вашей записке». А Хрущев ему что-то говорит, но мы не слышим что. Положил Брежнев трубку: «Никита Сергеевич сказал, что он… два дня и вы уже там… обоср… вопросов решить не можете. Ну ладно, вы мне позже позвоните, тут Микоян, мы посоветуемся». В этот же вечер Брежнев снова позвонил. Тот сказал: «Хорошо, прилечу я».

Что вы испытали, как вы жили эти дни?

Очень тревожно. Меня тревожила неизвестность. Будущее. Кто будет? Хрущева я уже знал. Как деятеля, как человека. Как лидера. А кто придет — я же не знал.

Вас не настораживала мысль, что это будет Брежнев или Подгорный?

Меня не пугало то, что был бы Подгорный, ну а о Брежневе я даже не думал. А о Шелепине я даже сейчас не мог бы подумать.

А Суслов?

А Суслов тем более. Если Суслов бы пришел, это было бы страшно, еще хуже, чем при Брежневе. У Подгорного было, пожалуй, больше шансов сесть в кресло Первого секретаря ЦК КПСС. Но он сам отказался. И внес предложение — Брежнева. Это было уже, когда освободили Никиту Сергеевича, когда приняли решение с этим вопросом выходить на Пленум. И Брежнев сказал: «Давайте учредим должность второго секретаря ЦК». А так второго секретаря в ЦК не было. Ну, все согласились. Кого? Подгорного. А вышли на Пленум, этот вопрос даже не был поставлен. Я до сих пор и не знаю, на каком этапе он был снят. Вот кухня какая…

Что вы испытали во время этой его (Хрущева) речи?

Честно? Скажу… Самые тяжелые испытания я перенес. Самые тяжелые. Потом Никита Сергеевич говорит: «Ладно, дайте мне пару слов сказать на Пленуме». Тут Брежнев: нет; Суслов: нет, нет. И у Никиты Сергеевича полились слезы… Просто градом… слезы… «Ну раз так, что я заслужил, то я и получил… Хорошо. Напишите заявление, я его подпишу». Все. И заявление писал не он… Не помню кто, потому что тяжело было смотреть… Андрюша, я до сих пор вижу лицо Хрущева в слезах. До сих пор. Умирать буду, а это лицо вспомню.

П. Шелест, с. 144–148 [34].

* * *

Будучи вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, в одну из своих командировок в Москву (примерно год спустя после Пленума ЦК) я позвонил Игнатову, чтобы, как говорится, засвидетельствовать свое почтение. В ответ услышал: «Ты, голубчик, что-то стал зазнаваться. Бываешь в Москве, а ко мне не заходишь и даже не звонишь». Я отшутился: «Не хочу отрывать драгоценное время у президента Российской Федерации». Условились о встрече. И вот я на Делегатской, где в то время размещались Президиум Верховного Совета и правительство РСФСР. Беседа шла в комнате отдыха за чашкой чая. После обмена несколькими ничего не значащими фразами Игнатов совершенно неожиданно для меня принялся буквально поносить Брежнева. «Дураки мы, — говорил он в нервной запальчивости, — привели эту хитренькую лису патрикеевну к власти. Ты посмотри, как он расставляет кадры! Делает ставку на серых, но удобных, а тех, кто поумнее и посильнее, держит на расстоянии. Вот и жди от него чего-либо путного».

Говоря о людях «посильнее» и «поумнее», мой гостеприимный хозяин наверняка имел в виду самого себя. В нем буквально клокотала обида: столько сделал для подготовки «дворцового переворота», а в результате черная неблагодарность! По ходу тирады он вдруг промолвил: «Никита (именно «Никита», а не «Хрущ»!) сам виноват. Он же получил сигнал о затеваемых против него кознях! Незадолго до своего отъезда в Пицунду, на одном из заседаний, когда остались лишь члены Президиума ЦК, он знаешь, что сказал? «Что-то вы, друзья, против меня затеваете. Смотрите, в случае чего разбросаю, как щенят». По словам Игнатова, многих из присутствующих это повергло в полушоковое состояние. Придя в себя, «друзья» чуть ли не хором стали клясться, что ни у кого из них и помыслах ничего подобного не было и быть не могло. Тем не менее Хрущев, обращаясь к Микояну, проговорил: «Давай-ка, Анастас Иванович, займись этим делом, постарайся выяснить, что это за мышиная возня».

«Микоян, — продолжал Игнатов, — не проявил особой прыти в раскручивании этой истории… Конечно же, Хрущева сильно подвела его самоуверенность. Мужик он, безусловно, дюже башковитый, а тут промашку дал. Иначе Брежнев и его компания потерпели бы крах».

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 186.

* * *

Утром 14 октября открылся Пленум ЦК, на котором Хрущева сместили. Он начался в настороженной, гнетущей тишине. Собравшиеся сидели с каменными лицами, ожидая членов Президиума ЦК. Первым появился Брежнев, за ним Подгорный, Суслов, Косыгин. Хрущев замыкал шествие. За столом Президиума сидел, опустив голову, не поднимая глаз; он стал как-то сразу совсем маленьким, вроде даже тщедушным…

Доклад, а точнее сообщение о решении Президиума ЦК, сделал Суслов. На моей памяти он в третий раз выступал в качестве великого инквизитора, обрекающего вероотступника на заклание. Он был «запевалой» в деле маршала Жукова, затем — секретаря ЦК Фурцевой, наконец-то, добрался до главного еретика, посмевшего покуситься на святая святых — великие принципы марксизма-ленинизма.

Выступление Суслова заняло минут сорок. Он не стал утруждать себя перечнем конкретных обвинений. Заострил внимание собравшихся на том, что вот-де Хрущев превратил Пленумы ЦК в многолюдные собрания, а на Пленумах нужно

вести сугубо партийный разговор; давал слово не только членам ЦК, и те не всегда могли пробиться на трибуну. Старый аппаратчик бередил честолюбие таких же, как он. Апеллировал к некой касте неприкасаемых. По ходу его выступления раздавались злые реплики: «Этому кукурузнику все нипочем!», «Шах иранский (!?), что хотел, то и делал», «Таскал за границу свою семейку», и что-то в том же роде. Из выступления Суслова получалось, что Хрущев нарушал ленинские нормы работы Президиума ЦК и Пленумов.

Слушали все это люди, совсем недавно славившие Хрущева именно за ленинский стиль работы, научный подход к партийным и государственным делам. Никто не задал докладчику ни одного вопроса, не захотел взять слово. Двумя-тремя фразами Суслов коснулся и моей персоны. «Подумайте только, — с пафосом воскликнул он, — открываю утром «Известия» и не знаю, что там прочитаю!» Суслов привык знать заранее все…

Завершая короткое заседание октябрьского Пленума ЦК в 1964 году, Брежнев сказал не без пафоса: вот, мол, Хрущев развенчал культ Сталина после его смерти, а мы развенчиваем культ Хрущева при его жизни.

А. Аджубей, с. 289–290, 296.

* * *

В статье Р. Медведева героем сделан Суслов. Его имя упоминается 18 раз. Считаю, что такая роль преувеличена. При Хрущеве Суслов не являлся вторым человеком в руководстве, как это стало при Брежневе. Доклад, с которым Суслов выступил на Пленуме, готовили Д. С. Полянский и другие товарищи. По идее с ним должен был выступить Брежнев или в крайнем случае Подгорный. Брежнев просто сдрейфил, а Подгорный категорически отказался. Тогда поручили сделать это Суслову. Если Шелепин, как утверждает Медведев, и принимал какое-то участие в подготовке материалов к Пленуму, то Суслов до последнего момента не знал о предстоящих событиях. Когда ему сказали об этом, у него посинели губы, передернуло рот. Он еле вымолвил: «Да что вы?! Будет гражданская война».

Словом, сделали Суслова «героем». А он не заслуживает этого. Решающая роль в смещении Хрущева от начала и до конца принадлежала Брежневу и Подгорному, и никому другому. Такова истина.

П. Шелест, с. 305–306 [1].

* * *

Слабый лидер, позволяющий челяди изображать себя сильным и отдающий ей поводья власти, — находка для любой административно-бюрократической свиты, получающей благодаря этому возможность с ногами забраться на трон повелителя. Что из того, что от такого вождя уже не исходит ни путных распоряжений, ни осмысленных импульсов, которым призван повиноваться созданный для этого аппарат? В целях самосохранения, для оправдания, для оправдания собственного существования как необходимого рычага управления аппарат готов создать воображаемую, имитированную (virtual) реальность, сконструировать при этом не только искусственный, компьютерный мир, но и самого вождя, который будет им управлять или по крайней в мере в это верить.

Так, свита в конечном счете не нуждается в истинном короле, чтобы его сыграть, — любой шут или паяц лучше подойдет для этой роли. Больше того, подлинный лидер, а не повторяющий слова за суфлером актер — помеха аппаратной драматургии и подлежит замене при первом удобном случае. В этом — истинные причины устранения Брежневым и стоящим за ним слоем партийной номенклатуры с советской политической сцены непредсказуемого Хрущева.

А. Грачев, с. 17.

* * *

И сотрудничество, и финальное столкновение двух таких деятелей, как Хрущев и Брежнев, были, можно сказать, предопределены их характерами.

Находясь рядом с Брежневым в годы, когда у руководства стояд Хрущев, можно было наблюдать немало любопытных фактов и обстоятельств.

К Хрущеву как человеку Брежнев в общем относился хорошо, помнил и ценил все, что тот для него сделал. Причем не только когда Хрущев был у власти, но и потом. Брежнев, создавая свой собственный «имидж», публично помалкивал о Хрущеве и его заслугах, но в частных разговорах нередко их признавал.

А. Александров-Агентов, с. 118

* * *

Когда освободили от должности Хрущева, не видели замены. Встал вопрос — кто? Вторым секретарем был Брежнев. Доступный, вальяжный, с людьми умел пообщаться, не взрывался никогда. И биография. Всю войну прошел, до войны был секретарем обкома партии. Казалось, подходящий человек. Но главное выявилось потом — что он был очень некомпетентным руководителем. Наверное, чувствуя это, ревновал Косыгина.

К. Мазуров, с. 207 [13].

* * *

Считаю, что Брежнев как руководитель партии и государства был фигурой случайной, переходной, временной. Если бы не Подгорный, его бы через год сменили. Поддерживал Брежнева Подгорный. А почему — не знаю. Брежнев боялся особенно тех руководителей, кто помоложе. Так были убраны Семичастный, Шелепин, Катушев. Впоследствии он расправился со всеми, кто его на первых порах поддерживал, — с Вороновым, Подгорным, Косыгиным.

П. Шелест, с. 307 [1].

* * *

Интересная деталь. С середины 1964 года записи исчезают… Брежнев работает, выступает, фиксирует на отдельных листках указания и распоряжения Н. С. Хрущева, но о чем-либо остальном ни слова. В это время, как мы знаем, исподволь велась работа по подготовке к смещению первого секретаря, и Брежнев был предельно осторожен: почти не писал о встречах с «соратниками», не упоминал об охоте, о звонках и т. д. Формировался внутрипартийный заговор.

Лишь после того как удалось «свалить» Хрущева, во второй половине октября 1964 года, вновь появляются обильные записи в рабочих тетрадях, блокнотах, специальных книжках для заметок, выдаваемых членам политбюро.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 83.

* * *

Теперь кое-кто утверждает, что октябрьский Пленум готовился по всей форме, в согласии с Уставом, что никакого

заговора не было. Позволительно спросить: а зачем тогда предварительно обрабатывали многих членов ЦК? Почему в ходе подготовки к Пленуму надо было использовать КГБ, а не механизм внутрипартийной демократии? Тогдашний секретарь ЦК КП Украины в О. И. Иващенко (а не Насриддинова, как ошибочно указал в «Неделе» М. Стуруа) пытался дозвониться Н. С. Хрущеву в Пицунду, чтобы предупредить его о заговоре, но эти попытки были блокированы. В прессе промелькнуло предположение, что заговор удался потому, что противники Хрущева, извлекая опыт из прошлого, действовали искусно. Пожалуй, это так (по крайней мере по сравнению с 1957 годом), хотя не обошлось и без серьезной накладки, которая могла бы очень дорого обойтись заговорщикам: ведь Хрущев об этом узнал!

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 189.

* * *

Первое лицо в государстве, где господствовал культ личности, не назначали и тем более не выбирали. Первое лицо само делало себя. Оно всегда было тем, что в английском языке называют «сэлфмейдменом», в буквальном переводе — человеком, сделавшим самого себя. Ведь выбрали же первым лицом в государстве сразу после смерти Сталина Георгия Маленкова! А он не устоял. (В Китае аналогичная судьба постигла Хуа Гофэна.) Брежнев же устоял, выстоял и победил и властвовал почти два десятилетия. И не потому, что он был продуктом, посредственным продуктом, консенсуса.

Схема Роя Медведева разваливается, если вспомнить даже лежащие на поверхности события, не углубляясь во тьму коридоров власти. Как известно, Брежнев стал единоличным лидером не с ночи на утро. К власти после свержения Хрущева пришел, по сути дела, триумвират Брежнев — Косыгин — Подгорный. Лишь со временем Брежнев возобладал в нем. А устранение слишком занесшегося Кириленко? А укрощение строптивого Шелеста? А расправа со взбунтовавшимся Егорычевым? А уход Мазурова «по состоянию здоровья»? Нет, Брежнев был сработан не из глины сентиментальности, замешенной на слезах умиления и растроганности. Это был беспощадный боец со стальными кулаками, хотя и в бархатных перчатках.

Нельзя путать интеллектуальную посредственность политического деятеля с его способностью стать лидером. Эти две ипостаси не всегда совпадают, а скорее всего ц чаще всего не

совпадают… Вполне допускаю, что Брежнев, подобно Есенину, ни при какой погоде не читал «пузатый «Капитал». Но последнему это не помешало стать великим поэтом, а первому — первым лицом в государстве. И тот, и другой обладали талантом: один — поэта, другой — лидера.

Талант лидера предполагает прежде всего волю, целеустремленность, жесткость, переходящую «при надобности» в жестокость, отсутствие предрассудков. Брежнев владел этими качествами больше и лучше, чем его соперники, а посему и возобладал. Слабое наполнение его интеллектуального пульса и гедонизм, граничивший с развратом, разложением и казнокрадством, не должны заслонять этого обстоятельства…

Парадокс — и совсем не психологический, — заключается в том, что посредственность не только в интеллектуальной сфере, но и в сфере политической и государственной отнюдь не является непреодолимой помехой для захвата лидерства. Здесь скорее играют роль такие «внешние» факторы, как время, система, случай, везение, долготерпение, долгожительство, а следовательно, и здоровье.

М. Стуруа, с. 170–171 [13].

* * *

В аппаратной борьбе Брежнев проявил ум, хитрость и изобретательность. Пусть медленно, но сумел вытеснить, «выжить» из руководства всех своих соперников и недоброжелателей. И без конфликтов и срывов, без кровавых репрессий, как Сталин, и даже без публичного поношения, как Хрущев, обеспечил послушание, покорность и даже страх (к моему удивлению, его боялись, боялись даже Андропов и Громыко, мне кажется, и Суслов). Он очень ловко манипулировал властью, держа каждого на таком месте, на котором, по его мнению, тот был удобен.

В аппаратных играх, в аппаратной борьбе, то есть в реальностях власти и политики, Брежнев отнюдь не был простаком — скорее это был настоящий «гроссмейстер». Не все это сразу поняли, и за свое непонимание им потом приходилось расплачиваться.

Ж Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 204.

* * *

В чем он (Брежнев) был действительно великим мастером, так в умении терпеливо тащить пестрое одеяло власти на себя. Тут у него не было конкурентов. Причем делал это он незаметно, без видимого нажима. И даже так, чтобы соломку подстелить тому, кого он легким движением сталкивал с края скамейки. Нужны были места для размещения днепропетровской, молдавской и казахстанской команды. На всех важных постах он расставлял надежных людей, которые лично его не подведут. И вот один за другим из Президиума, из Политбюро ЦК КПСС исчезли Подгорный, Воронов, Полянский, Микоян. Вы помните, как без всякого шелеста и объявлений исчез Шелест — руководитель крупнейшей Украинской партийной организации.

Ф. Бурлацкий, с. 150.

* * *

И Семичастный, и Егорычев, и Шелепин, активно способствуя приходу Брежнева к власти, знали ему истинную цену, он среди них очень низко котировался. А он наверняка знал об этом и подозревал, что среди них может найтись кандидатура, на которую его потенциальные противники сумеют сделать ставку в случае «омоложения» руководства. Но объективности ради следует отметить, что и эта тройка вместе с теми, кто стоял за ними, переоценила свои возможности и недооценила силу Брежнева, его умение вести аппаратные игры, закулисную борьбу.

П. Шелест, с. 229 [13].

* * *

Тонкий политик, Брежнев понимал, что жизнь сложна, трудности еще впереди, некоторые решения поспешны, и поэтому необходимо так утвердить себя в партии, в руководстве страной, чтобы завоеванные позиции были прочны и чтобы рядом не было конкурентов или молодых радикалов, которые в один прекрасный день, воспользовавшись появившимися трудностями, сместят его с поста, как это они сделали с Н. С. Хрущевым. Ему это удалось блестяще выполнить и оставаться лидером страны 18 лет, причем фактически не работая последние 6 лет…

С первых же дней работы, с первых моих встреч с Брежневым, хотя он на первом этапе не был довольно откровенным со мной, я понял, что идет борьба между ним и Шелепиным. Для этого не надо было быть глубоким аналитиком. Достаточно было просто

оценивать постоянную критику «Саши» в разговорах, которые велись Брежневым и его окружением.

Е. Чазов, с. 15–16.

* * *

Вообще бывать среди членов Президиума (при Хрущеве) и Политбюро (при Брежневе) в неофициальной обстановке, особенно за обеденным столом, было для меня делом довольно обременительным. Склоки, наушничества… Одним словом, клоака какая-то…

Г. Воронов, с. 184 [13].

* * *

Буквально через две недели после назначения меня пригласили к Брежневу, у которого в связи с простудой был острый катар дыхательных путей. (Тогда у него не было большой шикарной дачи в Заречье и жил он в относительно скромной квартире на Кутузовском проспекте.) После того как вместе с лечащим доктором Н. Радионовым мы его осмотрели, рекомендовали лечение, он пригласил нас попить вместе чаю. Разговор за чашкой чая зашел о хоккее, который Брежнев очень любил, о погоде, о предстоящей эпидемии гриппа. Неожиданно он меня спросил: «А как Антонов, все еще работает?» Я даже растерялся от такого вопроса, ибо до этого не думал, что Генеральный секретарь может интересоваться фигурой заместителя начальника 4-го управления. «Уж он-то хотел, чтобы не ты стал начальником управления. Семь месяцев ждал этого места», — продолжал Брежнев. На этом разговор закончился. Я не знал, как его понять. Что это? Просто констатация факта или намек на то, что Антонов неугоден Брежневу и его окружению? Точки над «I» расставил Б. В. Петровский, который посвятил меня в тонкости создавшейся ситуации.

Оказывается, так же, как Г. Т. Григорян претендовал на место управляющего ЦК, так и Ю. Г. Антонов претендовал на место начальника 4-го управления. Вот тогда я понял, что моя кандидатура была противопоставлена кандидатуре Антонова, который был связан с Шелепиным. Брежнев не хотел, чтобы во главе 4-го управления стоял человек Шелепина. 4-е управление — очень важное, здесь хранятся самые сокровенные тайны руководства страны и его окружения — состояние их здоровья,

прогноз на будущее, которые при определенных условиях могут стать оружием в борьбе за власть. Я понимал, что только стечение обстоятельств заставило назначить на эту должность меня. И опять надо оценить правильный и тонкий ход Брежнева: рядом лучше иметь нейтрального, малоизвестного человека, ученого и врача, лишенного политических симпатий и амбиций.

Е. Чазов, с. 16–17.

* * *

Познакомились мы, когда он (Шелепин. — Сост.) был первым секретарем ЦК ВЛКСМ, в пору Хрущева стал заместителем Председателя Совета Министров СССР, секретарем ЦК КПСС, членом Президиума ЦК. Ведал партийно-государственным контролем.

…Закончился тот Пленум ЦК, на котором сняли Хрущева. Я направился к выходу. Вдруг меня плотно взял за локоть Шелепин, пригласил к себе в кабинет. Дверь закрылась. Надменное лицо Шелепина стало приветливым, будто ничего не произошло. Сели. Шелепин заказал чаю. «Не уехать ли тебе года на два из Москвы? Полезут ведь с интервью иностранцы. А потом мы тебя вернем». Я отказался. «Ушел бы Хрущев в семьдесят лет, — продолжал Шелепин, — мы бы ему золотой памятник поставили. Рыба с головы тухнет», — закончил он разговор. О моем отъезде в «превентивных целях» речь уже не шла…

Шелепин, конечно, ни в грош не ставил Брежнева. Да тот по силе характера не годился и в подметки Шелепину, «железному Шурику», как называли его в ближнем окружении. В руках Шелепина были кадры КГБ — он ведь после XX съезда партии занимал должность председателя этого комитета, ему было поручено очистить кадры милиции, партийно-советского контроля. Было среди его выдвиженцев немало секретарей обкомов партии, ответственных сотрудников партийно-советского контроля. Шелепин, естественно, расставлял своих людей и, надо сказать, получал поддержку Хрущева, поскольку тот считал, что молодые внесут свежую струю в организацию работ. Многое обещало Шелепину победу в предстоящей схватке с Брежневым. Он к ней готовился. Однако не учел, что силу ломит не только сила, но и хитрость. И тут ему было далеко до Брежнева. Тот воспользовался своим главным преимуществом: Шелепин был чужаком для партаппарата, а должности, которые он занимал, весьма непопулярными — контролирующими.

А. Аджубей, с. 310.

* * *

Брежневу очень нужна была поддержка энергичного Шелепина с его влиянием на КГБ (новый председатель КГБ Семичастный был прямым ставленником Шелепина). В награду за участие в антихрущевской акции Шелепин был введен в состав Президиума ЦК и сделан секретарем Центрального Комитета партии с очень важными функциями, особенно в сфере кадровой политики.

Однако прошло совсем немного времени, и стало ясно, что союз этих двух деятелей покоился на очень шаткой основе, и вскоре он стал распадаться. Главное, как я убежден, состояло в том, что у умного и энергичного Шелепина был свой честолюбивый замысел насчет занятия первого поста в партии и наведения «должного порядка» в стране жесткими и решительными методами. Брежнева он считал слабой и временной фигурой в руководстве, явно недооценивая его ловкость, жизненный опыт и влияние в партийном аппарате.

Мне вспоминаются пространные замечания и поправки, которые постоянно поступали от Шелепина, к текстам речей, рассылавшихся Брежневым. Все они шли в одном направлении: заострить классовый подход к проблемам, укрепить дисциплину, тверже противостоять происках империализма, покончить с рецидивами «хрущевщины», к которым он относил и курс на укрепление мирного сосуществования во внешней политике, возобновить взаимопонимание с руководством Китая (а ведь это было время «культурной революции» в Пекине). Брежнев эти замечания читал, но в общем игнорировал.

Куда более серьезным, с его точки зрения, был факт, что вокруг Шелепина начала собираться компактная группа его единомышленников, главным образом в сфере госбезопасности и идеологии…

Так или иначе, но поведение А. Н. Шелепина и постоянные публичные выступления его приверженцев становились все более активными и по существу приобрели характер целеустремленной борьбы за «исправление» линии, проводившейся Брежневым.

Сам Леонид Ильич явно воспринял это как доказательство намерения Шелепина выступить его соперником и занять высший пост в стране. Реакция последовала довольно быстро и радикально, хотя и в завуалированных по-брежневски формах. Были смещены и посланы на дипломатическую работу в дальние страны руководители Комитета по радиовещанию и телевидению и ТАСС. В КГБ первыми заместителями председателя были направлены близкие друзья Брежнева Цвигун и Цинев, а вскоре и

самого Семичастного (назначенного зампредом Совмина Украины) заменил надежный соратник Брежнева Ю. В. Андропов.

Сам же Шелепин поначалу был освобожден от должности секретаря ЦК (вопросы кадров, формально переданные маловлиятельному Капитонову, Брежнев фактически взял в свои руки). Шелепин, оставаясь еще членом Политбюро, стал председателем ВЦСПС. Однако и на новом посту этот энергичный человек развил активную деятельность, выступая как защитник социальных интересов трудящихся, и своей популярностью, видимо, снова стал неудобен. В 1975 году его вывели из состава Политбюро, «освободили» от работы в ВЦСПС и отправили на пенсию.

А. Александров-Агентов, с. 254, 256.

* * *

На расширенном заседании Президиума ЦК КПСС, на котором присутствовали все первые секретари ЦК компартий союзных республик и группа первых секретарей крайкомов и обкомов партии Российской Федерации, обсуждался вопрос о крупных животноводческих комплексах. В своем выступлении на этом заседании я говорил о крайне тяжелом положении в сельском хозяйстве. Привел истинные цифры и факты, а не те, которые представляло ЦСУ СССР, поддержал и идею о создании животноводческих комплексов, но не в ущерб мелким и средним животноводческим фермам, многие из которых все же были ликвидированы, что, конечно, отрицательно сказалось на снабжении населения мясом, молочными продуктами. В заключение своего выступления внес предложение об освобождении с поста министра сельского хозяйства В. В. Мацкевича.

К моему удивлению, подводя итог заседания Президиума, Брежнев никак не отреагировал на мои замечания и предложения. На другой день вызвал меня. «Как понимать твое вчерашнее выступление?» — резко спросил он. «А так и понимать, как было сказано», — ответил я. «Твоя речь была направлена против меня!» — «Почему?» — удивился я. «А ты что, не знаешь, что сельское хозяйство курирую я? Значит, все, что ты говорил вчера, — это против меня… Затем, какое ты имел право вносить предложение о снятии с работы Мацкевича? Ведь это моя личная номенклатура!»

Дорого мне обошлось это выступление. С той поры каждый раз записывался для выступления в прениях на пленумах ЦК.

Однако ни разу мне не дали возможности выступить.

А. Шелепин, с. 236 [13].

* * *

Все первое полугодие 1967 года мне часто приходилось встречаться и с Брежневым, и с Андроповым, и я чувствовал их уверенность в успешном исходе борьбы с Шелепиным, который оказался менее искушенным и искусным в сложных перипетиях борьбы за политическую власть. Ни в Политбюро, ни в ЦК он так и не смог создать необходимого авторитета и большинства. Старики не хотели видеть во главе страны «комсомольца», как они называли Шелепина, памятуя его руководство комсомольской организацией СССР. И хотя я помню то напряжение, которое царило перед Пленумом ЦК КПСС, на котором Шелепина освободили от должности секретаря ЦК, Брежнев без большого труда убрал с политической арены своего возможного конкурента.

Е. Чазов, с. 19.

* * *

Одним из активных участников заговора против Хрущева был А. Н. Шелеште. В памятные дни июня 1957 года он, будучи первым секретарем ЦК ВЛКСМ, входил в уже упоминавшуюся «двадцатку» и впоследствии не был обойден вниманием со стороны Хрущева. Но Шелепин, очевидно полагая, что занимаемые им должности (он был секретарем ЦК КПСС и одновременно заместителем председателя Совмина СССР и председателем Комитета партийно-государственного контроля) гораздо ниже его возможностей, рвался к власти более высокой, даже самой высокой. После октябрьского Пленума он представил программу, дух и буква во многом напоминали о временах культа личности Сталина. Люди, близко знавшие Шелепина, единодушно утверждают, что он в противоположность Брежневу всегда был представителем так называемого твердого крыла. Между ними и тогдашним Генсеком уже после октябрьского Пленума начались разногласия, которые со временем приобрели более острый и почти открытый характер. Распространявшиеся одно время слухи о нездоровье Брежнева были инспирированы, если не самим Шелепиным, то его окружением, и должны были служить средством, облегчающим новую «смену караула». Окружение

переусердствовало, чем и было ускорено падение Шелепина…

Шелепин, насколько я могу судить, был одним из немногих деятелей в тогдашнем руководстве страны, кого отличали и интеллект, и большие организаторские способности, творческая жилка. Но ох уж эта распроклятущая жажда власти! Сколько людей, в том числе и одаренных, она развратила и погубила, какой ущерб нанесла партии и обществу! Думаю, погубила она и Шелепина.

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 188–189.

* * *

Весной 1967 года, когда я был в командировке в Тернополе, поздно ночью ко мне на прием попросился начальник областного управления КГБ. Я его принял, и он мне рассказал: «Из центрального аппарата КГБ в области была комиссия, которая проверяла всю работу областной госбезопасности. Почти все члены комиссии откровенно и очень нелестно отзывались о Леониде Ильиче Брежневе. Они говорили, что это случайный человек у власти, в руководстве партии. Что он совершенно не подготовлен для выполнения этой высокой роли, что он вообще недалекий, нечистоплотный, жадный человек. Он в партии и народе совершенно не пользуется авторитетом, большой пустослов, к власти пришел интриганским путем, и дни его могут быть сочтены». С большой горечью я все это выслушал и предложил все, что мне было сказано, написать. К утру письмо было у меня.

Получив его, я задумался, ибо в письме было много правды, но что мне с ним делать, как поступать? Замолчать это нельзя, потому что все может стать известным по другим каналам. Довести до сведения Брежнева? Но как он, очень мнительный и трусливый человек, все это воспримет? Все же, посоветовавшись с Н. В. Подгорным, решил все рассказать Брежневу и передать ему письмо. Он воспринял все очень болезненно, но поблагодарил меня за информацию, взял письмо и положил в сейф.

П. Шелест, с. 227–228 [13].

* * *

В апреле 1967 года в моей политической судьбе произошел крутой поворот. В один из дней, когда я приехал на очередное заседание Политбюро, меня неожиданно позвал Брежнев. Зашел к

нему в кабинет — там еще и Суслов сидит. Это не удивило: все последние годы Брежнев со мной один никогда не разговаривал. В этот раз, обращаясь ко мне, сказал: «Знаешь, надо нам укрепить профсоюзы. Есть предложение освободить тебя от обязанностей секретаря ЦК и направить на работу в ВЦСПС председателем. Как ты смотришь?» Я ответил, что никогда себе работы не выбирал и ни от какой не отказывался. Хотя прекрасно понимал, что не об «укреплении профсоюзов» заботился Генсек. Ему просто нужно было увести меня от активной работы в ЦК.

Брежнев и Суслов (не проронивший, кстати, ни слова) поднялись, и мы перешли в другую комнату, где уже собрались все члены Политбюро. Брежнев повторил все, что сказал мне, заявил, что он и Суслов рекомендуют направить Шелепина в ВЦСПС и что он останется членом Политбюро для повышения авторитета профсоюзов. Все согласились.

Вскоре состоялся съезд профсоюзов, на котором я выступил с отчетным докладом. Перед съездом в беседе с Брежневым и Сусловым предложил в докладе ВЦСПС сказать о главном — о переориентации профсоюзов на защитную функцию как первейшую задачу. Это предложение ими было категорически отклонено.

Работая в ВЦСПС, я высказывал Брежневу ряд предложений, причем делал так, чтобы они исходили как бы от него, а не от меня. В противном случае любые разумные предложения были обречены. Но не помогала и эта уловка…

Я видел явно неприязненное отношение ко мне и полное безразличие к профсоюзам ВЦСПС. К тому же еще западная пресса регулярно публиковала материалы, в которых меня прочили в преемники Брежнева, что, естественно, раздражало его. Вообще настроение у меня было отвратительное. В конце концов я подал заявление с просьбой освободить меня от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и Председателя ВЦСПС. Эта отставка была принята. В информационном сообщении об итогах Пленума ЦК, опубликованном в печати, так и было сказано: освобожден «в связи с его просьбой». Иного выхода я не видел, а «отбывать» службу я не мог. Вскоре я был направлен на должность заместителя председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию.

А. Шелепин, с. 240–241 [13].

* * *

Друзей Шелепина и тех, кого подозревали в близости к нему,

разослали кого куда. Среди опальных было немало моих знакомых, вовсе не причастных к его деятельности, — их наказывали для острастки. В высоких кругах возрадовались низложению Шелепина. Так и говорили: «Не хватало нам этого комсомольского диктатора!»

Оставлю в стороне свою обиду на Шелепина, в тех «играх» товарищества не существует. Но вот прочитал, что он сталинист. В мою пору Шелепин был жестким, требовательным, но сталинистом?.. До войны он учился в знаменитом Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ). Делал карьеру. Его обуревала жажда власти. При Хрущеве он быстро шел вверх, однако примкнул к заговорщикам. Видимо, считал, что это подходящий случай пройти вперед за спиной Брежнева. Так это мне видится…

А. Аджубей, с. 311.

* * *

Тогдашний первый секретарь МГК КПСС Н. Е. Егорычев выразил, вероятно, общее настроение, когда заметал в разговоре с одним из руководителей: Леонид Ильич, конечно, хороший человек, но разве он годится в лидеры для такой великой страны? Фраза дорого обошлась ему, как, впрочем, и его открытая критика на одном из пленумов ЦК КПСС военной политики, за которую отвечал Брежнев. Вместо того чтобы стать секретарем ЦК, как это предполагалось, Егоры-чев на долгие годы был отправлен послом в Данию…

Ф. Бурлацкий, с. 145.

* * *

После освобождения Н. Е. Егорычева с поста секретаря Московской городской парторганизации ему позвонил Леонид Ильич и сказал примерно такое: «Ты уж извини, так получилось… Нет ли у тебя каких там проблем — семейных или других?» Егорычев, у которого дочь незадолго до этого вышла замуж и маялась с мужем и ребенком без квартиры, имел слабость сказать об этом Брежневу. И что же вы думаете? Через несколько дней молодая семья получила квартиру. Брежнев не хотел ни в ком вызывать чувство озлобления.

Ф. Бурлацкий, с. 150.

* * *

Особо — о Н. Е. Егорычеве. Думаю, что называть его выступление на июньском (1967 года) Пленуме «бунтарским» также нет оснований. Как участник злополучного для Егорычева пленума могу засвидетельствовать: та часть его выступления, в которой он критиковал недостатки в организации противовоздушной обороны, не давала никаких оснований для последовавших затем оргвыводов. То было лишь некоторое «шевеление воздуха», но и тем оно запомнилось, слушателям, что такие «шевеления» были тогда крайне редки. Глубоко убежден, что оратор, выступая с критикой, рассчитывал на поддержку самого Брежнева, так как руководствовался он лишь благими намерениями и речь его в этой части носила к тому же характер самокритики, поскольку сам Егорычев являлся членом Военного Совета Московского округа ПВО. Но что не учел Егорычев, так это то, что вторгается он в закрытую зону, куратором которой наряду с Д. Ф. Устиновым был сам Генеральный. Вот почему неожиданно для большинства участников пленума дело приняло крутой оборот. Досрочно был объявлен перерыв, а после перерыва очередные ораторы (включая Мжаванадзе) свои заранее заготовленные речи начали с проработки Егорычева, причем чуть ли не одними и теми же фразами. Свое пространное заключительное слово Брежнев почти целиком посвятил Егорычеву, доказывая, что ЦК много и последовательно занимается обороной страны, а уж в особенности противовоздушной. Стало ясно: судьба Егорычева предрешена. Между тем накануне из достоверных, как говорится, источников я узнал, что на этом пленуме предполагалось избрать Егорычева секретарем ЦК. Перед этим он вместе с Брежневым был в Грузии, и мы уже тогда слышали эту новость, и я, честно говоря, радовался за Егорычева, поскольку довольно неплохо его знал и всегда относился к нему (и отношусь!) с искренним уважением…

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 205–206.

* * *

При Хрущеве председатель КГБ Семичастный оставался штатским человеком, Никита Сергеевич отверг его просьбы о присвоении звания, не хотел усиливать роль КГБ. Через несколько дней после отстранения Хрущева Семичастный стал генерал-полковником. Брежнев его «уважил».

А. Аджубей, с. 309.

* * *

18 мая 1967 года я приехал в Москву на заседание Политбюро. В повестке дня было много разнообразных вопросов. За несколько часов до заседания меня пригласил к себе в кабинет Брежнев. Немного поговорили о делах текущих, затем он мне сказал: «Сегодня на Политбюро будем решать вопрос об освобождении Семичастного от обязанностей председателя КГБ». Для меня это было большой неожиданностью. Мне хорошо была известна особая роль Семичастного в период подготовки и проведения «мероприятий на основе партийной демократии» в отношении Хрущева. Безусловно и то, что Брежнев многим был обязан ему лично.

Продолжая разговор, Брежнев сказал: «Я пригласил тебя, чтобы посоветоваться, где и как использовать Семичастного. Оставлять его в Москве нельзя и в то же время не хочется и «обижать» его сильно. Может быть, ты что предложишь ему на Украине?» Договорились, что Семичастный будет назначен первым заместителем Председателя Совмина республики, хотя такую должность надо было утвердить дополнительно. Брежнев поблагодарил меня за участие в решении такого «деликатного вопроса»…

Решение было принято единогласно: «Освободить т. Семичастного В. Е. от работы в КГБ в связи с переходом на другую работу». Сразу же Брежнев объявил, что «Семичастный будет назначен первым заместителем Председателя Совмина УССР. Вопрос этот с Украиной согласован».

П. Шелест, с. 228 [13].

* * *

1971 год — год XXIV съезда партии. Это был последний съезд, который Л. И. Брежнев проводил в нормальном состоянии. Он еще был полон сил, энергии, политических амбиций. Положение его как лидера партии и страны было достаточно прочным. Кроме того, чтобы обезопасить себя от возможных неожиданностей, он избрал верный путь. Во-первых, привлек в свое окружение людей, с которыми когда-то работал и которые, как он правильно рассчитал, будут ему благодарны и преданы за их выдвижение. Во-вторых, на всех уровнях, определяющих жизнь страны, он стремился поставить людей по принципу «разделяй и властвуй»…

Принцип «разделяй и властвуй» проявлялся и в Политбюро,

где напротив друг друга сидели два человека, полные противоположности, и, мягко говоря, не любившие друг друга — Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин. В свою очередь, в Совете Министров СССР А. Н. Косыгина окружали близкие Брежневу люди — старый друг Д. С. Полянский и знакомый еще по работе в Днепропетровске Н. А. Тихонов.

Удивительными в связи с этим принципом казались мне его отношения с Ю. В. Андроповым. Андропов был одним из самых преданных Брежневу членов Политбюро. Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего «Юру», как он обычно его называл. И все-таки, считая его честным и преданным ему человеком, он окружил его и связал «по рукам» заместителями председателя КГБ — С. К. Цвигуном, которого хорошо знал по Молдавии, и К. Г. Циневым, который в 1941 году был секретарем горкома партии Днепропетровска, где Брежнев в то время был секретарем обкома.

Е. Чазов, с. 80–81.

* * *

Брежнев имел привычку сталкивать одного члена Политбюро с другим, иногда звонил, в частности, мне (а я знаю, и некоторым другим товарищам) и говорил, что вот, мол, завтра будем обсуждать такой-то вопрос, так ты выступи и раскритикуй такого-то.

Л. Шелепин, с. 238 [13].

* * *

В день двадцатилетия Победы в Великой Отечественной войне 8 мая 1965 года Жуков впервые (после хрущевской опалы с октября 1957 г. — Ред.) был приглашен на торжественный вечер в Кремль. Когда он вошел во Дворец съездов, присутствующие встали и устроили грандиозную овацию в честь маршала. А когда в докладе в числе прославленных военачальников была произнесена фамилия Жукова, в зале возникла новая овация, все встали и очень долго аплодировали стоя. Такая реакция озадачила нового генсека Брежнева, и опять возникли неприятные для Жукова последствия. В этот день зародилась болезненная ревность к славе маршала у Брежнева, нового всесильного вождя партии и главы государства. Как выяснилось

позже, Леонид Ильич мелко гадил маршалу, задерживая издание его книг, только потому, что в ней не упоминался новый претендент на историческую роль в войне — полковник Брежнев. Ревность и даже боязнь приветственных оваций была так велика, что Генеральный секретарь, не желая видеть и слышать все это, рекомендовал делегату съезда (XXIII) маршалу Жукову, члену партии с 1919 года, не появляться на съезде. Вот что об этом пишет А. Миркина.

«Брежнев по телефону спрашивает Галину Александровну:

— Неужели маршал действительно собирается на съезд?

— Но он избран делегатом!

— Я знаю об этом. Но ведь такая нагрузка при его состоянии. Часа четыре подряд вставать и садиться. Сам не пошел бы, — пошутил Брежнев, — да необходимо. Я бы не советовал.

— Но Георгий Константинович хочет быть на съезде, для него это последний долг перед партией. Наконец, сам факт присутствия на съезде он рассматривает как свою реабилитацию.

— То, что он избран делегатом, — внушительно сказал Брежнев, — и есть признание и реабилитация.

— Не успела повесить трубку, — рассказывала Галина Александровна, — как началось паломничество. Примчались лечащие врачи, разные должностные лица, — все наперебой стали уговаривать Георгия Константиновича не ехать на съезд — «поберечь здоровье». Он не возражал. Он все понял».

В. Карпов, с. 347–348.

* * *

Первым, кто активно начал интересоваться складывающейся ситуацией и будущим Брежнева, был не кто иной, как ближайший друг и товарищ по партии Подгорный.

Вернувшийся из Крыма Брежнев ни на йоту не изменил ни своего режима, ни своих привычек. И, естественно, вскоре оказался в больнице, на сей раз на улице Грановского… Не успел Брежнев попасть в больницу, как к нему пришел Подгорный. Для меня это было странно и неожиданно, потому что никогда прежде он не только не навещал Брежнева в больнице, но и не интересовался его здоровьем. Я находился как раз у Брежнева, когда раздался звонок в дверь и у входа в палату я увидел Подгорного. В этот момент я успел сообразить, что он пришел неспроста, хочет увидеть Брежнева в истинном состоянии, а затем «сочувственно» рассказать на Политбюро о своем визите к своему давнему другу и о том, как плохо он себя чувствует.

Пользуясь правом врача, я категорически возразил против подобного посещения, которое пойдет во вред больному. «Ты что, Председателя Президиума Верховного Совета СССР не знаешь? — заявил он мне. — Не забывай, что незаменимых людей в нашей стране нет». Постоянное нервное напряжение привело к тому, что я абсолютно не реагировал даже на неоправданную критику, нападки или грубость по отношению ко мне. Я работал, выполняя честно свой профессиональный долг, и ни на что не обращал внимания. Не поколебала меня скрытая угроза Подгорного. «Николай Викторович, я должен делать все для блага пациента, для его выздоровления. Сейчас ему нужен покой. Ни я, ни Вы не знаем, как он воспримет ваш визит. Он может ему повредить. Если Политбюро интересуется состоянием здоровья Брежнева, я готов предоставить соответствующее заключение консилиума профессоров». Не обладая большим умом, но будучи большим политиканом, он понял подтекст последней фразы: «Кого ты здесь представляешь — Подгорного, друга и товарища нашего пациента, или Подгорного — члена Политбюро и его полномочного представителя, который должен сам убедиться в истинном положении дел?» Ворча, недовольный Подгорный ушел.

Е. Чазов, с. 133–134.

* * *

Подгорный только на Пленуме ЦК узнал, что вносится предложение совместить посты (Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. — Ред.). Он мне сам рассказывал: «Я сижу на Пленуме ЦК, Леня рядом, все хорошо, вдруг выступает из Донецка секретарь обкома Качура и вносит предложение: считаю, что целесообразно совместить посты Генсека и Председателя Президиума Верховного Совета. Я обалдел. Спрашиваю: «Леня, это что такое?» Он говорит: «Сам не пойму, но видать, народ хочет так, народ…»

И было еще вот что. Подгорный (уже на пенсии) как-то позвонил Брежневу. А тот трубку не берет, не хочет. Тогда соединяют, значит, Николая Викторовича с помощником, а тот и говорит: «Товарищ Брежнев просил передать, что у него нет к вам вопросов…» Тут Подгорный разъярился: «Ты скажи этому… (тут он плохо выразился), что у меня к нему есть вопросы, но я больше звонить не буду». И не звонил. А ведь он его Генсеком сделал.

П. Шелест, с. 150 [13] .

* * *

Полянский к 60-летию Брежнева написал политическую оду, в которой сравнивал октябрьский Пленум с Октябрьской революцией, а Брежнева — с Лениным. Приписал Брежневу невероятные и несвойственные ему качества политического деятеля, организатора, вождя социалистического лагеря, болеющего за интересы народа и его благосостояние, хорошего товарища, сплотившего крепкий коллектив Политбюро. Много было других эпитетов.

П. Шелест, с. 225 [13].

* * *

Отношения Полянского с Брежневым, судя по рассказам Дмитрия Степановича, строились по принципу «Митя — Леня». Он принял активное участие в отстранении Хрущева и избрании Брежнева Первым секретарем ЦК в октябре 1964 года, и сначала ничто не омрачало их отношений. В декабре шестьдесят шестого торжественно отмечалось 60-летие Леонида Ильича, ознаменованное вручением ему первой Звезды Героя Советского Союза. Дмитрий Степанович так расчувствовался, по его собственному признанию, что написал стихи, точнее целую поэму по этому поводу.

Однако после того, как на одном из заседаний Политбюро Полянский выступил против решения Леонида Ильича организовать набор 93 тысяч сельских жителей для работы в строительных организациях, он вдруг заметил, что все вопросы, связанные с сельским хозяйством, стали решаться без него. Именно в это время он оказывался в командировках. Брежнев объяснил: «Извини, Митя, но решаю не я, а Политбюро». Так же легко Леонид Ильич «отбился» и от письма Полянского, ему адресованного и переданного через Черненко, где Дмитрий Степанович утверждал, что награждения различными орденами и знаками отличия становятся смешными и неприличными. Брежнев пригласил его к себе и опять произнес: «Митя, не я сам себя награждаю. Это решает Политбюро».

Отношения Полянского и Брежнева усложнились еще больше после письма, полученного от 92 коммунистов из Свердловска, где они утверждали, что Леонид Ильич окружил себя своими людьми, перестал прислушиваться к советам, возрождая новый культ, теперь уже своей личности. Опять через Черненко Дмитрий Степанович передал письмо Брежневу. Реакция его была своеобразной. Леонид Ильич позвонил и спросил: «Митя, а у тебя что, в Свердловске своя мафия?» Политическая карьера

Полянского закончилась. Знал Брежнев, как лишить влияния и авторитета того или иного деятеля: в данном случае не было способа надежней, чем назначение Дмитрия Степановича министром неотвратимо развалившегося сельского хозяйства. В 1973 году Полянский приступил к новым для себя обязанностям.

А. Гаврилюк, с. 270–271 [13].

* * *

На одном из заседаний Политбюро, в начале 1973 года, Брежнев вынул из кармана какую-то записку и сказал: «Товарищи, нам надо решить еще один вопрос — о министре сельского хозяйства. Был у меня на приеме В. В. Мацкевич, он просит освободить его от обязанностей министра сельского хозяйства, думаю, что его просьбу надо удовлетворить». Решили Мацкевича освободить от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу. Встал вопрос о министре, Брежнев назвал кандидатуру Полянского и обратился к нему с вопросом: «Как вы, Дмитрий Степанович, смотрите на такое предложение?» Полянский встал, бледный, дрожащий: «Со мной об этом никто не говорил». Брежнев отпарировал: «Вот сейчас и поговорим». Полянский, обращаясь к Брежневу, сказал: «Леонид Ильич, не надо этого делать, я по состоянию здоровья этот объем работы не потяну». Брежнев на это ответил: «А первым заместителем Председателя Совмина вы, товарищ Полянский, можете работать?» Полянский замолчал. Так его утвердили министром сельского хозяйства СССР, освободили от обязанностей зампредсовмина, но пока оставили членом Политбюро. За три года работы министром сельского хозяйства Полянский так ни разу и не попал на прием к Брежневу, несмотря на то, что он якобы туда был послан на «укрепление», но никто ни разу его отчет о работе не выслушал. Зато вокруг него сгущались «черные тучи» — его начали открыто в печати критиковать за недостатки в сельском хозяйстве. По прямой указке Брежнева с подачи Кулакова на XXV съезде КПСС в марте 1976 года он также подвергся «острой критике». При выборах в члены ЦК против него было подано много голосов, и в результате он «выпал» из состава членов Политбюро. Затем его освободили от обязанностей министра сельского хозяйства, а чтобы убрать из Советского Союза — направили в Японию послом.

П. Шелест, с. 226 [13].

* * *

Лично я с ним знаком не был (Геннадии Иванович Воронов), сужу о нем по выступлениям на пленумах и Секретариатах ЦК, по тому, как в свое время вел он заседания Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Воронов производил на меня впечатление сугубо делового и очень принципиального руководителя. По его собственному признанию, приход Брежнева к власти явился для него неожиданностью и встречен был им, судя по всему, отрицательно. Занимая пост главы правительства РСФСР, а затем Председателя Комитета народного контроля СССР и являясь членом Политбюро ЦК КПСС, Воронов всегда имел мужество высказывать и отстаивать свою собственную точку зрения по таким, в частности, вопросам, как строительство КамАЗа, Чебоксарской ГЭС, назначение того же Щелокова на пост министра внутренних дел. Знаю о том, что к решению о вводе наших войск в Чехословакию в августе 1968 года он отнесся отрицательно, о чем сужу по факту его выступления в Новосибирске перед членами бюро обкома, где он прямо и недвусмысленно расценил этот шаг руководства как глубоко ошибочный, дав понять, что подобную точку зрения высказал и на Политбюро. Занять такую позицию в тех условиях мог лишь человек большого личного мужества, и не случайно в конечном итоге стал он неугоден Брежневу…

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 195.

* * *

Неприязненные отношения, бывшие таковыми практически с самого начала нашей совместной работы, в конце концов вылились в ряд столкновений, сначала мелких, а потом и по принципиальным вопросам.

В 1971 году я был перемещен с поста Председателя Совета Министров РСФСР на должность Председателя Комитета народного контроля СССР. Работа эта представлялась мне чрезвычайно важной и нужной. Все зависело от того, насколько считают ее таковой руководители партии и государства, и в частности Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Увы, никакого понимания у Л. И. Брежнева я не встретил, и более того — выяснилось, что народный контроль как таковой ему представляется вовсе ненужным. «Никакой пользы от народного контроля я не вижу, — сказал он как-то. — Вот был Мехлис — его все боялись». Одно упоминание о Л. З. Мехлисе, бывшем в послевоенные годы министром Госконтроля СССР и прославившемся своей грубостью и жестокостью, сразу ставило точки над «I» — народный контроль как институт

демократический не вписывался в рамки бюрократической системы, столь милой сердцу Л. И. Брежнева. Все мои попытки убедить его, включая ссылки на работы В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше» и «Как нам реорганизовать Рабкрин», оставались тщетными…

Более того, встал вопрос о моем членстве в Политбюро. Брежнев считал, что Председатель народного контроля входить в состав Политбюро не должен. Поскольку я видел в этом явное принижение роли народного контроля как такового, мне не оставалось ничего другого, как подать в отставку.

Г. Воронов, с. 185–186 [13].

* * *

В апреле 1973 года я попросил освободить меня от обязанностей Председателя Комитета народного контроля СССР. Тогда же меня вывели из Политбюро. А в 1976 году перед самым XXV съездом КПСС вместе с Мжаванадзе, Шелепиным и Шелестом вывели и из ЦК.

Да, Брежнев не хотел, чтобы мы присутствовали на этом съезде. Нарушены были все уставные нормы. Я был так возмущен, что собирался выступить. Мжаванадзе отговорил меня: «К чему? Все равно микрофон отключат». А вот Шелест, молодец, демонстративно покинул зал.

Г. Воронов, с. 190 [13].

* * *

И вот Брежнев из-за болезни Козлова остался один по правую руку Хрущева. Чего желать больше? Однако Брежнев понимал, что долго ему не удержаться, вот-вот появится кто-то, к кому Хрущев будет относиться с большим уважением. Конкурентом мог стать Геннадий Иванович Воронов, член Президиума ЦК, образованный, опытный, энергичный человек, руководивший Правительством Российской Федерации. А мог и Александр Николаевич Шелепин, о судьбе которого я уже рассказал. Воронов же после 1964 года не сработался с Брежневым. (Отставку его Хрущев прокомментировал так: «Воронов, сильный руководитель, принципиальный и смелый человек, не стал смотреть в рот Брежневу, не желал с ним сойтись».)

А. Аджубей, с. 312.

* * *

Во время работы Пленума ЦК КПСС 19 мая 1972 года Брежнев взял меня за плечо и говорит: «Пойдем поговорим». Вышли в комнату. «Как на Украине?» А я только вчера рассказывал ему, как дела идут. Я отвечаю: «Да я ж тебе рассказывал». Он: «Не сердись. Говори». Я ему снова рассказал.

«Ты работаешь первым секретарем ЦК КПУ уже около 10 лет, наверное, тебе уже надоело, и ты надоел всем». Я сказал Брежневу: «Скажите откровенно, Леонид Ильич, к чему этот разговор?» — «Думаем, — ответил он, — что тебе пора перебираться в Москву работать. Надо дать дорогу молодым товарищам, подержался за власть, дай другим подержаться». Брежнев предложил мне должность заместителя Председателя Совмина СССР, заниматься, сказал он, будешь оборонной промышленностью. Я его спросил: «А что случилось, какие ко мне претензии по работе?» Он ответил: «Претензий никаких нет, так надо сделать». Я не давал согласия на переход работать в Москву и сказал ему:

«Если я чем-либо вас не устраиваю, прошу отпустить меня на «отдых», оставить в Киеве, где у меня семья, дети, внуки. К тому же начинать новое дело в такие годы поздновато, ведь мне пошел уже шестьдесят пятый». Брежнев уговаривал, обещал «золотые горы» и вечную дружбу. Я не устоял: «Ну что ж, всему есть начало и конец. Мне жалко расставаться с республикой, там остается много начатых мной и незавершенных дел и планов». На мое «согласие» Брежнев подарил мне свой «поцелуй Иуды».

После Пленума ЦК состоялось вечером заседание Политбюро, на котором Брежнев сообщил о моем «согласии» работать в Москве. Было принято решение Политбюро об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПУ и утверждении в должности заместителя Председателя Совмина СССР… Для многих членов Политбюро это было неожиданностью. Все меня поздравляли, а у самого на душе тревожно и тоскливо…

Я приступил к работе в Совмине, «определили» мне объем работы. Пробыл в этой должности почти год, освоился, имел неплохие отзывы. И все же эта работа меня тяготила, хотя я и старался смириться, но ничего хорошего не получилось. Я был просто большим чиновником с малым портфелем и без права решать самостоятельно какие-либо вопросы.

П. Шелест, с. 219–220 [13].

* * *

Брежнев сказал: «Будешь ведать оборонной промышленностью». Ну а потом переиграл это дело. Да я и не возражал, возражать-то уже куда… У меня был транспорт — железнодорожный, морской, авиационный, автомобильный, были, как ни странно, медицина и связь… Лесной комплекс да частично административные органы…

А дальше он расправился со мной так. Когда я приехал в Москву, я себя очень плохо чувствовал — морально. и у меня, видно, еще больше обострились позиции против Брежнева. По железнодорожному транспорту выступаю на Политбюро. Очень резко. Нам нужно было в год выпускать 75–80 тысяч грузовых вагонов. А мы выпускали 35 тысяч, И 35 тысяч ежегодно списывали. Значит, прироста вагонов не было. Я на Политбюро несколько раз выступал по этому вопросу и прямо говорил Брежневу: вы не разбираетесь в этом, ничего не понимаете, железные дороги — это же главные артерии страны. По лесозаготовкам выступал. Мы режем лес, а он у нас пропадает, не вывозим. А почему, потому что транспорта не хватает. Вот такие столкновения были. Ну и Лене, я думаю, это все надоело. А у меня уже родилась мысль: надо уходить.

П. Шелест, с. 153–154 [34].

* * *

В журнале «Коммунист» на Украине появилась критика моей книги. И на эту тему у меня тоже был разговор с Брежневым. «У тебя там книга какая-то…» Я спрашиваю: «Ты ее читал? Ты же ее сам не читал». — «Да там у тебя, говорят, архаизмы, казачество…» Я говорю: «Казачество — это не архаизм, это наша история, казачество из истории никогда не уйдет». И по поводу Шевченко были упреки. Дескать, много значения я ему придаю. Короче, я так Брежневу и написал: считаю, что вы, Леонид Ильич, и еще Суслов во всем виноваты.

П. Шелест, с. 154 [34].

* * *

Потом началась вокруг меня какая-то возня, причем организована она была явно на Старой площади, ибо я еще оставался членом Политбюро ЦК КПСС. И все это делалось не только с ведома Брежнева, а под его непосредственным руководством и не без участия Суслова. В конце концов я тоже

вынужден был уйти в отставку «по состоянию здоровья»… Наконец я написал заявление в Политбюро, в котором изложил всю сложившуюся вокруг меня ситуацию.

И как Брежнев реагировал на это заявление?

Когда я попал на прием к Брежневу, он заявил: «Что же, ты этим заявлением хочешь оставить документ, по которому меня после смерти будут ковырять носком сапога?» Я сказал, что здесь написана только правда. Что мне до сих пор неизвестно, за что меня освободили от обязанностей первого секретаря ЦК КПУ, а теперь еще ко всему организовали травлю. Наконец Брежнев сказал, что якобы я в свое время «не считался с Москвой, слабо вел работу с националистическими проявлениями». Я на это ответил, что все это служит только предлогом. Истинная причина в том, что опасно держать в составе Политбюро принципиальных людей, имеющих свое мнение, много знающих о тайнах «кремлевского двора». Разговор был долгим и тяжелым. Брежнев настойчиво «рекомендовал» мне переписать заявление, адресованное в Политбюро, я отказывался, тогда он пригрозил мне, сказав: «Ведь ты, Петр Ефимович, сам понимаешь, что можно уйти с почетом». Я вынужден был несколько срезать острые углы в моем заявлении, после этого Брежнев его принял. На прощание поблагодарил за совместную работу и расцеловал меня, и это был второй «поцелуй Иуды».

П. Шелест, с. 220 [34].

* * *

Обратите внимание: Брежнев, как правило, расправлялся с теми, кто обладал, так сказать, «лидерской косточкой», например с Шелепиным, Шелестом, Егорычевым, возглавлявшим Московскую городскую партийную организацию, и с некоторыми другими. А вот Косыгин и Суслов, несмотря на то, что казалось, обладали огромной властью, сошли с политической арены естественным путем.

Дело в том, что ни тот, ни другой не покушались на место лидера, довольствуясь вторым порядковым номером в иерархической системе. Ни тот, ни другой не обладали «лидерской косточкой», хотя последнего и величали «серым кардиналом» Брежнева.

М. Стуруа, с. 176 [13].

* * *

Была еще одна черта — интеллигентность, которая отличала Косыгина, да, может быть, еще Андропова, от других членов Политбюро. Косыгин любил интеллигенцию, и она в свою очередь платила ему тем же…

Кстати, эта любовь интеллигенции к Косыгину очень раздражала Брежнева и его окружение.

Конечно, не мне, врачу, судить о его (Косыгина) работе как организатора финансово-хозяйственной деятельности страны, но я исхожу из весьма интересного факта, который мало замечают историки нашего времени. Косыгина не любил Хрущев, не любил Брежнев, но оба они сохраняли его как руководителя экономикой страны.

Л. И. Брежнев, расчищая свое окружение от возможных конкурентов, расстался с А. Н. Шелепиным, со своим другом Н. В. Подгорным, но не трогал Косыгина до самого последнего момента, когда тому после перенесенного инфаркта миокарда стало трудно работать на одной из самых ответственных должностей.

Е. Чазов, с. 79–80.

* * *

Верно, в последние годы у него возникли определенные шероховатости в отношениях с Косыгиным, хотя раньше они вместе бывали на охоте и на отдыхе, что, по всей вероятности, было делом рук и влияния других деятелей партии, таких, как Суслов, Кириленко, Черненко.

М. Докучаев, с. 173.

* * *

К тому времени я уже два года работал помощником Андропова (как секретаря ЦК КПСС), что позволяло быть в курсе многих дел, связанных с обстановкой в высших эшелонах власти. Должен сказать, что заседания Политбюро и Секретариата ЦК КПСС проходили тогда бурно и подолгу. Речь на них часто шла не только о каких-то сугубо конкретных вопросах, но и в более широком плане о путях дальнейшего развития советского общества.

Брежнев был сторонником постепенных перемен, предлагал проводить их без спешки, без потрясений, без революционной ломки. Косыгин же выступал за путь более радикальных реформ.

Отстаивая свои идеи, он проявлял редкостное упорство, не выносил возражений, болезненно реагировал на любые замечания по существу предлагаемых им схем и решений. Экономику он вообще считал своей вотчиной и старался не подпускать к ней никого другого. Этим Косыгин настроил против себя многих членов высшего руководства.

На определенном этапе накал разногласий в Политбюро достиг апогея, и вопрос встал о выборе между двумя подходами к развитию нашего общества. Линия Брежнева взяла верх. Он стал укреплять свои позиции в руководстве, но в порядке уступки Косыгину все же был вынужден согласиться с его предложением о перемещении Андропова с участка социалистических стран и, главное, из аппарата ЦК КПСС.

Надо сказать, что тогда пост секретаря ЦК КПСС, который до своего нового назначения занимал Андропов, являлся весьма влиятельным. Не следует думать, что в основе конфликта Косыгина с Андроповым лежали лишь политические разногласия. По наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость. Не раз на это сетовал, кстати, и сам Андропов. Очередная стычка с Косыгиным действовала на него порой просто удручающее.

И все же спор между ними имел явную политическую подоплеку — Андропов опасался, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву нашего социально-политического строя.

В. Крючков, с. 79–80.

* * *

В первые годы работы в 4-м управлении мне проще было решать профессиональные, сугубо медицинские проблемы диагностики и врачевания, чем разбираться в хитросплетениях сложных политических и личностных взаимоотношений. Постепенно я набирал необходимый дипломатический опыт. При всем этом с первых дней я поставил себя вне всех подобных ситуаций, утверждая себя как независимый врач, выполняющий свой долг.

На первых порах это вызвало определенное раздражение и недовольство не столько Л. И. Брежнева, сколько его окружения. Вновь назначенный начальник 9-го управления КГБ (охраны правительства) С. Н. Антонов сказал как-то позднее, когда утвердилось мое положение, что после того как я уделял

слишком большое внимание А. Н. Косыгину, его семье и ряду других лиц, ему было поручено еще раз изучить мое окружение и выяснить, нет ли у меня близких связей с этими людьми. Их не оказалось, и это успокоило Л. И. Брежнева, который видел в Косыгине второго (после Шелепина) претендента на роль лидера страны. А суть была проста и трагична. Речь шла о болезни жены Косыгина, у которой еще до моего прихода в Управление был диагностирован рак с метастазами.

Е. Чазов, с. 26.

* * *

Это не был прямой соперник Брежнева, рвавшийся занять его пост, но он был крупным, опытным и популярным в стране и особенно в госаппарате деятелем, во многом своими качествами затенявшим фигуру Брежнева, что не могло не раздражать последнего. Тем более что по стилю жизни Косыгин — интеллигент ленинградской закалки, суховатый и сдержанный — был, можно сказать, прямой противоположностью Брежневу…

Каких-либо серьезных расхождений по принципиальным направлениям внешней политики между Брежневым и Косыгиным не было, были разногласия в тактических вопросах, не слишком крупные, но вызывавшие раздражение обеих сторон. Дело обычно заканчивалось тем, что Косыгин подчинялся, как бы замыкаясь в себе.

Постепенно взаимное раздражение этих двух ведущих деятелей нового руководства стало нарастать. Брежнева злили действия и высказывания Косыгина даже по мелочам. Видя, в каком направлении идет дело, я, каюсь, однажды предпринял попытку как-то вмешаться, откровенно сказал Леониду Ильичу: «Почему вы так отрицательно реагируете на поведение Косыгина? Ведь он же вполне лоялен в отношении вас как руководителя, никак не претендует на высший пост в стране, а дело свое знает отлично. Неужели вы не видите, что расстройство отношений между вами только приносит вред общему делу?» Брежнев никак не среагировал на это нескромное вмешательство своего помощника, только недовольно хмыкнул.

А. Александров-Агентов, с. 257, 259.

* * *

Брежневу захотелось стать Председателем Совмина СССР. По

этому поводу он повел разговор с Подгорным, последний отговаривал Брежнева от такого шага, говорил ему, что мы ведь на октябрьском Пленуме осудили за это Хрущева. Но Генеральный настаивал на своем. Не устояв, Подгорный «провел определенную работу» — склонил многих членов Политбюро к решению этого вопроса, но все держалось в строгом секрете от самого Председателя Совмина А. Н. Косыгина. Осуществить этот замысел помешали случай и трусость Брежнева, в это время он сильно заболел, к тому же ему Подгорный сказал, что Совмин — это исполнительная власть, надо много работать, а за недостатки в работе придется нести ответственность.

П. Шелест, с. 222 [13].

* * *

Страшными символами стали кадровые перемены, происшедшие в самом конце 1980 года. 24 октября был убран премьер-министр А. Н. Косыгин, умный, честный, несколько суховатый и даже жестковатый человек, носитель лучших черт государственного деятеля. Он почти не заискивал перед генеральным, как это делали другие, беспрестанно благодаря за оказанное доверие… Когда Брежнев зачитывал перед Верховным Советом письмо Косыгина об отставке, он внятно и четко выговаривал слова благодарности в свой адрес, но по черствости и бестактности забыл даже единым словом поблагодарить уходившего премьера за 16-летнюю работу на тяжелейшем посту.

Н. Леонов, с. 215.

* * *

Вспоминая прошлое, скажу, что между Брежневым и Косыгиным отношения были сложные. Косыгин вел замкнутый образ жизни, много читал, работал. О нем можно было сказать, что «человек в деле».

А. Н. Косыгин реальнее других представлял истинное положение дел и был поглощен поиском доходов, способных пополнить бюджет… Мне же нравились трезвомыслие и осмотрительность, с какими Косыгин подходил к решению народнохозяйственных задач, острота и твердость мыслей, высказанных на заседании Политбюро. Может быть, поэтому Брежнев относился к нему настороженно. Самодовольный и амбициозный, он не мог не чувствовать своей некомпетентности в

области экономики, не мог не замечать дельных предложений главы правительства и к авторитету его не мог не испытывать зависти…

По мере того как участие Брежнева в рассмотрении планов снижалось, обострялись и взаимоотношения между ним и Косыгиным. Внешне это никак не проявлялось, но по существу раздор был.

Н. Байбаков, с. 248–250 [13].

* * *

Алексей Николаевич (Косыгин) был на несколько порядков выше многих членов Политбюро, в том числе и Брежнева. При обсуждении важных и сложных вопросов, касающихся экономики, планирования, финансов, кредитов, между Брежневым и Косыгиным нередко завязывались споры, каждый раз Косыгин логически и убедительно доказывал свою правоту и поучал Брежнева, как школьника, не знающего предмета.

Постепенно Брежнев стал относиться к Косыгину все хуже и хуже. Брежнев часто подбивал нас, секретарей ЦК республиканских партий, на то, чтобы мы на пленумах ЦК критиковали работу Совмина, а это, естественно, касалось в первую очередь А. Н. Косыгина. Он все стоически переносил, терпел; много и добросовестно работал. Мне кажется, что Брежнев и Косыгин друг друга ненавидели, но делали вид, что все в порядке. Брежнев одно время даже ставил вопрос о замене Косыгина, выдвигая на эту должность неуча Щербицкого, но в Политбюро этому воспротивились некоторые товарищи, и ему пришлось отказаться от своего замысла.

П. Шелест, с. 223–224 [13].

* * *

Были люди, которые действительно оказывали Брежневу серьезное противодействие. Кроме Шелепина и Подгорного, которых Брежнев с помощью своих подручных буквально вытолкал из состава Политбюро, а заодно и с занимаемых ими высоких постов, опасаясь лишиться единоличной власти, был еще и А. Н. Косыгин. Его разногласия с Брежневым — разногласия принципиальные. Косыгин отстаивал экономические приоритеты во внутренней политике, считая, что именно на этой основе надо поднимать материальное благосостояние трудящихся. Во

внешней политике он выступал за разрядку и торговлю с Западом. Именно Косыгин явился инициатором экономической реформы 1965 года. Главнейшим условием ее осуществления он считал свободу действий в управлении экономикой, которое должно было осуществлять правительство. И до сегодняшнего дня в печати появляются рассуждения о том, что реформа эта сорвалась якобы из-за противодействия чиновников, особенно на местах. Все это по меньшей мере наивно. Реформа, несомненно, была зарублена «наверху», и не в последнюю очередь из-за ревностного отношения Брежнева к Косыгину.

Алексей Николаевич Косыгин пользовался заслуженным авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом, это был опытный, компетентный государственный деятель. Отмечу, к слову, что когда в печати промелькнула заметка о том, что помощники Косыгина были чуть ли не церберами, ограждавшими шефа от народа, мне стало как-то не по себе от явной несправедливости подобного утверждения — Косыгин был демократичным человеком, и одной из черт его характера было сильно развитое чувство справедливости.

От мелких уколов, от некомпетентного вмешательства Брежнев, ставя перед собой цель ослабить позиции А. Н. Косыгина и возглавляемого им правительства, перешел к более ощутимым акциям. Мне вспоминается декабрьский (1969 года) Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам экономики. Был он необычным, поскольку на нем, пожалуй, впервые за многие годы так резко критиковалось правительство. Сценарий, правда, был типичным: один за другим выступали ораторы и, направляя стрелы по преимуществу в сторону Госплана, на самом деле метили в правительство и в Косыгина, который его возглавлял. Некоторые речи, особенно тогдашнего первого секретаря Алтайского крайкома партии Георгиева, который даже не говорил, а буквально кричал, словно оказался на многолюдном митинге, отличались явной тенденциозностью и вопиющей бестактностью.

Сидя за столом президиума, Косыгин терпеливо и, как мне казалось, очень внимательно выслушивал ораторов. Однако нельзя было не заметить, что он нервничал, хотя по натуре это был человек огромной выдержки. Многие из нас ждали, что Косыгин выступит, но выступил не он, а председатель Госплана Н. К. Байбаков. Признав справедливость ряда критических замечаний, он спокойно, но весьма убедительно, на фактах показал истинное положение дел в экономике, а особенно в сельском хозяйстве. Изложив объективные и субъективные причины такого положения, он доказал тем самым всю несостоятельность грубых нападок на Госплан (читай: и

правительство)…

В 1976 году Косыгин серьезно заболел. Кто-то сознательно пустил в ход и раздувал слухи о том, что после выхода из больницы он уже якобы не сможет выполнять свои обязанности Председателя Совета Министров СССР. На пост первого заместителя Председателя Совмина назначают Н. А. Тихонова, приятеля и земляка Л. И. Брежнева, чтобы в скором будущем сделать его главой правительства. Конечно же, этот выдвиженец и в подметки не годился Косыгину, популярность его была нулевой.

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 194–195.

* * *

Однажды вечером, когда мы были в очередной командировке в Москве и находились в рабочем кабинете Щербицкого в постпредстве, В. В. поддался такому настроению. Рассуждали об экономической реформе, гадали, чем все кончится, вспомнили Косыгина.

— А знаешь ли, что Брежнев прямо предложил мне пост председателя Совета Министров, когда заболел Алексей Николаевич?

Я, конечно, ответил, что слухи ходили, и неоднократно, но толком ничего не знал.

— Так вот, случилось это во время празднования юбилея в Молдавии, — сказал В. В., — настроение у Леонида Ильича, несмотря на праздник, было угнетенным. Ему не давала покоя мысль, кто же будет преемником Косыгина. Около полуночи в резиденции, где мы остановились, — продолжал В. В. — ко мне в комнату пришел Леонид Ильич, запросто, в пижаме. «Володя, ты должен заменить Косыгина, больше некому», — сказал он. И долго убеждал, что иного выхода нет как для него, так и для меня. Поскольку к такому разговору я морально и внутренне был готов и все продумал, в тактичной форме, но однозначно отказался. После этого еще полночи проговорили обо всем, что нас волновало.

— А почему же вы отказались? — не удержался я.

— Эту разболтанную телегу было уже не вывезти. Да и в московские игры я не играю, — задумчиво ответил Щербицкий…

Вопреки сложившимся стереотипам, Брежнев многое видел и многое понимал. Никогда, как кое-кто сейчас стремится доказать, не был простачком и примитивом. Подобных ему людей волна на вершину власти случайно не выносит, хотя бы потому, что слишком много желающих. Необходимы, как минимум,

недюжинный ум, пробивная сила и, если хотите, житейская хитрость. Все это у Брежнева было. Но обстоятельства все чаще превалировали над ним, были неподвластны его воле. Инерция власти приобретала характер рока, влачившего беспомощного «вождя» по колдобинам истории.

В. Врублевский, с. 40.

* * *

Еще одним возможным соперником Брежнева тогда считался А. Н. Косыгин. Он был, несомненно, более интеллигентен и образован. Опытный хозяйственник, он в какой-то мере был открыт для новых экономических идей. Но в политических вопросах, увы, консерватор, начиная с отношения к Сталину. Конечно же, Косыгин не был сторонником репрессий, деспотизма, беззаконий. Однажды во время отпуска в Кисловодске (декабрь 1968 года) я встретил его на прогулке (людей он не сторонился, вел себя демократично) и в ходе разговора упомянул о том, как пострадал от сталинских кровопусканий корпус командиров производства. Он охотно поддержал тему, тепло вспоминал своих безвинно пострадавших коллег. Но как политический деятель Алексей Николаевич все же был порождением авторитарной системы и верил в нее, возможно, просто потому, что не представлял себе никакой другой. А кроме того, насколько я знаю, он как-то лично тепло относился к Сталину, был предан ему. На победу в соперничестве с Брежневым он едва ли мог претендовать — за ним не было ни мощи партийного аппарата, ни возможностей, которые тогда открывала должность Первого секретаря. Да и по складу он не был «первым человеком» даже в те предельно бедные сильными руководителями годы. Не «найдись» Брежнев, Первым секретарем ЦК стал бы скорее всего кто-то третий, но не Косыгин. Так мне во всяком случае кажется. Словом, Косыгин остался хозяйственным, а не политическим руководителем. Но его взгляды в первые годы, а тем более первые месяцы после октябрьского Пленума оказывали немалое влияние на ход дел.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 208.

* * *

В середине января (1965 года) Томпсон передал мне личное послание президента (США) «советским руководителям». Оно не

было конкретно адресовано ни Брежневу, ни Косыгину. Дело в том, что и аналогичные послания из Москвы — после отставки Хрущева — не имели чьей-либо подписи, и Джонсон не знал, кому конкретно адресовать свои послания.

Это объяснялось развернувшейся в Москве закулисной борьбой между Брежневым и Косыгиным, в том числе за право подписывать послания лидерам зарубежных стран.

Косыгин считал, что его подпись как премьера в переписке с лидерами других стран соответствовала международной практике. При этом он доказывал, что Брежнев, как партийный руководитель, не должен это делать. Брежневу же очень хотелось поскорее выйти «на международный уровень». Сперва в советском руководстве верх взяла точка зрения Косыгина, и он стал подписывать послания. Однако борьба продолжалась. Громыко негласно поддерживал Брежнева — дал конфиденциально указания послам деликатно разъяснять правительствам стран их пребывания, «кто есть кто» в советском руководстве. В конце концов Брежнев вышел на первые роли и в переписке с иностранными лидерами. Но это произошло позже. Пока же переписка Джонсона до конца его пребывания у власти велась только с Косыгиным.

А. Добрынин, с. 125–126.

* * *

Тогда все считали, что главное лицо, с которого следует спрашивать за недостатки и прорывы в области экономики, — это А. Н. Косыгин. Во-первых, он был Председателем Совета Министров СССР, а во-вторых, он действительно считался знатоком экономических проблем, поскольку являлся крупным экономистом. Я и сам так оценивал его роль. Но как бы основательно Косыгин ни понимал экономические проблемы, он все же на практике шел по тому же пути застоя. Каких-либо глубоких положительных мыслей, направленных на преодоление пагубных явлений в экономике страны, он не высказывал. Ни он, ни руководство того периода не сумели вывести страну из сложного положения.

А. Громыко, кн. 2, с. 527

* * *

Некоторые считают, что с первых шагов их совместной

деятельности Леонид Ильич ревниво относился к Косыгину, видя в нем конкурента. Однако Генеральный секретарь отлично знал, что Председатель Совета Министров никогда не проявлял интереса к руководящей партийной деятельности.

В течение примерно десяти лет отношения между ними, смею утверждать, были хорошими, и не только внешне. Я не раз бывал на даче Брежнева вдвоем с Устиновым. Устинов был не очень доброжелателен к Косыгину. Брежнев же, наоборот. В то время при мне ни разу не отозвался о нем плохо. И хотя Брежнев очень хорошо относился к Устинову (кстати, именно поэтому и взял его в ЦК), но когда тот в домашней обстановке начинал отпускать какие-либо колкости в адрес Алексея Николаевича, то Леонид Ильич не поддерживал беседу в этом направлении.

Роковую роль, на мой взгляд, в ухудшении отношений между Брежневым и Косыгиным сыграл Н. А. Тихонов. С 1974 г. Брежнев начал болеть, уже через год недуг стал резко прогрессировать. У него явно развивалась подозрительность, и Тихонов умело направлял ее против Косыгина, стремился вбить клин между ними. Это ему удалось, и с 1975 г. их взаимоотношения стали ухудшаться.

Тихонов без конца докладывал Брежневу о тех или иных, большей частью надуманных, ошибках Алексея Николаевича. В оппозицию Косыгину он стремился втянуть и остальных его заместителей…

Тихонов продолжал плести интриги, и это сыграло свою роль: В. Э. Дымшица в конце концов убрали из Госснаба, а отношения между Брежневым и Косыгиным становились все более прохладными. К тому времени Брежнев был уже совершенно немощный, очень болезненно на все реагирующий человек. Он практически утратил контроль над партией и государством.

В. Новиков, с. 122, 124 [45] .

* * *

Придя к руководству партией, а фактически и страной, Брежнев заметно переживал, что престиж его в народе был не слишком высок. Ревниво относился к А. Н. Косыгину, который пользовался большим уважением в стране. Помню, осенью 1966 г. ехали мы с Брежневым поездом в Грузию вручать республике орден Ленина. Вечером, после ужина в его вагоне, долго беседовали, и вот в сердцах он говорит:

— Ну, скажи, зачем это Косыгин поехал по украинским заводам? Что ему там делать? Все о своем авторитете печется.

Пусть бы лучше в Москве сидел да делами занимался.

Н. Егорычев, с. 28 [45].

* * *

Речь зашла о производительности труда. Я рассказал о том, что наблюдал во Франции при посещении предприятия: в аналогичном нашему подразделении работает вдесятеро меньше специалистов.

— Мы проигрываем не у станка, — сказал Косыгин. — У меня есть данные, что наш станочник мало уступает зарубежному на сопоставимых предприятиях. Но теряем из-за плохой организации внутризаводского транспорта, складского хозяйства, общей культуры производства. Главное — механизация вспомогательного и инженерного труда. А это требует больших перемен. Вот в чем дело.

Тут у меня сорвался «роковой» вопрос:

— Так почему же вы уступили, дали похоронить реформу?

— А почему вы, как член ЦК, не выступили на Пленуме в защиту реформы?

— ??

М. Горбачев, кн. 1, с. 152.

* * *

Брежнев, однако, относился к этой «затее» (реформа 1965 г.) скептически. Не вникая в ее суть, он интуитивно больше доверял тем методам, которые дали такие блестящие, по его мнению, результаты в период сталинской индустриализации. Не последнюю роль сыграла и ревность к Косыгину, который имел перед ним преимущества как один из старейших руководителей, авторитет его восходил еще к периоду Отечественной войны…

В ту пору в аппарате пересказывали слова Брежнева по поводу доклада Косыгина на сентябрьском Пленуме 1965 года: «Ну что он придумал? Реформа. Реформа… Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема». Не в таком ли отношении к экономической реформе была главная причина, почему она не состоялась?

Ф. Бурлацкий, с. 152.

* * *

Из руководителей того времени я встречался только с Алексеем Николаевичем Косыгиным, Председателем Совета Министров СССР, чем-то он выделялся в правящей верхушке. Окончил текстильный институт, работал директором текстильной фабрики, министр текстильной, потом легкой промышленности, во время войны организовал эвакуацию предприятий на восток, молчаливый, знающий дело технократ, не лез на трибуны, держался в тени, особняком, был отдален и отделен от окружающей его камарильи. Единственный человек в правительстве, похожий на интеллигента.

Несколько лет осенью я ездил в Кисловодск, встречал там Косыгина. Как и другие отдыхающие, он совершал пешие прогулки по дорожкам терренкура до «Храма воздуха», а иногда и до «Красного солнышка». Гулявшие по терренкуру незнакомые люди здоровались с ним; «Здравствуйте, Алексей Николаевич, добрый день!» И он их приветствовал. Мне это нравилось. В его демократичности не было рисовки.

Познакомились мы в Чехословакии, в Карловых Варах, лечились в одном санатории «Ричмонд», иногда ходили вместе к источнику пить карловарскую воду, он был молчалив, а я посмеивался над номенклатурными обитателями «Ричмонда»…

Я обратил его внимание на красиво оформленные витрины магазинов.

— А у нас в витринах пирамиды консервных банок. Толкуем о реформах, а где они?

Он шел молча, потом хмуро проговорил:

— Какие реформы? «Работать надо лучше, вот и все реформы!»

Цитировал чьи-то слова.

— Леонид Ильич так считает?

— Многие так считают, — уклончиво ответил он.

Я видел перед собой человека, потерявшего надежду.

А. Рыбаков, с. 255–256.

* * *

Некоторые его (Брежнева) поступки просто необъяснимы. Когда умерла его мать, то все руководство пошло на ее похороны. И это правильно, по-человечески. А когда умерла жена Косыгина (1967 г.), то он обзванивал членов руководства и говорил: мы тут посоветовались и решили не участвовать в похоронах. Такой звонок был и мне. Тем не менее я был у нее и в больнице незадолго до ее смерти, и на похоронах.

А. Шелепин, с. 238 [13].

* * *

Когда скончалась жена Алексея Николаевича, из девяти его заместителей проститься с ней пришли только четверо — Н. К. Байбаков, М. Т. Ефремов, В. А. Кириллин и я. Остальные, оказывается, согласовывали в ЦК — идти или не идти выражать соболезнование!

В. Новиков, с. 124 [45].

* * *

Косыгин, увлекавшийся академической греблей, отправился (1 августа 1976 года) на байдарке-одиночке. Как известно, ноги гребца в байдарке находятся в специальных креплениях, и это спасло Косыгина. Во время гребли он внезапно потерял ориентацию, равновесие и перевернулся вместе с лодкой. Пока его вытащили, в дыхательные пути попало довольно много воды. Когда я увидел его в госпитале, он был без сознания, бледный, с тяжелой отдышкой. В легких на рентгеновском снимке определялись зоны затемнения. Почему Косыгин внезапно потерял равновесие и ориентацию? Было высказано предположение, что во время гребли у него произошло нарушение кровообращения в мозге с потерей сознания, после чего он и перевернулся… К счастью, разорвался сосуд не в мозговой ткани, а в оболочке мозга, что облегчало участь Косыгина и делало более благоприятным прогноз заболевания.

Как бы там ни было, но самой судьбой был устранен еще один из возможных политических оппонентов Брежнева… Он и не скрывал своих планов поставить вместо Косыгина близкого ему Тихонова, с которым работал еще в Днепропетровске. Косыгин находился еще в больнице, когда 2 сентября 1976 года появился указ о назначении Тихонова первым заместителем ПредСовмина СССР, и он начал руководить Совмином, хотя продолжал работать другой первый заместитель, к тому же член Политбюро, — К. Т. Мазуров.

Сильный организм Косыгина, проводившееся лечение, в том числе разработанный комплекс восстановительной терапии, позволили ему довольно быстро не только выйти из тяжелого состояния, но и приступить к работе. Но это был уже не тот Косыгин, смело принимавший решения, Косыгин-борец,

отстаивавший до конца свою точку зрения, четко ориентирующийся в развитии событий.

Е. Чазов, с. 144–145.

* * *

У меня сложилось впечатление, что именно после этого нелепого случая с лодкой здоровье Алексея Николаевича надломилось. Способствовали этому, по-видимому, и осложнившиеся отношения с Брежневым, Черненко, Тихоновым, Устиновым… Начало пошаливать сердце. Через год или два у него случился сильный инфаркт, затем, в октябре 1980 г., второй, еще более тяжелый, и в декабре Алексея Николаевича не стало.

Н. Байбаков, с. 139 [45].

* * *

От перегрузки он серьезно заболел — получил обширный инфаркт, был десять дней без сознания, даже распустили слух, что он скончался. Проболев почти 70 дней, Алексей Николаевич вышел на работу. В это время в стране сложилась катастрофическая обстановка с топливом, ему сразу же пришлось окунуться в это тяжелое дело. Провел большое совещание с 10 часов утра до 14.00 с большим напряжением, и его снова свалила болезнь. Опять инфаркт, но на сей раз полегче, он даже работал в больнице над материалами к своему выступлению на XXVI съезде. И вот неожиданность: Брежнев требует от него заявления об отставке.

Все это было очень жестоко и бесчеловечно. На Пленуме ЦК А. Н. Косыгина освободили от обязанностей члена Политбюро, но об этом не сообщили в печати. Сразу же за пленумом проходила сессия Верховного Совета СССР, где Алексей Николаевич был освобожден от должности Председателя Совмина СССР. На сессии не было сказано ни единого слова благодарности за его работу. Спохватились на второй день после сессии: в «Правде» была помещена заметка, в которой Брежнев от имени Политбюро «благодарил» Косыгина за работу в Совмине.

П. Шелест, с. 224 [13].

* * *

А. Н. Косыгин обладал огромным опытом и знаниями. Алексей Николаевич был скромным, честным и добросовестным работником, самым подготовленным и знающим руководителем, и прежде всего в области экономики и финансов. Брежнев поступил по отношению к нему, прямо скажу, по-хамски. Если мне не изменяет память, то немедленно после принятия отставки А. Н. Косыгина с поста Председателя Совмина СССР его лишили машины, отключили телефоны. Но самое главное — на сессии Верховного Совета СССР его даже не поблагодарили за многолетнюю работу на благо Родине. Это вызвало недоумение, в частности у москвичей, которые его уважали, всегда демонстративно встречали более тепло, чем Брежнева.

А. Шелепин, с. 243 [13].

Глава 8

«ВОЖДЯ» ИГРАЛО ОКРУЖЕНИЕ

Соратники. Советники. Помощники

Понятие «окружение», к сожалению, почти заслонило собой емкое слово «соратники». Это не случайно. Соратник — равноправный член рати, имеющий право голоса и не приспосабливающий свой голос к обстоятельствам. Он может не совпадать с мнением лидера. В этом его значение. Соратник, близкий к лидеру, — человек, помогающий ему принять нужное решение, уберечь от заблуждений. Их отношения строятся на добром товариществе при сохранении независимости взглядов.

Наша история знает такие примеры. Их немало. Беда состоит в том, что в большинстве случаев соратнические отношения в таком моем понимании заканчивались, если не гибли, после прихода лидера к власти. Как только он обретал первый пост, соратничество сменялось окружением. Не уверен, что это имеет отношение лишь к советскому периоду нашей истории.

Я убежден, что в перерождении Л. И. Брежнева окружение имело едва ли не решающее значение. Те, кто знал его в молодости, утверждали, что Брежнев отличался и принципиальностью, и деловитостью, и справедливостью, хотя, как говорят, честолюбив был всегда.

Ф. Бобков, с. 164.

* * *

«Великолепная шестерка» — Брежнев, Суслов, Громыко, Устинов, Андропов и Черненко. Шесть мраморных слоников на кремлевской полочке. Вернее, не слоников, а маленьких мамонтов.

В. Прибытков, с. 65.

♦ ♦♦

Не могу сказать, что среди членов Политбюро у него были

близкие друзья, все-таки он старался поддерживать ровные отношения, но, как я уже говорил, ближе всех к нему были Андропов, Устинов, Громыко и Черненко.

Ю. Чурбанов, с. 370 [13].

* * *

Я не могу никого из этих людей назвать товарищами. На таком уровне товарищей не бывает. Товарищи по партии — да, то есть коллеги, соратники. Позволю себе утверждать: Брежнев в людях разбирался достаточно хорошо. Во всяком случае никто его не предал, как это было до него с Хрущевым и после него с Горбачевым. И в рамках той системы подбора и назначения руководителей, которая существовала, повторяю, задолго до него, кадры подбирались сильные, люди были незаурядные.

В. Медведев, с. 64 [46].

* * *

По мере ухудшения состояния здоровья Брежнева к концу 1974 года пришли в движение, активизировались те члены высшего советского руководства, которые до тех пор ничем особым себя не проявляли. Это можно было почувствовать по официальным речам, высказываниям во время встреч с сотрудниками различных советских организаций и ведомств. Каждый старался «набирать очки», всячески пропагандируя прогрессивность своих взглядов. В результате к концу 70-х — началу 80-х годов расстановка сил в высшем эшелоне власти более или менее определилась.

А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Ю. В. Андропов работали в тесном сотрудничестве и всегда находили между собой общий язык. Их объединяла исключительная лояльность к Брежневу.

А. П. Кириленко пытался играть свою собственную роль, опираясь при этом на часть партийного аппарата.

М. А. Суслов активности не проявлял, стоял особняком и ни с кем не был тесно связан ни личными, ни деловыми отношениями.

А. Н. Косыгин олицетворял собой довольно влиятельное совминовское лобби.

В. В. Щербицкий старался быть ровным со всеми, тянулся к Андропову, хотя близко они так и не сошлись.

Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, А. П. Кириленко и В. В. Гришин однозначно стояли на позициях личной преданности

Брежневу, однако сколько-нибудь заметной роли в государственных делах они не играли.

В. Крючков, с. 98–99.

* * *

Действительно, внешне отношения между нашими вождями были дружескими и сердечными. Помню, собрались мы, разработчики проекта, у Николая Викторовича. Он выслушивает мнение юристов по какому-то запутанному вопросу, пытается вникнуть в сложную правовую материю, немного раздражен. Внезапно звонок по самому доверительному телефону. Подгорный берет трубку.

— Да, Леня, слушаю. Верно, верно, правильно. Но, пожалуй, форму надевать не стоит…

В ответ, очевидно, какие-то аргументы (дело происходит перед праздниками, а Брежнев свою маршальскую амуницию очень любил. Только что золотого оружия не надевал, а так все было…). Подгорный продолжает:

— Это мое мнение. А ты ведь все равно сделаешь по-своему, я знаю. Ну, будь здоров.

Трубка кладется, Николай Викторович оборачивается к нам и разводит руками, как бы говоря: ну что с ним поделаешь?

Это «Леня», «Коля», «Боря», «Миша» совсем еще не означало духовной близости, скорее, говорило об одном клане, резко отделенном от других. Поэтому какими отношения были между вождями на самом деле, можно только догадываться. В том числе и по концу карьеры Подгорного.

Ю. Королев, с. 171.

* * *

Круг тех, кто посещал Брежнева, ограничился несколькими близкими ему членами Политбюро. Среди них не-было ни Подгорного, ни Косыгина, ни Суслова. Да и позднее, когда Брежнев, все чаще и чаще находясь в больнице, собирал там своих самых близких друзей, я не встречал среди них ни Подгорного, ни Косыгина, ни Суслова. За столом обычно бывали Андропов, Устинов, Кулаков, Черненко. Даже Н. А. Тихонова не бывало на этих «больничных своеобразных чаепитиях», на которых обсуждались не только проблемы здоровья Генерального секретаря.

Е. Чазов, с. 84.

* * *

В вечернее время ему иногда звонили и члены Политбюро. Часто звонил Подгорный, хотя я не могу сказать, какие государственные вопросы мог по вечерам решать Николай Викторович. Звонил Громыко, сообщавший последние политические новости. Устинов и Андропов, пользовавшиеся, как я уже говорил, его наибольшей симпатией, старались звонить нечасто, только если в этих разговорах действительно была срочная необходимость. А уж если звонили, то обязательно делились какой-то важной новостью или просто свежим анекдотом. Они знали, что Леонид Ильич никогда не откажет в разговоре, что он всегда сам снимает трубку, но, учитывая его усталость и — особенно в последние годы — не очень хорошее состояние здоровья, звонили, чтобы просто перекинуться двумя-тремя словами, не забыв при этом интересы дела, и пожелать Леониду Ильичу спокойной ночи или еще что. У них были искренние, товарищеские отношения.

Ю. Чурбанов, с. 365.

* * *

Михаил Андреевич Суслов был рядом с Брежневым все годы пребывания Леонида Ильича у власти как его надежная опора в вопросах идеологии и взаимоотношений с зарубежными компартиями. В такой опоре Брежнев всегда испытывал нужду, а Суслов посвятил этим проблемам большую часть своей активной жизни. Суждениям Суслова в этих областях Брежнев доверял, можно сказать, безоговорочно. Помимо всего прочего, он уважал Суслова и как ветерана партии, вступившего в ее ряды еще при жизни Ленина (кажется, в 1921 г.). Как-то Леонид Ильич сказал мне: «Если Миша прочитал текст и нашел, что все в порядке, то я абсолютно спокоен». Словом, надежный советчик-консультант. Вопрос только, в каком направлении шли его советы…

Иногда приходится читать, что Суслов был чуть ли не вдохновителем и организатором этого смещения (речь идет о смещении Н. С. Хрущева. — Сост.), «серым кардиналом», «делателем королей». В это я не верю. Никаких подтверждений этому не знаю. Да и по натуре своей Суслов был скорее «творческий» бюрократ кабинетного, замкнутого стиля, чем

активный политик-интриган…

Требовательный, принципиальный, сам аскетически честный, Михаил Андреевич все брежневские годы, до последнего дня своей жизни, руководил работой секретариата ЦК, занимался кадровыми делами.

И хотя в чисто личном плане Брежнев и Суслов никогда не были близкими друзьями — слишком разные это были люди по натуре, — Леонид Ильич относился к Суслову с неподдельным уважением и искренне горевал о его кончине.

А. Александров-Агентов, с. 261–264.

* * *

Суслов учился в Институте красной профессуры. Серый, незаметный студент, известен был лишь тем, что у себя дома завел полную картотеку ленинских высказываний по экономическим вопросам. Его крошечная комната в коммунальной квартире была уставлена коробками с карточками, цитатами, алфавитами, каждое слово Ленина по экономическим вопросам учтено и зафиксировано, такой был аккуратный, педантичный архивист, сидел дома и вел картотеку, нелюдимый, малообщительный, ни во что не лез, потому и сохранился.

Как-то Сталину срочно потребовалось для доклада суждение Ленина по одному узкому экономическому вопросу. Расторопный секретарь Сталина, Мехлис, вспомнил о Суслове, своем однокашнике в ИКП. Кинулся к нему, тот мгновенно нашел требуемое. Сталин, хорошо знавший теоретический «потолок» Мехлиса, спросил, как ему удалось так быстро найти цитату. Мехлис рассказал о Суслове. С этого и началось возвышение Михаила Андреевича, ставшего в конце концов членом Политбюро. Такая версия о карьере Суслова была известна тогда в Москве.

А. Рыбаков, с. 242–243.

* * *

Хочется хотя бы кратко сказать о М. А. Суслове — втором человеке в партии. Это яркий тип угодливого чиновника, настоящий двуликий Янус. Он был одинаково угоден Сталину и Маленкову, Хрущеву и Брежневу. Суслов никогда не брал на себя ответственность за решение того или иного вопроса, а, как правило, предлагал поручить его рассмотреть комиссии. Будучи

секретарем Ростовского обкома, Ставропольского крайкома партии, а затем и председателем Бюро ЦК КПСС по Литовской ССР, он имел прямое отношение к массовым репрессиям. Да иначе и не могло быть: тогда бы Сталин не выдвинул его в руководство партией.

Суслов принимал самое активное участие в разработке фантастической Программы КПСС. Он был консерватором и догматиком, оторванным от реальной жизни страны. Никакого вклада в развитие марксизма-ленинизма не внес. Именно по его вине советские люди не увидели многие талантливые произведения литературы и искусства. Мне достоверно известно, что именно он запретил демонстрировать на экранах кинофильмы режиссеров Германа, Тарковского, Климова, издавать роман Дудинцева «Не хлебом единым», Гроссмана — «Жизнь и судьба» и другие. Это был образец человека, формально относившегося к своим обязанностям. По нему можно было проверять самые точные в мире часы, так как он приходил на работу в 8 часов 59 минут утра и уходил с работы в 17 часов 59 минут.

Многочисленные провалы, допущенные в подборе и расстановке кадров того времени, — это и его вина, так как все годы при Брежневе он возглавлял Секретариат ЦК КПСС. Суслов сам во многом способствовал раздуванию культа личности Брежнева.

А. Шелепин, с. 241–242 [13].

* * *

Михаил Суслов в 1972 году был вторым после Брежнева лицом в руководстве. Его аскетическая, можно сказать, «иезуитская» внешность вселяла в людей настороженность и даже страх. Все помнили, как он обошелся с Хрущевым, заколотив первый гвоздь в крышку политического гроба «нашего Никиты Сергеевича». Благодарный Брежнев Суслову благоволил, хотя близок с ним не был.

В прошлом, с 1939 по 1944 год, Суслов работал первым секретарем — да, да, Ставропольского обкома партии. Об этом все уже позабыли, но помнил Горбачев. Суслов, отправляясь на отдых, порой наведывался в Ставрополь. И однажды во время очередного визита, как рассказывают, местное партийное руководство, в том числе и Горбачев, пригласили и показали ему… музей жизни и деятельности Михаила Андреевича Суслова.

Старец дал слабину, растрогался и отплатил Горбачеву

добром.

А. Громыко, с. 70.

* * *

Михаила Андреевича я знал давно, со Ставрополье у него были крепкие связи. В 1939 году он был направлен к нам из Ростова первым секретарем крайкома, на Ставрополье связывают с его деятельностью выход из периода жестоких сталинских репрессий 30-х годов. В беседе со мной он вспоминал, что обстановка была крайне тяжелой, а его первые шаги по исправлению ошибок встречали сопротивление части кадров. Конференция Кагановичского района города Ставрополя приняла решение, объявив «врагами народа» все бюро крайкома во главе с Сусловым. Но обошлось.

К слову сказать, беседы с Сусловым были всегда короткими. Он не терпел болтунов, в разговоре умел быстро схватить суть дела. Сантиментов не любил, держал собеседников на расстоянии, обращался со всеми вежливо и официально, только на «Вы», делая исключение для очень немногих.

М. Горбачев, кн. 1, с. 29.

* * *

Он не любил столкновений с реальной жизнью, такой не похожей на теоретические схемы. Организационными делами Суслов давно не занимался. Последнее его живое дело — поручение Сталина организовать разгром буржуазных националистов в послевоенной Прибалтике. Туда его направили наблюдателем от Центрального Комитета, наделенным чрезвычайными полномочиями, точнее наместником. За его спиной стояли армия, МВД, МТБ. На них он опирался. Кто знает, не проявился ли накопленный им в Литве опыт в Венгрии. Схемы действий в общем-то похожи.

Здесь, в Будапеште, он зафиксировал возобладание в политике правого уклона. Требовалось немедленное и безжалостное вмешательство, такое мнение высказал Суслов в телефонном разговоре с отцом.

С Хрущев, кн. 1, с. 236.

* * *

Андропова Суслов не любил и опасался, подозревая, что тот метит на его место, тогда как руководителя другого международного отдела все время приближал к себе. Правда, и его держал на необходимом расстоянии, противодействуя включению в состав высшего руководства. Так тот и остался вечным кандидатом в члены Политбюро…

Отношения между Хрущевым и Сусловым оставались для нас всегда загадкой. Почему Хрущев так долго терпел в своем руководстве Суслова, в то время как убрал очень многих оппонентов? Трудно сказать — то ли он хотел сохранить преемственность со сталинским руководством, то ли испытывал странное почтение к мнимой марксистско-ленинской учености Михаила Андреевича, но любить он его не любил. Я присутствовал на одном заседании, на котором Хрущев обрушился с резкими и даже неприличными нападками на Суслова: «Вот пишут за рубежом, сидит у меня за спиной старый сталинист и догматик Суслов и только ждет момента сковырнуть меня. Как считаете, Михаил Андреевич, правильно пишут?» А Суслов сидел, опустив худое, аскетическое, болезненное бледно-желтое лицо, не шевелясь, не произнося ни слова и не поднимая глаз.

На февральском Пленуме ЦК 1964 года Хрущев обязал Суслова выступить с речью о культе личности Сталина. Это поручение было передано мне и тому же Белякову. Речь надо было подготовить в течение одной ночи…

К утру речь была готова, аккуратно перепечатана в трех экземплярах, и мы отправились к Михаилу Андреевичу. Посадил он нас за длинный стол, сам сел на председательское место, поближе к нему Беляков, подальше я. И стал он читать свою речь вслух, сильно окая по-горьковски и приговаривая: «Хорошо, здесь хорошо сказано. И здесь опять же хорошо. Хорошо отразили». А в одном месте остановился и говорит; «Тут бы надо цитаткой подкрепить из Владимира Ильича. Хорошо бы цитатку». Ну я, осоловевший от бессонной ночи, заверил: цитатку, мол, мы найдем, хорошую цитатку, цитатка для нас не проблема. Тут он бросил на меня первый взглядец, быстрый такой, остренький и сказал: «Это я сам, сейчас сам подберу». И шустро так побежал куда-то в угол кабинета, вытащил ящичек, которые обычно в библиотеках стоят, поставил его на стол и стал длинными худыми пальцами быстро-быстро перебирать карточки с цитатами. Одну вытащит, посмотрит — нет, не та, другую начнет читать про себя — опять не та. Потом вытащил и так удовлетворенно: «Вот эта годится». Зачитал, и впрямь хорошая цитатка была.

Ф. Бурлацкий, с. 179, 180–182.

* * *

Каждое утро Михаил Андреевич Суслов подъезжал ко 2-му подъезду ЦК с пунктуальной точностью за 5–7 минут до 9 часов. Зная об этом, «топтуны» — сотрудники наружной охраны ЦК, одетые в гражданское, не дожидаясь сигнала из машины, решительными манипуляциями приостанавливали поток пешеходов на то время, пока тощая фигура члена Политбюро в длиннополом пальто и серой шляпе пересекала тротуар и скрывалась за черной дверью с начищенной медной ручкой. Суслов упрямо отказывался въезжать, как все высшие руководители партии, в безопасный внутренний дворик ЦК к укромному секретарскому подъезду. Похоже, что, делая несколько шагов по «общему» для всех тротуару, он демонстрировал окружающим, а на деле исключительно самому себе, непоколебимый «демократизм» и нежелание отрываться от обычных советских граждан.

Второй человек в партии, бессменный член Политбюро с 1955 г., Суслов во всем, начиная с собственного облика, стремился олицетворять верность партийной традиции, схоластической догме и заведенному раз и навсегда порядку вещей. Даже его неизменное габардиновое пальто покроя все того же 1955 г. и резиновые галоши, которые он, вероятно, последним из жителей Москвы продолжал надевать в слякоть, казалось были символами вневременности и нетленности истин, хранителем которых он ощущал себя, отвечая в Политбюро за идеологию. На самом деле этот великий партийный инквизитор — Торквемада КПСС, подобно своим галошам, уже давно стал реликтом ушедшей эпохи, оставаясь тем не менее одним из самых могущественных персонажей в государстве.

Новый триумвират его подлинных руководителей, пришедший на смену «тройке» Брежнева, Косыгина и Подгорного, состоял из Михаила Суслова, Дмитрия Устинова и Андрея Громыко.

А. Грачев, с. 23–24.

* * *

Отношение мое к Суслову было яростно негативным еще с начала 60-х годов, когда многие вопросы культуры исподволь, но

опытной рукой направлялись в нужное для Суслова русло. Но другое поражало меня в этом аскете. Был я шокирован тем, как он на 70-летии Хрущева превозносил первого секретаря ЦК КПСС, возвеличивая его, пуская в оборот изысканные эпитеты, а через несколько месяцев облил Хрущева грязью, сделал доклад на Пленуме ЦК, обосновав необходимость смещения с поста первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР. Мне кажется, что такое поведение одного из лидеров партии дискредитирует саму партию. Я по наивности считал, что члены Политбюро не могут быть двурушниками.

Весь облик Суслова, его голос, одежда отталкивали, манера разговора приводила, как мне рассказывали, многих в трепет. Его интригующие методы были известны аппаратному люду. С одним достаточно ярким фактом мне пришлось столкнуться самому. Помню, как из газеты в ЦК в 1963 году пришел молодой и способный кинокритик К. Он достаточно известен и сегодня. Его пригласили в качестве заведующего сектором кинематографии отдела культуры ЦК, который тогда по распределению обязанностей в Политбюро ЦК курировал Суслов. По молодости, а может быть, неопытности К. горячо взялся за дело, но, видимо, применял методы, которые в ЦК не использовались. Он был откровенен и непосредствен. Говорил, особенно не выбирая формулировок, и скоро появились трудности, завязался конфликт в секторе и с руководством отдела.

Хотя я считаю, что Д. А. Поликарпов, возглавлявший тогда отдел культуры, был порядочным и деликатным человеком, умел ладить со многими, здесь что-то не сложилось между ними, а может, Суслову доложили о неспособности К. руководить сектором. И тогда Суслов, который вошел в ЦК КПСС с предложением его утвердить, придумал ход, достойный самых больших циников. Он предлагает создать специальную газету кинематографистов и увлекает газетной перспективой К. Для журналиста и обозревателя К. нет более заманчивой цели, чем возглавить газету.

Быстро оформляется решение Секретариата ЦК. К. утверждается главным редактором газеты, он счастлив и весь в хлопотах по ее организации. Но Суслов, прежде чем выпустить документ, предлагает обсудить вопрос о новой газете на заседании Секретариата ЦК — «посоветоваться со всеми секретарями». И вот там разыгрывается спектакль. Секретариат принимает решение о несвоевременности издания газеты. Результат таков: газеты нет, но нет в прежней должности и заведующего сектором ЦК…

Что касается Секретариата… то тут господствует один

большой сусловский порядок. По существу, партия отдана ему в подчинение. И даже в отпуске, когда А. П. Кириленко замещал Суслова, бдительный серый кардинал следил за каждым решением и, вернувшись, отзывал некоторые из них, если они расходились с мнением Суслова и его окружения. Михаил Андреевич имел магическое влияние на Л. И. Брежнева и часто, вопреки принятым решениям генсека, мог уговорить Леонида Ильича отказаться от них и сделать так, как советовал Суслов. Это делало его всесильным.

В. Болдин, с. 128–130.

* * *

Что было в Крыму, в каком виде Андропов застал Брежнева, о чем шел разговор между ними, я не знаю, но вернулся он из поездки удрученным и сказал, что согласен с моим мнением о необходимости более широкой информации Политбюро о состоянии здоровья Брежнева. Перебирая все возможные варианты — официальное письмо, ознакомление всего состава Политбюро или отдельных его членов со сложившейся ситуацией, — мы пришли к заключению, что должны информировать второго человека в партии — Суслова. Он был, по нашему мнению, единственным, кого еще побаивался или стеснялся Брежнев. Разъясняя всю суть проблемы Суслову, мы как бы перекладывали на него ответственность за дальнейшие шаги.

Е. Чазов, с. 132.

* * *

Непростые отношения сложились у В. В. (Щербицкого. — Сост.) с М. А. Сусловым. Учитывая его положение «серого кардинала», вначале В. В. относился к Михаилу Андреевичу подчеркнуто уважительно, признавая его авторитет в столь щепетильных идеологических вопросах, которые Суслову отдал на откуп Брежнев. И несмотря на это, со стороны Суслова чувствовалась настороженность к Украине, если не сказать больше — подозрительность. Разумеется, этот сухарь и догматик не мог импонировать Щербицкому, и когда он прочно встал на ноги, то просто игнорировал его. Уверен, что личность Суслова еще до конца не раскрыта. Плоды его деятельности во многом пожинаем мы и сейчас. Помню, что после идеологического совещания в Москве, на котором с докладом выступал Суслов, у

меня сложилось твердое убеждение, что он совсем оторван от жизни, существовал в каком-то искусственном вакууме.

Б. Врублевский, с. 37. 258

* * *

Как складывались ваши отношения с Сусловым? С Зимяниным? С теми, кто непосредственно руководил идеологией?

С Сусловым… очень отдаленно, я наблюдал за ним только на заседаниях Секретариата, которые он регулярно вел, каждую неделю. Туда нас всегда приглашали. Все-таки… очень сложно. Сейчас товарища Суслова однозначно квалифицируют как серого кардинала, олицетворявшего собой консерватизм. Я бы не стал этого делать. Суслов был, по-моему, человеком подготовленным и квалифицированным, мне очень импонировало, что с нами, журналистами, он всегда был предельно прост. Я не помню, чтобы он на кого-то покрикивал или что-то в этом роде, он как раз говорил очень тихо, своим хрипловатеньким тенорком, но его всегда очень хорошо слышно. Обычно чем выше начальник, тем тише он говорит, — Суслов был из таких. Мне импонировало и то, что он был большой педант, работа Секретариата всегда шла достаточно четко. Отличалась ли она творческим подходом? К сожалению, не всегда, но сам Суслов был человеком знающим. Не могу, конечно, сказать о других сферах, но газету он знал хорошо.

У него не было непосредственных связей с главными редакторами, может быть, только с «Правдой», не знаю; на нас он почти никогда не выходил, иерархия была довольно четкой.

М. Ненашев, с. 323 [34].

* * *

Именно Суслов сопротивлялся любым попыткам аппаратных «пуристов» и руководства КГБ даже коснуться вопроса о коррупции и моральном разложении в партийных верхах. Понимая, что под дальний прицел таких обвинений берется не кто иной, как сам Генсек и его окружение, Суслов считал, что даже простое упоминание об этих фактах (широко известных к тому времени уже всей стране), означающее их признание, нанесет непоправимый урон безупречному облику Партии. В этом проявлялась и плохо скрываемая неприязнь Суслова к Андропову, вызванная неизбежным соперничеством этих двух столь разных по характеру и, безусловно, наиболее влиятельных фигур, в

брежневском окружении. В свое время, в 1967 г., именно Суслов настоял на перемещении Андропова из Секретариата ЦК, где тот отвечал за работу с социалистическими странами, на менее «политический» пост председателя КГБ.

А. Грачев, с. 78.

* * *

Первые встречи с Сусловым, его сухость, черствость, склонность к перестраховке и догматизм, которые сквозили во всех его высказываниях и делах, породили во мне трудно передаваемую словами антипатию. Она усугубилась, когда мне пришлось лечить его. В начале 70-х годов его доктор А. Григорьев пригласил меня и моего хорошего товарища, прекрасного врача, профессора В. Г. Попова на консультацию к Суслову. Он жаловался на то, что при ходьбе уже через 200–300 метров, особенно в холодную погоду, у него появляются боли в левой руке, иногда «где-то в горле», как он говорил. На ЭКГ были изменения, которые вместе с клинической картиной не оставляли сомнений, что в данном случае речь идет об атеросклерозе сосудов сердца и коронарной недостаточности. Трудно сказать, в силу каких причин — то ли из-за опасения, существовавшего в ту пору у многих руководителей, что больного и старого легче списать в пенсионеры, — но Суслов категорически отверг наш диагноз и отказался принимать лекарства. Переубедить его было невозможно. Он считал, что боли в руке у него возникают не в связи с болезнью сердца, а из-за «больных сухожилий руки». Затяжные приступы заканчивались мелкоочаговыми изменениями в сердце. Мы стали опасаться, что из-за его упрямства мы его потеряем…

Мы решили обмануть его и, согласившись с его утверждением, что у него болит не сердце, а сухожилия и сустав руки, рекомендовать ему новую хорошую мазь, которую он должен втирать в больную руку.

Эффект превзошел наши ожидания. Боли в руке и за грудиной стали беспокоить Суслова значительно меньше. Довольный, он заявил нам: «Я же говорил, что болит не сердце, а рука. Стали применять мазь, и все прошло». Меня так и подмывало рассказать правду о препарате упрямцу Суслову, но сдерживала необходимость ради его здоровья и будущего приспосабливаться к его характеру и принципам. А нитронг-мазь, с нашей легкой руки, заняла в то время определенное место в лечении больных с коронарной недостаточностью.

Суслов с новым препаратом чувствовал себя вполне удовлетворительно и умер не от болезни сердца, а из-за инсульта. Случилось это в больнице, куда он лег на несколько дней для диспансеризации. Когда днем мы были у него, он чувствовал себя вполне удовлетворительно. Вечером у него внезапно возникло обширное кровоизлияние в мозг. Мы все, кто собрался у постели Суслова, понимали, что дни его сочтены, учитывая не только обширность поражения, но и область мозга, где произошло кровоизлияние. Так и оказалось. Через 3 дня Суслова не стало. Его смерть не могла не отразиться на жизни партии и страны. Суть даже не в том, что ушел человек, олицетворявший старые, консервативные методы партийного руководства и верность партийной догме. Его уход из жизни остро поставил вопрос — кто придет на его место, кто станет вторым человеком в партии, а значит, и в стране?

Е. Чазов, с. 162–164.

* * *

Его (Брежнева. — Сост.) в какой-то мере раздражал Михаил Андреевич Суслов с его вечным педантизмом и претензиями на всезнание. Над Сусловым часто подсмеивались, причем не только у нас дома, но и в кругу членов Политбюро. Суслов, скажем, несколько десятков лет подряд носил одно и то же пальто, — и я помню, как в аэропорту, когда мы то ли встречали, то ли провожали Леонида Ильича, он не выдержали пошутил: «Михаил Андреевич, давай мы в Политбюро сбросимся по червонцу и купим тебе модное пальто». Суслов понял, купил пальто, но в калошах, по-моему, так и ходил до самой смерти…

Однажды, я помню, кто-то из нас спросил: «Леонид Ильич, Суслов хотя бы раз в жизни ездил на охоту?» Находясь в хорошем расположении духа, Леонид Ильич часто был настоящим артистом. Тут он вытянул губы и, пародируя речь Михаила Андреевича, протянул: «Ну что вы, это же о-чень… о-пасно…»

Ю. Чурбанов, с. 360 [13].

* * *

Человеком, чье влияние было сравнимо с дуэтом Устинова и Громыко, хотя и державшимся от него в стороне, был всесильный правитель Лубянки, глава КГБ, Юрий Владимирович Андропов. Комитет — наследник мрачного сталинского ведомства, хотя и

без бериевской империи — ГУЛАГа, — продолжал оказывать на весь ход жизни в стране такое влияние, которое ни переоценить, ни просто оценить было невозможно. Во всяком случае оно сопоставимо лишь с совокупным весом министерств обороны и иностранных дел.

А. Грачев, с. 26.

* * *

В период, когда я начал работать в Управлении, он (Андропов) становился одним из самых близких Брежневу людей в его окружении. Познакомившись с ним через своего старого друга и соратника Д. Ф. Устинова, вместе с которым по поручению Хрущева руководил программами космоса и ракетостроения, Брежнев быстро оценил не только ум Андропова, его эрудицию, умение быстро разбираться в сложной обстановке, но и его честность. Советы Андропова, несомненно, во многом помогали Брежневу завоевывать положение лидера. К сожалению, после 1976 года, когда Брежнев отдал все «на откуп» своему окружению, советы Андропова часто повисали в воздухе.

Е. Чазов, с. 18.

* * *

В начале 1965 года, перед заседанием Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора, на Президиуме ЦК обсуждался проект директив нашей делегации, подписанный Андроповым и Громыко. Это был первый после октябрьского Пленума большой конкретный разговор о внешней политике.

Андропов пришел с заседания очень расстроенный (он, должен сказать, вообще расстраивался, даже терялся и пугался, когда его критиковало начальство, — я относил это за счет глубоко сидящего во многих представителях его поколения страха перед вышестоящими). Как мы потом узнали, некоторые члены Президиума — Андропов был тогда «просто» секретарем ЦК — обрушились на представленный проект за недостаточно определенную «классовую позицию», «классовость» (слово «классовость» потом на несколько лет стало модным, и его к месту и не к месту совали во внешнеполитические речи и документы). В вину авторам проекта ставили чрезмерную «уступчивость в отношении империализма», пренебрежение

мерами для улучшения отношений, сплочение со своими «естественными» союзниками, «собратьями по классу» (как мы поняли, имелись в виду прежде всего китайцы). От присутствующих на совещании узнали, что особенно активно критиковали проект Шелепин и, к моему удивлению, Косыгин. Брежнев отмалчивался, присматривался, выжидал. А когда Косыгин начал на него наседать, требуя, чтобы тот поехал в Китай, буркнул: «Если считаешь это до зарезу нужным, поезжай сам» (что тот вскоре и сделал, потерпев полную неудачу).

Реальным результатом начавшейся дискуссии в верхах стало свертывание наших предложений и инициатив, направленных на улучшение отношений с США и странами Западной Европы. А побочным — на несколько месяцев — нечто вроде опалы для Андропова; он сильно переживал, потом болел, а летом его свалил инфаркт.

Г. Арбатов. Знамя. № 10. С. 205–206.

* * *

В 1967 году Андропову неожиданно предложили перейти из ЦК КПСС на работу в КГБ СССР. Сам Андропов узнал об этом лишь в тот день, когда ему было сделано это предложение. Идея назначения на этот пост именно Юрия Владимировича родилась не случайно и явилась следствием тех непростых отношений, которые сложились тогда в высшем руководстве, и в частности, у Л. И. Брежнева с А. Н. Косыгиным…

Назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР в мае 1967 года Брежнев, с одной стороны, как бы сделал уступку Косыгину, а с другой — значительно укрепил свои позиции, сделав этот важнейший участок полностью безопасным для себя. И действительно, с этого направления Брежневу до самых последних дней уже ничто не угрожало. Андропов всегда сохранял к нему полную лояльность, стремился всячески помогать.

Помимо выполнения своих прямых обязанностей председателя КГБ, он принимал активное участие в подготовке всех наиболее важных речей и докладов Генсека, готовил многие предложения по вопросам внешней и внутренней политики, причем всегда делал это с полной самоотдачей. Андропов часто спорил даже с Леонидом Ильичом, отстаивал свои взгляды, но неизменно делал это с большим тактом, вел дискуссию исключительно корректно. Если же его удавалось в чем-то переубедить, то он не просто вставал на позицию другой стороны,

но и твердо придерживался достигнутой договоренности.

Брежнев понимал значение Комитета госбезопасности, был внимателен к чекистам и хорошо осведомлен о положении дел в органах, черпая информацию от тех сотрудников КГБ, которых лично знал, а также из курировавшего Комитет госбезопасности Отдела административных органов ЦК КПСС. Во всяком случае кадровую политику в Комитете из своего поля зрения Брежнев никогда не выпускал.

В. Крючков, кн. 1, с. 80–81.

* * *

Назначение в КГБ было совершенно неожиданным для Андропова. Хорошо помню, с каким ошарашенным видом он вышел из кабинета Леонида Ильича после беседы с ним. Я находился тогда в приемной и спросил: «Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас — или как?» — «Не знаю, — ответил он. — Знаю только, что меня еще раз переехало колесо истории».

Придя в КГБ, Андропов прежде всего провел основательную чистку аппарата комитета. Значительную часть лихих и беспардонных бывших комсомольских работников заменил серьезно подготовленными сотрудниками с хорошим образованием и, как правило, опытом партийной работы. Учреждение стало заметно более «интеллигентным».

Возглавив КГБ, Андропов стал одним из самых близких и нужных Брежневу работников. Почти ежедневно появлялся он в кабинете генсека с толстой папкой конфиденциальной информации по внутренним и внешним делам и, конечно, высказывал свои мнения и оценки…

Влияние Андропова на Брежнева было велико, а кроме того, Леонид Ильич по-человечески ценил и даже любил Юрия Владимировича. Хотя и никогда не был с ним запанибрата — для этого они были слишком разные.

А. Александров-Агентов, с. 265–266.

* * *

Несомненно, по своим качествам он (Андропов) стоял несравненно выше Брежнева, и отнюдь не случайно, что после октябрьского Пленума, как об этом уже сообщалось в печати, именно он, а никто другой, предложил наиболее емкую, четкую

программу действий. Программа эта была более последовательной, чем при Хрущеве, опиралась она на линию XX съезда партии. В нее были включены такие пункты, как экономическая реформа, переход к современному научному управлению, развитие демократии и самоуправления, сосредоточение партии на политическом руководстве, прекращение гонки вооружений, ставшей бессмысленной, и, наконец, выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новой технологии.

К сожалению, эти меры, назревшие, продиктованные общественным развитием страны, не встретили понимания ни у Брежнева, ни у Косыгина, ни у других влиятельных в то время членов Политбюро. Результатом предпринятого Андроповым шага стало перемещение его самого на пост Председателя КГБ, что устраивало и Суслова, который подозревал Андропова в том, что тот метит на его место, и одновременно Брежнева, стремившегося иметь во главе КГБ верного человека, чтобы обезопасить себя от той «шутки», которую сыграли с Хрущевым. Для большей верности он держал при Андропове в качестве первых замов и соглядатаев своих верных людей — земляка Цинева и уже упоминавшегося Цвигуна.

П. Родионов, Знамя. 1989. № 8. С. 202–203.

* * *

Причины отставки Семичастного гораздо легче понять, чем мотивы назначения председателем КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова.

Андропов не относился к ближайшему окружению Брежнева. Это вообще была весьма своеобразная личность в советской политической элите. То, что он рано остался без родителей — отец был железнодорожником, мать — учительницей, — не было чем-то необычным. И дальнейший его жизненный путь не отличался от судеб многих простых советских людей. Кинотехник и телеграфист в своей родной станице Нагутская, что на Ставрополье. Профтехучилище в Рыбинске. Секретарь комсомольской организации на местной судоверфи. Важнейшим этапом его карьеры стала должность секретаря ЦК комсомола Карело-Финской Республики в 1940 году (тогда 16-я республика в составе СССР). В этот период он познакомился с таким политическим деятелем, как Отто Куусинен, председателем республиканского Верховного Совета, известным деятелем Коминтерна и одним из основателей Коммунистической партии

Финляндии. В годы войны Юрий Владимирович возглавлял партизанское движение в Карелии. После войны дружба с Куусиненом уберегла его от сталинских чисток, хотя попытки устранить его были.

Направление Андропова на работу в МИД замышлялось как «ссылка», однако, начав с должности советника посольства в Венгрии, он благодаря своему таланту и работоспособности стал послом. В этом ранге его и застали события 1956 года.

Иными словами, Андропов прошел непростой путь в политике, делая карьеру без чьей-либо помощи. Он ни на кого не опирался и ни к кому не приспосабливался. Андропов был на голову выше других руководителей, имел искренние социалистические убеждения, решимость осуществить в советском обществе назревшие реформы и дар предвидения…

Хотя Андропов пришел в КГБ из ЦК партии, уже через пару лет упорной работы он овладел всеми особенностями профессии и мог не только компетентно осуществлять общее руководство, но и разговаривать со специалистами на профессиональном языке. Его собственный политический престиж и репутация Комитета постепенно росли. Впервые со времен Сталина председателя КГБ СССР избрали в Политбюро.

В. Грушко, с. 177–178.

* * *

Это был интеллигентный, широко образованный человек, прекрасно разбиравшийся в литературе, искусстве. Ничто человеческое ему не было чуждо: ни поэзия, ни любовь. Его память и аналитический склад ума покоряли. Он был расчетлив, хитер, иногда по своим действиям напоминал Макиавелли. Но при этом в личном плане был честен и бескорыстен. Вряд ли мог быть более достойный защитник существующего строя и идеологии.

Е. Чазов, с. 175.

* * *

Уважительные, хотя и сугубо формальные отношения поддерживал В. В. (Щербицкий) с Андроповым. Жесткий в принятии решений Андропов в то же время проявил себя и искусным дипломатом, сумев никого не обидеть из старой гвардии. Следует отметить, что он обладал личной

порядочностью, компетентностью, неординарной биографией, что не могло не вызывать уважения. В. В. несколько раз обращал мое внимание как помощника на высокий профессиональный уровень документов, рассылаемых политбюро за подписью Андропова. В то же время Щербицкий весьма скептически воспринял такие методы борьбы за дисциплину, когда в рабочее время «отлавливали» людей в кинотеатрах и магазинах… Все это казалось каким-то пещерным анахронизмом.

В. Врублевский, с. 38.

* * *

Юрий Владимирович поражал собеседников своей эрудицией, легко мог вести разговор на философские темы, демонстрировал недюжинные познания в области истории и литературы. Единственное, в чем он, и пожалуй, не без некоторых оснований, считал себя профаном, — так это область экономики, чего он, кстати, и не скрывал.

Чем большим багажом знаний располагал Андропов, тем сильнее была его тяга к ним. Он много читал, любил и умел слушать.

В посольстве регулярно проходили целевые совещания, на которых велись откровенные дискуссии, поощрялись высказывания самых различных точек зрения. Андропов не боялся принимать ответственных решений, но при этом проявлял разумную осмотрительность, избегал чрезмерного риска. Если же вдруг возникала опасная ситуация, он никогда не терял головы, не лез напролом, но и не сдавал без боя свои позиции. Может быть, именно поэтому его сослуживцы всегда чувствовали себя с ним как за каменной стеной, никогда не впадали в панику, даже когда в силу каких-то обстоятельств Андропов делал ошибочный шаг.

Все знали, что Юрия Владимировича, если он действительно не прав, всегда можно переубедить и он откажется от ранее принятого решения, на какой бы стадии исполнения оно ни находилось.

Андропов редко сам прибегал к шутке, я не слышал от него ни одной забавной истории, ни одного анекдота, но вместе с тем он ценил юмор, не обижался, даже когда подшучивали над ним. Реагировал на это заразительным смехом, но никогда не подтрунивал над другими. Правда, веселью Юрий Владимирович отводил мало времени и быстро переключался на серьезный настрой.

Андропова всегда отличало чувство высокой ответственности за любое дело — большое или малое. Не помню ни одного случая, чтобы он пытался переложить ответственность на другого, скорее брал вину на себя, даже в тех случаях, когда, казалось, для этого не было никаких оснований.

В. Крючков, кн. 1, с. 42–43.

* * *

Обладая сильным, аналитическим умом, ведя аскетичную, замкнутую жизнь, хорошо зная свои кадры, Андропов пользовался большим авторитетом у себя в ведомстве, как и в высших партийных сферах. Его побаивались, но уважали. Он редко «являлся» на публике, если не считать обязательных присутствий на заседаниях политбюро, всесоюзных съездах, конференциях, и был для многих довольно загадочной личностью…

Андропов был сугубо кабинетный руководитель с аналитическим уклоном. Он редко выезжал на места, в провинцию, бывал исключительно только в социалистических странах, очень редко показывался на телевидении и мало встречался с прессой. Во многих смыслах он был классический чекист ленинской школы. Но вместе с тем Андропов уделял значительно больше времени и внимания аналитической работе, изучению новых тенденций в развитии общества, положению и настроениям в среде интеллигенции и деятелен культуры.

Все знавшие Андропова отмечали у него манеры немного старомодного интеллигента. Он всегда смотрел прямо в глаза и не отводил взгляд, как Черненко. Никогда не кричал, как Хрущев, не «матерился», как Горбачев, не любил много говорить о себе, как Брежнев. Мне два раза довелось близко видеть Андропова на узких совещаниях по Афганистану… Негромкий голос генсека заставляет всех напряженно прислушиваться к его речи. Она лаконична и ясна. Чувствовалось, что Андропов не любит пустых словопрений и неопределенности общих решений.

Д. Волкогопов, кн. 2, с. 130–131.

* * *

Всем в КГБ были известны пунктуальность Андропова, его умение четко и по-деловому формулировать свои мысли устно и письменно. Даже почерк отражал особенности его характера: каллиграфический, твердый, как по линейке. Но сухарем он не

был. Напротив, Андропов проявлял способности, непривычные для руководителя специальных служб. Хотя в театр ему удавалось вырваться нечасто, он увлеченно перечитывал все идущие на сцене пьесы и вообще очень много читал. Он писал стихи, лирические и политические. Некоторые из них публиковались под псевдонимами, например от имени моряка, обращавшегося к Мао Цзэдуну во время обострения конфликта с Китаем.

Юрий Владимирович Андропов, несмотря «а циркулировавшие поначалу слухи о том, что он является фигурой переходной, пробыл председателем КГБ СССР 15 лег и с профессиональной и человеческой точки зрения был лучшим нз всех руководителей, при которых мне пришлось работать за 34 года службы.

В. Грушко, с. 182.

* * *

Андропов оказался тем человеком, который смог осуществить известную «либерализацию» «органов», перенес я центр тяжести усилий по изоляции неблагонадежных на контроль за состоянием индивидуального и общественного сознания. Нет, конечно, нередко людей за убеждения сажали, ссылали, выдворяли за границу. Но центр тяжести был перенесен на так называемую «профилактическую работу». Здесь он добился многого: привлек науку к изучению тенденций в умонастроениях людей, усилил влияние «органов» на партийную сферу, уделял особое внимание борьбе за «чистоту» марксизма-ленинизма. Не случайно, что большинство крупных публичных выступлений Андропова связаны прежде всего со сферой духа, где КГБ выступал своего рода государственным интеллектуальным надсмотрщиком.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 125.

* * *

Для объективности замечу, что полным хозяином «в своем доме» Андропов все же не был. Брежнев старался иметь на достаточно высоких постах КГБ «своих», лично близких людей, так что получал информацию и помимо Андропова. Вот типичный эпизод. Как-то Андропов, попросив меня срочно приехать, показал некую бумагу, о содержании которой просил никому не говорить. Он хотел по поводу нее посоветоваться. Это оказалась копия перлюстрированного письма моего близкого товарища, с

которым и сам Андропов был в хороших отношениях. Письмо, написанное под настроение, очень искреннее, касалось не только личных переживаний, но и политических раздумий, вызванных, в частности, тем, что работать приходится «под началом ничтожных людей, впустую».

Андропов сказал, что ему придется показать это письмо Брежневу, а тот, естественно, примет все на свой счет. Потому реакцию надо ожидать самую негативную (такой она и оказалась). Как быть?

Я попытался его отговорить. Зачем показывать письмо? Мало ли у нас ничтожных и бездарных людей среди тех, на которых приходится работать написавшему письмо, — может быть, он кого-то из них, а не Брежнева имел в виду? Андропов сказал: «Я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу. Ведь КГБ — сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают». Тем более, что есть люди, добавил он, которые будут рады его скомпрометировать в глазах руководства, убедив Брежнева, что он утаил что-то, касающееся его лично.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 212.

* * *

Даже с Андроповым, несмотря на добрые отношения, так и не пришлось нам ни разу пообщаться в домашней обстановке. Однажды я попытался было проявить инициативу, но что из этого вышло — вспоминаю, до сих пор испытывая чувство неловкости. Когда в конце 1980 года я стал членом Политбюро, наши дачи оказались рядом. И вот как-то уже летом следующего года я позвонил Юрию Владимировичу:

— Сегодня у нас ставропольский стол. И как в старое доброе время, приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — ровным, спокойным голосом ответил Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — удивился я.

— Потому что завтра же начнутся пересуды: кто? где? что обсуждали?

— Ну что вы, Юрий Владимирович! — совершенно искренне попытался возразить я.

— Именно так. Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

М. Горбачев, кн. 1, с. 189.

* * *

Побывал я у председателя КГБ Андропова в его кабинете на Лубянке. У меня с ним сложились давние почти дружеские отношения, еще с тех пор, когда он возглавлял отдел по связям с социалистическими странами в ЦК КПСС, а я был помощником Н. С. Хрущева.

В те годы мы часто звонили друг другу, чтобы посоветоваться по тому или иному вопросу или поделиться той или иной новостью. Хотя, насколько я знаю, Юрий Владимирович помимо Высшей партийной школы имел только заочное или вечернее образование, он был высокообразованным человеком, и по всем показателям его можно было причислить к настоящим интеллектуалам.

Мне кажется, он понимал, что любое общество начнет загнивать, если на каком-то этапе не станет трансформироваться, реформироваться, преобразовываться.

Однажды я рассказал ему о своем разговоре с Ильей Оренбургом, который в аллегорической форме говорил о нашей действительности. Когда, по его словам, город находится в осадном положении, военные власти руководят всей его жизнью: они распределяют продовольствие, обеспечивают водоснабжение, контролируют идеологическую работу среди населения и т. д. Они делают это плохо, но все понимают, что их руководство необходимо, чтобы город выжил. Но когда осада снята, а власть пытается сохранить режим военного времени, вот тогда она оказывается в трудном положении.

На что Андропов несколько неожиданно для меня сказал: «Между прочим, кажется, кто-то из французских просветителей XVIII века высказал мысль о том, что плохое правительство тогда попадает в опасное положение, когда оно пытается сделаться лучше». Дальше он эту тему развивать не стал…

Андропов любил мыслить аллегориями и обладал чувством юмора. Он почти наизусть знал Ильфа и Петрова. Любил цитировать их, а иногда и сам не прочь был подшутить. Вскоре после того как его назначили председателем КГБ, он позвонил мне и говорит: «Олег Александрович, куда вы исчезли? Приезжайте к нам, посадим вас (на слове «посадим» он сделал многозначительную паузу)… напоим чаем».

О. Трояновский, с. 308–309.

* * *

Говорили, что он любил виски, джаз и живопись Пикассо, знал английский язык и обожал романы Жаклин Сюзанн. Более серьезным штрихом, позволявшим считать, что Андропова заботила не только консолидация «разболтавшейся» системы, но и ее модернизация, были его тесные, даже дружеские отношения с Яношем Кадаром. Эти два убежденных коммуниста, прослужив в разное время во главе ведомств безопасности своих стран и пройдя вместе через кошмар 1956 г. в Будапеште — Андропов был в это время послом в Венгрии и, как утверждают, «открыл» Кадара как спасительную альтернативу, и М. Ракоши и И. Надя, — похоже, пришли к одному выводу: чтобы выжить р меняющемся мире, социализм должен меняться вместе с ним. Не исключено, что для обоих осторожный реформизм был не только рациональным итогом пережитого, но и формой покаяния, способом замолить прошлые грехи и успокоить совесть — верный признак ее наличия.

А. Грачев, с. 83–84.

* * *

За весь период пребывания на посту Председателя Комитета Ю. В. Андропов не имел — и я могу это засвидетельствовать — ни одного выходного дня. Он приезжал в Комитет и в воскресенье, работал всегда с полной нагрузкой, не считаясь с состоянием своего здоровья.

А работать ему было очень нелегко! Его заместителями стали люди, можно сказать, приставленные к нему Брежневым: С. К. Цвигун, вместе с которым работал Брежнев в Молдавии, и Г. К. Цинев, работавший с генсеком в Днепропетровске. За спиной Андропова они давали Брежневу информацию (чаще всего тенденциозную!), которая настораживала генсека. Он принимал ее за истину и нередко поддерживал предложения Цвигуиа и Цинева, которые не совпадали с точкой зрения Андропова. Юрий Владимирович прекрасно понимал это, но слишком много было у него серьезных дел государственного масштаба…

Юрий Владимирович не критиковал своих предшественников. Я ни разу не слышал от него каких-либо замечаний в адрес Семнчастного или Шелепина, хотя, безусловно, видел их просчеты и ошибки. Главными для него были проблемы сегодняшнего дня. Он много раз доказывал Брежневу необходимость сохранить и использовать все достижения, которые, несомненно, были у Хрущева. «Есть отметка сегодняшнего дня, есть уровень нашего времени, — говорил он,

— и давайте идти от этой отметки. Легче всего судить прошлое, надо видеть настоящее и будущее».

Ф. Бобков, с. 213–214.

* * *

Андропов был одним из самых преданных Брежневу членов Политбюро. Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего «Юру», как он обычно его называл. И все таки, считая его честным и преданным ему человеком, он окружил его и связал «по рукам» заместителями председателя КГБ — С. К. Цвигуном, которого хорошо знал по Молдавии, и Г. К. Циневым, который в 1941 году был секретарем горкома партии Днепропетровска, где Брежнев в то время был секретарем обкома. Был создан еще один противовес, хотя и очень слабый и ненадежный, в лице министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова. Здесь речь шла больше не о противостоянии Ю. В. Андропова и Н. А. Щелокова, которого Ю. В. Андропов иначе как «жуликом» и «проходимцем» мне и не рекомендовал, а скорее в противостоянии двух организаций, обладающих возможностями контроля за гражданами и ситуацией в стране. И надо сказать, что единственным, кого боялся и ненавидел Н. А. Щелоков, да и его первый зам, зять Брежнева — Ю. М. Чурбанов, был Ю. В. Андропов.

Е. Чазов, с. 80–81.

* * *

С Андроповым я познакомился, будучи вторым секретарем крайкома. Августовские события 1968 года, видимо, не позволили ему воспользоваться отпуском в обычное время, и он неожиданно приехал в Железноводск в апреле 1969-го. А поскольку Андропов деликатно отклонил визит вежливости Ефремова, последний с этой миссией послал меня.

Расположился председатель КГБ в санатории «Дубовая роща» в трехкомнатном люксе. Я прибыл в назначенное время, но меня попросили подождать. Прошло сорок минут. Наконец он вышел, тепло поздоровался, извинился за задержку, ибо «был важный разговор с Москвой».

— Могу сообщить вам хорошую новость: на завершившемся Пленуме ЦК КПЧ первым секретарем избран Густав Гусак.

Это, по мнению Андропова, свидетельствовало, что дело в

Чехословакии идет к стабилизации.

Потом мы еще не раз встречались. Раза два отдыхали в одно и то же время: он — в особняке санатория «Красные камни», а я — в самом санатории. Вместе с семьями совершали прогулки в окрестностях Кисловодска, выезжали в горы. Иногда задерживались допоздна, сидели у костра, жарили шашлыки. Андропов, как и я, не был склонен к шумным застольям «по-кулаковски». Прекрасная южная ночь, тишина, костер и разговор по душам.

Офицеры охраны привозили магнитофон. Уже позднее я узнал, что музыку Юрий Владимирович чувствовал очень тонко. Но на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особо выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора. Любил их песни и сам неплохо пел, как и жена его Татьяна Филипповна. Однажды предложил мне соревноваться — кто больше знает казачьих песен. Я легкомысленно согласился и потерпел полное поражение. Отец Андропова был из донских казаков, а детство Юрия Владимировича прошло среди терских.

Были ли мы достаточно близки? Наверное, да. Говорю это с долей сомнения, потому что позже убедился: в верхах на простые человеческие чувства смотрят совсем по-иному. Но при всей сдержанности Андропова я ощущал его доброе отношение, даже когда, сердись, он высказывал в мой адрес замечания.

Вместе с тем Андропов никогда не раскрывался до конца, его доверительность и откровенность не выходили за раз и навсегда установленные рамки.

М. Горбачев, кн. 1, с. 147–148.

* * *

Мне тоже пришлось какое-то, хотя и небольшое, время поработать с Андроповым и на него, встречаться с ним. И я, пожалуй, отдал бы именно Андропову политическое предпочтение по сравнению с другими лидерами нашей партии, с которыми пришлось общаться за 10 лет работы в аппарате ЦК КПСС. Он, как мне казалось, лучше других известных мне руководящих деятелей КПСС подходил на роль переходной фигуры от эпохи бюрократического застоя к реформам, способным вывести страну из общественного тупика, минуя опасную стадию развала экономики и почти неконтролируемого распада нашей старой государственности, а вместе с ней и единого Союза ССР. Ту стадию, в которую мы вступили с конца 80-х годов…

Ю. Андропов, безусловно, был целиком и полностью «дитятей» своего времени, создавшей и выдвинувшей его командно-административной системы антикапиталистического типа. Вместе с тем он был реалистом в политике, трактовал ее, я думаю, в классическом плане: как искусство возможного.

В. Печенев, с. 173, 175.

* * *

Мне приходилось по делам службы нередко общаться с Андроповым и когда он был еще председателем КГБ (т. е. руководил и внешней разведкой), и когда стал Генеральным секретарем.

Андропов знал внешнеполитические проблемы не хуже Громыко, но превосходил его в знании их внутриполитических аспектов, таких, как проблема диссидентов, эмиграция из СССР, реакция за рубежом на эти специфические вопросы. Громыко фактически отмахивался от них, а Андропов занимался ими вплотную, определяя, как правило, курс руководства страны в этой области.

Андропов был противоречивой личностью. Его позиция по эмиграции евреев не определялась антисемитизмом. Среди его сотрудников было немало евреев. Я никогда не слышал от него антиеврейских шуток или анекдотов (чего не скажешь о некоторых других членах Политбюро). Он не прочь был порой высказать в беседах даже либеральные взгляды. Вместе с тем это был убежденный противник диссидентского движения в СССР, считавший, что оно приносит значительный вред не только внутри страны, но и особенно нашим отношениям с внешним миром. А реакцию этого мира он, будучи главой внешнеполитической разведки, знал лучше других советских руководителей…

В вопросах внешней политики он занимал позиции, близкие к позиции Громыко. Они оба нередко совместно обращались с докладными записками в Политбюро по различным внешнеполитическим вопросам, которые обычно получали одобрение остальных членов Политбюро. К ним нередко присоединялся и влиятельный министр обороны Устинов. Вместе они составляли в Политбюро ядро, которое определяло фактически внешнеполитический курс.

А. Добрынин, с. 535–536.

* * *

А тем временем продолжалась атака на Андропова. Кто-то из его противников, не знаю кто — Черненко или Тихонов, который понимал, что в случае, если Андропов станет во главе партии и государства, он вряд ли долго удержится в кресле Председателя Совета Министров — использовал самый веский аргумент — тяжелую болезнь Андропова. В последний числах октября 1982 года, после встречи с кем-то из них, мне позвонил Брежнев и сказал: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болей и его дни сочтены. Ты понимаешь, что на него многое поставлено и я на него рассчитываю. Ты это учти. Надо, чтобы он работал». Понимая, что альтернативы Андропову в руководстве партии и страны нет, я ответил, что не раз ставил и его, и Политбюро в известность о болезни Андропова. Она действительно тяжелая, но вот уже 15 лет ее удается стабилизировать применяемыми методами лечения, и его работоспособности за этот период могли бы позавидовать многие здоровые члены Политбюро. «Я все это знаю, — продолжал Брежнев. — Видел, как он в гостях у меня не пьет, почти ничего не ест, говорит, что может употреблять пищу только без соли. Согласен, что и работает он очень много и полезно. Это все так. Но учти, ты должен сделать все возможное для поддержания его здоровья и работоспособности. Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать».

Знал об этой своеобразной акции и Андропов. Буквально накануне ноябрьских праздников 1982 года он позвонил мне весьма встревоженный и сказал: «Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Сказал, что после праздников обязательно встретится с вами, чтобы обсудить, что еще можно сделать для моего лечения. Видимо, кто-то играет на моей болезни. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего».

Е. Чазов, с. 167.

* * *

Одним из тех, кто активно способствовал прославлению «вождя», был К. У. Черненко, отмеченный самыми высокими наградами и почестями вплоть до присуждения, правда, в закрытом порядке, Ленинской премии за участие в… реконструкции одного из кремлевских зданий.

Коль скоро речь зашла о Черненко, скажу, что знал я его

довольно хорошо по совместной работе в секторе (он им тогда заведовал) идеологического отдела ЦК. По натуре замкнутый, немногословный, он не больно-то легко открывался. О таких людях обычно говорят: «себе на уме», что в общем-то соответствовало натуре Константина Устиновича Черненко. Добросовестный, исполнительный, службист до мозга костей, он всегда стремился и умел потрафить начальству: вовремя что-то сказать, вовремя, если сложились другие обстоятельства, промолчать многозначительно. Не будучи мастаком по части писания бумаг, умело использовал возможности других, выжимая из подчиненных ему работников максимум возможного, причем даже в делах, не входящих в круг их прямых обязанностей. Обладал совершенно поразительным чутьем в отношении приемлемости или неприемлемости того или иного готовившегося в секторе документа, тонко и почти безошибочно угадывая конъюнктуру, требования момента.

«Голубой мечтой» Черненко был пост заместителя заведующего отделом, благо с тогдашним заведующим отделом Л. Ф. Ильичевым у него сложились очень хорошие отношения. Мечта была близка к осуществлению, не стань Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, который, формируя свой аппарат, первым делом пригласил К. У. Черненко, чтобы предложить тому пост начальника канцелярии Председателя. На размышление был дан всего лишь день, и именно в тот день, когда Черненко должен был дать ответ Брежневу, я зашел к нему с каким-то срочным делом. И что же я вижу? Сидит мой шеф, обхватив голову обеими руками, туча тучей, сам чуть не плачет. Отложив довольно небрежно принесенную мною бумагу, после длительной и мучительной паузы он вдруг сказал мне о предложении, которое сделал ему Брежнев. Подобный приступ откровенности случался с ним лишь в самых исключительных случаях. «Если бы ты знал, как я этого не хочу! — сказал он мне. — Но что делать? Отказаться — значит испортить отношения с Брежневым, а это мне может дорого обойтись».

Брежневу он дал согласие, хотя новый пост был для него, по существу, понижением. Значительно позже стал Черненко начальником Секретариата Президиума Верховного Совета, и таким образом его статус заметно был повышен. С уходом его из ЦК разошлись и наши пути. Честно говоря, думалось, что так он теперь и застрянет на этом новом для себя поприще, тем более что указанной должности он вполне соответствовал. И конечно же, я и представить себе не мог, какой неожиданный оборот примут события всего лишь через какие-нибудь три-четыре года,

какие перемены произойдут в жизни Черненко.

П. Родионов. Знамя. 1989. №.8. С. 200–201.

* * *

Одним из близких людей и соратников Брежнева являлся Константин Устинович Черненко. Они работали вместе в Молдавии, и с тех пор Черненко сопровождал его до конца жизни… Я застал его еще в ту пору, когда он заведовал Общим отделом… Обращаясь ко многим на «ты», Брежнев, тем не менее называл соратников по имени-отчеству, к Черненко же всегда при всех: «Костя, ты…»

В. Медведев, с. 59 [46].

* * *

1964 год — Брежнев «смещает» со своего поста Хрущева. Вместе с собой в Кремль приводит другую команду. Среди них — сравнительно молодой человек — никому не известный Константин Черненко. Ему поручается самый «влиятельный» участок — Общий отдел ЦК. Ему поручается тот отдел аппарата, в котором не просто готовятся те или иные решения, но, в силу «бюрократически-бумажной» специфики, появляется возможность управлять процессом влияния: быстрое решение «нужных» и медленное решение «не нужных» Брежневу вопросов. Только от одного движения документов, их скорости перемещения в пространстве, зависит много, очень много в работе и управлении государством! Что-то пропихивается вперед, что-то ложиться в долгий ящик… На подобную должность, от которой зависит собственное существование самого аппарата, ставят не всякого, а самого верного доверенного друга! Таким для Брежнева был один — Черненко. Хранитель, своего рода, партии! Ее секретов…

1976 год — за отличную подготовку и проведение XXV съезда партии (вся организация съезда на Общем отделе, возглавляемом Черненко), он избирается секретарем ЦК и награждается Звездой Героя соцтруда. При этом остается, как и раньше, заведующим «стратегическим» — Общим отделом!

Вообще, пока Брежнев будет у руля, Черненко непременно будет у руководства Общим отделом. Никто даже не мог помыслить, чтобы этот отдел возглавил кто-то иной — не столь близкий и преданный Брежневу человек. Только Черненко! В этом, кстати, мудрость Брежнева, которого иногда

недооценивают, пытаются представить чуть не выжившим из ума стариком. Где это было нужно, он был хорошим стратегом и тактиком: Черненко знал многие партийные тайны и не было никакого смысла увеличивать число людей, к ним допущенных. Черненко — не раз мог убедиться Брежнев и его окружение — вполне предан, умеет держать язык за зубами и не способен на предательство…

Снова служебная лестница!

1978-й — Черненко кандидат в члены Политбюро, оставаясь при этом заведующим тем же самым Общим отделом!

1979-й — член Политбюро. Общий отдел — при нем! Никуда не девается! Черненко был единственным членом Политбюро, который продолжал заведовать отделом! Это «заведование» дает ему особый статус — он может не просто по-приятельски, а и по делу входить, звонить напрямую, минуя помощников и секретарей, обращаться к Генсеку в любое время дня и ночи. Подобной привилегией обладали далеко не все секретари ЦК.

В. Прибытков, с. 58–60, 63.

* * *

Представление Черненко о правах человека точнее отражала не подписанная его именем брошюра (она была безупречна), а его особая, почти сладострастная склонность к подслушиванию разговоров соратников по ЦК с помощью размещенной в его кабинете аппаратуры. Об этом болезненном пристрастии им, кстати, было известно, поэтому, как вспоминает Егор Лигачев, даже, находясь в кабинете у «второго человека» в партии — Горбачева, они предпочитали общаться молча, обмениваясь записками.

Л. Грачев, с. 88–89.

* * *

Пожалуй, он (Брежнев) был единственным из высших советских вождей, кто имел персонифицированного фаворита. В «классическом» выражении. Это знало все высшее руководство. При всей закрытости жизни партийного клана ведали об этом и многие советские люди. Хорошо известно было и заграница, кто является фаворитом Брежнева.

Вы это тоже знаете: Константин Устинович Черненко.

Познакомились Брежнев и Черненко в июле 1950 года в

Кишиневе, где уже два года Константин Устинович работал заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК республики, а Леонид Ильич приехал, чтобы «избираться» первым секретарем, фактически советским губернатором Молдавии. Их отношения были не дружбой, а скорее деловыми контактами благожелательного патрона с одним из своих подобострастных подчиненных. Но у Брежнева что-то осталось в душе и памяти об этом среднего роста, сутуловатом человеке с невнятным говорком. Черненко никогда шефу не возражал, был строго пунктуален, всегда кстати приносил нужную справку, делал вовремя нужное предложение, исправно поставлял Брежневу тексты многочисленных речей, выступлений, статей «первого» для республиканской газеты. Конечно, писал их не Черненко; он никогда так и не научится складно «лепить» фразы ни устно, ни письменно.

Готовили речи для Брежнева его инструктора, а Черненко лично передавал их «первому». Услужливость и какая-то особая исполнительская «нужность» в этом заведующем отделом сохранилась в памяти у Брежнева…

Когда Брежнев после непродолжительной работы в ЦК, Главпуре, Казахстане вновь оказывается в 1956 году в Москве и вновь — секретарем и кандидатом в члены Президиума, он тут же вскоре использует свое влияние для перевода Черненко в Москву, чего тот страстно желал…

Как только Брежнев в 1960 году занимает пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, он вскоре «выхлопатывает» к себе из ЦК Черненко начальником секретариата, на сугубо канцелярскую должность. По характеру работы они почти каждый день встречаются. Брежневу по-прежнему нравится пунктуальность Черненко в его работе с бумагами, письмами, проектами указов. Человек в канцелярии наконец нашел себя, почувствовал свое призвание. Какой он идеолог, «теоретик» с весьма «легким», мягко говоря, образованием! На ниве пропаганды и агитации Черненко никогда не выдвинул ни одной заметной идеи, даже местной новации, не предложил хоть чуть-чуть оригинальной формы или метода идеологической работы. Этот человек, исполнительный по своему характеру, всегда был на вторых ролях. А в качестве начальника секретариата быстро проявил себя как въедливый канцелярист, любящий учет, порядок, четкую организацию в бесчисленных бумагах, письмах, жалобах. Уже в это время Черненко часто оказывает Брежневу услуги личного плана, что еще больше сближает давних «сослуживцев»…

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 231–233.

* * *

В аппарате ЦК КПСС испокон веков было два самых главных архива — архив Политбюро и архив Секретариата. Иначе их называли так: 6-й сектор, 7-й сектор (по названию секторов общего отдела). Оба эти архива были из разряда «не для простых смертных». Более того — вообще не для «смертных». Пользоваться помещенными туда материалами могли далеко не все секретари ЦК. Но Черненко, на правах заведующего Общим отделом, имел в оба эти архива неограниченный доступ и знал все их фонды преотлично.

Часто случалось так, что видные историки и писатели обращались с просьбами в ЦК: «Ознакомьте, пожалуйста, с тем или иным документом… Роман не напишу! Диссертация будет грешить против истины…»

Решения принимал Черненко! Только от него зависело — допустить или нет. И тут у него советчиков не было… Но все одно редко кто туда попадал, будь ты хоть четырежды лауреат всех премий разом.

В. Прибытков, с. 78–79.

* * *

В этот период на политическую арену активно выходит Черненко. Для многих в стране, да и в окружении Брежнева, его быстрый взлет на самые первые позиции в руководстве партии был неожиданностью. Однако, если исходить из нарастающей недееспособности Брежнева, которому в связи с этим требовался честный, преданный и ответственный человек, в определенной степени второе «я», то лучшей фигуры, Чем Черненко, трудно было себе представить. Его пытаются изобразить простым канцеляристом, оформлявшим документы. Это глубокое заблуждение. Да, он не был эрудитом, не имел он и своих идей или конструктивных программ. Ему было далеко не только до Андропова или Косыгина, но даже до догматика Суслова. Но вряд ли кто-нибудь лучше, чем он, мог обобщить коллективное мнение членов Политбюро, найти общий язык в решении вопроса с людьми прямо противоположных взглядов — Андроповым и Сусловым, Устиновым и Косыгиным. Но самое главное, благодаря чему он всплыл на поверхность, было то, что никто лучше него не понимал, чего хочет Брежнев, и никто лучше Черненко не мог выполнить его пожелания или приказания.

Надо сказать, что делал это Черненко подчеркнуто

ответственно; любой, даже самый мелкий вопрос окружал ореолом большой государственной значимости. Вспоминаю, как он гордился, составив с группой консультантов небольшое заключительное выступление Брежнева на XXV съезде, где, кроме нескольких общих фраз, ничего не было.

Е. Чазов, с. 145–146.

* * *

25 января 1982 года умер Суслов. Смерть Суслова обострила подспудную борьбу внутри политического руководства. Надо признать, что Михаил Андреевич, никогда не претендовавший на пост Генерального секретаря и абсолютно лояльный к Брежневу, в то же время был способен возразить ему. В составе руководства он играл стабилизирующую роль, в определенной мере нейтрал изо-вывал противостояние различных сил и характеров.

И вот его не стало. Первый вопрос — кто заменит? По сути дела речь шла о преемнике Брежнева, о «втором» секретаре, который по традиции со временем становился «первым», уже при жизни генсека постепенно овладевал рычагами власти, брал на себя руководство. Очевидно, кандидатом на данный пост мог стать лишь человек, приемлемый для самого Брежнева.

Между тем Леонид Ильич находился уже в таком состоянии, что восприятие им и людей, и идей было неадекватным. Оно во многом зависело тогда от Черненко, неотлучно находившегося при Брежневе с утра до ночи, разве что кроме часов дневного сна генсека. После каждого четверга, когда проходило заседание Политбюро, Леонид Ильич уезжал в Завидово — охотничье хозяйство под опекой военных, — ас ним и Черненко. Если же требовалось как-то завершить и оформить дела Политбюро, Константин Установим задерживался на пятницу, но в субботу и воскресенье был уже в Завидове обязательно.

Причину его влияния, помимо многих лет совместной работы с Леонидом Ильичом, я вижу в том, что именно Черненко сделал больше всех для создания имиджа Брежнева, его образа как выдающегося незаменимого политика. Вокруг Константина Устиновича сложилась группа людей, которая ориентировала соответствующим образом средства массовой информации, идеологические структуры партии, партийные комитеты…

Став доверенным лицом генсека, чуть ли не его душеприказчиком, Черненко явно рассчитывал на пост «второго лица». С этим связывали свои непомерные амбиции члены его «группы», чистые аппаратчики, не имевшие политического

авторитета. Сам он в какой-то мере становился объектом их умелого манипулирования.

М. Горбачев, кн. 1, с. 201–202.

* * *

Когда на пленуме, после XXV съезда КПСС, Брежнев предложил избрать Черненко секретарем ЦК, их отношения вступили в новую, более доверительную фазу. Черненко стал не только близким человеком, обслуживающим «вождя» политически и документально, но и лицом, которое постепенно начало исполнять за генсека всю нерповую, рутинную работу. Это анализ большой почты, лично адресованной Брежневу; выработка предварительных решений; рассмотрение материалов и подготовка вопросов к заседаниям политбюро; предложения по высшим кадровым перестановкам в партии и стране. «Вождь», обремененный к этому времени многочисленными проблемами со здоровьем, не только тяготился, но и не имел желания ежедневно рассматривать сотню-полторы документов. Черненко, работая с высшими документами, вначале осторожно советовал, какое принять решение по тому или иному вопросу, а позже, последние три-четыре года жизни Брежнева, нередко от его имени вершил большие дела. Черненко стал тенью «вождя», его головой и правой рукой, особенно после того, когда по предложению генсека заведующего общим отделом в течение двух лет поднимают, как на лифте, от секретаря ЦК, кандидата в члены политбюро до полноправного членства в этой высшей партийной коллегии.

Я могу точно и достоверно сказать, что ни с одним из членов политбюро или секретарей ЦК Брежнев не встречался так часто, как с Черненко. Фактически каждый день. Иногда по нескольку раз в течение суток. На этом фоне Горбачев, Гришин, Романов, Пономарев, другие «соратники» выглядели как очень редкие гости четвертого «вождя».

В рабочих записях Брежнева практически каждый день лаконичные пометы: «говорил с Черненко», «говорил с Черненко — подписал протоколы ПБ», «принимал и наговорился с Черненко», «надо рассказать Черненко»…

Дело дошло до того, что когда Брежнев отсутствовал на заседаниях Политбюро, то по настоянию генсека в кресле председательствующего сидел член Политбюро Черненко… Именно он вел заседания. Все видели аномалию этого положения, но неписаный партийный этикет и воля «первого» лица диктовали

послушное поведение каждому члену синклита.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 235, 238.

* * *

Из ближайшего окружения Брежнева три человека имели на него, по моим личным наблюдениям, особое влияние в конце 70-х — начале 80-х годов: М. Суслов, Ю. Андропов и К. Черненко (существуют, разумеется, и другие точки зрения). Причем на первый взгляд (если судить по тому, как Брежнев реагировал, скажем, на замечания по проекту Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезда партии) роль Суслова и Андропова была, несомненно, более заметной. Но при этом надо учитывать, что Черненко, во-первых, был человеком, который не любил, как говорится, «высовываться», предпочитая оставаться за «кулисами», тем более что и особыми ораторскими или «артистическими» способностями он не отличался. А во-вторых, будучи членом Политбюро и одновременно заведующим, позднее — куратором Общего отдела ЦК, через который не только «входили» и «выходили» все сколько-нибудь важные бумаги, партийные документы, но через которые только и можно было войти (даже «высшим чинам» партии) в буквальном смысле к Брежневу, он имел свои каналы влияния на него.

И каналы эти становились тем более действенными, чем хуже становилось состояние здоровья Брежнева, которого стремились оградить от различного рода внешних воздействий, особенно «неприятных», а стало быть, старались «отфильтровать» не только поступающую к нему информацию, но и людей. Да и аппарат ЦК КПСС в такой ситуации во все большей мере снизу доверху контролировался по сути дела Черненко, который к тому же по необходимости стал выполнять функции своеобразного координатора работы высших органов партийно-государственной власти. Ведь кому-то надо было как-то оформлять, подытоживать принятые в Политбюро решения на основе определенного баланса сил и интересов небольшого, но влиятельного круга лиц.

Именно это и делалось (под руководством Черненко) прежде всего в Общем отделе ЦК. Понимая его значение, а значит, и дополнительное влияние, которое в этой связи имел Черненко, Андропов после перехода из КГБ в ЦК КПСС попытался прибрать этот отдел к своим рукам и «отключить» от него (по крайней мере официально) Черненко.

В. Печенев, с. 153–154.

* * *

В стенах ЦК в это время развернулось негласное соперничество между двумя кандидатами на престолонаследие: Юрием Андроповым, занявшим после смерти Суслова его пост (и кабинет), и Константином Черненко, совершившим в последние годы стремительное восхождение от заведующего Общим отделом (то есть фактического личного секретаря Брежнева) до члена Политбюро. В этом негласном поединке у каждого из дуэлянтов было свое оружие.

Андропов, как главный идеолог, занимал стратегически более выгодную позицию полуофициального «дофина» и мог опереться на все еще подвластный ему аппарат всемогущего и всезнающего КГБ. Черненко пытался извлечь максимальную выгоду из своего положения «первого лица» при еще живом «самом первом» руководителе, обладая монопольным правом доступа к нему и распоряжения его подписью. Он мог рассчитывать на поддержку таких же, как он, геронтократов, состарившихся вместе с Брежневым, обросших кланами родственников и протеже и, разумеется, опасавшихся нескромных расспросов андроповских следователей. Все они цеплялись за власть, как за жизнь, ибо то и другое для них уже давно стало синонимами…

По мере того как в последние годы слова и мысли вождя становились все менее вразумительными, Черненко все чаще брал на себя роль их толкователя и, по-видимому, нередко заменял своими. Суфлер, вылезший из будки, чтобы доиграть роль за упавшего на сцене актера.

А. Грачев, с. 79, 87.

* * *

Пожалуй, самым близким из окружения Леонида Ильча Брежнева по руководству партией и страной был Дмитрий Федорович Устинов…

Брежнева и Устинова объединяло многое. Начать с того, что это были люди практически одного возраста — Устинов был на два года моложе Брежнева. Между ними было большое сходство и в плане, я бы сказал, культурного уровня и профессиональной направленности. Как и Брежнев, Устинов был довольно далек от всякого рода культурных проблем. Более того, я бы сказал, что между ними было очень большое сходство характеров, чисто человеческих качеств. Устинов, как и Брежнев, был человеком общительным, доброжелательным, оптимистом по натуре. Им

легко было понимать друг друга, они во многом одинаково смотрели на окружающий мир. Однако по характеру Устинов был намного тверже и решительнее Брежнева. И, уж конечно, был гораздо более неутомимым работником. От его помощников я знаю, что Устинов никогда не работал меньше 12 часов в день, но часто больше. И, как правило, приезжал на работу в выходные дни. Тут, конечно, сказывались привычки, выработанные еще в годы войны и вообще в те времена, когда он входил в близкое окружение Сталина. Одно совершенно определенно: Устинов был исключительно надежным работником. Если ему что-то поручалось, можно было быть уверенным, что дело будет сделано по-настоящему, до конца, добросовестно.

В то же время не было да и не могло быть никакой проблемы политического соперничества между Брежневым и Устиновым: Дмитрий Федорович был специалистом своего конкретного дела и на какую-то более широкую, в смысле политического влияния, позицию никогда не претендовал. Ему было достаточно того влияния, которым он пользовался как человек, знающий свое огромное, ответственное дело…

… Брежнев не просто доверял Дмитрию Федоровичу Устинову как товарищу по работе, но и любил его как близкого друга.

А. Александров-Агентов, с. 268, 270.

* * *

Я неплохо знал Д. Ф. Устинова, ибо еще в 1965 году по его просьбе некоторое время работал с ним, хотя тогда уже готовился и сдавал экзамены для поступления в Академию общественных наук. Он попросил помочь ему, «пока будет входить в курс нового дела». В то время его избрали секретарем ЦК, и он курировал вопросы оборонной промышленности и химии. Я видел его в работе. Он обладал тогда достаточно хорошим здоровьем, огромной работоспособностью, сохранившейся еще, видимо, с военных лет. Дмитрий Федорович ежедневно приходил к 8 часам утра и уходил после 12 ночи, а часто и позже. В его кабинете постоянно были люди, проходили большие совещания, приглашались крупнейшие ученые, военачальники, конструкторы…

На заседания, рассматривавшие важнейшие вопросы обороны, специалисты приглашались в строго определенном порядке. И не дай Бог, чтобы кто-то неприглашенный остался на следующий вопрос или пришел раньше времени.

За этим внимательно следили, и я не раз был свидетелем, как из кабинета выдворялся то один, то другой «оборонщик», оказавшийся «лишним»…

Вел заседания Д. Ф. Устинов жестко, по-деловому, давал высказаться всем, но решения принимал сам или просил подготовить их для рассмотрения на Совете Обороны или в Политбюро ЦК. После таких многочасовых заседаний Дмитрий Федорович оставлял еще некоторых конструкторов и долго обсуждал конкретные вопросы, часто звонил на места, иногда в далекие восточные районы, несмотря на то, что в Москве было 2–3 часа ночи. В результате огромной работы того периода и были заложены принципы и основы современной оборонной мощи и развития военно-промышленного комплекса. В последующем с переходом на работу в Министерство обороны Д. Ф. Устинов приобрел такой вес и поддержку среди военных и работников-оборонщиков, что являл собой по существу главную и авторитетную фигуру в Политбюро, правительстве и государстве. Особенно ясно это стало после смерти Брежнева и Андропова.

В. Болдин, с. 56–57.

* * *

Это был настоящий «русский самородок» в советском военно-промышленном комплексе. С июня 1941 года он непрерывно, какие бы политические ветры ни проносились над страной, был одним из руководителей, обеспечивающих обороноспособность страны. В 33 года Сталин назначил его наркомом вооружений. Д. Устинов любил рассказывать, как драматически складывалось начало наркомовской карьеры. Молодой нарком любил езду на мотоцикле, да еще с приличной скоростью. Но однажды попал в аварию, сломал ногу и вынужден был проводить заседание коллегии в своей палате в больнице на улице Грановского. Шла война, и «оригинальность» поведения наркома могла быть расценена как безответственность или мальчишество, не достойное руководителя такого ранга. Поправившись, Устинов готовился к самому худшему. На первом же заседании Сталин, как бы между прочим, заметил: «Идет тяжелейшая война, каждый человек на счету, а некоторые наркомы по собственной глупости ломают ноги. Товарищ Устинов, что, разве вам не выделили машину? Я распоряжусь на этот счет». Устинов понял, что гроза миновала.

Я познакомился с ним впервые благодаря Андропову, который был его близким другом. С самого первого момента мне

понравилась его сила воли, быстрота принятия решений, оптимизм, напористость, профессиональные знания в сочетании с определенной простотой и открытостью, характерной для «русской души». В моем представлении он олицетворял тех лучших представителей так называемой командно-административной системы, благодаря которым мы победили в Великой Отечественной войне, создали передовую технику, обеспечивающую, в частности, завоевание космоса. Возможно, я где-то пристрастен, но в этом представлении я опираюсь не только на свое восприятие Устинова, но и на мнение о нем моих знакомых и пациентов — таких, как Келдыш, Янгель, да и многих других генеральных конструкторов.

Единственной его ошибкой, которую, как мне кажется, он до конца не осознавал, — была афганская война. Плохой политик и дипломат, он, как представитель старой сталинской «гвардии», считал, что все вопросы можно решить с позиции силы. Если я видел, как метался и нервничал в связи с афганской войной Андропов, понявший в конце концов свою ошибку, то Устинов всегда оставался невозмутимым и, видимо, убежденным в своей правоте.

Более близко мы сошлись с Устиновым в связи с несчастьями, обрушившимися на него. Вначале болезнь и смерть жены, затем его тяжелые заболевания — две операции по поводу злокачественной опухоли, инфаркт миокарда, урологическая операция. Другого бы весь этот комплекс болезней не только бы выбил из обычной рабочей колеи, но и сделал инвалидом. Но только не Устинова с его силой воли и колоссальной работоспособностью. До самого последнего момента — октября 1984 года — он в 8 часов утра был уже в кабинете министра обороны и заканчивал свой рабочий день в 10–11 часов вечера. И все это без выходных дней.

Е. Чазов, с. 204–205.

* * *

Дмитрий Федорович Устинов, бывший в период войны наркомом вооружений, совсем еще молодой человек, не имевший, естественно, большого жизненного и инженерного опыта, он смело, на свой страх и риск, принимал за несколько часов решения, связанные со строительством и оснащением военных заводов, которые обычно требуют многомесячной работы целых коллективов и проектных институтов и столь же многомесячных согласований с различными инстанциями… И, как признавали

специалисты, не ошибался в расчетах…

И. Бенедиктов. Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 17.

* * *

В обстановке усилившейся бюрократизации, продажности, господства двойных моральных стандартов наиболее последовательно поддерживали Брежнева военные, особенно Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. Мне много раз доводилось бывать на заседаниях коллегии Министерства обороны, которые вел Устинов. Почти всегда маршал начинал заседание с панегириков в адрес Генерального секретаря:

— Я только что разговаривал с нашим дорогим и любимым Леонидом Ильичом. Он передает вам всем привет и желает больших успехов…

И так практически всегда. Складывалось впечатление, что и Устинов говорил это в расчете, что его хвалебные тирады дойдут и неофициально до Генерального секретаря.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 34.

* * *

Слухи о тяжелой болезни Брежнева начали широко обсуждаться не только среди членов Политбюро, но и среди членов ЦК. Во время одной из очередных встреч со мной как врачом ближайший друг Брежнева Устинов, который в то время еще не был членом Политбюро, сказал мне: «Евгений Иванович, обстановка становится сложной. Вы должны использовать все, что есть в медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги. Вам с Юрием Владимировичем (Андроповым) надо продумать и всю тактику подготовки его к съезду партии. Я в свою очередь постараюсь на него воздействовать».

Е. Чазов, с. 137.

* * *

Как же рождалась послевоенная ракетная промышленность у нас и в Соединенных Штатах? Начали мы с одной отметки.

В Соединенных Штатах ракеты быстро заняли подобающее им место в авиационных фирмах… Тому, кто умеет делать самолет, ракета по плечу. Технологии производства ракет и самолетов по

своей сути близки: те же тонкостенные цилиндры. Сделал по одному — получился фюзеляж, чуть переиначил — вышла ракета. И так во всем: в двигателях, в системе управления, в прочности…

Авиационные специалисты быстро освоили новую продукцию, не потребовалось переоснащения заводов, затраты, связанные с переходом на производство ракет, оказались сравнимыми с теми, что требуются при замене одного типа самолета на другой.

А как было у нас?

Крылатые и зенитные ракеты отходили к авиации, по всем статьям это тот же самолет. На баллистические же объявился иной претендент. Энергичному и честолюбивому молодому наркому оборонной промышленности Дмитрию Федоровичу Устинову было мало пушек, прославивших его ведомство в войну… Устинов понимал, что тяжелая артиллерия приблизилась к пределу своих возможностей. В баллистической ракете он нашел ответ. Она просто во много раз увеличенный артиллерийский снаряд, не нуждающийся в стволе. К тому же вооруженцы уже делали ракеты — прославившиеся в войну «катюши». В результате баллистические ракеты у нас приписали к артиллерии. О технологических тонкостях производства нарком не заикался. Я не знаю, как конкретно принималось решение. А вот за аргументацию я ручаюсь. Все это не раз слышал от самого Устинова и от его людей калибром поменьше. Неверный первый шаг повлек за собой фантастические затраты. Практически на пустом месте создавалась параллельно с авиацией новая отрасль промышленности…

Предложения Челомея по космической и ракетной программе вновь столкнули два ведомства. Разгорелись, казалось, давно угасшие страсти. В тот момент Устинов уже стал зампредом Совета Министров, председателем военно-промышленной комиссии… Там встретили идеи Владимира Николаевича в штыки, его готовы были съесть и, думаю, съели, если бы не отец… Челомей привнес в ракетную технику современную авиационную технологию: изделия стали легче и одновременно прочнее… Именно Челомей сделал первую нашу массовую баллистическую ракету.

После отставки отца у Владимира Николаевича сохранились наилучшие отношения с Брежневым, но тем не менее звезда его покатилась к закату. Нет, предложений не стало меньше и энергии не убавилось. Челомей находился в расцвете сил. Просто Устинов при Леониде Ильиче — это совсем не тот человек, каким его знали во времена Сталина или Хрущева. Из деятельного исполнителя он превратился в деспотичного царька, почувствовавшего, что наверху наконец-то исчезла тяжелая рука.

Космические и баллистические проекты Челомея один за другим обрекались на гибель…

Когда же Устинов пересел в кресло министра обороны, все вообще упростилось. Челомею грубо приказали ограничиться делами флота. И все… Новоиспеченный маршал Устинов дал команду своим генералам не общаться с Челомеем: к нему не ездить, у себя не принимать.

С. Хрущев, кн. 1, с. 376–379.

* * *

Все цифры, относящиеся к ВПК, хранились в строжайшем секрете даже от членов Политбюро. Стоило заикнуться о том, что какое-то оборонное предприятие работает неудовлетворительно, как Устинов коршуном набрасывался на «незрелого критикана», и никто в Политбюро не отваживался противостоять ему.

М. Горбачев, кн. 1, с. 207.

* * *

Наиболее могущественная военная и экономическая сила была, разумеется, сосредоточена в руках Дмитрия Федоровича Устинова, ставшего в 1976 г. министром обороны СССР после того, как многие годы он отвечал за «оборонку»: советский военно-промышленный комплекс. Руководя огромной армией второй мировой супердержавы и гигантским промышленным потенциалом, составлявшим более половины национальной экономики, Устинов, несомненно, был истинным «сильным человеком» позднебрежневского правления. Подвластная ему невидимая империя уже в силу количества работавших на нее людей являла собой несущий каркас здания «развитого социализма». Перефразируя слова Г. В. Плеханова, сказанные им в начале века о Пруссии, можно было с полным основанием назвать и СССР конца 70-х годов не страной с армией, а «армией со страной».

Военно-промышленный монстр, с трудом вмещавшийся в гражданское верхнее платье родины социализма, стремившейся к тому же играть роль оплота мира, уже одним своим весом придавливал к земле, расплющивал не только стремительно терявшую жизненные силы экономику, но и государственную политику СССР. Чем дальше, тем в большей степени именно интересы армии и военной индустрии, обретя собственную

инерцию и повинуясь своей специфической логике, диктовали распределение государственного бюджета, осуществление тех или иных социальных программ и определяли если не облик, то ориентацию и рамки внешней политики.

А. Грачев, с. 24–25.

* * *

Незадолго до кончины у него (Андропова) был, как я слышал, долгий разговор с Устиновым — наиболее тогда влиятельным, сильным человеком и по характеру (напористость, даже наглость со всеми, кто ниже, отличала большинство «сталинских министров», особенно из оборонной промышленности), и по тому, что за ним стояло много дивизий. Громыко, например, сам достаточно напористый, боялся его почти панически. Тем более другие члены тогдашнего Политбюро.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 220.

* * *

Пожалуй, особые отношения сложились у В. В. (Щербицкого) с Устиновым, творцом колоссальной «оборонки». Здесь установился несколько другой стиль отношений. Стиль, лишенный той «бюрократической тягомотины», которая столь претила В. В. Курируя проблемы оборонной промышленности Украины, Щербицкий постоянно «контачил» с Устиновым. Вероятно, они часто обменивались мнениями по широкому спектру вопросов и питали друг к другу взаимную симпатию, импонировали друг другу и по стилю работы, и по восприятию жизни.

Дмитрий Федорович, насколько мне известно, стал инициатором присвоения Щербицкому звания лауреата Ленинской премии по закрытой тематике. Уверен, что из сугубо конъюнктурных побуждений Устинов не стал бы этого делать. Не тот это был человек.

Хотя случались моменты, когда тот же Устинов действовал как истинный царедворец. Взаимная симпатия Дмитрия Федоровича и Владимира Васильевича ни для кого не была секретом, и поэтому Устинову поручали «проговорить» со Щербицким некоторые деликатные вопросы. Так, когда у Брежнева явно приключилась «звездная» болезнь, обычно Устинов звонил и «уламывал» Щербицкого, который с присущей ему

прямотой выражал свое несогласие.

— Снова звонил Устинов, — с какой-то детской обидой говорил В. В. — Что мне оставалось делать? «Давай порадуем старика, дадим ему еще одну Звезду. Все проголосовали, остался один ты»… Ну что тут поделаешь? — сокрушался Щербицкий и не в последнюю очередь под давлением авторитета Устинова давал свое вымученное согласие.

В. Врублевский, с. 36.

* * *

Андрей Андреевич Громыко — фигура, конечно, неординарная, оставившая заметный след в истории нашего государства и международных отношений. Не то, чтобы он был наиболее блестящей личностью в плеяде наших наркомов и министров иностранных дел, — Чичерин, например, а в какой-то степени, возможно, и Литвинов более заслуживают такого эпитета. Но у Громыко были другие качества, позволившие ему стать тем, кем он стал: энергия, редкая работоспособность, настойчивость. С их помощью он проложил себе путь от крестьянской избы в белорусской глубинке (где родился 18/5 июля 1909 года) до высот государственного управления…

Взаимоотношения Громыко с Брежневым с самого начала сложились значительно более благоприятно, чем с его предшественником. Они и до прихода Брежнева л к руководству были на дружеской ноге. Кроме того, Брежнев, особенно в первые годы, отнюдь не претендовал на роль непререкаемого авторитета во внешней политике, охотно признавал свою неопытность в этой сфере и был всегда внимателен к мнению и советам такого опытного дипломата, как Громыко. Несмотря на различие характеров и темперамента, они чувствовали себя друг с другом хорошо и работали слаженно, хотя Брежнев, как и Хрущев, временами ворчал по поводу излишнего формализма Громыко.

Так или иначе, первое десятилетие работы с Брежневым (пока он был еще здоров и вполне работоспособен) стало, пожалуй, наиболее плодотворным периодом деятельности Громыко как министра. Брежнев, как правило, благожелательно принимал соображения Громыко и предложения МИД, а Громыко охотно поддерживал и разрабатывал идеи генсека, направленные на укрепление разрядки международной напряженности…

В конце 70-х и начале 80-х годов условия деятельности Громыко как министра иностранных дел радикально меняются. Состояние здоровья Брежнева резко ухудшается, и он постепенно

фактически отстраняется от повседневного руководства делами, в том числе и внешнеполитическими, передоверяя их своему ближайшему окружению. Во внешней политике — Громыко в сотрудничестве с Андроповым и Устиновым. Андрей Андреевич Громыко стал почти полновластной фигурой в формировании внешней политики страны. Вносимые им предложения в этой области обладали почти непререкаемым авторитетом. И это положение монополиста, помноженное на изначальную склонность Громыко к бескомпромиссной жесткости и некоторому догматизму в политике (склонности, которая не уменьшалась с возрастом), начало оказывать свое весьма негативное влияние. Тем более, что в новой ситуации Громыко стал особенно ревниво и подозрительно относиться к внешнеполитическим инициативам, исходящим не из его ведомства. На этой почве у него сложились довольно натянутые отношения, например, с секретарями ЦК КПСС и аппаратом ЦК, которые занимались международными делами. Активность внешней политики СССР в этот период заметно падает. На многих направлениях эта политика забуксовала…

В общении А. А. Громыко был как бы скован, что называется, застегнут на все пуговицы. Это даже подчеркивалось внешне: обычно темно-серый костюм с темным галстуком, неизменная (даже в жаркую погоду) темно-серая шляпа с жесткими полями. Пришлось слышать о таком маленьком, но характерном эпизоде. Английский министр иностранных дел Джордж Браун, отличавшийся довольно разухабистыми манерами, предложил как-то Громыко перейти «на ты» на английский манер, то есть называть друг друга просто по имени. «Зовите меня Джо, а я Вас как?» Ответ, после некоторого смущения, был таков: «Можете называть меня Андрей Андреевич».

Л. Александров-Агентов. Международная жизнь. 1991. № 7. С. 114, 116, 118, 125.

* * *

Министром иностранных дел был назначен А. Громыко, проработавший на этом посту почти тридцать лет. Воспитан он был на сталинско-молотовских принципах, хотя как министр имел свою точку зрения. В этом смысле он был более гибок, чем Молотов, но эта гибкость проявлялась им довольно редко. Он мог, не моргнув глазом, десятки раз повторять в беседах или переговорах со своими иностранными коллегами одну и ту же позицию, хотя порой уже было видно, что она изжила или

изживает себя. Его отличала высокая дисциплинированность: он самым точным образом выполнял инструкции Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, не позволяя себе отойти от них ни на шаг, хотя порой ситуация и могла требовать иного. Судя по всему, эта дисциплинированность и отсутствие каких-либо амбиций в отношении других постов в партийном и государственном руководстве страны и позволили ему так долго находиться на посту министра. К этому следует добавить и следующее: он обладал каким-то природным чутьем определять будущего победителя в периодических схватках за власть в советском руководстве и вовремя становиться на его сторону. Разумеется, его высокий профессионализм никем не ставился под сомнение…

В сущности же в проведении самой внешней политики он (Брежнев) фактически полагался до конца своих дней на Громыко. Последний был для него, пожалуй, как Даллес для Эйзенхауэра, хотя наш министр старался не особенно подчеркивать свою главенствующую роль в этих делах среди своих коллег по Политбюро. Громыко оставался дипломатом и в высших эшелонах власти, что лишь усиливало общее признание его особой роли во внешней политике…

В целом же Громыко оказывал на Брежнева позитивное влияние. Будучи умным человеком, он умело поддерживал у Брежнева стремление к стабильной внешней политике без эмоциональных срывов, присущих Хрущеву. Можно не соглашаться с некоторыми его взглядами, но надо отдать должное: Громыко всегда был последователен и предсказуем в своей политике.

А. Добрынин, с. 24, 122.

* * *

Мы находились в небольшой комнате президентского дворца, в которой Хрущеву и всей делегации докладывался вопрос о Договоре, заключаемом между СССР и Чехословакией. Хрущев вместе с Андроповым восседал на таком дворцовом, в стиле ампир, диванчике в любимой позе, сложив руки на животе и поигрывая пальцами. Громыко сидел напротив в кресле, я где-то сбоку. Громыко читал проект Договора, который держал перед его глазами один из заведующих отделом МИД. Договор представлял собой довольно большой по размеру фолиант, как обычно, вмонтированный в красный кожаный переплет.

И тут произошла любопытнейшая сцена. Дипломат,

державший Договор перед Громыко (как будто он сам не мог этого делать), почувствовал, что Андрей Андреевич испытывает какое-то неудобство. Тогда он опустился на одно колено, чтобы тому было сподручней. Но этого оказалось мало. Тогда дипломат опустился на оба колена сбоку от кресла Громыко, осторожным движением перелистывая страницы Договора. Эта сцена не вызвала ни у кого удивления. Коленопреклоненный крупный мидовский чиновник, механически листающий Договор перед глазами у своего босса, — в этом было что-то средневековое, отвратительное.

Ф. Бурлацкий, с. 269–270 [10].

* * *

Не могу сказать, что Громыко определял внешнюю политику страны, точнее, он претворял в жизнь, иногда вопреки собственным желаниям, тот курс, который устанавливался политическим руководством. Но исполнителем, надо отдать ему должное, он был первоклассным.

Я имел возможность присутствовать на многих его встречах и могу утверждать, что даже в ходе напряженных бесед, когда требовалось выразить недовольство теми или иными действиями противоположной стороны, он сохранял выдержку и спокойствие…

Иногда во время пребывания Громыко в Нью-Йорке возникали неловкие ситуации. На одной из сессий ко мне обратился посол Иордании, сообщивший, что король Хусейн приглашает советского министра на беседу к себе в гостиницу Уолдорф-Астория, где он остановился. Андрею Андреевичу почему-то очень не хотелось ехать к королю. Он начал придумывать различные варианты, чтобы организовать встречу, так сказать, на нашей территории. Один из вариантов заключался в том, чтобы пригласить Хусейна на чай в наше представительство. Когда я передал это приглашение иорданскому послу, тот взмолился: «Это невозможно. Конечно, наша страна маленькая, но он все-таки король, и ехать к министру просто не может». На следующий день, беседуя с нашим министром, я как бы невзначай завел разговор о Тегеранской конференции и сказал: «Между прочим, Рузвельт и Черчиль принимали шаха Ирана в своей резиденции, а вот Сталин поступил иначе, он сам поехал к шаху». Тут Андрей Андреевич задумался, а потом спросил:

«Вы уверены, что дело обстояло именно так?» И когда я подтвердил это, сказал: «Ну ладно, поедем к королю. Вы будете

меня сопровождать». Пиетет в отношении Сталина у него сохранялся до конца.

О. Трояновский, с. 317–319.

* * *

Мастодонт дипломатии Андрей Громыко без колебаний заключил стратегический союз с Устиновым и стоявшими за ним военными и промышленными генералами, поставив свой безусловный профессионализм на службу военной машине. Как любой прочный союз, он не мог быть бескорыстным. Громыко рационализировал и переливал в политические формулы и формы бессмысленно накапливаемую военную мощь советской сверхдержавы, получая за это возможность оставаться в кругу «грандов» мировой политики и исполнять вместе с очередным американским коллегой роль одного из «содирижеров» мирового концерта наций.

Общими усилиями Устинова и Громыко в конце 70-х были окончательно погублены ростки пережившей даже оккупацию Чехословакии европейской разрядки и перечеркнуты многообещающие перспективы хельсинкского процесса…

Его карьера в советской номенклатуре, прочертившая почти прямую восходящую линию, отражала помимо его профессиональных качеств дипломата, быть может, еще в большей степени талант царедворца, позволивший ему при нескольких столь разных лидерах в Кремле не только сохранять, но и с каждой их сменой усиливать свои позиции.

Девизом, который Андрей Андреевич мог бы начертать на своем щите, если бы такой полагался члену Политбюро, наряду с бронированной машиной, охраной и дачей, было одно слово: лояльность. Лояльность по отношению к каждому новому хозяину Кремля. Именно это качество Громыко до такой степени восхищало и поражало Хрущева, что он однажды, «подгуляв», в достаточно широком кругу похвастался своим преданным министрам: «Вот скажи я ему: Громыко, сядь задом на лед, так ведь и сядет. Верно, Громыко?» Министр не посмел оспорить столь сомнительный комплимент…

Громыко терпел и служил. Возможно, даже его дипломатическое высокомерие, неуступчивость, надменность, так неприятно поражавшие зарубежных коллег и придававшие и без того неповоротливой советской дипломатии одиозные имперские черты, были своеобразной компенсацией для этого очередного, после Молотова, Мистера «Нет» за личное унижение, которое ему

приходилось терпеть на его пути на вершину кремлевской лестницы от вождей, почти во всем ему уступавших.

А. Грачев, с. 25, 52–53.

* * *

Почтение и уважение к должности генсека правящей партии перекликалось у отца со старообрядческим почтением к сану. В то же самое время легко заметить, что в речах и выступлениях отца никогда не было подобострастного нарочитого восхваления ни Хрущева, ни Брежнева, ни других последующих генсеков…

После смерти Сталина и особенно снятия с поста министра иностранных дел Молотова советский МИД работал под руководством Политбюро и ЦК КПСС. Ни одно, повторяю, ни одно стратегическое по своему значению решение не предпринималось Министерством иностранных дел без того, чтобы оно не было одобрено на Политбюро, а шаги меньшего масштаба — на секретариате ЦК КПСС. Повседневной работой МИДа руководила его коллегия. В этих условиях продуктивно на посту министра иностранных дел Советского Союза мог работать только тот человек, который, помимо профессиональных дипломатических знаний и опыта работы за рубежом, ораторского искусства и умения вести переговоры, хорошо знал методы работы в этом кремлевском лабиринте и хрущевско-брежневской системе партийного засилья в государственных делах. Таким человеком и стал мой отец — Андрей Андреевич Громыко, профессиональный дипломат среди могущественных партийных лидеров. Он был бы сумасшедшим, если бы в условиях господства в делах страны партийных боссов всех мастей и оттенков стал козырять или выдвигать какую-либо свою внешнеполитическую стратегию, которую окрестили бы «стратегией Громыко».

В том-то и состояла одна из сильных сторон деятельности отца, что он понимал условия, в которых работал, и не позволял себе на людях выпячиваться, заниматься самолюбованием, подчеркивать свое «я». Членам Политбюро не нужна была «стратегия Громыко», им нужна была эффективная внешняя политика. МИД СССР им ее в течение длительного периода времени обеспечивал.

Ан. Громыко, с. 23, 34–35.

* * *

Тут я позволю себе маленькое отступление, чтобы лучше описать характер Громыко, право слово, он того стоит! Всегда молчаливо-замкнутый в официальной обстановке, он был совсем не такой в обыденной, рабочей, повседневной. Тогда проявлялись его малоизвестные широким кругам качества: себялюбие, высокомерие, пренебрежение к чужому мнению, а то и поразительное упрямство. Об этом знали все члены ЦК!

Как-то Черненко при разговоре с Брежневым о предстоящем голосовании «вкруговую», то есть всех сидевших на совещании по очереди, сказал в моем присутствии:

— Чтобы Андруша не упирался и не ставил «против», ты начни голосование с него. Найди подход, уговори, чтобы он не упрямился…

Андрушей — так за глаза величали Громыко все члены «шестерки» в Политбюро. Его белорусское произношение некоторых русских слов так никогда до конца и не выветрилось.

В. Прибытков, с. 168.

* * *

Многие факты говорят о том, что Леонид Ильич придавал достаточно большое значение своему аппарату, понимая имевшуюся здесь взаимную зависимость. Да ему ничего не стоило пригреть одного-двух работников. Был он тогда человеком демократичным, любил фотографироваться с коллективом, заходить в рабочие комнаты. Проявлял при этом необходимую требовательность.

Ю. Королев, с. 117.

* * *

У него было особое «чутье» на талантливых и умных советников. Именно они определили в конце 60-х — начале 70-х годов активную внешнеполитическую деятельность, которая привела к укреплению связей с Францией, ФРГ, США. Наконец она выразилась в ряде документов, открывших новую эпоху в отношениях Востока и Запада — ОСВ-1, ОСВ-2, договор по противоракетной обороне. Хельсинкское соглашение, которое венчало эту деятельность и было последним брежневским достижением, после которого началась серия ошибок и просчетов.

Но это было уже, можно сказать, без Брежнева, который только подписывал бумаги, не оценивал их содержание. Я помню

милую, дипломатическую и мягкую по характеру Галю Дорошину, которая привозила из ЦК КПСС от Черненко кипу документов и пальцем показывала Брежневу, где надо поставить подпись.

Однажды в конце 70-х годов, при очередной встрече с Андроповым, зашла речь о выходе из состава группы советников одного из давних ее членов, участвовавших в подготовке документов съездов партии, выступлений Брежнева. «Знаете, что он мне заявил, — сказал Андропов, — что он не может работать, если сегодня внешнюю политику определяет Галя Дорошина». Смысл был понятен — внешнюю политику формируют все, кроме Генерального секретаря и группы его советников.

Е. Чазов, с. 87–88.

* * *

Достаточно квалифицированный аппарат облегчал жизнь дряхлеющему Председателю. Были у Брежнева и личные помощники — Русаков, ставший впоследствии секретарем ЦК, Голиков, Цуканов. Ушли они с политической арены вместе с ним, но на своих постах около Председателя обладали большой властью, могли распоряжаться судьбами людей и многими делами. Известной и очень мощной фигурой был, например, в свое время управляющий делами ЦК Георгий Павлов, лицо, весьма приближенное к «особе», занимавшийся организацией работы ЦК и еще, что очень важно, непосредственно личным (материальным) обеспечением Брежнева. А запросы у Леонида Ильича были немалые, они всегда удовлетворялись за счет особых фондов без разбора и ограничений.

Ю. Королев, с. 176.

* * *

Роль помощников генсека неимоверно выросла при Брежневе. Особое приближение к высокому руководству буквально гипнотизировало многих из них. Некоторые из них так умели преподнести свои таланты и способности, что шеф и в самом деле начинал верить в их незаменимость, недюжинность и талант. И многое прощалось и многое сходило с рук…

Брежнев не мог и шагу ступить без своих помощников. Они участвовали во всех переговорах, многочисленными свитами мотались с ним по заграничным вояжам и дошли до того, что… перестали выполнять некоторые свои основные обязанности.

Например, писать доклады речей и выступлений генсека. А зачем, когда к этой работе, пользуясь именем шефа, можно привлечь широкий круг авторов самого высокого ранга: известнейших ученых, редакторов центральных газет и журналов, писателей, крупных специалистов отраслей.

…Каждый помощник обрастал своим кругом авторов. На многие недели и месяцы они отвлекались от своей основной работы, вывозились в загородные правительственные резиденции, содержались в условиях санатория самого высокого «пятизвездночного» класса, корпели над своими разделами «трудов».

С годами статус помощников Генерального — этой в общем-то не высокой должности, резко возрастает. Они избираются депутатами Верховного Совета СССР и РСФСР, входят в состав руководящих органов партии, получают по полной программе все льготы и привилегии.

Я выше уже рассказал, что все помощники Брежнева стали лауреатами Госпремии, а один из них — Александров-Агентов — Ленинской. Столь высокую, по тем временам, награду он получил за то, что был консультантом двадцатисерийного советско-американского фильма «Великая Отечественная».

В. Прибытков, с. 49–50.

* * *

Разветвленный аппарат помощников Генсека чем дальше, тем чаще бравший решение многих оперативных вопросов на себя, одновременно бдительно следил за тем, чтобы ограждать верховного руководителя от «незначительных» проблем, объем которых, разумеется, постоянно возрастал. По существу, основная функция окружения в этот период сводилась к тому, чтобы «предъявлять» Генсека партии и стране, подготавливая его все менее продолжительные выступления (их тексты печатались специальным укрупненным шрифтом, однако и это не гарантировало от того, что, запутавшись в абзацах, почти не воспринимающий смысла произносимых слов, оратор не прочитает дважды один и тот же раздел или страницу).

А. Грачев, с. 22.

* * *

В нее входили три помощника Генсека: А. М. Александров-

Агентов (ответственный за подготовку большей части международного раздела доклада, за социальный, а также за партийно-организационный и идеологический разделы); Г. Э. Цуканов, знакомый с Брежневым еще со времени его работы секретарем Днепропетровского обкома (Цуканов отвечал за внутриэкономический раздел Отчетного доклада, который на этом этапе представляла его обычная команда: академики Г. А. Арбатов и Николай Николаевич Иноземцев — «партийная кличка «Кока-кола», что отражало, очевидно, не только схожее звучание его имени-отчества, но и проамериканскую, по мнению аппаратчиков, ориентацию в политике, а также А. Е. Бовин, ушедший уже тогда из ЦК КПСС — и не по своей воле — в политобозреватели «Известий»), а также А. И. Блатов, который вел у Генсека отношения с социалистическими странами. Ему, как обычно, помогал тогдашний руководитель группы консультантов соответствующего отдела ЦК КПСС Н. В. Шишлин (функции которого в силу специфических заслуг перед Брежневым и собственных способностей были более широкими)…

Ввел меня в эту узкую компанию, сплоченную по отношению к внешнему миру, хотя внутри себя раздираемую личными противоречиями, амбициями и симпатиями-антипатиями (Арбатов, к примеру, ненавидел — в чем не раз признавался не только мне — Александрова-Агентова. Последний, судя по репликам, презирал своего коллегу А. Блатова и его личного «писателя» Н. Шишлина, которого называл не Шишл**и**н, а Ш**и**шлин). Шутливая партийная кличка Александрова-Агентова была Воробей, как сообщил мне один из наиболее остроумных (и просто умных) членов этой «брежневской команды», А. Бовин, нынешний «наш» посол в Израиле. Дали ему эту кличку наши стенографистки-машинистки, поскольку, будучи по характеру своему человеком обидчивым, Агентов нередко «ссорился» с ними, не разговаривал и, сидя за столом нахохлившись, молча «клевал» свой обед. Он, видимо, приложил определенные усилия, чтобы «воткнуть» нас с Лукьяновым в эту компанию, расширяя тем самым и свое влияние.

В. Печенев, с. 54, 56.

* * *

Вскоре начали играть все растущую роль два других помощника Брежнева — А. М. Александров и Г. Э. Цуканов. Александров, профессиональный дипломат, был приглашен из МИДа, еще когда Брежнев занимал пост Председателя

Президиума Верховного Совета СССР. Более высокий, чем у других, окружавших руководителя, интеллект, политическая порядочность помогли Александрову как минимум нейтрализовать наиболее оголтелые атаки крайних консерваторов на внешнеполитическом направлении. Во всяком случае там, где сам он занимал прогрессивную позицию (в некоторых вопросах Александров, на мой взгляд, был достаточно консервативен).

Что касается Цуканова, то он был инженер-металлург, в прошлом директор крупного завода в Днепродзержинске. Когда Брежнева назначили вторым секретарем ЦК КПСС, он сорвал Цуканова с места, чтобы тот помогал ему в делах, связанных с общим руководством оборонной промышленностью. После того, как Брежнев занял пост Генерального секретаря, Цуканов, функции которого стали более широкими, начал помогать ему в экономических, а со временем и в других делах. И для этого (сказалась, видимо, привычка руководителя крупного дела, каким был завод) привлекал в качестве экспертов специалистов, которым склонен был доверять. Не могу сказать, чтобы у него с самого начала были четкие идейно-политические позиции по вопросам, вокруг которых развертывалась особенно острая борьба, — о Сталине и курсе XX съезда, и о мирном сосуществовании и других; он раньше просто стоял от них в стороне. Но быстро определился. Не в последнюю очередь потому, что лично зная многих консерваторов, роившихся вокруг Брежнева, относился к ним с глубокой антипатией. Может быть, это заставляло искать людей, определенным образом настроенных, нередко спрашивая совета у Андропова, которому очень доверял. В число тех, кого привлекали для выполнения заданий Брежнева либо для рецензирования поступающих к нему от других помощников материалов, попали Н. Н. Иноземцев, А. Е. Бовин, В. В. Загладив, автор этих воспоминаний, а также Г. Х. Шахназаров, С. А. Ситарян, Б. М. Сухаревский, А. А. Агранович и некоторые другие.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 211.

* * *

При подготовке и проведении многочисленных зарубежных поездок Брежневу с 1961 года стал помогать А. М. Адександров-Агентов, которого позднее называли иногда в западной прессе «советским Киссинджером». Новый референт Брежнева работал раньше в аппарате ТАСС и МИД. Он был не только хорошим

специалистом по германскому вопросу, но очень хорошо разбирался в международных проблемах, свободно владел немецким и английским языками.

Р. Медведев, с. 27 [13].

* * *

Андрей Михайлович Александров-Агентов. Был помощником у Брежнева, Андропова, Черненко и почти год — у Горбачева. Он вызывал уважение своей феноменальной работоспособностью и самоотдачей. Импонировала образованность, выделявшая его на фоне аппаратчиков из ВПШ. Запомнилась сцена в Завидове — это личное охотничье хозяйство Генерального секретаря. Там же, «на даче», готовились большие тексты, документы. Однажды, когда «отмечалось» окончание подготовки очередного доклада Брежневу, Андрей забрался на стол и стал декламировать «Фауста» по-немецки. Он был неприятен своим брезгливо-высокомерным, даже издевательским отношением к тем, с кем вместе ему поручали работать, нетерпимостью, переходящей в «интеллигентски» оформленное хамство…

А. Черняев, с. 7.

* * *

С Агентовым я познакомился незадолго до этого, работая над каким-то совместным документом. Он приятно удивил меня своей способностью быстро подхватывать на лету мысль и так же быстро готовить вставки или даже диктовать их. Только потом я понял, что он набил себе руку, работая длительное время над документами в МИДе. Он впервые появился в моем кабинете — щупленький, старенький, несмотря на то что ему было не больше сорока лет. Появился в странном костюмчике из некоего подобия твидового пиджачка и потертых брюк. Он гордился приверженностью к западному стилю жизни: чистил зубы после каждого приема пищи. Не знаю, что на меня произвело большее впечатление — его литературные способности или чувство юмора, но я назвал именно его фамилию в разговоре с Толкуновым. Агентов действительно стал помощником Брежнева и остался им до кончины последнего.

Он почему-то невзлюбил меня той особенной нелюбовью человека, который стремится преодолеть в себе чувство признательности за оказанную услугу. Но, быть может, он не

прощал шуток, которые мне казались озорными, а ему могли показаться оскорбительными. Например, обыгрывание его фамилии. Мы часто шутили с другими консультантами на эту тему, что в конечном счете вынудило нашего коллегу сменить неблагозвучную фамилию Агентов на более благопристойную — Александров. Квалифицированный международник, он с одинаковым усердием редактировал и речь Брежнева на Совещании в Хельсинки в 1975 году, и материалы о вводе войск в Афганистан… На пенсию он ушел уже в горбачевское время со всем почетом под этой своей новой фамилией.

Ф. Бурлацкий, с. 260–261.

* * *

Личность эта весьма интересна, хотя с нелегкой, но острой руки Ф. Бурлацкого, Андрей Михайлович Александров-Агентов выглядел весьма комично и даже неприглядно. Мои отношения с ним закончились полным (и принципиальным) личным разрывом. Тем не менее должен сказать, что выведенный Бурлацким образ этого уникального помощника генсеков (побывал у всех четырех, сменивших Хрущева!) необъективен. Характер у него действительно был, мягко говоря, «не сахар». Однако по своим и интеллектуальным, и политическим качествам он был личностью незаурядной и (насколько я знаю, конечно) достаточно прогрессивной по тем временам.

В. Печенев, с. 51.

* * *

С А. М. Александровым у меня были довольно сложные отношения. Человек он был, безусловно, знающий, во внешней политике профессионал, принимал активное участие в очень многих делах, связанных с разрядкой. Вместе с тем, не говоря уже о некоторых личных качествах (он был нервный, вспыльчивый, не очень уживчивый), Александров, пожалуй, довольно ярко представлял то крыло наших политических работников, которые страдали от комплекса «революционной неполноценности». И это не раз у него проявлялось… Вместе с тем несправедливо не сказать, что при всем том Александров был одним из немногих, кто решался и в последние годы Брежнева открыто и достаточно однозначно выступать против него по каким-то конкретным вопросам и упорно спорить с ним.

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 9. С. 218.

* * *

Ко времени, когда мы с ним встретились, Бовин успел защитить две кандидатские диссертации — по юридическим и философским наукам, но он по лености так и не стал доктором наук в отличие от Шахназарова, который получил звание члена-корреспондента Академии наук.

Писал он материалы мелким, четким бисерным почерком, был мастер сочинять удивительно логичные абзацы и страницы текста с законченной мыслью. Его стиль анализа, возможно, был навеян глубоким изучением гегелевской философии: тезис, антитезис, синтез. Он любил делить любое политическое действие на плюсы и минусы, калькулировать итог и делать ясное умозаключение.

…До сих пор не могу понять, что произвело на меня впечатление, когда я встретился с этим человеком. Какая-то раскованность кратких, но четких суждений и, несомненно, ум. Я пригласил его в группу консультантов, и он прошел без всяких трудностей, поскольку никаких хвостов за ним не числилось: в политическом плане он был более осторожен, чем Шахназаров.

Бовин оказался наиболее трудным человеком в нашей группе. Как выяснилось, он не терпел сопоставления мнений, а тем более — даже самых деликатных замечаний. В перспективе ему предстояло столкнуться с Шахназаровым, взять над ним верх в брежневскую эпоху и полностью проиграть в новое время перестройки.

Ф. Бурлацкий, с. 252.

* * *

…Мой соавтор по разделу Лукьянов (сам он писал кусок, связанный с политической системой советского общества в свете новой «брежневской» Конституции СССР, к которой имел, конечно, большее отношение, чем Брежнев!) в перерыве во время XXVI съезда КПСС подошел ко мне и с гордостью сообщил: «Вадим! Ты видел, во время чтения нашего небольшого раздела съезд аплодировал больше всего — 21 раз, хотя духоподъемных «бовинизмов» у нас почти не было!».

Имеются в виду формулировки А. Бовина, автора наиболее ярких лозунгов брежневского времени: «Экономика должна быть

экономной!», «Мы встали на этот путь и с него не свернем!» и т. д. и т. п. Во всяком случае, находясь в минуты отдыха в веселом, бодром состоянии духа и своего мощного тела, Саша любил говорить, показывая на зеленое, многотомное собрание сочинений Л. И. Брежнева: «Это — не его, а мои лозунги читает по вечерам советский народ на сверкающих огнем рекламах наших городов!» Это, правда, не мешало ему же позднее, во времена перестройки и гласности, упрекать Брежнева (!) в том, что тот в последние годы жизни склонен был к сооружению себе пьедесталов и т. п. Побойся Бога, Александр Евгеньевич, ведь мы с тобой знаем, кто и как их сооружал!?

В. Печенев, с. 59–61.

* * *

Со смертью Брежнева институт помощников Генерального секретаря претерпел значительные изменения. Пропал этакий ореол таинственности и недоступности, но в «корпусе» царила необычайная пестрота и неразбериха.

Период от Брежнева — через Андропова — к Черненко составляет два с небольшим года. В это время исчезают со сцены «брежневцы»: А. Блатов — послом в Нидерланды, Г. Цуканов — в отдел работы с загранкадрами, В. Голиков — на пенсию, Е. Самотейкин — послом в Новую Зеландию.

Дольше всех продержался и «дожил» до Черненко Александров-Агентов.

В. Прибытков, с. 53.

Глава 9

МЕДИЦИНА И ПОЛИТИКА

Болезни. Смерть. Преемники

Разговор продолжался около двух часов. Брежнев вспоминал, как перенес во время работы в Кишиневе тяжелый инфаркт миокарда, как в 1957 году, накануне Пленума ЦК КПСС, на котором были разгромлены Маленков, Молотов, Каганович, он попал в больницу с микроинфарктом и все же пошел на Пленум спасать Н. С. Хрущева. Причем, когда он вышел на трибуну, бывшая тогда министром здравоохранения М. Ковригина встала и заявила, что Л. И. Брежнев серьезно болен и ему надо запретить выступать. Кстати, это стоило ей в дальнейшем, после снятия Маленкова и Молотова, кресла министра. И как бы в ответ на этот выпад Брежнев ответил, что большевики за свои принципы борются до конца, даже если это ставит под угрозу их жизнь. Во время разговора он много шутил, вспоминал смешные истории. Создавалось впечатление, что он хочет понравиться. Он не спрашивал меня о моих политических симпатиях или убеждениях, о моем отношении к Политбюро, к активно проводимой в то время перестройке систем, созданных Н. С. Хрущевым. В разговоре было больше медицинских и житейских проблем.

Выслушав в заключение мои категорические возражения, Л. И. Брежнев сказал: «Вот если бы вы сразу согласились и сказали — Леонид Ильич, партия сказала «надо» — значит, «есть», я бы еще подумал, назначить вас начальником Управления или нет. А если отказываетесь, то это значит, что лучше вас никого не найдешь». И, оборачиваясь к вошедшему начальнику охраны А. Рябенко, добавил с юмором: «Саша, Евгений Иванович не хочет идти работать в 4-е управление, так ты найди в охране здания милиционера не ниже полковника и отправь с ним в Управление. Пусть начинает работать».

Е. Чазов, с. 11–13.

* * *

Что же произошло с Генеральным секретарем ЦК КПСС, когда он из активного, общительного, в определенной степени обаятельного человека, политика, быстро ориентирующегося в ситуации и принимающего соответствующие решения, за 10 лет превратился в дряхлого, «склерозированного» старика? Откуда начать рассказ о трагедии Брежнева?

Для меня она началась в один из августовских дней 1968 года — года Пражской весны и первых тяжелых испытаний для руководимого Брежневым Политбюро. Шли горячие дискуссии по вопросу возможных реакций в СССР на события в Чехословакии. Как я мог уяснить из отрывочных замечаний Ю. В. Андропова, речь шла о том, показать ли силу Варшавского пакта, в принципе силу Советского Союза, или наблюдать, как будут развиваться события, которые были непредсказуемы… Единодушия не было, шли бесконечные обсуждения, встречи, уговоры нового руководства компартии Чехословакии. Одна из таких встреч Политбюро ЦК КПСС и Политбюро ЦК КПЧ проходила в середине августа в Москве…

Вместе с П. Е. Лукомским и нашим известным невропатологом Р. А. Ткачевым мы выехали в ЦК, на Старую площадь. Брежнев лежал в комнате отдыха, был заторможен и неадекватен. Его личный врач Н. Г. Родионов рассказал, что во время переговоров у Брежнева нарушилась дикция, появилась такая слабость, что он был вынужден прилечь на стол. Никакой органики Н. А. Ткачев не обнаружил. Помощники в приемной требовали ответа, сможет ли Брежнев продолжать переговоры. Клиническая картина была неясной. Сам Брежнев что-то бормотал, как будто бы во сне, пытался встать. Умница Роман Александрович Ткачев, старый, опытный врач, сказал: «Если бы не эта обстановка напряженных переговоров, то я бы сказал, что это извращенная реакция усталого человека со слабой нервной системой на прием снотворных средств». Родионов подхватил: «Да, это у него бывает, когда возникают неприятности или не решаются проблемы. Он не может спать, начинает злиться, а потом принимает 1–2 таблетки снотворного, успокаивается, засыпает. Просыпается как ни в чем не бывало и даже не вспоминает, что было. Сегодня, видимо, так перенервничал, что принял не 1–2 таблетки, а больше. Вот и возникла реакция, которая перепугала все Политбюро». Так и оказалось.

В приемную зашел Косыгин и попросил, чтобы кто-нибудь из врачей разъяснил ситуацию. Вместе с Ткачевым мы вышли к нему. Искренне расстроенный Косыгин, далекий от медицины, упирал на возможность мозговых нарушений. Он сидел рядом с Брежневым и видел, как тот постепенно начал утрачивать нить

разговора. «Язык начал у него заплетаться, — говорил Косыгин, — и вдруг рука, которой он подпирал голову, стала падать. Надо бы его в больницу. Не случилось бы чего-нибудь страшного». Мы постарались успокоить Косыгина, заявив, что ничего страшного нет, речь идет лишь о переутомлении и что скоро Брежнев сможет продолжить переговоры. Проспав 3 часа, Брежнев вышел как ни в чем не бывало и продолжал участвовать во встрече.

Это был для нас первый сигнал слабости нервной системы Брежнева и извращенной в связи с этим реакции на снотворное.

Е. Чазов, с. 74–76.

* * *

Где-то примерно с начала второй половины 70-х годов Брежнев стал, как говорится, на глазах меняться в худшую сторону. Стала слабеть память, сильно ухудшилась дикция (что его лично очень мучило, действовало на его самолюбие), ослабла способность сосредоточиваться на сложных политических вопросах. В этом состоянии он стал всячески как бы уходить от острых, больших и сложных проблем, раздражался, когда ему их «навязывали». Хорошо помню один случай, когда мой коллега Блатов и я пришли к нему в кабинет, чтобы все-таки получить решение каких-то абсолютно неотложных, «горевших» вопросов. В ответ Леонид Ильич раздраженно бросил нам: «Вечно вы тут со своими проблемами. Вот Костя (Черненко. — Авт.) умеет доложить…»

А. Александров-Агентов, с. 272.

* * *

Во Владивосток Брежнев летел в крайнем напряжении. Предстояло вести переговоры по дальнейшему уменьшению военного противостояния США и СССР, причем каждая из сторон боялась, как бы другая сторона ее не обманула. Кроме того, надо было принимать решения в ходе переговоров, что уже представляло трудности для Брежнева. Первые признаки начинающегося срыва мы обнаружили еще в Хабаровске, где пришлось приземлиться из-за плохой погоды во Владивостоке.

Обстановка переговоров, по моим представлениям, была сложной. Они не раз прерывались, и я видел, как американская делегация спешила на улицу в бронированный автомобиль, который они привезли с собой, чтобы связаться с Вашингтоном, а

Брежнев долго, по специальной связи, о чем-то спорил с министром обороны А. Гречко. Брежнев нервничал, был напряжен, злился на окружающих. Начальник охраны А. Рябенко, видя его состояние, сказал мне: «Евгений Иванович, он на пределе, ждите очередного срыва». Да я и сам при встречах с Брежневым видел, что он держится из последних сил.

Тяжелейший срыв произошел в поезде, когда, проводив американскую делегацию, Брежнев поехал в Монголию с официальным визитом. Из поезда я позвонил по спецсвязи Андропову и сказал, что все наши надежды рухнули, все вернулось «на круги своя» и что скрывать состояние Брежнева будет трудно, учитывая, что впервые не врачи и охрана, а вся делегация, находившаяся в поезде, видела Брежнева в невменяемости, астеническом состоянии…

С этого времени и ведут отсчет болезни Брежнева. Надо сказать, что в какой-то степени нам удалось компенсировать нарушенные функции в связи с астенией и депрессией. Более или менее спокойно прошел визит в Монголию, а затем в начале декабря и во Францию.

Е. Чазов, с. 127–128.

* * *

О болезни Брежнева много я сказать не могу — тогда это был большой государственный секрет. А потом как-то я не решался расспрашивать врачей, может быть, просто из уважения к врачебной тайне. Но вот то, что я знаю. В ноябре 1974 года на военном аэродроме близ Владивостока, едва успев проводить президента США Форда, Брежнев почувствовал себя плохо. Посещение города, где на улицы для торжественной встречи вышли люди, отменили. Больного усиленно лечили в специальном поезде, на котором он должен был ехать во Владивосток. И все же на следующий день Брежнев отправился, как было запланировано, в Монголию. Вернувшись оттуда, он тяжело и долго болел, настолько долго, что это дало толчок первой волне слухов о его близящемся уходе с политической сцены.

Г. Арбатов, с. 73.

* * *

Свой первый официальный визит Леонид Ильич Брежнев

нанес мне в декабре 1974 года. Предполагалось, что в день приезда, в среду вечером, Брежнев пожелает отдохнуть и поэтому поужинает один в своих апартаментах. На следующий день по программе — общий завтрак с участием основных членов обеих делегаций, всего на восемь персон, а наша первая беседа наедине в присутствии лишь переводчиков была назначена на 17.30. На нее отводилось два часа.

Завтрак состоялся по графику, после чего мы разошлись. В 15 часов — первое послание: Генеральный секретарь спрашивает, нельзя ли перенести переговоры на 18 часов. Никаких объяснений. Я даю согласие и в небольшом кабинете, примыкающем к моей комнате, перечитываю материалы для беседы.

В 16.15 — новое послание: господин Леонид Брежнев хочет отдохнуть, нельзя ли начать переговоры в 18.30? Воображаю, какую реакцию это вызовет. По договоренности ход наших встреч не будет предан гласности. Однако допускаю, что произойдет утечка информации, и тогда легко представить комментарии: «Брежнев заставляет ждать Жискара! Никогда он не позволил бы себе такого по отношению к де Голлю! Он явно хочет показать, какая между ними разница». Я передаю через генерального секретаря Елисейского дворца свой ответ: если мы хотим, чтобы у нас было достаточно времени для переговоров, откладывать их начало крайне нежелательно. Я буду ждать господина Брежнева в 18 часов в условленном месте…

Но вот вдали отворяется первая дверь. Брежнев движется мне навстречу. Он ступает нерешительно и нетвердо, словно на каждом шагу уточняет направление движения. За ним следует его адъютант, — по-видимому, это врач — и переводчик. Поодаль, как обычно, довольно многочисленная группа советников в темных костюмах.

Я поджидаю Брежнева на пороге. Теплая встреча. Он обеими руками берет мою руку и трясет ее, обернувшись к переводчику. Он выражает свою радость по поводу нашей новой встречи, уверенность в том, что «мы сможем хорошо поработать на благо советско-французского сотрудничества», и приносит соболезнования по поводу кончины президента Помпиду. Глубоко посаженные живые глаза образуют косые щелки на его полном, расширяющемся к низу лице, скрывающем шею. По движению челюсти заметно, что у него нарушена артикуляция…

Я вижу, с каким усилием он произносит слова. Когда его губы двигаются, мне кажется, я слышу постукивание размякших костей, словно его челюсти плавают в жидкости. Нам подают чай. Он просит воды. Его ответы носят общий характер, скорее

банальны, но звучат справедливо. Я понимаю, что он предпочитает не выходить за рамки знакомых ему тем…

Дикция Брежнева становится все менее разборчивой. Все то же постукивание костяшек. Мы говорим уже пятьдесят минут. Я это отмечаю по своим часам, съехавшим на запястье. Однако если вычесть время, затраченное на перевод, то беседа длится вдвое меньше. Внезапно Леонид Брежнев встает — в дальнейшем я еще не раз столкнулся с этой его манерой — и тотчас же направляется к выходу. Он что-то говорит переводчику, вероятно, просит открыть дверь и предупредить адъютанта, который, как я догадался, находится где-то совсем рядом. Как только Брежнев делает первый шаг, он перестает замечать присутствие других людей. Главное — контролировать направление движения.

— Мне нужно отдохнуть, — говорит он, расставаясь со мной, — вчера во время перелета было очень ветрено. Мы ведь еще увидимся за обедом.

Да, это так. Мы вскоре встретились за обедом… Прием пищи стоит Брежневу немалых усилий. Врач, сидящий в конце стола, не сводит с него глаз. Мы говорим мало и не очень содержательно. Сколько же банальностей произносится во время подобного рода встреч, за которыми бдительно следят издалека журналисты и в тревожном ожидании наблюдают народы разных стран! Я смотрю на челюсть Генерального секретаря. Сумеем ли мы завтра хоть чуточку продвинуться, выйти за пределы безопасных общих мест, добраться до конкретного обсуждения ряда вопросов, что дало бы надежду на какое-то движение вперед.

В. Ж. д'Эстен, с. 23–29.

* * *

Это случилось накануне визита Брежнева в Польшу (1974 год) во главе делегации на празднование 30-летия провозглашения Польской Народной Республики. За два дня до отъезда личный врач Брежнева М. Т. Косарев (прежний умер от рака легких) с тревогой сообщил, что, приехав на дачу, застал Брежнева в астеническом состоянии. Что сыграло роль в этом срыве, разбираться было трудно, да и некогда. Отменить заранее объявленный визит в Польшу было невозможно. Надо было срочно постараться вывести Брежнева из этого состояния. С большим трудом это удалось сделать, и 19 июля восторженная Варшава встречала руководителя братского Советского Союза. Руководитель был зол на нас, заставивших его выдержать режим, но зато держался при встрече хорошо и выглядел бодро. На

следующий день предполагалось выступление Брежнева на торжественном заседании, и мы просили его выдержать намеченный режим, причем предупредили и присутствовавшую при разговоре Н. об ответственности момента. В ответ была бурная реакция Брежнева в наш с Косаревым адрес с угрозами, криком, требованиями оставить его в покое. Косарев, который впервые присутствовал при такой реакции, побледнел и растерялся. Мне уже приходилось быть свидетелем подобных срывов, связанных с болезнью, и я реагировал на них спокойно.

Вечером, когда мы попытались встретиться с Брежневым, нам объявили, что он запретил пускать нас в свою резиденцию, которая находилась в 300 метрах от гостиницы, в которой мы жили. Без нас, вечером, Брежнев принял успокаивающие средства, получение от кого-то из окружения, вероятнее всего от Н., которая оставалась с ним. Утром мы с трудом привели его в «божеский» вид. Что было дальше, описывает Э. Терек в своих «Воспоминаниях», в которых Брежнев предстает как странный или невменяемый человек. Мне, больше чем ему, было стыдно, когда Брежнев начал дирижировать залом, поющим «Интернационал».

Я подробно останавливаюсь на этом случае не только потому, что его описание объясняет историю, рассказанную Тереком, но и потому, что подобные ситуации возникали и в дальнейшем не раз в ответственные моменты политических и дипломатических событий.

Е. Чазов, с. 126–127.

* * *

К августу 1975 года было подготовлено Соглашение по безопасности в Европе. Подписание соглашения, о котором так мечтал Брежнев, должно было состояться в августе в Хельсинки. Естественно, на этот период надо было обеспечить активность Генерального секретаря. Мы изучили все известные мировой медицине методы стимуляции функций организма, в том числе и центральной нервной системы…

Брежнева нам удалось перед поездкой в Хельсинки вывести из состояния мышечной астении и депрессии. Андропов очень волновался перед поездкой Брежнева в Хельсинки. Разработанный план дезинформации общественного мнения в отношении здоровья Брежнева рушился. Внутри страны еще можно было как-то мириться с ситуацией, связанной с болезнью Брежнева. Другой вопрос — как его воспримут на Западе? Не поднимут ли голову ее недруги? Боялся Андропов, да и я, и не без

оснований, возможного срыва в ходе Хельсинкского совещания. Чтобы предупредить разговоры внутри страны, делегация и число сопровождающих лиц были сведены к минимуму — А. А. Громыко и начавший набирать силу К. У. Черненко. Мы поставили условие: чтобы во время поездки (в Хельсинки мы ехали поездом) и в период пребывания в Финляндии у Брежнева были бы только официальные встречи, и ни Н., ни кто-либо другой не встречался с ним наедине (кроме Громыко и Черненко).

Надо сказать, что и в этот период, и в последующих сложных политических ситуациях, когда надо было проявлять хоть минимум воли и мышления, Брежнев с нами соглашался…

У нас была только одна мысль — хоть бы скорее все закончилось (Хельсинкское совещание) и лишь бы не пришлось на ходу применять лекарственные средства. К нашей радости и определенному удивлению, выступление Брежнева и подписание соглашения прошло относительно хорошо. Естественно, когда надо было ехать на официальный обед, который давал У. Кекконен в честь глав делегаций, он вдруг начал категорически отказываться от поездки, убеждая, что на обеде страну вполне может представлять Громыко. С большим трудом удалось его уговорить поехать на обед, где его приезда ждали главы делегаций, и уехал раньше в резиденцию, размещавшуюся недалеко от дворца президента в здании нашего посольства.

Е. Чазов, с. 130–131.

* * *

Воспользовавшись моментом, когда Брежнев остался один, о чем мне сообщил Рябенко, искренне помогавший мне все 15 лет, я приехал на дачу. Брежнев был в хорошем состоянии и был удивлен моим неожиданным визитом. Мы поднялись на 3-й этаж, в его неуютный кабинет, которым он пользовался редко. Волнуясь, я начал заранее продуманный разговор о проблемах его здоровья и его будущем.

Понимая, что обычными призывами к соблюдению здорового образа жизни таких людей, как Брежнев, не убедишь, я, памятуя разговор с Андроповым, перенес всю остроту на политическую основу проблемы, обсуждая его возможности сохранять в будущем позиции политического лидера и главы государства, когда его астения, склероз мозговых сосудов, мышечная слабость станут видны не только его друзьям, но и врагам, а самое главное — широким массам. Надо сказать, что Брежнев не отмахнулся от меня, как это было раньше. «Ты все преувеличиваешь, — ответил

он на мои призывы. — Товарищи ко мне относятся хорошо, и я уверен, что никто из них и в мыслях не держит выступать против меня. Я им нужен. Косыгин, хотя и себе на уме, но большой поддержкой в Политбюро не пользуется. Что касается Подгорного, то он мой друг, мы с ним откровенны, и я уверен в его добром отношении ко мне (через 3 года он будет говорить противоположное). Что касается режима, то я постараюсь его выполнять. Если надо, каждый день буду плавать в бассейне. (Только в этом он и сдержал слово, и до последних дней его утро начиналось с бассейна, даже в периоды, когда он плохо ходил. Это хоть как-то его поддерживало). В отношении успокаивающих средств ты подумай с профессорами, что надо сделать, чтобы у меня не появлялась бессонница. Ты зря нападаешь на Н. Она мне помогает и, как говорит, ничего лишнего не дает. А в целом тебе по-человечески спасибо за заботу обо мне и моем будущем».

Насколько я помню, это была наша последняя обстоятельная и разумная беседа, в которой Брежнев мог критически оценивать и свое состояние, и ситуацию, которая складывалась вокруг него. Действительно, почти год после нашего разговора, до середины 1974 года, он старался держаться и чувствовал себя удовлетворительно.

Е. Чазов, с. 123–124.

* * *

В последние годы жизни Брежнев страдал недугом. Он плохо говорил и стеснялся этого дефекта, хотя жизнь и положение требовали от него выступлений с длинными докладами. Кроме этого, он еле передвигался и не мог подниматься по лестницам. Все это создавало массу проблем для сотрудников протокола и безопасности. Это видели иностранные представители, посещавшие Советский Союз с визитами, и особенно журналисты, которые буквально охотились за ним, фотографировали его и изучали, чтобы дать свой прогноз о возможной его смерти. Они понимали, что это событие может привести к серьезным переменам в жизни советского общества.

М. Докучаев, с. 180.

* * *

Между тем события, связанные с болезнью Брежнева, начали приобретать политический характер. Не могу сказать, каким

образом, вероятнее от Подгорного и его друзей, но слухи о тяжелой болезни Брежнева начали широко обсуждаться не только среди членов Политбюро, но и среди членов ЦК. Во время одной из очередных встреч со мной как врачом ближайший друг Брежнева Устинов, который в то время еще не был членом Политбюро, сказал мне: «Евгений Иванович, обстановка становится сложной. Вы должны использовать все, что есть в медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги. Вам с Юрием Владимировичем надо продумать и всю тактику подготовки его к съезду партии. Я в свою очередь постараюсь на него воздействовать».

Е. Чазов, с. 137.

* * *

Дело в том, что в последние годы жизни Брежнев (и это я видел собственными глазами) и физически, и интеллектуально был не в состоянии руководить партией и страной, тем более руководить единолично. Хотя и публично, и в кулуарах поддерживалась (да и сегодня пропагандируется некоторыми людьми) обратная версия, удобная кое-кому, поскольку снимает с них ответственность. Однако по мере ухудшения состояния здоровья Брежнева (очевидного для всей страны и всего мира) эта версия принимала все более анекдотичный вид. В то же время нельзя сказать, что кто-то вертел им, как хотел, а сам Брежнев вообще перестал играть какую-то роль. Ситуация была более сложной и запутанной, более драматичной для такой великой державы, как наша.

В. Печенев, с. 152.

* * *

Мы понимали, что напряжение съезда (XXV), работа на пределе сил не пройдут для Брежнева даром и что в ближайшее время следует ожидать «разрядки», которая может привести к глубоким изменениям в состоянии его здоровья и личности. Однако так, как это произошло — быстро, с необычайной для него агрессией, — даже я не ожидал…

Часов около 11 вечера, когда я вернулся домой, раздался звонок, и я услышал необычайный, почему-то заикающийся голос Рябенко, который сказал, что со мной хотел бы поговорить Брежнев. Я ожидал слова благодарности, но вместо этого

услышал труднопередаваемые упреки, ругань и обвинения в адрес врачей, которые ничего не делают для сохранения его здоровья, здоровья человека, который нужен не только советским людям, но и всему миру. Даже сейчас мне неприятно вспоминать этот разговор, в котором самыми невинными фразами было пожелание, чтобы те, кому следует, разобрались в нашей деятельности и нам лучше лечить трудящихся в Сибири, чем руководство в Москве. Последовало и дикое распоряжение, чтобы утром стоматологи из ФРГ, которые изготавливали ему один за другим зубные протезы, были в Москве. В заключение он сказал, чтобы ему обеспечили сон и покой… Именно с этого времени — времени после XXV съезда партии — я веду отсчет недееспособности Брежнева как руководителя и политического лидера страны, и в связи с этим — нарождающегося кризиса партии и страны.

Е. Чазов, с. 143.

* * *

Четыре года спустя, в апреле 1979 года, Леонид Брежнев вновь встречал меня в аэропорту Шереметьево. На этот раз все было скромнее. Уже без школьников. Это был рабочий визит. Я гадал, приедет ли Брежнев в аэропорт или же пришлет кого-нибудь вместо себя, так как слухи о плохом состоянии его здоровья распространялись во всем мире. Он часто отменял визиты к нему из-за рубежа.

Через иллюминатор самолета я сразу увидел его — в сером пальто и фетровой шляпе с шелковой лентой. Рядом с ним — Громыко и сотрудники МИДа.

Мы садимся в громадную черную машину Брежнева, и кортеж неспешно направляется в Москву. Наши переводчики сидят напротив нас. У меня теперь новый переводчик. Молодая женщина русского происхождения Катрин Литвинова… Она старательно поджимает колени, чтобы не задеть нас. Леонид Брежнев с некоторым удивлением разглядывает ее смазливое личико со светлой кожей славянки. Ее акцент, несомненно типичный, ласкает слух.

Брежнев сразу же принимается объяснять:

— Я приехал встретить вас в аэропорту вопреки мнению врача. Он запретил мне это. Вам, должно быть, известно, что в последнее время я отказываюсь от визитов. Но я знаю, что вы содействуете развитию добрых отношений между СССР и Францией. Я не хотел бы, чтобы мое отсутствие было неверно

истолковано. Вы наш друг.

Он сидит, откинувшись назад, в своем сером пальто. На лбу проступают капельки пота. Он вытирает его платком…

Но вот Брежнев снова начинает говорить. Он произносит по-русски какую-то короткую фразу, не напрягая голоса. Переводчик воспроизводит ее почти так же — отрешенным и спокойным тоном:

— Должен признаться, я очень серьезно болен.

Я затаил дыхание. Сразу же представляю, какой эффект могло бы произвести это признание, если бы радиостанции разнесли его по всему миру. Знает ли он, что западная печать каждый день обсуждает вопрос о его здоровье, прикидывая, сколько месяцев ему осталось жить? И если то, что он сказал мне, правда, способен ли он в самом деле руководить необъятной советской империей? Между тем он продолжает:

— Я скажу вам, что у меня, по крайней мере как мне говорят врачи. Вы, наверное, помните, что я мучился из-за своей челюсти. Вы, кстати, обратили на это внимание в Рамбуе. Это раздражало. Но меня очень хорошо лечили, и все теперь позади.

В самом деле, кажется, дикция стала нормальной и щеки уже не такие раздутые. Но с какой стати он сообщает это все мне? Понимает ли он, чем рискует? Отдает ли себе отчет в том, что рассказ об этом или просто утечка информации губительны для него?

— Теперь все намного серьезней. Меня облучают. Вы понимаете о чем идет речь? Иногда я не выдерживаю, это слишком изнурительно, и приходится прерывать лечение. Врачи утверждают, что есть надежда. Это здесь, в спине.

Он с трудом поворачивается.

— Они рассчитывают меня вылечить или по крайней мере стабилизировать болезнь. Впрочем, в моем возрасте разницы тут почти нет!

Он смеется, сощурив глаза под густыми бровями. Потом следуют какие-то медицинские подробности, касающиеся его лечения, запомнить их я не в состоянии. Он кладет мне руку на колено — широкую руку с морщинистыми толстыми пальцами, на ней словно лежит печать тяжелого труда многих поколений русских крестьян.

— Я вам говорю это, чтобы вы лучше поняли ситуацию. Но я непременно поправлюсь, увидите. Я малый крепкий!

В. Ж. д ‘Эстеп, с. 39–40.

* * *

И вот уже разрабатывается система телевизионного освещения заседаний и встреч с участием Брежнева, а потом и Андропова, где режиссер и оператор точно знают ракурс и точки, с которых они должны вести передачу. В новом помещении для пленумов ЦК КПСС в Кремле устанавливаются специальные перила для выхода руководителей на трибуну. Разрабатываются специальные трапы для подъема в самолет и на Мавзолей Ленина на Красной площади. Кстати, если мне память не изменяет, создателей трапа удостаивают Государственной премии.

Е. Чазов, с. 134.

* * *

Последний раз я видел Л. И. Брежнева незадолго до его смерти. Он снова принимал американцев. На этот раз присутствовал его помощник. Меня поразила перемена в Брежневе. Генсек был какой-то заторможенный. Как только сели, он взял заготовленный текст и, с трудом прочитав его, замолк. Потом, к моему удивлению, повернулся к помощнику и спросил: «Я все правильно прочитал?» Помощник кивнул. Когда американцы, задав несколько вопросов, увидели, с каким трудом он отвечает на них и потом спрашивает помощника, правильно ли ответил, они скомкали беседу и ушли. Да, старость не красит человека, даже если он глава огромного государства.

В. Сушков, с. 125.

* * *

Трудно вспомнить сегодня, сколько официальных информаций о состоянии здоровья Брежнева мы направили в Политбюро за последние 6–7 лет его жизни. Возможно, они еще хранятся в каких-то архивах. Однако спокойствие Андропова было обоснованным — ни по одному письму не было не то что ответной реакции, но никто из членов Политбюро не проявлял даже минимального интереса к этим сведениям. Скрывать немощь Генерального секретаря стало уже невозможным. Но все делали «хорошую мину при плохой игре», делая вид, как будто бы ничего с Брежневым не происходит, что он полон сил и активно работает.

Е. Чазов, с. 149.

* * *

Один из моих друзей, офицер управления охраны, рассказал мне, что поутру 10 ноября 1982 года Брежнев проснулся, как обычно, в 8 часов. Долго лежал в постели, кряхтел, сопел, скрипел суставами. Старый организм разгорался плохо, как изношенный примус. К этому привыкли в доме, стали готовить завтрак, заводить машину, и вдруг домашние обратили внимание, что из спальни не слышны обычные старческие шарканья и хрипловатое покашливание. Жена открыла дверь и увидела остановившиеся глаза покойника. «Леня!» — раздался кинжальный крик, и Виктория Петровна забилась в приступе понятного человеческого горя. Маги и чародеи из 4-го управления Минздрава вроде бы пытались запустить остановившееся сердце, но в 8.30 пришлось констатировать смерть.

Н. Леонов, с. 257.

* * *

1 ноября, как всегда, Брежнев был на трибуне Мавзолея, вместе с членами Политбюро приветствовал военный парад и демонстрацию. Чувствовал себя вполне удовлетворительно и даже сказал лечащему врачу, чтобы тот не волновался и хорошо отдыхал в праздничные дни.

10 ноября, после трех праздничных дней, я, как всегда, в 8 утра приехал на работу. Не успел я войти в кабинет, как раздался звонок правительственной связи, и я услышал срывающийся голос Володи Собаченкова из охраны Брежнева, дежурившего в этот день. «Евгений Иванович, Леониду Ильичу нужна срочно реанимация», — только и сказал он по телефону. Бросив на ходу секретарю, чтобы «скорая помощь» срочно выехала на дачу Брежнева, я вскочил в ожидавшую меня машину и под вой сирен, проскочив Кутузовский проспект и Минское шоссе, через 12 минут (раньше, чем приехала «скорая помощь») был на даче Брежнева в Заречье.

В спальне я застал Собаченкова, проводившего, как мы его учили, массаж сердца. Одного взгляда мне было достаточно, чтобы увидеть, что Брежнев скончался уже несколько часов назад. Из рассказа Собаченкова я узнал, что жена Брежнева, которая страдала сахарным диабетом, встала в 8 часов утра, так как в это время медицинская сестра вводила ей инсулин. Брежнев лежал на боку, и, считая, что он спит, она вышла из спальни. Как только она вышла, к Брежневу пришел В. Собаченков, чтобы его разбудить и помочь одеться. Он-то и застал мертвого Брежнева. Вслед за мной приехали врачи «скорой помощи», которые начали

проводить в полном объеме реанимационные мероприятия. Для меня было ясно, что все кончено, и эта активность носит больше формальный характер.

Две проблемы встали передо мной — как сказать о смерти Брежнева его жене, которая только 30 минут назад вышла из спальни, где несколько часов лежала рядом с умершим мужем, и второе — кого и как информировать о случившейся ситуации. Я не исключал, что телефоны прослушиваются, и все, что я скажу, станет через несколько минут достоянием либо Федорчука, либо Щелокова. Я прекрасно понимал, что прежде всего о случившемся надо информировать Андропова. Он должен, как второй человек в партии и государстве, взять в свои руки дальнейший ход событий. На работе его еще не было, он находился в пути. Я попросил его секретаря, чтобы Андропов срочно позвонил на дачу Брежнева. Буквально через несколько минут раздался звонок. Ничего не объясняя, я попросил Андропова срочно приехать…

Появился взволнованный и растерянный Андропов, который сказал, что сразу после моего звонка догадался, что речь идет о смерти Брежнева. Он искренне переживал случившееся, почему-то суетился и вдруг стал просить, чтобы мы пригласили Черненко. Жена Брежнева резонно заметила, что Черненко ей мужа не вернет и ему нечего делать на даче. Я знал, что она считает Черненко одним из тех друзей, которые снабжали Брежнева успокаивающими средствами, прием которых был ему запрещен врачами. Может быть, это сыграло роль в тоне отрицательного ответа на предложение Андропова. Андропов попросил меня зайти вместе с ним в спальню, где лежал Брежнев, чтобы попрощаться с ним.

Медицинский персонал уже уехал, и в спальне никого не было. На кровати лежал мертвый лидер великой страны, 18 лет стоявший у руля правления. Спокойное, как будто во сне лицо, лишь слегка одутловатое и покрытое бледно-синей маской смерти. Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева. Мне трудно было догадаться, о чем он в этот момент думал — о том, что все мы смертны, какое бы положение ни занимали (а тем более он, тяжелобольной), или о том, что близок момент, о котором он всегда мечтал — встать во главе партии и государства. Он вдруг заспешил, пообещал Виктории Петровне поддержку и заботу, быстро попрощался с ней и уехал.

Е. Чазов, с. 168–169.

* * *

Надо сказать, что в последние два-три года до кончины он фактически пребывал в нерабочем состоянии. Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей. Для большинства руководящих работников, особенно в центре, становилось ясно, что силы его на исходе. Не смог он укрепиться в мысли о том, что пора честно сказать о невозможности для него занимать прежнее положение, что ему лучше уйти на отдых. Вполне возможно, что, избрав именно такой путь, он мог бы еще свою жизнь и продлить.

Состояние его было таким, что даже формальное заседание Политбюро с серьезным рассмотрением поставленных в повестке дня проблем было для него уже затруднительным, а то и вовсе не под силу.

Вот в такой период рано утром 10 ноября 1982 года мне позвонил Андропов и сообщил:

— Леонид Ильич Брежнев только что скончался.

А. Громыко, кн. 2, с. 530.

* * *

День накануне кончины прошел у генсека, как обычно. Он приехал из Завидова после «охоты», на которой стреляли, по его указанию, охранники. Сам он уже не мог. После ужина отправился спать, хотя делал это, по привычке, после просмотра информационной программы «Время». Утром около девяти часов охранники В. Медведев и В. Собаченков пошли будить генерального секретаря, но застали его мертвым в собственной постели.

В конце концов человеческая жизнь к своему исходу похожа на пепел на ветру. Маленькая искра от вечного костра, гаснущая, уносимая в бесконечное небытие.

Искусственное дыхание, реанимационная бригада, советы приехавшего академика Е. И. Чазова… Все напрасно. Первым из членов Политбюро, узнав о смерти, прибыл, конечно, Ю. В. Андропов. Медведев пишет, что после его рассказа Андропову, как все было, тот оставался совершенно спокойным и «не задавал лишних или неприятных для нас вопросов». Все «соратники» давно предвидели скорый конец четвертого «вождя».

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 106–107.

* * *

Он был жив, но, как считали врачи, не вполне реально осознавал и оценивал происходящее. Поэтому, когда после октябрьских праздников мне позвонил мой старый товарищ из Госплана и спросил: «Это правда, что Брежнев умер?» — я удивился. Во-первых, этого не знал, о чем сказал со всей определенностью, а во-вторых, такие слухи время от времени запускались уже не раз.

Но на этот раз слухи о смерти не были преувеличены. Брежнев тихо умер в своей постели 10 ноября 1982 года между восемью и десятью часами утра. И был обнаружен уже остывшим своим адъютантом, который пришел будить генсека. Хотя он был давно и серьезно болен, но почему-то ни служба охраны, ни медики не держали вблизи не только врачей, но даже медсестры, и реанимировать его взялись охранники, делая массаж больного старого сердца Брежнева, но было поздно. Прибывшие реаниматоры лишь констатировали смерть генсека на маленькой и неуютной его даче в Заречье, в пяти минутах езды от кольцевой автодороги.

В. Болдин, с. 40.

* * *

Умер Леонид Ильич неожиданно. Может быть, это звучит странно — о его физическом состоянии благодаря телевидению знала вся страна, мы наблюдали всю клиническую картину здоровья генсека воочию. Но тянулось это настолько долго, что стало привычным, о возможности близкого конца никто не думал.

7 ноября 1982 года — в день Октябрьской годовщины — Брежнев, как Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Главнокомандующий и Председатель Совета Обороны, принимал военный парад. Потом — торжественный прием, где он зачитал приветственную речь. В общем — все как обычно.

10 ноября я принимал делегацию из Словакии. Шла оживленная беседа, когда неожиданно из секретариата мне передали записку: «Вас срочно вызывает Андропов. Он знает, что вы принимаете делегацию, но просит извиниться, объявить перерыв и сразу же зайти к нему».

Когда я вошел в кабинет Андропова, Юрий Владимирович внешне выглядел достаточно спокойно. И вместе с тем за этим скрывалось огромное внутреннее напряжение. Ровным голосом он рассказал, что Виктория Петровна — жена Брежнева — попросила срочно сообщить ему о смерти Леонида Ильича и передать, что

его ждут на даче в Заречье. Никого другого видеть она не хотела. Андропов уже побывал там, беседовал с Чазовым, сотрудниками охраны. Смерть наступила за несколько часов до приезда бригады «скорой помощи»…

Откровенно говоря, кончина Брежнева, хотя и произошла внезапно, никого из нас не потрясла, не вывела из равновесия, не была она воспринята как тяжкая потеря и в обществе, несмотря на все усилия пропаганды, а может, именно из-за нее.

М. Горбачев, кн. 1, с. 218–219.

* * *

Умер Брежнев неожиданно — уснул и не проснулся. Охранники его сорок минут пытались реанимировать, но неудачно. Странно, но на даче не было медицинского поста, не дежурила медицинская сестра… И это при всем при том, что после 1975 года, когда Леонида Ильича после обширнейшего инфаркта чудом вытянули с того света, он мог в принципе умереть в любой момент. Многие, надеюсь, помнят — не только москвичи: мчится кавалькада машин — Брежнев, охрана, помощники, а сзади обязательно «реанимационная» катит.

А вот на даче в ту злополучную ночь никого из медиков не оказалось. А ведь, как мне потом рассказывали, симптомы были — поужинал Леонид Ильич и на боль в горле пожаловался: «Тяжело глотать…» Его спросили: «Может, врача позвать?» Он в ответ: «Нет, не надо!» Телевизор смотреть не стал, а поднялся из-за стола и пошел спать.

Утром охранники обнаружили его еще теплого. Умер!

Я о смерти Брежнева узнал утром от охранников. Но всей стране об этом еще долго не сообщалось. Догадаться, конечно, можно было по передачам радио и телевидения. Музыку по всем каналам заиграли очень грустную. Какую программу ни включишь — музыканты смычками скрипочки «перепиливают», «лебеди умирающие» па-де-де вытворяют, а вечером — министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков (10 ноября — День советской милиции) милиционеров с праздником поздравлял и ни разу «вождя» не вспомнил. Да и сам многочасовой концерт самых главных звезд эстрады отменили — случай небывалый!

В. Прибытков, с. 148–149.

* * *

Все сказанное вовсе не означает, что сам Леонид Ильич не сознавал, не представлял себе то положение, в котором в действительности оказался, не представлял степень ослабления своих возможностей, своей работоспособности. Напротив, многое из того, что мне приходилось наблюдать, говорило о том, что он все это прекрасно видел, знал и очень мучился таким положением. Из совершенно надежного источника мне известно, что Леонид Ильич дважды ставил перед своими товарищами по Политбюро вопрос о своем уходе в отставку. Но «старики» (Тихонов, Соломенцев, Громыко, Черненко, может быть, Устинов) решительно были против: «Что ты, Леня! Ты нам нужен, как знамя, за тобой идет народ. Ты должен остаться». Видимо, у Брежнева не хватило силы воли противостоять этим уговорам (а может быть, сыграло свою роль и честолюбие — нежелание завершать свою жизнь в положении человека, ушедшего с высшего поста в государстве).

При всем этом, однако, ясно одно: Брежнев думал об избрании своего преемника. Как я уже упоминал, в последние месяцы своей жизни он принял на этот счет совершенно ясное решение: этим преемником должен стать Андропов.

А. Александров-Агентов, с. 273–274.

* * *

Напуганный очередным ударом, случившимся в 1976 году, Брежнев все отдал на откуп своему окружению, фактически не работая, по свидетельству Чазова, последние шесть лет.

Для понимания происходящего важно учитывать и особенности натуры Брежнева — впечатлительной, склонной к самообольщению. Видимо, к концу жизни он сам поверил в свое величие и неповторимость. Об этом красноречиво свидетельствует такой факт, о котором напомнил мне П. К. Мусиенко в процессе работы над этой книгой.

У В. В. (Щербицкий. — Сост.) была привычка, — вспоминает Петр Кириллович, — засидевшись за документами, подняться, походить по кабинету, поглядеть из окна на улицу. В такие минуты он часто вспоминал былое и однажды рассказал о том, что во время пребывания в Варшаве (Брежнев возглавлял делегацию КПСС на съезде ПОРП) в неофициальной обстановке, в резиденции, где они размещались, состоялась необычная беседа.

— Я деликатно, — подчеркнул В. В., — завел разговор о том, что годы идут, сил не прибавляется, пора, видимо, подумать о переходе на покой.

— Да ты что, Володя, — обиделся на меня Леонид Ильич, даже слезы на глазах выступили. — Не ожидал я этого от тебя…

— Больше, — вспоминал В. В., — к этому вопросу я не возвращался. Брежнев в отставку уходить явно не собирался.

В. Врублевский, с. 42–43.

* * *

… В течение нескольких последних лет он работал, будучи уже больным. Правда, он этого не афишировал. И даже скрывал. Однажды Ю. В. Андропов и я договорились намекнуть Брежневу:

— Не следует ли вам как-то поберечь свое здоровье? Если ему не уделить должного внимания, то это может быть связано с большой опасностью.

Конечно, намек выглядел прозрачным, хотя и поставлен был, как нам казалось, с должным тактом.

Брежнев в ответ просто промолчал, а затем перешел к разговору на другие темы.

Мы оба, Андропов и я, расценили такую реакцию как то, что он и не помышлял об изменении своего положения.

А. Громыко, кн. 2, с. 524.

* * *

Откровенность отца в этот вечер не знала пределов. Он обеими руками, почти до самых бровей, прикрыв наполовину уши, натянул свою ушанку и сказал:

— Андропов не без слабостей. И в нем лояльность к Брежневу переросла все разумные рамки. Ну, например, случилось однажды так, что мы вдвоем — Андропов и я — были у генсека. Леониду нездоровилось, можно даже сказать, что он испытывал сильное недомогание. И вдруг Брежнев сказал: «А не уйти ли мне на пенсию? Чувствую себя плохо все чаще. Надо что-то предпринять». Такие мысли у Генерального секретаря появлялись в последние годы не раз и не два. Я чувствовал, что на этот раз он вроде бы настроен на серьезный разговор. Андропов среагировал мгновенно и очень эмоционально, что было неожиданно для меня: «Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь, только живите. Соратники у вас крепкие, не подведем». Эту фразу — «вы только живите», сказанную каким-то неестественным для него жалостливым тоном, слышу даже сейчас. Брежнев был очень доволен, весь

буквально растаял и со слезами на глазах сказал: «Если вы все так считаете, то еще поработаю».

Ан. Громыко, с. 31–32.

* * *

Л. И. Брежнев заметно сдал примерно за три года до кончины. В апреле 1979 года он вдруг пригласил к себе А. Я. Рябенко и сказал, что плохо себя чувствует. «Хочу на отдых», — заявил он тогда, и Рябенко понял, что надо готовиться к поездке на отдых. Но Леонид Ильич уточнил, что «надо уходить в отставку». Он попросил позвонить К. У. Черненко и собрать всех членов Политбюро. На заседании Л. И. Брежнев сделал заявление о своем уходе на пенсию. Все члены Политбюро в один голос возразили ему. Они заявили, что создадут ему необходимые условия для нормальной работы и отдыха. Постановили, чтобы он в пятницу уезжал в Завидово, отдыхал там и возвращался в Москву не раньше вечера воскресенья. Этого распорядка Брежнев придерживался в дальнейшем, проработав еще три года.

М. Докучаев, с. 173–174.

* * *

Эдвард Терек был личным другом Брежнева. Он сообщил мне (хотя я и не могу ручаться за достоверность его слов, так как наша разведывательная служба не имела ни одного гражданского агента в Советском Союзе), что мать Брежнева была полькой.

Брежнев это скрывал, поскольку русские к полякам относятся с сарказмом и презрением. Тем не менее польский был в прямом смысле его родным языком, и с Тереком они нередко говорили по телефону по-польски.

Летом Терек отдыхал в Крыму, на даче, расположенной по соседству с дачей Брежнева. Они часто встречались и, по-видимому, вели доверительные беседы.

В октябре 1976 года я нанес Тереку официальный визит… Вечером следующего дня в разговоре наедине Терек сказал мне по секрету:

— Брежнев говорил со мной о своем преемнике. Хотя Брежнев еще достаточно здоров, но уже начинает подыскивать себе замену, что совершенно естественно. Думаю, вам будет полезно знать, кого он наметил. Разумеется, это должно остаться между нами. Речь идет о Григории Романове, в настоящее время

он возглавляет ленинградскую партийную организацию. Он еще молод, но Брежнев считает, что Романов успеет набраться опыта и что он самый способный человек…

После сообщения Терека меня постоянно информировали о деятельности Романова, и я всегда следил за тем, чтобы ему посылалось приглашение во время моих визитов в Москву.

Эдвард Терек не забыл тот наш разговор. В мае 1980 года я снова встретился с ним в Варшаве специально для того, чтобы через него предупредить Леонида Брежнева о губительных последствиях для разрядки опасной афганской авантюры. Во время нашей встречи… Терек вновь обратился к вопросу о преемнике Брежнева.

— Вы, вероятно, помните, что я сказал вам относительно Романова. Теперь это не так. Намерения Брежнева изменились. Он прочит себе в преемники не Романова, а Черненко. Вы его знаете?

Я знал Черненко в том смысле, что замечал его на официальных приемах. Он показался мне человеком преклонного возраста, бесцветным и всячески старающимся угодить Брежневу. Таким образом, режим предпочел замкнуться на самом себе.

Поэтому, когда на смену Брежневу пришел Андропов, я понял, что в самой системе произошел какой-то сбой и к власти пришел не тот, кто намечался.

В. Ж. д'Эстен, с. 134–136.

* * *

Один из работников, помогавших Брежневу, поведал мне однажды следующий эпизод. Приехал в очередной раз к Леониду Ильичу Щербицкий. Долго рассказывал об успехах Украины, а когда стали расставаться, довольный услышанной информацией, Брежнев расчувствовался и, указав на свое кресло, сказал:

— Володя, вот место, которое ты займешь после меня.

Шел тогда 1978 год, Щербицкому исполнилось 60 лет. Это была не шутка или минутная слабость. Леонид Ильич действительно питал к нему давнюю привязанность и, как только пришел к власти, сразу вытащил Щербицкого из Днепропетровска, куда его отправил Хрущев, добился назначения Председателем Совмина Украины, а потом и избрания членом Политбюро — в пику Шелесту и для уже предрешенной его замены.

М. Горбачев, кн. 1, с. 202.

* * *

Брежнев на склоне лет, чувствуя надвигавшуюся на него болезнь, начал сознательно готовить Андропова на роль преемника.

Хорошо памятен мне эпизод, когда через день-два поело внезапного заболевания Суслова в начале 1982 года Леонид Ильич отвел меня в дальний угол своей приемной в ЦК и, понизив голос, сказал: «Мне звонил Чазов. Суслов скоро умрет. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко — эрудированный, творчески мыслящий человек?» Я, естественно, полностью поддержал это мнение.

Как-то позже, уже став вторым секретарем ЦК, Андропов рассказывал мне, что Леонид Ильич сделал ему внушение за то, что Андропов, стесняясь, не перенял до сих пор от Черненко, временно осуществлявшего тогда руководство заседаниями секретариата ЦК, эту обязанность на себя.

«Если так пойдет, то мы никогда не подготовим достойную замену на пост генерального секретаря», — сказал Брежнев, обращаясь к Андропову.

Таким образом, даже больной Брежнев думал о перспективе и делал определенную ставку на Андропова — увы, к тому времени тоже уже тяжело больного.

А. Александров-Агентов, с. 267.

* * *

По моим наблюдениям, у Андропова отсутствовало властолюбие — стремление стать «главным». Долгое время он нисколько не заботился, чтобы к этому посту подготовиться. В частности, во второй половине 70-х годов несколько раз отводил мои попытки заинтересовать его экономическими проблемами, говорил, что не собирается стать в них специалистом, хватает ему и своих дел. На мои слова, что ему все же надо было бы пройти экономический «ликбез», чтобы лучше ориентироваться во время обсуждений такого рода вопросов на заседаниях Политбюро, отвечал (даже с известным раздражением), что у него на это нет времени.

Перспектива занять лидирующее положение обозначилась для него как более или менее реальная в начале 1982 года, после смерти Суслова. Уже в феврале начали ходить слухи, что Андропова прочат на его место. Вскоре мне представилась возможность спросить у Юрия Владимировича, имеют ли эти

слухи под собой основания. Помню, заметил в шутку, что со времени работы в ЦК в принципе не верю слухам о кадровых перемещениях, а став академиком, оформил это неверие научно: слухи рождаются на основе здравого смысла, а кадровая политика ЦК руководствуется какими-то иными, более высокими соображениями. Андропов рассмеялся и сказал, что на этот раз слухи верны. Уже через несколько дней после смерти Суслова Брежнев предложил ему вернуться в ЦК на должность секретаря. Сказал: давай решим на Политбюро и переходи на новую работу со следующей недели. Андропов поблагодарил за доверие, но напомнил Брежневу, что секретари ЦК избираются Пленумом, а не назначаются Политбюро. Брежнев предложил созвать Пленум на следующей неделе. Андропов возразил: ради одного этого не стоит созывать Пленум, можно дождаться очередного, уже объявленного Пленума, который намечен на май. Брежнев поворчал, но согласился.

У меня от этого разговора сложилось впечатление, что Андропов испытывает двойственное чувство. О причинах можно было догадаться. С одной стороны, он хотел бы вернуться в ЦК уже потому, что наверняка понимал: при смене руководства — а болезнь Брежнева прогрессировала — председатель КГБ окажется в крайне уязвимом положении. Сделать главу комитета лидером значило бы нарушить традицию. Так что преемником Брежнева стал бы кто-то другой. Но кто бы это ни был, он прежде всего сменит главу КГБ — слишком много тот знает, не говоря уже о том, что новый лидер предпочтет иметь на таком посту своего человека. А с другой стороны, Андропова (он потом об этом сам сказал) не мог не волновать вопрос: с чем связано, чем мотивировано предложение Брежнева? О смерти и преемниках он вроде бы до сих пор не задумывался. Действительно ли Брежнев хочет, чтобы Андропов руководил текущей работой ЦК? Или же его под этим предлогом просто отодвигают от КГБ?

Г. Арбатов. Знамя. 1990. № 10. С. 209–210.

* * *

Думаю, смерть Суслова пробудила кое-какие мыслишки и у других. Так, неожиданным для Андропова оказался звонок давнего его друга Громыко, который довольно откровенно стал зондировать почву для своего перемещения на место «второго». Он прекрасно понимал, что значило оказаться на этом посту теперь и кто будет принимать полномочия от Брежнева. Человек был опытный, способный просчитывать свои шаги весьма далеко.

Не зря же 27 лет, при всех режимах, неизменно оставался министром иностранных дел.

Об этом звонке с удивлением и даже какой-то растерянностью поведал мне Андропов. Ответ Юрия Владимировича был сдержанным:

— Андрей, это дело генсека.

Между прочим, реакция Андропова на этот звонок выдала его собственные расчеты. Юрий Владимирович тоже метил на освободившееся место, и я был абсолютно убежден, что именно он должен его занять. Так же думал и Устинов, с которым у Андропова были самые близкие дружеские отношения…

Юрий Владимирович рассказал мне, что вскоре после смерти Суслова генсек вел с ним разговор о переходе на должность секретаря ЦК, ведущего Секретариат и курирующего международный отдел. И добавил:

— Я, однако, не знаю, каким будет окончательное мнение.

Он все еще не был уверен, что контршаги Черненко не блокируют данное решение. Но при всем влиянии последнего, особенно усиливавшемся в моменты обострения болезни генсека, когда Брежнев начинал чувствовать себя лучше, он проявлял способность занимать и отстаивать свою позицию. В конечном счете 24 мая 1982 года Пленум ЦК избрал Андропова секретарем ЦК КПСС.

Мне кажется, выбор был сделан Брежневым где-то в середине марта. Тогда Андропов рассказал мне, что ему поручено выступить с докладом на торжественном заседании по поводу 112-й годовщины со дня рождения Ленина. По критериям «кремленологии» это означало, что Брежнев определился окончательно…

Вполне возможно, что при выборе Андропова существовал еще один момент, о котором никто не упоминал. Переводя Юрия Владимировича на партийную работу, Брежнев вместо него поставил на госбезопасность Федорчука — человека, абсолютно себе преданного.

Андропов к Федорчуку относился отрицательно и предполагал поставить на данный пост Чебрикова. Но когда Леонид Ильич спросил его напрямую, кого он видит в качестве преемника, от ответа ушел.

— Это вопрос Генерального секретаря, — сказал он.

Когда же Брежнев спросил о Федорчуке, Юрий Владимирович возражать не стал и поддержал данную кандидатуру.

М. Горбачев, кн. 1, с. 203–204.

* * *

Его (Суслова) уход из жизни остро поставил вопрос — кто придет на его место, кто станет вторым человеком в партии, а значит, и в стране?

Уверен, что у Брежнева не было колебаний в назначении на этот пост Андропова. И не только потому, что он был обязан ему, начиная с XXV съезда партии, сохранением своего положения Генерального секретаря и лидера страны, но и в связи с тем, что, несмотря на снижение критического восприятия, он прекрасно представлял, что в Политбюро нет кандидатуры более достойной, чем Андропов. Черненко, может быть, был и не менее, а может быть, и более предан Брежневу, но он не шел ни в какое сравнение с Андроповым по масштабности мышления, общему развитию, аналитическим и дипломатическим возможностям. Однако не все в Политбюро думали так же, как Брежнев. Когда я как-то в феврале, через месяц после смерти Суслова, спросил Андропова, почему не решается официально вопрос о его назначении, он ответил: «А вы что думаете, меня с радостью ждут в ЦК? Кириленко мне однажды сказал — если ты придешь в ЦК, то ты, глядишь, всех нас разгонишь».

Смерть Суслова впервые обозначила противостояние групп Андропова и Черненко. Начался новый, незаметный для большинства раунд борьбы за власть. Ее трагичность заключалась в том, что боролись два тяжелобольных руководителя, и началась она в последний год жизни дряхлого лидера страны.

Е. Чазов, с. 164.

* * *

Хотя Юрия Владимировича после Пленума посадили в сусловский кабинет, поручение ему вести Секретариат ЦК так и не было зафиксировано. Преднамеренно это сделали или нет, не знаю, но, воспользовавшись данным обстоятельством, Черненко, а иногда и Кириленко по-прежнему вели заседания Секретариата.

Так продолжалось примерно до июля 1982 года, когда произошел эпизод, поставивший все на свои места. Обычно перед началом заседания секретари собирались в комнате, которую мы именовали «предбанником». Так было и на сей раз. Когда я вошел в нее, Андропов был уже там. Выждав несколько минут, он внезапно поднялся с кресла и сказал:

— Ну что, собрались? Пора начинать.

Юрий Владимирович первым вошел в зал заседаний и сразу же сел на председательское место. Что касается Черненко, то, увидев это, он как-то сразу сник и рухнул в кресло, стоявшее

через стол напротив меня, буквально провалился в него. Так у нас на глазах произошел «внутренний переворот», чем-то напоминавший сцену из «Ревизора».

Этот Секретариат Андропов провел решительно и уверенно — в своем стиле, весьма отличном от занудной манеры, которая была свойственна Черненко и превращала все заседания в некое подобие киселя.

Вечером я позвонил Андропову:

— Поздравляю, кажется, произошло важное событие. То-то, я гляжу, вы перед Секретариатом были напряжены и замкнуты наглухо.

— Спасибо, Михаил, — ответил Андропов. — Было от чего волноваться. Звонил Леонид Ильич и спрашивал: «Для чего я тебя брал из КГБ и переводил в аппарат ЦК? Чтобы ты присутствовал при сем? Я брал тебя для того, чтобы ты руководил Секретариатом и курировал кадры. Почему ты этого не делаешь?..» Вот после этого я и решился.

Зная состояние генсека в тот момент, особенно его волевые качества и нежелание ссориться с Черненко, я уверен, что сам он на такой звонок был неспособен. Видимо, как это бывало не раз, кто-то стоял рядом и, как говорится, «нажимал». Таким человеком мог быть только Устинов. Если учесть его влияние на Брежнева, его способность действовать напрямую, без всякой дипломатии, а также его давнюю дружбу с Андроповым, то можно утверждать это с достаточной уверенностью. Замечу, что ни Юрий Владимирович, ни Дмитрий Федорович в беседах со мной этого эпизода не упоминали.

М. Горбачев, кн. 1, с. 213.

* * *

…В свое время мы, «аппаратчики», увлеченно пересказывали друг другу байки о том, что Брежнев за несколько дней до смерти лично обзвонил все высшее руководство ЦК и сообщил, что поручает вести заседания Политбюро Андропову (мне, к примеру, находясь в хорошем расположении духа, с энтузиазмом рассказал об этом академик Арбатов). И мы искренне верили, что именно это «телефонное завещание» помогло Юрию Владимировичу возглавить наше государство.

В. Печенев, с. 149.

* * *

Когда хоронили Брежнева, не плакал никто, кроме родственников. И ко времени прощания уже не было вопроса, кто придет на смену Брежневу. Наш не избалованный информацией народ давно понял, что усопших заменяют те, как правило, кто возглавляет комиссию по похоронам. А там сказано все четко — Андропов.

Впрочем, эта ясность была лишь у тех, кто не очень знал кухню «возведения на трон». Перед окончательным решением о преемнике была короткая, но яростная схватка претендентов. Ближайшая правая рука Брежнева — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Черненко — с командой своих приближенных и тех, кто боялся крутых перемен, заявили о себе. Готовился сговор приближенных по выдвижению на первую роль К. У. Черненко. Однако против бывшего шефа КГБ Ю. В. Андропова, являвшегося в то время фактически вторым лицом в партии, идти было, как полагали, трудно и небезопасно. О сговоре стало известно Андропову раньше, чем все разошлись по квартирам. Поэтому сторонники Черненко, смирившись, отступили, а Константин Устинович получил в благодарность должность второго секретаря — того, кто ведет Секретариат ЦК.

В. Болдин, с. 44.

Глава 10

БЫВАЛО И ТАКОЕ…

Покушения. Нелепости. Курьезы

В январе 1969 года Москва встречала космонавтов, вернувшихся с орбиты. В кавалькаде машин, направляющихся в Кремль, были не только космонавты, но и генеральный секретарь. У Боровицких ворот Кремля младший лейтенант Виктор Иванович Ильин, добывший милицейскую форму у своего родственника, открыл огонь из пистолета по головной машине. Но Брежнев находился в другом автомобиле. Погиб водитель лимузина; космонавты и Брежнев не пострадали.

Ильина решили не судить — невыгодно; политический резонанс может быть нежелательным. Через два месяца у Ильина определили хроническое душевное заболевание в форме шизофрении. До этого случая считался совершенно здоровым… Террорист провел в Казани в специальной психиатрической лечебнице 18 лет и затем еще два года в Ленинграде. Через 20 лет принудительного лечения в 1990 году выписан из больницы, как излечившийся…

Естественно, 9-е Главное управление КГБ, занимавшееся охраной членов политбюро, утроило свою бдительность, хотя Брежнев не страдал, как Сталин, манией преследования и комплексом опасности. Похоже, что сам он не придал этому инциденту серьезного значения.

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 33–34.

* * *

Как только блестящий кортеж приблизился к Боровицким воротам Кремля, раздались выстрелы. Чья-то фигура, пропустив первый лимузин, метнулась ко второму, следовавшему в кавалькаде, и открыла огонь из двух пистолетов одновременно — в упор по лобовому пуленепробиваемому стеклу. Оно моментально покрылось паутиной трещин.

Залитый кровью, бессильно обмяк на рулевом управлении водитель. Стрелявший не прекращал огня. Позже установили, что

он всадил 16 пуль. К нему метнулся офицер Ягодкин из «девятки», сбил с ног. Подбежал другой офицер — Редкобородый. Преодолевая шоковое оцепенение, к упавшему бросились охранники, навалились, заломили руки.

Стрелявший не сопротивлялся. У него закатились глаза, изо рта хлестнула белая пена. В нервном припадке бился тот самый сержант милиции, который только что стоял на своем посту у Алмазного фонда.

Раненый водитель скончался в больнице на следующее утро. Это был старший сержант Жарков. Ему уже была оформлена пенсия. Поездка для него была роковой.

Узнав о страшной ошибке, стрелявший долго бился в истерике. Он полагал, что во второй машине находился Леонид Ильич Брежнев, которому и предназначались пули…

Однако во второй машине, по которой стрелял Ильин, Брежнева не было. В ней находились космонавты.

Лимузин генсека за несколько минут до поворота кортежа к Боровицким воротам внезапно изменил маршрут и въехал в Кремль через Спасские ворота.

Исследователи по сей день ломают головы в догадках относительно подлинных мотивов столь странного поступка Брежнева, необъяснимо оставившего общий кортеж и своевременно отвернувшего от места своей вполне возможной гибели.

Версий две, и каждая по-своему уязвима.

Предполагают, что с того момента, когда стало известно о побеге вооруженного двумя пистолетами офицера из воинской части, профессионалы из спецслужб допустили возможную связь между прибытием террориста в Москву 21 января и намеченной на 22 января встречей космонавтов с участием руководства страны. Получив соответствующую ориентировку, охрана Брежнева для страховки направила его машину через другие ворота. На всякий случай.

Однако специалисты утверждают, что охрана по собственной инициативе не может изменить маршрут следования охраняемого без его согласия.

Давал Брежнев «добро» на въезд через Спасские ворота, откликаясь на информацию охраны, обеспечивающей его безопасность, или сам отдал указание покинуть кортеж?

Вторая версия как раз и состоит в том, что, по словам одного из его охранников, Леонид Ильич в какой-то момент сказал:

— А мы-то что лезем вперед? Кого чествуют, нас или космонавтов?

После чего автомобиль генсека свернул к Спасским воротам.

Вот и гадайте, что спасло тогда Леонида Ильича: заговорившая скромность или профессионализм охраны. Впрочем, нельзя исключать и следующего обстоятельства: свою сакральную фразу генсек произнес после того, как получил тревожную информацию о гулявшем по Москве злоумышленнике, не посвящая рядовых охранников в конфиденциальность полученного с самых верхов Лубянки сообщения и не объясняя подлинную причину изменения маршрута. И только недавно стало известно, что сработал сигнал старого служаки-пенсионера, сообщившего о подозрительном визитере из Ленинграда. Отставника усадили в автомобиль, и сам военный комендант Кремля генерал Шорников дважды проехал с ним по маршруту от Внуково до Кремля в поисках потенциального злоумышленника. Ильина искали перед Кремлем, а он, как мы знаем, находился уже в Кремле и «нес службу» у Алмазного фонда.

Ценно и вот это свидетельство:

— Могу сказать одно: ориентировка от военных о возможности какого-то инцидента поступила часа за три до прибытия кортежа в Кремль. Начали искать. Но искали-то человека в военной форме, а Ильин оказался в милицейской. Мой напарник у Боровицких ворот обратил внимание на Ильина, на его сходство с переданным описанием. Но тот был в милицейской форме. Ильин находился возле Алмазного фонда, и, пользуясь формой, делал вид, что работает в Кремле. Он ходил взад-вперед и все время призывал людей встать поровнее, придерживаться порядка. Это и сбило с толку. И пока коллега раздумывал, находясь от Ильина в нескольких шагах, кортеж уже въезжал.

Так вспоминал о чрезвычайном происшествии в Кремле через 11 лет после инцидента В. М. Мухин, отдавший 19 лет жизни охране высших государственных лиц страны, включая Л. И. Брежнева.

Н. Зенькович, с. 204–205, 211–213.

* * *

Одним словом, как ни искали чекисты Ильина, обнаружить его так и не сумели. А может быть, и не хотели. Кстати, на этой версии настаивают те исследователи, которые утверждают, что неудачное покушение было выгодно многим и особенно Л. Брежневу.

Водителя машины Брежнева Илью Жаркова буквально за несколько минут до прибытия к Боровицким воротам пересадили в машину к космонавтам, которая ехала в колонне второй. И эта

пересадка оказалось для Жаркова роковой. Отмечу, что Жарков в тот день вообще не должен был сидеть за рулем, так как он пришел в свой последний день перед пенсией попрощаться с товарищами. Но начальник попросил Жаркова подменить внезапно заболевшего водителя и съездить в последний раз. Вот он и съездил.

Тем временем Ильин, стоя в легком плаще на морозе, терпеливо ожидал приближения правительственного кортежа. Стянув перчатки и сунув руки в карманы, он снял с предохранителя оба пистолета. И вот наконец у поворота на мост Боровицкой башни показались черные «Чайки» в сопровождении мотоциклистов. Пропустив первую машину, Ильин выскочил навстречу второй и, выхватив из карманов оба пистолета, открыл шквальный огонь по автомобилю. Он стрелял по лобовому стеклу и видел, как уткнулся в баранку смертельно раненный им водитель (это был И. Жарков), как сидевшие в машине люди бросились под сиденье. Ильин стрелял до тех пор, пока не израсходовал почти весь боезапас в обоих пистолетах. Одна из пуль, отрекошетив, разорвала плечо сопровождавшего кортеж мотоциклиста. Но тот, несмотря на ранение, направил мотоцикл прямо на террориста и сбил его с ног. После этого на Ильина навалились люди в штатском и милиционеры. Он не сопротивлялся.

Покушение на Л. Брежнева, задуманное Виктором Ильиным, не удалось. В машине, по которой он открыл столь яростный огонь, вместо Генсека сидели космонавты Г. Береговой, А. Николаев и В. Терешкова. У первого осколками было изранено лицо, второму пуля по касательной задела спину. Водитель Илья Жарков, получив смертельное ранение, умер через сутки в больнице. Посмертно его наградили орденом Красного Знамени. Его жена, выступая в телевизионной передаче «Совершенно секретно» 5 ноября 1994 года, заявила: «Моего мужа подставили».

Между тем 22 января 1969 года Центральное телевидение вело прямую трансляцию торжественной встречи космонавтов. Когда же Ильин открыл огонь по машине, трансляция была прервана. Возобновилась она только через час и показывала уже церемонию награждения. Говорят, что она произвела странное впечатление. Звезды Героев космонавтам вручал почему-то не Л. Брежнев, а Н. Подгорный. Чувствовалась растерянность как среди награжденных, так и среди награждающих. Бледные лица, дерганые фразы, нервные движения.

А где же был тогда Л. Брежнев? Его адъютант Г. Петров позднее рассказывал: «В аэропорту мы перестроились и поехали третьими, уступив второе место в колонне героям дня —

космонавтам. Я сидел рядом с водителем. В машине находились Брежнев, Подгорный и Косыгин. Когда наша машина подъехала к Боровицким воротам, услышал выстрелы в Кремле, на участке между Оружейной палатой и Большим Кремлевским дворцом. Сразу дал команду водителю остановиться. Когда выстрелы прекратились, мы обогнули стоящую машину с космонавтами и направились к Дворцу съездов. Все это произошло за какие-то минуты. Преступник действительно стрелял по второй машине, будучи уверенным, что в ней находится Брежнев. Машины въезжали в Кремль колонной, одна за другой, и нам повернуть обратно, чтобы проехать через Спасские ворота, было невозможно. Да в этом и не было никакой необходимости, поскольку стрелявший был уже задержан сотрудниками КГБ».

Как бы споря с этими словами Г. Петрова, некоторые исследователи утверждают, что машина Л. Брежнева не проезжала через Боровицкие ворота, а изменила маршрут и въехала в Кремль через Спасские ворота…

Отмечу, что после того террористического акта произошли существенные изменения в 9-м Управлении КГБ СССР. До покушения у членов Политбюро был лишь начальник личной охраны и два заместителя, у кандидатов в члены Политбюро — два телохранителя, у секретарей ЦК КПСС — один телохранитель. После января 69-го охрану увеличили у всех. Была создана так называемая «выездная охрана», состоявшая из десяти человек (по три человека в смене, плюс один на подмене). Эти люди охраняли того же Л. Брежнева в его поездках по стране и за рубеж.

Однако даже после этого покушения Л. Брежнев не пересел из «Чайки» в «ЗИС-110», бронированный и пуленепробиваемый. Личную охрану Генсека много лет возглавлял полковник Александр Рябенко. С Брежневым он познакомился еще в 1938 году в Днепропетровске, где тот работал в ту пору секретарем обкома. Затем их разлучила война. А после войны судьба вновь соединила и уже навечно.

Ф. Раззаков, с. 210–213.

* * *

Весной 1982 года произошли события, которые оказались для Леонида Ильича роковыми. Он отправился в Ташкент на празднества, посвященные вручению Узбекской ССР ордена Ленина.

23 марта по программе визита мы должны были посетить несколько объектов, в том числе авиационный завод. С утра,

после завтрака, состоялся обмен мнениями с местным руководством. Все вместе решили, что программа достаточно насыщена, посещение завода будет утомительным для Леонида Ильича. Договорились туда не ехать, охрану сняли и перебросили на другой объект.

С утра поехали на фабрику по изготовлению тканей, на тракторный завод имени 50-летия СССР, где Леонид Ильич сделал запись в книге посетителей. Управились довольно быстро, и у нас оставалось свободное время. Возвращаясь в резиденцию, Леонид Ильич, посмотрев на часы, обратился к Рашидову:

— Время до обеда еще есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас, нехорошо… Возникнут вопросы… Пойдут разговоры… Давай съездим…

…Мы знали, что принять меры безопасности за такой короткий срок невозможно. Что делают в таких случаях умные руководители? Просят всех оставаться на рабочих местах. Пусть бы работали в обычном режиме, и можно было никого не предупреждать, что мы снова передумали и высокий гость все-таки прибудет. Здесь же по внутренней заводской трансляции объявили: едут, встреча — в цехе сборки. Все бросили работу, кинулись встречать.

Мы все-таки надеялись на местные органы безопасности: хоть какие-то меры принять успеют. Но оказалось, что наша, московская, охрана успела вернуться на завод, а местная — нет. Когда стали подъезжать к заводу, увидели море людей. Возникло неприятное чувство опасности. Рябенко попросил:

— Давайте вернемся?

— Да ты что!

Основная машина с генеральным с трудом подошла к подъезду, следующая за ней — оперативная — пробраться не сумела и остановилась чуть в стороне. Мы не открывали дверцы машины, пока не подбежала личная охрана.

Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников охраны с опозданием закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолеты, и расползались наверху повсюду, как муравьи. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Чувство тревоги не покидало. И Рябенко, и мы, его заместители, настаивали немедленно вернуться, но Леонид Ильич даже слушать об этом не хотел.

Мы проходили под крылом самолета, народ, наполнивший леса, также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск

толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, когда вдруг раздался скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка — во всю длину самолета и шириной метра четыре — под неравномерной тяжестью перемещавшихся людей рухнула!.. Люди по наклонной покатились на нас. Леса придавили многих. Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова, вместе с сопровождавшими они были накрыты рухнувшей площадкой. Мы, человека четыре с охраны, с трудом подняли ее, подскочили еще местные охранники, и, испытывая огромное напряжение, мы минуты две держали на весу площадку с людьми.

Люди сыпались на нас сверху, как горох.

…Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним — Володя Собаченков, с разбитой головой. Тяжелая площадка, слава Богу, не успела никого раздавить. Поднимались на ноги Рашидов, наш генерал Рябенко, местные комитетчики. Мы с доктором Косаревым подняли Леонида Ильича. Углом металлического конуса ему здорово ободрало ухо, текла кровь. Помогли подняться Володе Собаченкову, сознания он не потерял, но голова была вся в крови, кто-то прикладывал к голове платок. Серьезную травму, как потом оказалось, получил начальник местной «девятки», зацепило и Рашидова.

Доктор Косарев спросил Леонида Ильича:

— Как вы себя чувствуете? Вы можете идти?

— Да-да, могу, — ответил он и пожаловался на боль в ключице.

Народ снова стал давить на нас, все хотели узнать, что случилось. Мы вызвали машины прямо в цех, но пробиться к ним не было никакой возможности. Рябенко выхватил пистолет и, размахивая им, пробивал дорогу к машинам. Картина — будь здоров, за все годы я не видел ничего подобного: с одной стороны к нам пробиваются машины с оглушительно ревущей сиреной, с другой — генерал Рябенко с пистолетом.

Ехать в больницу Леонид Ильич отказался, и мы рванули в резиденцию. В машине Рябенко доложил Брежневу, кто пострадал. Леонид Ильич, сам чувствовавший себя неважно, распорядился, чтобы Володю Собаченкова отправили в больницу. У Володи оказалось содрана кожа, еще бы какие-то миллиметры, и просто вытекли бы мозги.

Конечно, если бы мы не удержали тяжелую площадку с людьми на ней — всех бы раздавило, всех, в том числе и Брежнева.

В резиденцию вызвали врачей из 4-го управления Минздрава, которые прибыли с многочисленной аппаратурой. Остальных

пострадавших на машине «скорой помощи» отправили в больницу. Володя Собаченков очень скоро, буквально через час, вернулся из больницы с перебинтованной головой. Врачи осмотрели Леонида Ильича, сделали рентген и, уложив его в постель, уехали проявлять снимки.

Результаты были неутешительные: правая ключица оказалась сломана…

В. Медведев, с. 215–218 [31].

* * *

Мчимся в резиденцию. Там уже перебинтованный, в окружении врачей лежит Леонид Ильич. Сломана ключица. И тут я слышу, как он слабым голосом настойчиво просит соединить его с Москвой, с председателем КГБ Андроповым. И слышу его слова: «Юра, тут со мной на заводе несчастье случилось. Только я тебя прошу, ты там никому головы не руби. Не наказывай, виноват я сам. Поехал без предупреждения, хотя меня отговаривали».

Такая человеческая реакция в трудной ситуации меня, признаюсь, тронула. Остается добавить, что на следующий день Брежнев, отвергнув рекомендации врачей, все же выступил на торжественном заседании и вручил республике орден. Только перекладывал листки текста речи левой рукой, так как правая была забинтована. О происшедшем из публики никто не узнал, сообщений никаких не было. Только в Москве нам пришлось пару недель ездить к Брежневу с бумагами для доклада в больницу.

А. Александров-Агентов, с. 251–252.

* * *

Особенно много сигналов о терроре имело место против Л. И. Брежнева в зарубежные страны. По программе визита в Париж он должен был возложить венок к вечному огню у Триумфальной арки. За день до того мероприятия по линии советской разведки были получены данные о том, что в момент возложения венка Брежнев будет обстрелян из винтовок с оптическим прицелом со зданий улиц, выходящих к Триумфальной арке.

Немедленно была организована встреча с префектом Парижа, который заверил, что примет все меры по обеспечению безопасности высокого гостя. Однако сложность предотвращения

этой акции заключалось в том, что к Триумфальной арке выходят двенадцать улиц, и откуда террористы намеревались стрелять, трудно было предположить. Поэтому руководство парижской полиции бросило на ликвидацию угрозы и предотвращение террористического акта 12 тысяч полицейских (по одной тысяче на каждую улицу), 6 тысяч пожарников (по 500 человек на крыши домов каждой улицы) и одну тысячу полицейских (особый резерв префекта) для обеспечения безопасности в окрестностях площади…

О подобной акции против Брежнева был сигнал в Бонне во время официального обеда, который устраивал в честь его канцлер Г. Шмидт. Было заявлено по телефону, что при выходе из Редута (здание, где проходил обед) Брежнев будет убит. Советской службе безопасности пришлось тогда применить свой метод, чтобы скрыть от наружного наблюдения выход из Редута Л. И. Брежнева, посадить его в машину и быстро увезти в резиденцию.

В ходе этого же визита во время посещения Брежнева Гамбурга на аэродроме чуть было не произошла чудовищная авиационная катастрофа. Когда самолет с Брежневым и главными членами советской делегации выруливал к взлетной полосе, буквально перед ним без предупреждения осуществил посадку громадный транспортный самолет ВВС США. Это произошло в то время, когда нашему самолету было дано разрешение на взлет и когда в акватории воздушного пространства над аэродромом не должно было находиться других летательных аппаратов. Катастрофа была предотвращена только благодаря бдительности командира корабля А. Г. Майорова и членов его экипажа…

Как правило, в течение каждого визита Брежнева поступало до 30–40 сигналов по различным каналам о совершении против него террористических актов.

М. Докучаев, с. 186–187.

* * *

Теория сопровождения охраняемого существует для охраны нормальных, здоровых лидеров, мы же опекаем беспомощных стариков, наша задача — не дать им рухнуть и скатиться вниз по лестнице…

В ГДР, в Берлине, наш правительственный кортеж встречали празднично, с цветами и транспарантами. В открытой машине, приветствуя берлинцев, стоят рядом Хонеккер и Брежнев. Фотографы, теле- и кинооператоры, ни один человек не знает, не

видит, что я распластался на дне машины, вытянул руки и на ходу, на скорости держу за бока, почти на весу, грузного Леонида Ильича.

В. Медведев, с. 247 [47]

* * *

Точно так же, по фамилии предпочитал называть его (Громыко) и следующий начальник — Брежнев. Помню, во время одного зарубежного визита, оказавшись на приеме в толпе иностранцев и почувствовав себя беспомощным без подсказок протокола, Генсек громко, на весь зал, как это делают плохо слышащие люди, воззвал к своему министру: «Громыко, чего они от меня хотят, поговори с ними, ты ведь знаешь английский».

А. Грачев, с. 52.

* * *

Ожидая открытия СБСЕ, сижу я в своем кабинете в Ясенево, принимаю сообщения по осуществлению мер безопасности. Звонит телефон. На проводе не кто иной, как первый заместитель председателя КГБ Г. К. Цинев, один из приближенных Брежнева. Требует доклада о положении вещей. Он исходит из того, что у меня есть прямая закрытая связь с Хельсинки (что соответствовало действительности) и я лучше других владею информацией.

«Где сейчас находится Леонид Ильич?» — спрашивает Цинев. Он явно обеспокоен в первую очередь состоянием здоровья Брежнева, которое уже в то время оставляло желать лучшего. Отвечаю:

«Он как раз сейчас подъезжает на автомашине к дому «Финляндия», в котором будет проходить встреча». Цинев интересуется: «Далеко ему идти пешком?» — «Нет. Машины остальных глав государств останавливаются чуть поодаль, а нашего Генерального секретаря подвозят сейчас прямо к главному входу». «Отлично», — констатирует Цинев, явно удовлетворенный столь высокой степенью осведомленности разведки. Разочаровывать его я не стал, поскольку все необходимые меры действительно были приняты заранее. Не стал я и уточнять, что догадался включить телевизор и вижу на экране все происходящее.

…Обеспечение безопасности в ходе Хельсинкского совещания

было тяжелой задачей, и облегчение наступило только после возвращения нашей делегации в Москву. Остается добавить, что после совещания меня наградили орденом Дружбы народов и представили к званию полковника.

В. Грушко, с. 127.

* * *

Советские фоторепортеры знали, что Брежнев любил, чтобы на снимках были четко видны все его многочисленные ордена и медали. Правда, Брежнев в отличие от Джонсона в стремлении привлекательнее выглядеть на телевидении не пользовался контактными линзами вместо очков, специальным театральным гримом и электронным «суфлером». Когда Брежнев узнал, почему Джонсон не читает по бумажке, а говорит, глядя прямо в зал, используя соответствующие оптические «подсказки», то он тут же дал указание купить эти стекла-линзы для своих выступлений (ему их подарил известный промышленник Хаммер). Однако он так и не приспособился читать «по новой системе» и вернулся к своим «бумажкам».

А. Добрынин, с. 123.

* * *

Вскоре после того как Черненко стал секретарем ЦК, он проводил очередное Всесоюзное совещание заведующих общими отделами. Вечером 19 мая 1976 года, в последний день работы «особых» канцеляристов, Черненко вошел в зал заседаний вместе с Брежневым. Все, естественно, вскочили и устроили долгую, бурную овацию: вождь осчастливил их своим присутствием!

Некоторые моменты речи Брежнева заслуживают того, чтобы их воспроизвести.

«… На прошлом совещании я дал вам указания, или, вернее, советы…» Брежнев уже говорит о себе так, как все вокруг говорили о нем: «Я дал вам указания».

«… Сейчас в стране два важных события, о которых говорят: установка бюста Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда у меня на родине, а также присвоение мне звания Маршала Советского Союза…» Генсек уже полностью потерял контроль за приличием, готов вещать исключительно и только о себе, зная, что эта его любимая тема будет тут же рьяно подхвачена.

Черненко поднялся из-за стола президиума и в тон Брежневу под бурные аплодисменты зала произнес:

— Я думал, Вы придете в форме маршала. Раз нет, то я покажу всем присутствующим Ваш портрет в парадной маршальской форме…

За председательским столом появляется большой, в рост человека портрет генсека в золоте маршальских погон и блеске бесчисленных орденов. Зал взрывается новым шквалом аплодисментов, словно страна взобралась на вершину коммунизма…

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 237.

* * *

Мне стало особенно стыдно во время беседы один на один Брежнева и Картера. Тогда Брежнев уже без бумажки ничего не произносил. Беседа один на один заключалась в том, что Брежнев зачитывал подряд заранее приготовленные тексты, плохо воспринимая то, что говорил в ответ Картер. Для того, чтобы отреагировать на возможные вопросы, несколько заготовок дали и мне. В случае необходимости я должен был передать их Брежневу. Среди бумаг одна была особой. Все зависело от того, как Картер поставит вопрос; или следовало читать всю заготовку ответа, или только половину. Когда Картер задал вопрос, я зачеркнул в тексте ненужную часть и передал листок Брежневу. Он начал читать и, добравшись до зачеркнутого, обернулся ко мне: «А дальше читать не надо?» «Не надо», — ответил я и с ужасом посмотрел на Картера и его переводчика, которые внимательно наблюдали за этой сценой, прекрасно понимая, что происходит. Мне стало по-настоящему стыдно.

В. Суходрев, с. 316 [13].

* * *

В самый начальный период руководства Брежнева на заседании представителей стран Варшавского Договора произошел забавный эпизод, когда он произнес единственную, кажется не написанную загодя речь. Румынскую делегацию возглавлял не руководитель партии, а Председатель Совета Министров, который предложил, чтобы общий документ был подписан именно руководителями государств, а не партий. И тут, как подброшенный пружиной, подскочил Леонид Ильич и

произнес две с половиной фразы. Они звучали примерно так: «Как же можно? Документ должен подписывать первый человек в стране… А первый человек — это руководитель партии!»

Ф. Бурлацкий, с. 152.

* * *

Трижды Брежнев побывал в этом старом и прекрасном городе. И каждый раз его приезд обставлялся Гейдаром Алиевичем как праздник республики, где роскошь власть имущих и бедность тружеников принимала все более контрастные очертания. Однако сказанная «хозяином» фраза в сентябре 1978 года — «Широко шагает Азербайджан» — замелькала в названиях статей, книг, в речах…

А в 1982 году сняли с проходки в море громоздкую бурильную установку «Шельф-2» и буксировали несколько десятков миль, чтобы подогнать к стенке Приморского парка, предварительно проведя дорогостоящие дноуглубительные работы. Кстати, проведенный по мосту дюжими молодцами на установку, где выстроились сорванные с работ люди, дряхлеющий лидер произнес приветствие, которое стало среди бакинцев расхожей шуткой: «Здравствуйте, дорогие афганские нефтяники!»

— Мы в Баку, в Баку! — кричал ему прямо в ухо один из помощников.

Г. Яковлев, с. 287 [13].

* * *

На торжественном республиканском заседании в Баку, посвященном 60-летию Азербайджана, многочисленная свита Брежнева переусердствовала и всучила ему текст выступления, которое он должен был произносить не в этом, а совсем в другом месте и только на следующий день.

В течение нескольких минут Генеральный секретарь старательно, добросовестно, с расстановкой читал написанное, не реагируя на подаваемые из-за кулис реплики. В конце концов его помощник приблизился к трибуне и дернул его за рукав.

— А-а-а? — обернулся Брежнев и, получив комплект совсем другого доклада, улыбнулся в зал. — Я не виноват, товарищи!…

Все не только посмеялись, но даже поаплодировали этой шутке.

В. Прибытков, с. 52.

* * *

Брежнев довольно часто терял очки. Однажды перед выступлением он прямо на трибуне выронил их, стал топтаться, искать и раздавил их ногами… Начальник личной охраны велел нам иметь полный запас очков всех видов. К футлярам мы приклеивали бумажки: «для дали», «для чтения», «для докладов» — и заполняли ими наши карманы. У одного только начальника охраны очков для чтения было трое.

В. Медведев, с. 247 [47].

* * *

Что же касается увязки «германской проблемы» с опытом минувшей войны в сознании Леонида Ильича, то мне вспоминается такой небольшой курьезный случай. Когда в мае 1973 года он отправился в ФРГ со своим первым визитом, мне пришлось его сопровождать. Говорю «пришлось», так как за неделю до этого ухитрился сломать руку. Но по указанию Брежнева вынужден был покинуть больничную койку и, закрепив загипсованную руку на повязке через плечо, присоединился к отбывающей «команде». Когда мы прибыли в Бонн (точнее, Кельн, где был аэродром), Брежнева у самолета встретил хозяин — канцлер Вилли Брандт. Они тепло поздоровались, и вдруг я вижу, что Брежнев оглядывается, кого-то ищет глазами. Увидев меня, поманил, подвел к Брандту и, указывая на мою сломанную руку, изрек: «Смотри, Вилли, я тебе его привез, чтобы ты не забывал про вторую мировую войну!»

А. Александров-Агентов, с. 184.

* * *

Образцом брежневской «дипломатии» того времени останется его фраза, сказанная предшественнику Ярузельского — Станиславу Кане 5 декабря 1980 года: «Мы не войдем, но если возникнут сложности, то войдем».

А. Грачев, с. 80.

* * *

… У Брежнева совершенно неожиданно для всех нас родилась

идея, которую он неоднократно повторял нам, своим помощникам, но, видимо, также и своим коллегам по руководству. Он решил, что нам следует передать Индии атомную бомбу или по крайней мере технологию ее изготовления. Уже с первого раза мы, услышав об этой идее, принялись дружно отговаривать Брежнева. Это был бы громадный риск. Если сегодня у власти в Дели Индира Ганди с ее дружественной СССР политикой, то кто гарантирует, какое там будет руководство завтра и какую политику будет проводить? И как отреагирует мировое сообщество на грубое нарушение Москвой Договора о нераспространении ядерного оружия? Не говоря уж о неизбежном дальнейшем обострении в этом случае отношений с Китаем. Эти и другие аналогичные аргументы мы повторяли Леониду Ильичу неоднократно. Видимо, так же поступали и его коллеги. И вскоре дело это затихло, Брежнев к нему больше не возвращался.

А. Александров-Агентов, с. 242.

* * *

…У Брежнева стала вызревать и постепенно приобретать, можно сказать, навязчивый характер идея вступления Монголии в состав Советского Союза. Думаю, что это была его личная идея, а не подсказанная кем-то со стороны. Публично он с ней не выступал, насколько я помню, ни разу, но в беседах со своим окружением (в частности, и со мной, и, уж наверное, с рядом своих коллег) возвращался к ней не раз. Я со своей стороны, делал все, что мог, чтобы побудить Леонида Ильича отказаться от этой мысли. Ссылался на национальные чувства монголов, на неизбежную негативную реакцию в окружающем мире и т. д. Думаю, что и другие собеседники едва ли поддерживали мысль Брежнева. Однако он был настойчив в ее продвижении — и поднял этот вопрос в одной из бесед с Цеденбалом (кажется, в Крыму во время отпуска). Реакция, как и следовало ожидать, не была позитивной. Под каким-то предлогом Цеденбал уклонился от развития этой темы, и Брежнев, видимо, осознав ситуацию, больше, насколько мне известно, к этому вопросу не возвращался.

А. Александров-Агентов, с. 164–165.

* * *

Увлечение иметь боевые награды превратилось в манию. Мне рассказывали хорошо знавшие Брежнева люди, что он в

последние месяцы своей жизни заплакал, когда узнал, что его собираются наградить не «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, так как такую награду уже получил недавно, а орденом. И пришлось высоким мужам на ходу перестраиваться, зачитывать якобы заранее подготовленный указ о высоком награждении, хотя перед этим все было решено иначе.

В. Болдин, с. 35.

* * *

Были предложения учредить «наивысшее звание» Героя коммунистического труда и первым его присвоить, как писал в Москву киевлянин С. М. Давидюк, Леониду Ильичу Брежневу… Но у членов политбюро хватило на этот раз благоразумия не доложить «народное предложение» генсеку. Если бы сообщили, быть бы у нас и «Героям коммунистического труда» во главе с четвертым «вождем».

Д. Волкогонов, кн. 2, с. 69.

* * *

Аппаратная прислуга, окружавшая еще не освободившийся престол, торопилась в этот период остановленного времени утрясти свои личные проблемы, прикидывая, к кому из будущих руководителей целесообразнее примкнуть. Общий отдел ЦК, демонстрируя безграничность фантазии, разразился инструкцией, предписывавшей в служебных бумагах выделять фамилию Генсека, предваряя ее полным словом «товарищ» — а не буквой т. или сокращенно тов. — именем и отчеством, а также полным партийным и государственным титулом (к счастью, по написанию он был все-таки короче царского). По мысли авторов инструкции, это дополнительно возвышало вождя над остальными смертными.

А. Грачев, с. 80.

* * *

В связи со снижением критического восприятия у Брежнева случались и казусы. Один из них связан с телесериалом «Семнадцать мгновений весны», который Брежнев смотрел в больнице. Дежурившая у него Н. при обсуждении картины передала как очевидное слухи, ходившие среди определенного

круга лиц, о том, что прототипом главного героя Штирлица является полковник Исаев, который живет всеми забытый, и его подвиг достойно не отмечен. Возбужденный Брежнев тут же позвонил Андропову и серьезно начал выговаривать, что у нас еще не ценят заслуги людей, спасших страну от фашизма. Он просил разыскать Исаева, работа которого в тылу у немцев достойна высшей награды. Когда Андропов начал резонно говорить, что он точно знает, что это вымысел автора, что за Штирлицем не скрывается реальное лицо, Брежнев этому не поверил и просил еще раз выяснить и доложить. Исаева, конечно, не нашли, но награды были все-таки вручены. Они были вручены исполнителям ролей в этом фильме, так понравившемся Генеральному секретарю.

Е. Чазов, с. 129.

* * *

Александров рассказал такую «историю». Леонид Ильич очень любил смотреть многосерийку «17 мгновений весны». Смотрел раз двадцать. Однажды, когда в финале фильма Штирлицу сообщают, что ему присвоено звания Героя Советского Союза, Брежнев обернулся к окружающим и спросил: «А вручили уже? Я бы хотел сделать это сам». Рябенко (начальник охраны) стал хвалить актера Тихонова. Другие подхватили. Брежнев прервал их: «Так за чем же дело стало…» И через несколько дней лично вручил Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина… артисту Тихонову в полной уверенности, что это и есть Штирлиц. Блатов (другой помощник Брежнева, а потом Андропова и Черненко) добавил: «Вы, Андрей Михайлович, при этом не присутствовали. А я там был сам, на вручении Звезды. И то, что при этом Леонид Ильич говорил, не оставляло сомнений в его уверенности, что все подвиги Штирлица совершил именно Тихонов!»

А. Черняев, с. 16–17.

* * *

Татьяна Лиознова — режиссер телефильма «Семнадцать мгновений весны»: «Наш сериал был закончен в 73-м году. Посмотрев его, председатель Гостелерадио решил: серьезным идейным просчетом фильма является то, что главари фашистского рейха — Гиммлер, Борман, Шелленберг, Мюллер — изображены не идиотами, а тонкими и хитрыми политиками.

Картину прикрыли. И вдруг через полгода я узнаю, что ее посмотрел сам Андропов и, дескать, сказал: «Такую тяжкую войну мы вели все же с очень умным и хитрым противником». Этой фразы Председателя КГБ было достаточно, чтобы тут же фильм пошел по ЦТ и имел восторженную прессу. Юлиан Семенов, я и Вячеслав Тихонов удостоены ордена Ленина, а Леонид Броневой, Олег Табаков, Ростислав Плятт и Евгений Евстигнеев получили по ордену Трудового Красного Знамени. С тех пор до осени 81-го года сериал по ЦТ демонстрировался 5 раз, но Брежнев почему-то его не видел ни разу. И вот в ноябре Леонид Ильич его наконец-то посмотрел. Весьма авторитетные люди рассказали: Брежневу настолько понравилась картина и ее герой, что он тут же предложил присвоить Максиму Максимовичу Исаеву (Штирлицу) звание Героя Советского Союза. Уговорили Леонида Ильича «ограничиться» присвоением звания Героя Социалистического Труда актеру Вячеславу Тихонову, а кроме того, наградить орденами участников съемочной группы. В феврале 82-го года мы за одну и ту же картину получили вторые награды: Семенов и я по ордену Трудового Красного Знамени, Броневой, Табаков, Плятт и Евстигнеев — «Знак Почета».

В. Дружбинский, с. 155.

* * *

Иногда, чтобы обезопасить себя от карательных санкций, многоопытный Сергей Лапин прибегал к такому приему: в канун очередной «порки» на 5-м этаже он звонил в Отдел пропаганды и невинным голосом сообщал между делом, что вернувшийся с охоты Леонид Ильич не только поблагодарил его по телефону за понравившуюся передачу (это мог быть хоккейный матч с участием любимой команды Брежнева), но даже прислал охотничий трофей — оленью ногу. Поскольку проверить истинность такой информации аппарату было не под силу, телевидение на всякий случай исключалось из списка «мальчиков для битья».

А. Грачев, с. 33.

* * *

Как рассказывал в одной из телепередач актер театра и кино Георгий Бурков, на спектакле «Так победим» престарелый уже генсек, сидевший в правительственной ложе, во время одной из

сцен громко, хотя и не совсем внятно произнес: «Что он сказал? Ничего не слышу». Оказалось, что Брежнев забыл слуховой аппарат. Сцену пришлось повторить.

Р. Медведев, кн. 1, с. 304.

* * *

На следующий день прихожу к шефу, докладываю:

— Понравился мне спектакль (по пьесе Шатрова «Так победим»), Константин Устинович. Особенно сцена с Хаммером. Там Ленин с молодым капиталистом очень здорово разговаривает. Да вы сами сходите как-нибудь посмотрите…

— Как-нибудь схожу… — неопределенно отвечает Черненко и на этом считает тему исчерпанной, больше к ней не возвращается.

Сам на спектакль он не пошел, но, видимо, кому надо сказал, что надо сделал, на кого надо надавил — спектакль был выпущен и пошел дальше, дальше и дальше…

О нем в то время много писали в газетах. Он стал заметным явлением в жизни столицы.

А сам Черненко «привел» на него Брежнева гораздо позже, кажется, в начале восьмидесятых. Тогда сразу все газеты захлебнулись в восторге:

«Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и так далее…» В общем, почтили своим присутствием.

— Ну как спектакль? — спросил я на следующий день Константина Устиновича. — Не ошибся я тогда?

— Хороший спектакль. Не ошибся.

— И Леониду Ильичу понравился? — поинтересовался я.

Черненко нахмурился и довольно неприветливо буркнул:

— Мне кажется, он не понял, куда его привели… Перепутал что-то…

В. Прибытков, с. 147.

* * *

Щелоков «зарубил» знаменитый «Белорусский вокзал». Ему показалось, что в нем слишком неприглядно была выставлена московская милиция. Но тем не менее создатели картины отказались сделать купюры и, более того, добились ее просмотра с участием самого Генсека. Галка тоже присутствовала на этом

просмотре.

Генсек, к немалому удивлению Щелокова, был в восторге от этого фильма, а песня Окуджавы о десантном батальоне вообще растрогала его до слез. Разумеется, фильм немедленно был разрешен к прокату без всяких купюр, а песня Окуджавы, кажется, с тех пор стала чуть ли не гимном…

Галя помогла Василию Шукшину с фильмом «Калина красная».

Эта забытая всеми пьяница много сделала для театра на Таганке, о Высоцком и говорить нечего. Она его обожала. Она его, может быть, спасала, пока он сам себя не погубил.

М. Галаган, О. Трифонова, с. 61.

* * *

Во время визита Л. И. Брежнева в США Р. Никсон пригласил на большой прием в честь высокого гостя и многих наиболее известных голливудских актеров. Некоторых из них Брежнев узнавал по просмотренным ранее фильмам. Он был очень рад и даже гордился подарком известного артиста Чака Коннорса, который подойдя к Брежневу, распахнул свой пиджак, под которым все увидели широкий ковбойский пояс с двумя большими пистолетами в кобурах — справа и слева. Сняв пояс, Чак преподнес его Леониду Ильичу. Когда через три дня Брежнев покидал США, он увидел среди провожавших Чака. Оттеснив охрану, наш генсек бросился к Коннорсу и обнял его. Брежнев не был низкорослым, но огромный американец был выше Брежнева на 20–25 сантиметров. Он также обнял Брежнева, приподняв его при этом от земли. Поскольку отъезд Брежнева передавался «Интервидением» прямо в эфир, советские телезрители были в недоумении, не поняв этой неожиданной выходки Брежнева. Не смог сразу понять ее и комментатор.

Р. Медведев, кн. 1, с. 305.

* * *

Врач Алексеев рассказывал мне, что Жукова не раз навещали Косыгин, Баграмян, Антипенко. Маршал однажды попросил Косыгина помочь.

— Уж и не знаю, где моя рукопись, последний раз послал письмо Брежневу (11 декабря 1967 г.). Ни ответа, ни привета.

Косыгин обещал помочь. И, наверное, вспомнил бы обещание,

но была преграда, неподвластная и ему.

Об этом препятствии рассказала Миркина: «Л. И. Брежнев пожелал, чтобы маршал Жуков упомянул его в своей книге. Но вот беда, за все годы войны они ни разу ни на одном фронте не встречались. Как быть? И тогда был найден «выход». Находясь под Новороссийском, маршал Жуков якобы поехал посоветоваться с полковником Брежневым, но, к сожалению, того на месте не оказалось (такой выход придумали и сформулировали в редакции. — В. К.). «Умный поймет», — сказал с горькой усмешкой маршал. Эта нелепая фраза прошла во всех изданиях «Воспоминаний и размышлений» с первого по шестое включительно как и в зарубежных изданиях. Только в седьмом издании она была опущена».

В. Карпов, с. 383.

* * *

Гигантская армия номенклатурной обслуги: хозяйственники, строители, директора типографий, столовых, домов отдыха и загородных поселков, водители машин — все пытались, как могли, коммерциализировать находившуюся в их распоряжении «партийную» собственность, приторговывая дефицитными товарами, продуктами, путевками. Даже цековская охрана не могла устоять в этой обстановке всеобщего «расточительства». В святая святых партии — строго охраняемых зданиях ЦК — у сотрудников и у начальства стали пропадать вещи из кабинетов, деньги из сейфов и даже ондатровые шапки из общих гардеробов. Увлекшись этим промыслом, кто-то из охранников неосмотрительно «позаимствовал» шапку самого Черненко, что вызвало вселенский скандал.

А. Грачев, с. 81.

* * *

Во время одной из поездок по поручению Брежнева мне довелось побывать в винных погребах около Кишинева. Представьте себе около 50 километров подземных, хорошо освещенных и оборудованных галерей. Раньше там добывался ракушечник для строительства, говорят, во время войны скрывались партизаны. Перед нашими глазами открывался сказочный лабиринт, мы долго ехали по нему с хозяевами республики на «Волгах». В закоулках, тупичках, нишах

размещались огромные бочки, в которых выдерживалось лучшее молдавское вино. И наконец, после многих километров зигзагообразной дороги все попадали в большой зал — пещеру, освещенную сотней ламп. В центре зала — длинный стол, примерно персон на тридцать — сорок. В углу — отделанный мрамором действующий камин. Роскошные кресла, диваны, столы, ковры, оборудование — все было сделано искусными местными мастерами или же завезено издалека. Для чего и для кого? Это было подготовлено здешней властью к одному-единственному посещению комбината «Молдаввино» Брежневым. А затем сохранялось как память о его пребывании в Молдавии спустя даже много лет после смерти Леонида Ильича.

Ю. Королев, с. 182–183.

* * *

Журналисты-очевидцы «пражской весны» 68-го года рассказали о том, с какими трудностями была сопряжена их работа в Чехословакии. События в братской стране нарастали с каждым днем, и журналисты, конечно же, испытывали понятную и жгучую потребность рассказать о них советским людям, однако ничего не шло в печать. И вот в Прагу прилетает Брежнев. Александр Дидусенко (тогдашний собкор газеты «Труд») и Василий Журавский (собкор «Правды»), воспользовавшись подходящим моментом, обратились к нему за помощью: «Как же нам быть, что писать?», а в ответ услышали: «Пишите правду». Потом Брежнев подумал и добавил: «В одном экземпляре». Еще подумал и заключил, ткнув пальцем в своего помощника: «Вот в его адрес».

П. Родионов. Знамя. 1989. № 8. С. 196.

Указатель источников

1. Аджубей А. И. Крушение иллюзий. М., 1991.

2. Аджубей А. И. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6, 7.

3. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.

4. Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. М., 1994.

5. Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 9, 10.

6. Бенедиктов И. А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 1, 2.

7. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995.

8. Болдин В. И. Крушение пьедестала. М., 1995.

9. Бурлацкий Ф. М. Русские государи. Эпоха реформаций. Никита Смелый. Михаил Блаженный. Борис Крутой. М., 1996.

10. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них… М., 1990.

11. Вилли Брандт. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 1–6.

12. Брежнев Л. И. Воспоминания. М., 1983.

13. Брежнев Л. И. Материалы к биографии. М., 1991.

14. Васильева Л. Н. Кремлевские жены. М., 1992.

15. Васильева Л. Н. Дети Кремля. М., 1996.

16. Вишневская Г. П. Галина. М., 1991.

17. Волкогонов Д. А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР: В 2 кн. М., 1995.

18. Воронов Г. И. Немного воспоминаний // Дружба народов. 1989. № 1.

19. Врублевский В. К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993.

20. Галаган Л. П., Трифонова О. Р. Кремлевские дети. М, 1995.

21. Габрилович Е. И. Последняя книга. М., 1996.

22. Горбачев С. М. Жизнь и реформы: В 2 кн. М., 1995.

23. Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994.

24. Громыко А. А. Памятное: В 2 кн. М., 1990.

25. Громыко А. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997.

26. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М., 1997.

27. Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.

28. Дружбинский В. И. Веселая книжка. Киев, 1995.

29. Дубинин Ю. В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997.

30. Валери Жискар д 'Эстен. Власть и жизнь. М., 1990.
31. Зенькович Н. А. Вожди на мушке. Теракты и инсценировки. Минск, 1996.
32. Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1997.
33. Кауль Т. Н. От Сталина до Горбачева и далее… М., 1991.
34. Караулов А. В. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990.
35. Карпов В. В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.
36. Карягин В. Взгляд с одиннадцатого этажа // Международные отношения. 1990. № 4–7.
37. Королев Ю. А. Кремлевский советник. М., 1995.
38. Костиков В. В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997.
45. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине / Сост. Т. И. Фетисов. М., 1997.
46. Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995.
47. Раззаков Ф. И. Век террора. Хроника покушения. М., 1997.
48. Родионов П. А. Как начинался застой // Знамя. 1989. № 8.
49. Рыбаков А. Н. Роман — воспоминание. М., 1997.
50. Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997.
51. Семенов В. Н. Кремлевские тайны. Минск, 1995.
52. Сушков В. Н. Заключенный по кличке «Министр». М., 1995.
53. Хрущев С. Н. Пенсионер союзного значения. М., 1991.
54. Хрущев С. Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994.
55. Чазов Е. И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992.
56. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.
57. Henry Kissinger. Yers of Upheaval. Boston — Toronto, 1982.
58. Henry Kissinger. White House Yers. Boston — Toronto, 1979.
59. The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1979.

Основные даты жизни и деятельности Л. И. БРЕЖНЕВА

1906, 19 декабря — в г. Каменское (с 1936 г. — г. Днепродзержинск) Екатеринославской губернии на Украине в семье рабочего родился Л. И. Брежнев.

1915 — принят в приготовительный класс Каменской мужской классической гимназии.

1921 — закончил Первую трудовую школу (бывшую гимназию) г. Каменское, поступил на работу кочегаром на Днепровский металлургический завод.

1923 — поступил на учебу в Курский землеустроительный техникум, в этом же году принят в комсомол.

1927 — окончил учебу в техникуме, принят на работу землеустроителем в один из уездов Курской области.

1927 — женится на Виктории Петровне Денисовой.

1927 — переезд в Свердловск, работает заместителем окружного земельного уполномоченного.

1928 — работает заведующим районным земельным отделом в Михайловском и Бисертском районах Свердловской области.

1929 — принят кандидатом в члены ВКП(б).

1930 — работает заместителем заведующего окружным землеуправлением в г. Свердловске.

1930 — студент института сельхозмашин им. Калинина в г. Москве.

1931 — председатель профкома института им. Арсеничева в г. Каменское.

1931, 24 октября — принят в члены ВКП(б).

1932 — секретарь парткома института им. Арсеничева в г. Каменское.

1933 — директор металлургического техникума в г. Каменское.

1935 — окончил с отличием институт им. Арсеничева в г. Каменское (заочно) и получил специальность инженера-тепловика.

1935 — начальник смены силового цеха завода им. Дзержинского в г. Каменское.

1935 — курсант бронетанковой школы в г. Чите.

1935 — политрук танковой роты 14-го мех. корпуса ДВК.

1936 — директор металлургического техникума г.

Днепродзержинска.

1937 — заместитель председателя горсовета г. Днепродзержинска.

1938 — заведующий торготделом Днепропетровского обкома КП(б)У.

1939 — секретарь по пропаганде Днепропетровского обкома КП(б)У.

1941, июль — назначен заместителем начальника политуправления Южного фронта в звании бригадного комиссара.

1942 — первая боевая награда — орден Красного Знамени за участие в Барвенково-Лозовской операции.

1942 — назначен заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта.

1943 — в связи с упразднением старых воинских званий присвоено новое звание: полковника.

1943, 1 апреля — назначен начальником политотдела 18-й армии.

1944, 2 ноября — присвоено очередное воинское звание генерал-майора.

1945, 12 мая — назначен начальником политического управления 4-го Украинского фронта.

1945, 24 июня — участник Парада Победы в качестве комиссара сводного полка 4-го Украинского фронта.

1945 — назначен начальником политуправления Прикарпатского военного округа.

1946, 30 августа — избран первым секретарем Запорожского обкома КП(б)У.

1947, 21 ноября — избран первым секретарем Днепропетровского обкома КП(б)У.

1950 — избран Первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии.

1952 — на XIX съезде КПСС избран членом ЦК КПСС, кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС.

1953 — назначен заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и ВМФ.

1953 — присвоено очередное воинское звание: генерал-лейтенант.

1954, 5 февраля — избран вторым секретарем ЦК КП Казахстана.

1955, 6 августа — избран Первым секретарем ЦК КП Казахстана.

1956 — на XX съезде КПСС избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС по вопросам обороны, тяжелого машиностроения и капитального строительства.

1957 — активно выступил в поддержку Н. С. Хрущева в борьбе против «антипартийной группы», избран членом Президиума ЦК КПСС.

1957 — перенес микроинфаркт.

1958 — заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по Российской Федерации.

1960 — избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

1972 — в Москве подписаны: Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) между СССР и США.

1973 — награжден Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

1974 — резкое ухудшение здоровья, нервный срыв во время встречи с президентом США Дж. Фордом во Владивостоке.

1975 — подписание в Хельсинки Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

1975, 27 ноября — награжден Всемирным Советом Мира «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

1976, май — присвоено звание Маршал Советского Союза.

1976, 19 декабря — награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

1977 — совмещает пост Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

1977 — награжден высшей наградой в области общественных наук — Золотой медалью им. Карла Маркса.

1978, 20 февраля — награжден высшим военным орденом «Победа».

1978 — опубликованы воспоминания «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

1978, 19 декабря — награжден третьей медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

1979 — в Вене между СССР и США подписан Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2)

1979 — санкционирует ввод советских войск в Афганистан.

1980, 31 марта — присвоено звание лауреата Ленинской премии в области литературы.

1980 — награжден Международной премией за мир «Золотой Меркурий».

1981, 29 октября — вручен Знак ЦК КПСС «50 лет пребывания в КПСС».

1981, 19 декабря — награжден четвертой медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

1982, 10 ноября — смерть Л. И. Брежнева.

1982, 12 ноября — в Москве, на Красной площади, состоялись похороны Л. И. Брежнева.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Группа курсантов Бронетанковой школы Забайкальского военного округа. Слева направо: Трошин М. И., Брежнев Л. И., Куценко А. Д. (г. Чита, 1936 г.)

Брежнев Л. И. — курсант Бронетанковой школы Забайкальского военного округа (до 1941 г.)

Группа отдыхающих санатория им. Фабрициуса. Справа налево: помощник первого секретаря Днепропетровского обкома КП(б)У Гребениченко А. Г., его жена, первый секретарь Днепропетровского обкома КП(б)У Брежнев Л. И., его жена — Брежнева В. П., Маяковская М. И. (г. Сочи, сентябрь 1948 г.)

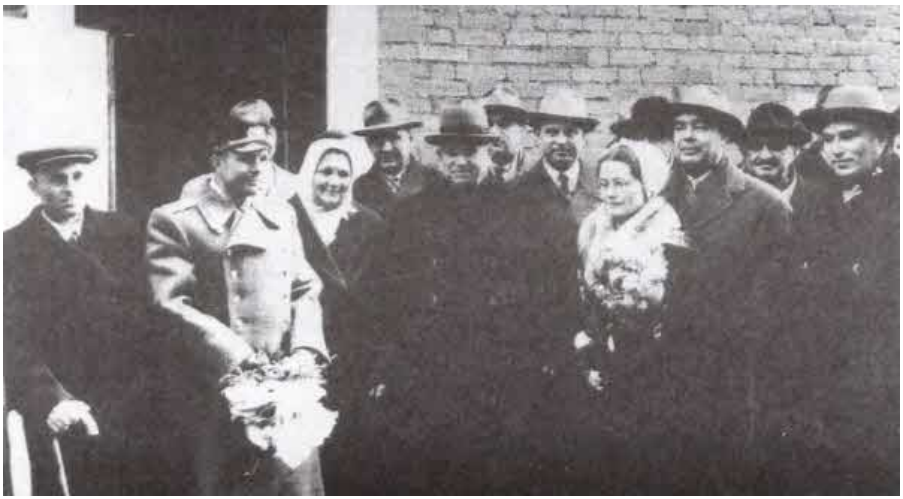
Вручение правительственных наград в колхозе им. Чкалова Днепропетровской обл. (1949 г.)

Брежнев Л. И. и Вишня О. во время осмотра поселка строителей в г. Днепропетровске

Посещение Днепровского титаномагниевого завода. Второй справа — секретарь ЦК КП Украины Щербицкий В. В.

Секретарь ЦК КПСС Брежнев на полях колхозов Крымской обл. (1956 г.)

Брежнев Л. И. среди сотрудников госдачи в Крыму (1959 г.)

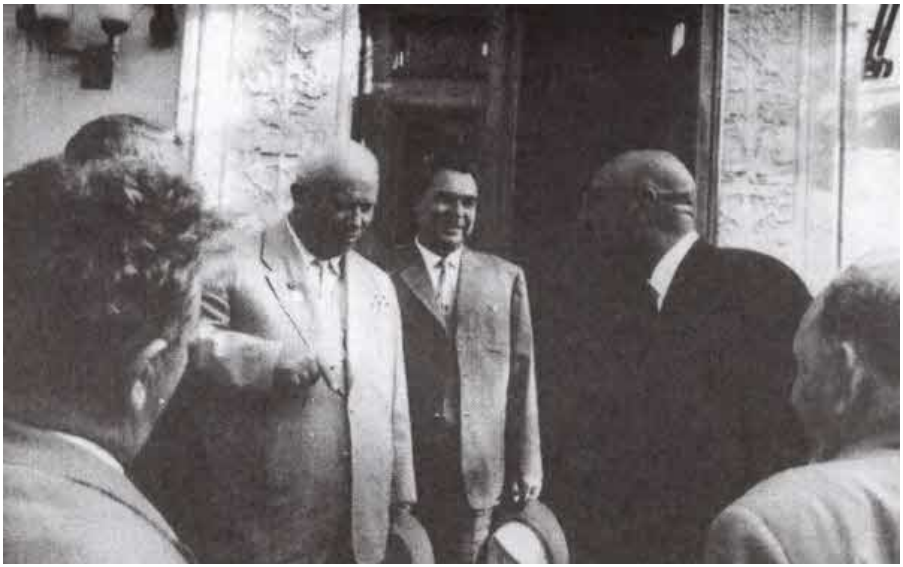


Руководители партии и правительства СССР с летчиком-космонавтом Гагариным Ю. А. и его семьей в Кремле. Слева направо: Гагарин (2-й), его мать,

Хрущев Н. С., Гагарина В. И. (его жена), Брежнев Л. И., Микоян А. И., Козлов Ф. Р. (апрель 1961 г.)

Брежнев прикрепляет нагрудный знак «Летчик-космонавт СССР» Гагарину Ю. А. (1961 г)

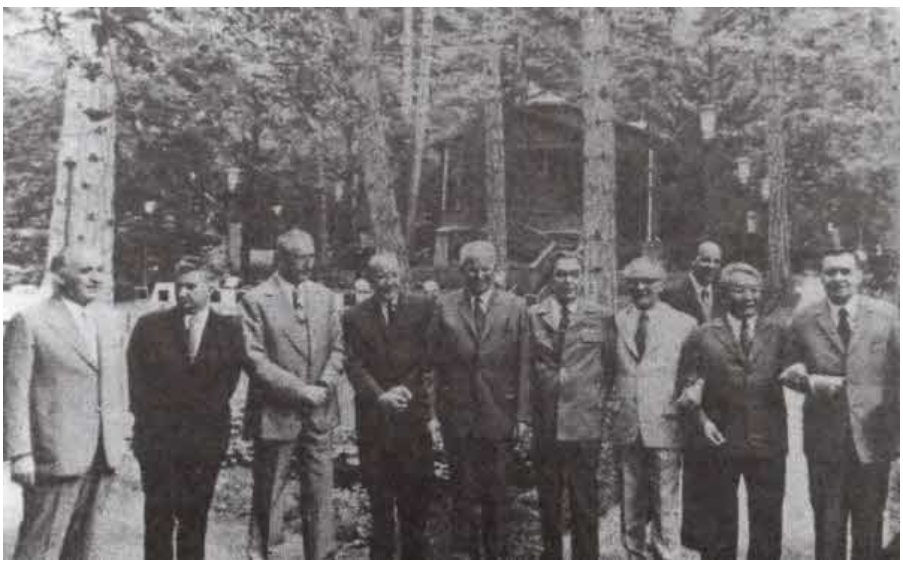
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Коротченко Д. С. вручает орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот» Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу Л. И. (г. Москва, 1961 г.)



Председатель Совета Министров СССР Хрущев Н. С., Брежнев Л. И., король Афганистана Мухаммед Захир Шах (резиденция короля на Южном берегу Крыма, 6 августа 1962 г.)

Проводы в Симферопольском аэропорту делегации ЧССР (август 1969 г.)

Брежнев выступает на торжественном заседании ЦК КПСС, посвященном 50-летию образования СССР (г. Москва, 21 декабря 1972 г.)



Руководители коммунистических и рабочих партий социалистических стран во время встречи в Крыму. Слева направо: Т. Живков (НРБ), Н. Чаушеску (СРР), Э. Терек (ПНР), Я. Кадар (ВНР), Г. Гусак (ЧССР), Л. Брежнев (СССР), Э. Хоннекер (ГДР), Ю. Цеденбал (МНР), Громыко А. А. (1973 г.)

Руководители коммунистической партии и советского государства после вручения Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Маршалу СССР Брежневу Л. И. маршальского знака отличия «Маршальская звезда» и грамоты Президиума Верховного Совета СССР. Справа налево: Пельше А. Я., Гришин В. В., Демичев П. Н., Суслов М. А., Брежнев Л. И., Соломенцев М. С., Подгорный Н. В., Пономарев Б. Н., Долгих В. И. (Москва, май 1976 г.)

В Ваших руках книга для тех, кто может, хочет и умеет думать.

Прошлое всегда было предметом спекуляций для политиков, историков, писателей. Все они и во все времена (в большей или меньшей степени) в своих речах, трудах, монографиях, романах грешат исторической неправдой. Политики передергивают, историки подтасовывают, писатели подправляют факты прошлых дней, нанизывая их на штыки сегодняшних идей.

К правде истории ведут несколько дорог, одна из них — изучение и анализ свидетельств, доставшихся нам от непосредственных участников и очевидцев исторических событий, разбросанных в обширной мемуарной литературе.

Мемуары — это мостик из прошлого в настоящее. Они позволяют человеку думающему окунуться в события прошлого, найти тайные и скрытые пружины этих событий, наконец, самостоятельно постичь, понять и оценить ту или иную историческую личность.

Перед Вами первый в послесоветское время опыт воссоздания портрета Леонида Ильича Брежнева посредством мемуаристики. Жанр этой книги определить трудно. В ней предпринята попытка, во-первых, собрать воедино исходный материал: воспоминания, размышления, свидетельства, суждения о Брежневе активных участников политических событий 50—80-х годов, входивших в ближнее и дальнее его окружение; во-вторых, подать этот материал так, чтобы сам читатель без помощи современных комментаторов-интерпретаторов от истории мог нарисовать свой собственный портрет Л. И. Брежнева — человека, политика, исторического деятеля.

ISBN 5-222-00225-X

9 785222 002254

В Ваших руках книга для тех, кто может, хочет и умеет думать.

Прошлое всегда было предметом спекуляций для политиков, историков, писателей. Все они и во все времена (в большей или меньшей степени) в своих речах, трудах, монографиях, романах грешат исторической неправдой. Политики передергивают, историки подтасовывают, писатели подправляют факты прошлых дней, нанизывая их на штыки сегодняшних идей.

К правде истории ведут несколько дорог, одна из них — изучение и анализ свидетельств, доставшихся нам от непосредственных участников и очевидцев исторических событий, разбросанных в обширной мемуарной литературе.

Мемуары — это мостик из прошлого в настоящее. Они позволяют человеку думающему окунуться в события прошлого, найти тайные и скрытые пружины этих событий, наконец, самостоятельно постичь, понять и оценить ту или иную историческую личность.

Перед Вами первый в послесоветское время опыт воссоздания портрета Леонида Ильича Брежнева посредством мемуаристики. Жанр этой книги определить трудно. В ней предпринята попытка, во-первых, собрать воедино исходный материал: воспоминания, размышления, свидетельства, суждения о Брежневе активных участников политических событий 50—80-х годов, входивших в ближнее и дальнее его окружение; во-вторых, подать этот материал так, чтобы сам читатель без помощи современных комментаторов-интерпретаторов от истории мог нарисовать свой собственный портрет Л. И. Брежнева — человека, политика, исторического деятеля.

FB2 created by

mefysto